

Сатпрем

Шри Ауробиндо
или
путешествие сознания

=====

Satprem

SRI AUROBINDO
ou L'AVENTURE DE LA CONSCIENCE

Перевод с французского И. В. Савенкова, 2005 г.

*Я становлюсь тем, что вижу в себе.
Я могу сделать все, что мысль предлагает мне;
Я могу стать всем, что мысль вскрывает во мне.
Такой должна быть непоколебимая вера человека в себя,
Ибо Бог пребывает в нем.¹*

ВВЕДЕНИЕ

Жил-был надменный махараджа, которому претила сама мысль, что кто-то может превосходить его. Собрав однажды всех пандитов своего царства, он задал им вопрос: «Кто более велик: я или Бог?». И пандиты затрепетали, опасаясь за свое положение и свои жизни. Как водится в подобных случаях, они попросили время на размышление. Не желавшие прогневить Бога, они стали горько сетовать на свое незавидное положение, пока самый старый из них не предложил: «Положитесь на меня, завтра я сам отвечу его величеству.» На следующий день весь двор был собран на торжественный прием, куда пришел и старый пандит. Он был спокоен, руки его были смиренно сложены вместе, а лоб натерт белой золой. Низко склонившись в знак глубочайшего почтения, старый пандит произнес: «О, Повелитель, без сомнения, ты более велик» — махараджа намотал на палец свой длинный ус и выпятил вперед грудь — «ты более велик, мой Повелитель, ибо ты можешь изгнать нас из своего царства, а Бог не может: воистину все есть царство Его, и ничто не может быть вне Его.»

Эта древняя индийская притча перекликается со словами Шри Ауробиндо, сказавшего, что все есть Он – боги, демоны, люди, земля, а не только небеса; и это не просто слова: весь опыт Шри Ауробиндо ведет к божественной реабилитации Материи. Уже в течение полувека психология не перестает утверждать демонов в человеке; возможно, как полагал Андре Мальро, задачей следующего полувека будет «утверждение богов в человеке» или, точнее, по выражению Шри Ауробиндо, утверждение Духа в человеке и в материи — подготовка «жизни божественной на земле»: *Потусторонние небеса велики и чудесны, но еще более велики и более чудесны небеса внутри нас. Именно этот Эдем ждет божественного работника.*²

Есть множество способов приступить к этой Работе; в действительности, у каждого из нас есть свой подход: для одного это будет добротнo сделанная вещь или исполненный долг, для другого – возвышенная идея или стройная философская система, для третьего – музыкальный мотив, спокойное течение реки или блики солнечного света на глади моря; все это – дыхания Бесконечного. Но все это краткие моменты, а мы хотели бы постоянства. Все эти минуты подчинены многим ускользающим условиям, а мы хотели бы чего-то неотъемлемо присущего, не зависящего ни от условий, ни от обстоятельств — окна внутри нас, которое, однажды открывшись, не закроется больше никогда.

И поскольку желаемых условий трудно достичь на земле, мы говорим о «Богe», мы говорим о «духовности», мы говорим о Христе, о Будде, обо всей цепочке основателей великих религий, и все это — пути поиска постоянства. Но, может быть, мы не религиозные люди и не спиритуалисты, а просто люди, верящие в свою землю;

мы устали от догм и подозрительно относимся к громким словам. Возможно, мы устали и от заумных рассуждений — мы хотим просто своей маленькой речки, текущей в Бесконечность. В Индии жил великий святой, который долгие годы, прежде чем сам обрел мир и покой, спрашивал у всех встречных: «Видели ли ты Бога?... Видел ли ты Бога?». И каждая встреча приносила ему разочарование, потому что все люди начинали плести ему всяческие небылицы. А он хотел видеть. Ведь не виноват же он был в том, что люди вложили в слово «Бог» так много ложного, как, впрочем, и во многие другие слова. Лишь после того, как мы увидим, мы сможем говорить об этом; но, скорее всего, мы тогда воздержимся от разговоров. Нет, мы не хотим дурачить себя словами, мы хотим начать с того, что у нас есть, оттуда, где мы находимся, в своих башмаках, вязнущих в нашей глине, а также с маленьким лучиком света в вальсе благих дней — такова наша простая вера. И, кроме того, мы прекрасно видим, что наша земля, как она сейчас есть, не так уж и хороша, и мы хотели бы изменить положение дел, но мы больше не верим ни в какие панацеи, ни в какие движения, ни в какие партии, ни в какие теории. Поэтому мы и начинаем с самого начала — с нас самих, какими мы есть; это немного, но это все, что у нас есть. Мы попытаемся сначала изменить этот кусочек мира, прежде чем помышлять о спасении других. И, возможно, это не такая уж плохая идея, ведь, кто знает, не является ли изменение нас самих самым эффективным способом изменения всего остального?

Что может предложить нам Шри Ауробиндо на этой «нулевой точке отсчета»?

Есть Шри Ауробиндо-философ, Шри Ауробиндо-поэт, провозвестник эволюции, но не каждый из нас — философ или поэт, и еще менее — провидец. Однако не будет ли достаточно нам того, что он даст нам средство верить в наши собственные возможности, не только человеческие, но и сверхчеловеческие и божественные, и не только верить, но и раскрывать их в себе шаг за шагом, а также видеть по-настоящему и становиться бескрайними, как земля, которую мы любим, и как все моря и страны, которые мы несем в себе? Ведь есть еще и Шри Ауробиндо-исследователь, Шри Ауробиндо-йогин, и не он ли сказал, что *Йога есть искусство сознательного самораскрытия*?³ Именно это исследование сознания мы хотим предпринять вместе с ним. И если мы пойдем за ним спокойно, терпеливо, со всей искренностью, отважно встречая трудности на пути — Бог знает, что путь каменист — то, в конце концов, окно обязательно откроется, и сквозь него хлынет солнце. По правде говоря, есть не одно, а несколько окон, открывающихся друг за другом, и всякий раз — на более широкие перспективы нашего собственного царства; и всякий раз происходит *изменение сознания*, столь радикальное, как, например, при пробуждении ото сна. Мы попытаемся проследить основные этапы этого изменения сознания, как Шри Ауробиндо переживал их и как он описал их ученикам в своей *интегральной йоге*; они приведут нас на порог нового, еще неведомого опыта, который, возможно, сможет изменить саму жизнь.

Ибо Шри Ауробиндо — не только исследователь сознания, он еще и строитель нового мира. В самом деле, к чему менять сознание, если мир вокруг на остается таким, каким и был? Мы уподобились бы голому королю из сказки Андерсена, разгуливавшему нагишом по улицам своей столицы. Так вот, исследовав крайние пределы миров, известных еще древней мудрости, Шри Ауробиндо открыл еще один мир, не нанесенный ни на одну карту. Это мир он назвал *Сверхразумом* или *Супраменталом* и стремился принести его на землю. Шри Ауробиндо приглашает нас поработать вместе с ним и поучаствовать в прекрасной истории, если только мы любим истории. Ибо Сверхразум, говорит нам Шри Ауробиндо, коренным образом изме-

нит характер эволюции сознания на земле. В действительности, именно *это* изменение сознания будет иметь силу трансформировать наш материальный мир и преобразить его даже глубже и основательнее, чем это сделал Разум, впервые появившись в Материи. Мы увидим, как интегральная йога ведет к *йоге супраментальной* или к йоге земной трансформации. Мы попытаемся в общих чертах описать супраментальную йогу — сделаем только набросок, ведь эта йога еще не завершена, все в ней ново и дается порой с немалым трудом, причем мы еще не совсем знаем, куда она нас приведет.

И последнее, по сути, немного зависит от всех нас.

I. СОВЕРШЕННО ЗАПАДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

По-человечески Шри Ауробиндо близок нам, ведь, в конце концов, преклонившись перед «мудростью Востока» и необыкновенными аспектами, которые, кажется, игнорируют известные нам законы, мы чувствуем, что затронуто только наше любопытство, но не наша жизнь, и нам по-прежнему нужна практическая истина, которая выдержала бы наши суровые зимы. А Шри Ауробиндо не понаслышке знаком с нашими зимами: он пережил их в пору своего образования, в возрасте с семи до двадцати лет. Он переезжал из одних меблированных комнат в другие, что зависело от расположенности более или менее доброжелательных хозяев, принимая пищу лишь раз в день и не имея даже пальто, чтобы укрыться им, но всегда нагруженный книгами: французские символисты, Малларме, Рембо, кого он читал в оригинале еще до того, как прочел в переводе Бхагават-Гиту. Для нас Шри Ауробиндо олицетворяет уникальный синтез.

Шри Ауробиндо родился в Калькутте 15 августа 1872 года, всего на несколько лет раньше Эйнштейна и в тот год, когда Рембо начал писать свои «Озарения»; Макс Планк вскоре заложит основы современной физики, а Жюль Верн уже начал заглядывать в будущее. Однако, в это же время королева Виктория готовилась стать императрицей Индии, а завоевание Африки еще не подошло к концу — это было переломное время, когда два мира еще существовали бок о бок. При взгляде на историю нам порою кажется, что рождению нового мира всегда предшествуют периоды испытаний и разрушений, но, возможно, это просто неверное толкование: силы разрушения (или расчищения) неистовствуют именно потому, что семена нового мира уже проросли. Как бы там ни было, Европа в то время находилась в зените своей славы; казалось, что ведущую роль играет Запад. Так и полагал отец Шри Ауробиндо, доктор Кришнадхан Гхош, изучавший в Англии медицину и вернувшийся оттуда совершенно англоязычным. У него было три сына — из которых Шри Ауробиндо был самым младшим — и он категорически не хотел, чтобы его сыновья хоть как-то были затронуты миром, зараженным «чадным и отсталым» мистицизмом, приведшим к упадку его страны. Более того, он не хотел, чтобы они вообще что-то знали о традициях и языках Индии. Поэтому Шри Ауробиндо получил не только английское имя Акройд, но еще и английскую гувернантку, мисс Паджет. Затем, в возрасте пяти лет он был отдан в ирландскую монастырскую школу в Дарджилинге учиться вместе с сыновьями английских чиновников. Два года спустя все три сына доктора Гхоша отбыли в Англию. Шри Ауробиндо было семь лет. До двадцати лет он не будет знать своего родного языка, бенгали. Он не увидит больше своего отца, который умрет перед самым его возвращением в Индию, а его мать, будучи уже больной, просто не узнает его. Итак, это был ребенок, выросший безо всякого влияния своей семьи, страны и традиций — свободный дух. Может быть, первым уроком, который дает нам Шри Ауробиндо, является как раз урок свободы.

Шри Ауробиндо с двумя своими братьями был отдан под присмотр пастору англиканской церкви Манчестера со строгими указаниями, что мальчики не должны заводить знакомства среди индийцев и не должны подпадать под какое бы там ни было индийское влияние.⁴ Доктор Гхош был действительно неординарным человеком. Он также наказал пастору Древетту не давать мальчикам никаких религиозных наставлений, так чтобы они сами, когда придет свое время, выбрали бы свою

религию, если они того пожелают. Затем он предоставил их самим себе на тринадцать лет. Можно было бы подумать, что доктор Гхош был жестокосердным человеком, но это совсем не так: он не только служил людям как врач, но и раздавал свои деньги бедным бенгальцам (тогда как его сыновьям в Лондоне почти было нечего есть и не во что одеться), а умер он от потрясения, получив ложное известие, что его любимый сын, Ауробиндо, погиб во время кораблекрушения. Просто доктор Гхош был убежден, что его сыновья должны сами выработать и закалить свой характер.

Первые годы, проведенные в Манчестере, сыграли важную роль в жизни Шри Ауробиндо, поскольку именно там он выучил французский язык (английский, конечно же, был его «родным языком») и обнаружил спонтанное влечение к Франции: *Была некоторая привязанность к английскому и европейскому мышлению и литературе, но не к Англии, как к стране — меня с ней ничто не связывало... Если и была европейская страна, к которой интеллектуально и сердцем я был привязан как ко второй родине и которую я никогда не видел и в которой никогда не жил, по крайней мере, в этой жизни, так это была Франция, а не Англия.*⁵ Затем в Шри Ауробиндо начал пробуждаться поэт: он уже начал прислушиваться к шагам невидимых вещей, как он напишет в одном из своих ранних стихотворений. Его внутреннее окно было уже открыто, хотя религия его практически не затронула, что видно из записи Шри Ауробиндо, сделанной по поводу своего «обращения». Дело было так. Мать пастора Древетта, конечно же, не могла не предпринять попытку спасти души юных еретиков, особенно самого младшего из них — его-то она однажды и взяла с собой на собрание священников-«нонконформистов». *После молитвы, - пишет Шри Ауробиндо, - почти все разошлись, за исключением самых благочестивых — именно это время было отведено под «обращение». Мне было ужасно скучно. Затем ко мне подошел священник и начала задавать вопросы. (В то время Шри Ауробиндо было десять лет.) Я ничего не отвечал. Тогда они все закричали «он спасен, он спасен» и принялись за меня молиться и благодарить Бога.*⁶ Шри Ауробиндо, провидец, никогда не станет религиозным человеком, даже в Индии, и он часто подчеркивал, что религия и духовность не обязательно означают одно и то же: *Истинная теократия, - напишет он позже, - это царство Бога в человеке, а не царство Папы Римского, Церкви или священников.*⁷

В начале своей жизни в Лондоне, в возрасте двадцати лет, Шри Ауробиндо уже досконально знал латынь и французский язык. Директор школы Св.Павла, куда поступил Шри Ауробиндо, был так изумлен способностями своего нового ученика, что сам лично стал заниматься с ним греческим языком. Спустя три года Шри Ауробиндо смог перескочить через половину школьного курса, что позволило ему посвящать почти все свое время своему любимому занятию — чтению. Казалось, ничто не ускользало от внимания этого ненасытного юноши (кроме крикета, к которому он был столь же равнодушен, как и к воскресной школе): Шелли и «Раскованный Прометей», французские поэты, Гомер, Аристофан, а вскоре и вся европейская мысль — ведь он быстро овладел немецким и итальянским языками, чтобы в оригинале читать Данте и Гете — наполняли его уединение. Шри Ауробиндо, впрочем, и не стремился заводить связи, тогда как средний брат, Манмохан, разъезжал по Лондону в компании своего друга Оскара Уайльда и собирался сделать себе имя в английской поэзии. Каждый из братьев вел свою отдельную жизнь. Однако в Шри Ауробиндо не было никакой строгости и ничего пуританского (он называл пуритан

«похотливыми»^{*}), просто он был «где-то в иных сферах», и его мир был полон. Он даже имел обыкновение шутить с бесстрастным выражением лица, которое никогда не оставляло его: *Чувство юмора? Это сама соль существования. Без него мир давно бы лишился равновесия (а он и так уже достаточно расшатан) и провалился бы ко всем чертям.*⁸

Ведь есть еще и Шри Ауробиндо юморист, и этот Шри Ауробиндо, возможно, важнее Шри Ауробиндо философа, о котором с такой серьезностью рассуждают в университетах Запада. Для Шри Ауробиндо философия была лишь средством достучаться до тех людей, которые не могут ничего понять без объяснений; это был только язык, как и поэзия была тоже языком, но другим языком, более ясным, более истинным. Тогда как юмор был неотъемлемо присущ его существу, но не насмешливый юмор острьяка, а некая радость, которая не может не танцевать везде, где бы она ни появлялась. Иногда, как во вспышке, оставляющей нас несколько озадаченными, мы начинаем чувствовать за самыми трагическими, самыми отчаянными человеческими ситуациями почти забавный смех, как у ребенка, который разыгрывал трагедию, а затем скорчил себе рожу, потому что ребенку свойственно смеяться, и, по сути, ничто в мире не может затронуть этот уголок внутри нас, где мы навечно короли. Возможно, в этом истинный смысл юмора Шри Ауробиндо: отказываться видеть все в трагическом свете и, более того, ощущать свое неотъемлемое право быть королем внутри себя.

Неизвестно, оценили ли юмор Шри Ауробиндо в школе Св. Павла, но, несомненно, там оценили его поразительные познания; ему предоставили стипендию для продолжения обучения в Кембридже (как раз вовремя – помощь из дома почти прекратилась), однако ее не хватало на то, чтобы избавить его от холода и голода, ведь его братья с радостью воспользовались подвернувшейся удачей. Шри Ауробиндо исполнилось восемнадцать лет. Зачем он пошел в этот питомник джентльменов? Несомненно, он исполнял волю своего отца – но недолго. В первый год пребывания в Королевской Колледже он собрал все призы по латыни и греческой поэзии, но греческий и латынь уже не занимали его сердце. Теперь Жанна д'Арк, Мазарини, американская революция завладели им, что и неудивительно: Шри Ауробиндо стал помышлять об освобождении своей Родины, а позже он станет одним из борцов за независимость Индии. Это непредвиденное политическое призвание захватит его почти на двадцать лет, начавшись еще в ту пору, когда он даже толком не знал, что представляет собой индеец, не говоря уж об индусе! Но он быстро восполнял пробелы, усваивая индуизм, как и западную культуру, с невероятной скоростью и в огромных объемах — по сути, он станет «настоящим Шри Ауробиндо» после того, как усвоит обе культуры и найдет ту точку, где оба мира сходятся в нечто иное, ни в том и ни в другом, и даже не в их синтезе, а в нечто, что мы могли бы назвать вместе с Матерью, продолжившей работу Шри Ауробиндо, *третьей позицией*, это «нечто иное», в чем мы так отчаянно нуждаемся, не желая становиться ни узкими материалистами, ни отрицающими все земное духовными людьми.

Следуя все той же линии, Шри Ауробиндо стал секретарем «Индийского Меджлиса» - ассоциации индийских студентов в Кембридже; он произносил революционные речи, отказался от своего английского имени и, в довершение всего, вступил в тайное общество «Лотос и Кинжал»! (но такой романтизм мог довести и до виселицы). В конце концов он привлек внимание властей и был занесен в черный

^{*} Пуритане и похотливые – это две стороны одной и той же медали. Между ними нет принципиальной разницы, что даже отражается в игре сходных по написанию английских слов: *puritan* – пуританин, *prurient* – похотливый. (примечание переводчика).

список Уайтхолла. Это не помешало ему получить степень бакалавра искусств, но на церемонию вручения диплома Шри Ауробиндо не явился, так как был уже сыт всем этим по горло. Столь же вольно он обошелся и с знаменитой организацией Indian Civil Service, которая открыла бы перед ним двери в индийское правительство и дала бы возможность карьерного роста в качестве британского чиновника: блестяще сдав все основные экзамены, он просто не явился на тест по верховой езде. В тот день он пошел на прогулку, вместо того, чтобы скакать рысью в Вулвиче, и получил «незачет». По этому случаю декан одного из факультетов Кембриджа с возмущением писал в вышестоящие инстанции: «То, что человек такого калибра будет потерян для правительства Индии просто из-за того, что вовремя не сел на лошадь или не явился на назначенную встречу, выглядит, признаюсь, монументом чиновничьей близорукости и находится превыше моего понимания. Последние два года он вел трудную стесненную жизнь. Помощь из дома почти полностью прекратилась, а ведь он должен был содержать не только самого себя, но и двух своих братьев... Нескольким раз я писал его отцу, но практически безуспешно. Лишь позже мне удалось вытянуть из него сумму, достаточную, чтобы заплатить лавочникам, которые грозились засудить его сына...»⁹ Ходатайство декана не помогло. В Министерстве колоний решили, что Шри Ауробиндо – опасный субъект, и они были не так уж и далеко от истины.

Шри Ауробиндо было двадцать лет, когда он морем возвращался в Индию. Его отец только что умер. У самого Шри Ауробиндо не было ни положения, ни титулов. Что осталось после тринадцати лет, проведенных на Западе? Тут невольно всплывает прекрасное определение Эдуарда Хериотта, что культура – это то, что остается в нас, когда все позабыто; если это так, тогда то, что остается в человеке, покинувшем Запад – это не книги, музеи или театры, а стремление воплотить в жизнь почерпнутое там. В этом, несомненно, заключается истинное достоинство Запада. К сожалению, Запад задавлен интеллектом, что мешает ему обладать истинным видением сути вещей и воплощать это видение в жизнь, тогда как Индия, слишком погруженная внутрь, не достаточно требовательна к самой себе, чтобы привести в соответствие то, что она видит, с тем, чем она живет. Этот урок не пропал даром для Шри Ауробиндо.

II. ВЕЧНЫЙ ЗАКОН

*Наш пролетариат погряз в неведении и подавлен отчаянием!*¹⁰ – написал Шри Ауробиндо вскоре после прибытия в Индию. Его занимали не метафизические вопросы, а проблема действия. Действовать — мы пришли в этот мир, чтобы действовать; остается только узнать, каким должно быть действие и, главное, какой способ действия наиболее эффективен. Эта практическая точка зрения останется со Шри Ауробиндо с его первых шагов по Индии до его высочайших йогических переживаний. Мне вспоминается (простите меня за это отступление) поход в Гималаи, где я прожил несколько исключительно великолепных дней в обществе одного святого человека, среди сосен и олеандров, в окружении сверкающих снегов между небом и землей. Все это было превосходно, но я сказал себе, как легко иметь божественные мысли, может быть, даже видения, на этой высоте над миром, а каково там, внизу? И я был не так уж и неправ, хотя позже я узнал, что можно *действовать* и работать для мира, оставаясь в тиши и неподвижности своего тела (цепкая иллюзия заставляет нас путать возбуждение с действием), но все-таки, что же остается от наших божественных минут, стоит нам только выйти из своего уединения и спуститься вниз? В конце концов, если мы просто хотели бы уйти от мира, то для этого хватило бы укромного уголка где-нибудь в горных Альпах или на равнинах Камарга или даже выбеленной кельи. Ганг и Брахмапутра не обязательны для «Паломничества к Истокам»*, что должны усвоить рьяные поборники индуизма на Западе. Что же, в таком случае, Индия собиралась преподнести Шри Ауробиндо? Обладала ли она каким-то секретом действия в жизни?

Читая книги об индуизме, можно подумать, что речь идет о каком-то духовном ископаемом, испещренном многосложными санскритскими словами, будто бы индуизм — это загадочная философия, помноженная на закоряченное идолопоклонничество. Но если мы по-простому взглянем на Индию, изнутри, не пытаясь делить ее на параграфы индуизма, то мы увидим, что Индия – это страна безмерной духовной свободы. (Пытаться разбивать на параграфы – это все равно, что уподобиться путешественнику, который прибыл в Дели в мае и нашел Индию знойной страной, тогда как если бы он отправился на юг или восток Индии, в ноябре или в марте, или, вообще, поехал бы в любом направлении, то он обнаружил бы, что климат в Индии может быть и холодным и ветряным, а также промозглым или сухим, как в пустыне, а где-то и по-средиземноморски мягким. Индия – мир столь же неопределимый, как и ее «индуизм», которого фактически нет, ведь индуизм – это не какое-то отдельное верование или какая-то одна точка на «духовной карте»: в нем есть всевозможные «точки»). Так называемый «индуизм» – это термин, придуманный на Западе, тогда как сами индийцы говорят о «вечном законе», *санатана дхарма*, которому подчиняются не только индийцы, но и мусульмане, негры, христиане и даже анабаптисты. То, что на Западе считается самой важной частью религии (а именно, структура, *отличающая* ее от всех прочих религий, так что человек не может, к примеру, считаться католиком или протестантом, если он не думает так-то или не согласен с такими-то канонами), совсем не важно для индийца, который инстинктивно стремится отбросить внешние различия, чтобы вновь найти всех там, где все сходится в одной центральной точке.

* Так называется книга об индуизме, которую написал Ланца дель Васто.

Эта широта — не «терпимость», которая является лишь оборотной стороной нетерпимости; это понимание того, что каждый человек имеет внутреннюю потребность, которую он может называть Богом или как-то еще, и каждый человек испытывает потребность любить то, что он *понимает* в качестве Бога, на своем уровне и на своей стадии внутреннего развития, так что путь какого-нибудь Ивана не обязательно должен совпадать с путем какого-нибудь Петра. То, что каждый должен любить, например, распятого бога, кажется неестественным индийцу, который почтительно склонится перед Христом (с тем же спонтанным почтением, как и перед образом своего Бога), но также распознает лик Бога и в смехе *Кришны*, и в ужасе от *Кали*, и в нежности *Сарасвати*, а также в тысячах и тысячах других богов, которые танцуют, разноцветные и усатые, веселые и грозные, озаренные и сострадательные, на выразительных башнях индийских храмов. *Бог, не умеющий смеяться, не создал бы такой курьезной вселенной* — говорил Шри Ауробиндо. Все есть Его лик, все есть Его игра, ужасная и прекрасная, такая же причудливая, как и сам наш мир. Ибо Индия, так изобилующая богами, является в то же время страной цельной веры в *Единство*: «Единый, он возвышается над всеми рождениями и всеми природами, и Сам является лоном всего» (Шветашватара Упанишада, V. 5). Но не каждый может сразу же достичь Абсолюта, в Восхождении есть множество ступеней. Тот, кто готов понять маленькую Лолиту с лицом ребенка и приносить ей благовония и цветы, не сможет обратиться к вечной Матери в молчании своего сердца. Другой же отвергнет все формы, чтобы погрузиться в созерцание Того, кто не имеет имени. «Как люди приходят ко Мне, так я их и принимаю. Ко Мне приходят люди со всех сторон», — говорится в «Гите» (IV.11). Есть множество путей постижения Бога, так что лучше не строить догм и не выбрасывать ничего, иначе в конечном счете останется только картезианский Бог, единый и универсальный силой своей узости. Может быть, мы до сих пор путаем единство с единообразием. В духе этой традиции Шри Ауробиндо вскоре напишет: «Совершенство интегральной йоги придет тогда, когда каждый человек сможет идти своим путем Йоги, развивая свою природу к тому, что превосходит ее. Ибо свобода — это окончательный закон и последнее свершение.»¹²

Индиец никогда не спросит: «Верешь ли ты в Бога?». Этот вопрос покажется ему столь же абсурдным, как и «Верешь ли ты в СО₂?». Индиец просто скажет: «*Познай это в переживании*; если ты сделаешь это, то достигнешь того-то, а если ты будешь делать то, тогда придешь к такому-то результату.» Всю находчивость, тщательность и точность, которые мы за последние несколько столетий развивали применительно к физическим явлениям, индийцы на протяжении четырех-пяти тысячелетий и на той же регулярной основе направляли на исследование внутренних явлений. У народа «мечтателей» найдутся для нас сюрпризы. И если мы хоть сколь-нибудь искренни, нам придется вскоре признать, что наше изучение «внутреннего мира», то есть, наша психология, наш психоанализ, наше знание человека находится еще в зачаточной стадии — по той простой причине, что самопознание требует аскезы, столь же методической и терпеливой, а иногда и столь же утомительной, как и долгие годы изучения ядерной физики. Более того, если мы хотим продвигаться по этому пути, то не будет достаточно чтения книг или сбора больших карточек с регистрацией всех неврозов сбрендившего века — *надо полностью посвятить себя этому*. В действительности, если в исследование внутреннего мира мы вложим столько же искренности, тщательности и упорства, как и в чтение своих книг, тогда мы быстро и далеко пойдем — Запад тоже припас нам свои сюрпризы. Только сначала надо расстаться с предвзятыми идеями — Колумб нико-

гда бы не открыл Америки, если бы не покинул Палос! Стоит напомнить эти прописные истины, поскольку Запад, кажется, охвачен двумя видами лжи: есть представляющая серьезную опасность ложь последователей религий и духовных учений, которые уже заключили Бога в свод неписанных правил, и есть также более легковесная ложь разного рода оккультистов и «ясновидящих», которые свели невидимое к какому-то буйству воображения. Индия мудро наставляет нас на путь непосредственного опыта и искреннего исследования. Шри Ауробиндо вскоре применит на практике этот фундаментальный урок экспериментальной духовности.

Но каких людей, какой человеческий материал собирался он найти в неизвестной ему пока Индии? Если даже оставить в стороне экзотическую пестроту и странные (для нас) одеяния, отвлекающие внимание туристов, то все равно в индийцах останется что-то странное для нас, едва ли понятное. Если же мы скажем, что это мягкий, мечтательный, отрешенный от мира народ, то мы лишь опишем следствие, но не вскроем причину. Слово «странные» хорошо подходит для описание индийцев, ибо по самой своей сути, естественно, без малейшей «идеи» или даже «веры», они погружены своими корнями в иные миры; они не принадлежат только этому миру. И эти иные миры постоянно обнажаются в них – *вуаль рвется при малейшем касании* – отметил Шри Ауробиндо. Физический мир, такой абсолютный, такой реальный, такой уникальный для нас, кажется индийцам лишь одним из способов существования среди множества других, предстает хаотической, возбужденной, довольно болезненной точкой пересечения *находящихся позади необъятных континентов*¹³. Эта существенная разница между индийцами и другими народами особенно заметна в их искусстве (впрочем, искусство Древнего Египта и Центральной Америки тоже заметно выделяется на общем фоне мировой культуры). Ведь если мы оставим наши светлые, открытые соборы, возносящиеся ввысь словно в триумфе божественной мысли в человеке, и вдруг окажемся перед *Сохмет* в тиши Абидоса на Ниле или встретимся лицом к лицу с *Кали* за колоннадой Дакшинеvara, то мы вдруг что-то почувствуем — какое-то неизвестное измерение — и остановимся в изумлении перед «чем-то», что ошеломляет нас и чего совершенно нет в западном искусстве. Нет тайн в наших соборах! Все там чисто и опрятно, открыто всем ветрам — но все же и там хватает тайн... Речь идет не о том, чтобы сравнивать достоинства, это было бы абсурдно! Просто мы что-то *забыли*. Если столько цивилизаций, которые когда-то были столь же великолепными и утонченными, как наша – давайте скромно признаем это – и чья элита была не менее «интеллигентна», чем в нашей Сорбонне, и эта элита имела видение и переживание невидимых (для нас) иерархий и великих психических ритмов, превосходящих рамки краткой пульсации одной человеческой жизни, то, может быть, это не ментальное заблуждение и не стойкий предрассудок — ведь было бы странно считать заблуждением то, что встречается в местах, удаленных друг от друга на тысячи и тысячи километров, в цивилизациях, не имевших контакта друг с другом. Конечно, время Мистерий прошло, все сейчас расписано по-картезиански, но чего-то не хватает. Первым знаком нового человека является, вероятно, то, что он пробужден к ужасной нехватке чего-то, что ему не дают ни наука, ни Церкви, ни шумные развлечения. Человека нельзя безнаказанно лишать его тайн. Это тоже было живым свидетельством, которое Индия явила Шри Ауробиндо, если только это уже не было ему присуще.

Однако, если мы надеемся, что Индия, как страна, где сохранились древние Мистерии, даст нам практическое решение, то мы можем оказаться разочарованными. Шри Ауробиндо, быстро оценивший свободу, размах и огромный духовный опыт, которые Индия раскрывает искателю, вовсе не собирался принимать все так,

как есть, но не потому что надо было что-то отбросить. Не нужно ничего отметить ни из так называемого «индуизма», ни из христианства, ни из любого другого человеческого стремления, но все надо расширять, и расширять без конца. То, что мы принимаем за окончательную истину, чаще всего является лишь частичным переживанием Истины – несомненно, всеобъемлющего, тотального Переживания не может быть ни в одной точки пространства и времени, ни в каком месте, ни в каком существе, сколь бы светлым оно ни было, ибо Истина бесконечна, и она всегда движется вперед. Но человек всегда взваливает на себя бесконечную ношу, - говорила Мать в беседе о буддизме. Он отказывается сбросить с себя накопленное в прошлом, и все больше и больше сгибается под весом бесполезного груза. У вас был вожатый на каком-то участке пути, но как только вы прошли этот участок, оставьте и его, и вожатого, и идите дальше. Люди делают это с большой неохотой: однажды ухвативши что-то, что помогло им, они цепляются за это и дальше и не хотят расстаться с ним. Те, кто продвинулся с помощью Христианства, не желают оставить его и несут его на своих плечах; те, кто продвинулся с помощью Буддизма, не желают оставить его и несут его на своих плечах. Это ужасно отягощает и тормозит вас. Пройдя определенный этап, оставьте его, позвольте ему уйти и идите дальше! Да, есть вечный закон, но он вечно молод и вечно движется вперед. Но хотя Индия и могла понять, что Бог в своем космическом марше вечно разрушает традиционные верования людей и их представления о нем, ей не всегда хватало силы поддерживать собственную мудрость. Бескрайнее невидимое, наводнившее эту страну, заставило платить ее по двум счетам: человеческому и духовному. По человеческому счету - поскольку эти люди, поглощенные потусторонним, сознающие великую космическую Игру и внутренние измерения, дошли до пренебрежения материальным миром — инерция, безразличие к прогрессу и покорность часто надевали на себя маску мудрости. Индия заплатила и по духовному счету (и это гораздо серьезнее), поскольку, в этой бескрайности, слишком большой для нашего сегоднешнего сознания, судьба земли, нашей Земли, в конечном счете терялась где-то в дальних галактиках или вообще в ничто, будучи вновь поглощенной Брахманом, откуда она, возможно, никогда больше не появится, кроме как в наших снах — иллюзионизм, трансы, закрытые глаза йогина также часто надевали на себя маску Бога. Поэтому следует лучше разъяснить общую цель, которую ставит перед собой религиозная Индия; тогда мы лучше поймем, в чем она может помочь нам, ищущим интегральную истину, а в чем – нет.

Для начала мы должны признать, что столкнулись с неожиданным противоречием. Индия дает действительно великое откровение: «Все есть Брахман», - говорит она. Все есть Дух, и этот мир также есть Дух, и эта земля, эта жизнь, эти люди – нет ничего вне Его». «Все это есть бессмертный Брахман, и нет ничего другого; Брахман перед нами, Брахман позади нас, к югу от нас и к северу от нас, под нами и над нами; Он простирается повсюду. Все это – только Брахман, вся эта великолепная вселенная.» (Мундака Упанишада, II. 12). Наконец-то исчезла дихотомия, разрывавшая этот мир между Богом и Дьяволом, словно всегда нужно было выбирать между небом и землей. Однако, на практике, в течение трех последних тысячелетий, в Индии закрепилась та точка зрения, что есть истинный Брахман, трансцендентный, недвижимый, вечно находящийся по ту сторону этого бедлама, и есть еще как бы ложный Брахман или, по крайней мере (в этом расходятся разные школы), подчиненный Брахман для промежуточной или более или менее сомнительной реальности, то есть, для жизни, земли, нашей жалкой земной кутерьмы. «Оставь это мир

иллюзии», - восклицал великий Шанкара.* «Брахман реален, мир иллюзорен», - говорит Нираламба Упанишада: *брахма сатьям джаганмирхья*. В силу какого же искажения или забвения «все есть Брахман» превратилось во «все, кроме этого мира, есть Брахман»?

Если мы отложим Писания – ведь человеческий ум так изворотлив, что и на обелиске может разглядеть пасущихся овец – и взглянем на практические дисциплины Индии, то противоречие станет еще более явным. Индийская психология основывается на очень прозорливом наблюдении, что все во вселенной, от минерала до человека, состоит из трех элементов или качеств (*гун*): *тамас* – инерция, темнота, несознание; *раджас* – движение, борьба, усилие, страсть; *саттва* – свет, гармония, блаженство. Ни один из этих элементов не существует в «чистом виде»; мы все представляем собой смесь инерции, страсти и света. Мы можем быть *саттвично-тамасичными* – озаренными, но несколько медлительными, склонными сползать в несознание, либо *саттвично-раджасичными* – страстно устремленными вверх, либо *тамасично-раджасичными* – столь же страстно поглощенными материальными вещами. Но чаще всего мы являемся превосходной смесью всех этих трех гун. И в самом темном *тамасе* есть лучики света, но, к сожалению, верно и обратное. Мы всегда находимся в состоянии неустойчивого равновесия: воин, аскет и животное уживаются в нас в разных пропорциях. Поэтому различные индийские дисциплины искали способ восстановить равновесие, заняв позицию наверху и выйдя из игры трех гун, которые без конца раскачивают нас между светом и тьмой, энтузиазмом и изнурением, бросают из серой монотонности то в скоротечную радость, то в повторяющиеся страдания. Они стремились вновь обрести божественное сознание (*йога*), обладающее совершенным равновесием. С этой целью все они хотят вывести нас из состояния разбросанности и напрасной траты сил, в котором мы обычно пребываем, и создать в нас концентрацию настолько мощную, чтобы она смогла сдвинуть обычные ограничения и, в свое время, вывести нас в другое состояние. Эта работа по концентрации может быть проведена на любом уровне нашего существа — физическом, ментальном или витальном. В зависимости от выбранного уровня, мы практикуем ту или иную йогу: *хатха-йогу*, *раджа-йогу*, *мантра-йогу* или любую другую йогу из бесчисленного множества других. Мы не будем обсуждать здесь ни значимости этих методик, ни замечательные промежуточные результаты, к которым они могут привести; нас сейчас интересует только их цель, их окончательное предназначение. Так вот, кажется, что эта «позиция наверху» никак не связана с жизнью, прежде всего из-за того, что окончательной целью является состояние транса или йогического экстаза, *самадхи* — состояния совершенного равновесия, невыразимого блаженства, в котором полностью растворяется сознание этого мира. Отсюда следует, как кажется, что Брахман, Дух не имеет никакой связи с нашим обычным бодрствующим сознанием; Он – вне всего, что мы знаем, Он – не от мира всего. И не одни только индийцы говорили об этом.

На самом деле все мировые религии говорят об этом. Не важно, говорится ли о «спасении» (как на Западе) или об освобождении, *мукти* (в Индии), говорится ли о вечном рае или о прерывании цикла реинкарнаций — разница невелика, ведь, в конечном счете, речь идет о том, чтобы бросить этот мир, уйти из него. Однако не всегда было так. После века Мистерий с появлением великих религий на Востоке и Западе вкралась серьезная ошибка: скрылось Знание, которое не делало непреодолимого различия между Богом и миром – все легенды и традиции свидетельствуют

* Шанкара (788-820) – мистик и поэт, проповедник Майявады или доктрины иллюзорности мира, вытеснившей из Индии буддизм.

об этом. Конфликт между Духом и Материей – современное порождение; так называемые материалисты – это дети, законные или нет, последователей духовных учений (подобно тому, как блудные сыновья появляются у скупых родителей). Тайна была утеряна во времена где-то между первыми и последними Упанишадами, причем утеряна не только в Индии, но и в Месопотамии, Египте, Греции и Центральной Америке. (Первые Упанишады, написанные три-четыре тысячи лет тому назад и являвшиеся прямыми наследниками Вед, еще видели Бога везде «в этой чудесной вселенной».) Эту тайну вновь раскроет Шри Ауробиндо — может быть, как раз благодаря тому, что в нем объединились самая безупречная западная традиция и глубочайшая духовная потребность Востока. Шри Ауробиндо писал: *У Востока и Запада противоположные взгляды на жизнь, но они отражают одну и ту же реальность. Между прагматической истиной, на которую так сильно и исключительно напирает витальная мысль современной Европы, очарованная энергией жизни и танцем Бога в Природе, и вечной и неизменной истиной, к которой с той же страстью исключительного поиска любит поворачиваться индийский ум, плененный миром и покоем, нет того разногласия или противоречия, о котором заявляет предвзятый ум, разделяющий все разум и всепоглощающая страсть исключаящей все остальное воли реализации. Единственной вечной неизменной Истиной является Дух, и без Духа прагматичная истина самопорождающейся вселенной не имела бы ни источника, ни основания; мир лишился бы своего смысла и внутреннего руководства, и терялся бы где-то на своем пути, как исчезает выпущенный в небо фейерверк. Но и прагматическая истина не является сном несуществующего, иллюзией или долгим впадением в бесцельный бред творческого воображения; это значило бы считать вечный Дух пьяницей или мечтателем, жертвой собственных гигантских иллюзий. Истины вселенского существования бывают двух видов: к первому относятся истины духа, сами по себе вечные и неизменные, это великие истины, бросающие себя в становление и постоянно реализующие в нем свои силы и значения; ко второму виду относится игра сознания с этими истинами: диссонансы, музыкальные вариации, зондирование возможностей, постепенная транскрипция, возвращения, искажения, восходящие переходы в более великие образы гармонии, и из всего этого Дух сотворил и всегда творит свою вселенную. Но Он творит в ней самого себя, Он сам – творец и энергия творения, причина, метод и результат работы, механик и машина, музыка и музыкант, поэт и поэма, сверхразум, разум, жизнь и материя, душа и Природа.*¹⁴

Но для Шри Ауробиндо было недостаточно примирить Дух и Материю на бумаге. В конце концов, нет большой разницы, связан или нет Дух с этим миром, если знанию Духа не сопутствует сила, способная изменить жизнь:

*Ведь истина и знание есть тщетный проблеск
Если Знание не в силах изменить мир.*¹⁵

Утерянная Тайна – это не теоретическая истина, а реальная сила Духа в Материи. Именно эту прагматическую Тайну вновь раскроет Шри Ауробиндо, на опыте, шаг за шагом, осмелившись выйти за пределы как западной культуры, так и индусской религиозной традиции. Действительно, сущность вскрывается, когда все позабыто.

III. КОНЕЦ ИНТЕЛЛЕКТА

Шри Ауробиндо понадобилось тринадцать лет, чтобы пройти путь Запада; почти столько же у него уйдет на то, чтобы пройти путь Индии и достичь верха традиционных йогических реализаций, которые станут отправной точкой его собственной работы. Интересно, что этот традиционный путь Шри Ауробиндо прошел, не придерживаясь принятых правил, как «вольный стрелок», если можно так сказать, или, скорее, как исследователь, который, не сверяясь с картами и не утруждая себя мерами предосторожности, имеет смелость идти прямо вперед и тем самым избегает ненужных обходных путей. И не в уединении, не в «позе лотоса», не под руководством просвещенного Учителя предпринял Шри Ауробиндо это путешествие, а так, как это могли бы сделать и мы — не имея специальных знаний, прямо в гуще повседневной жизни, такой же вскруженной и беспокойной, какой может быть наша жизнь — и совсем один. Шри Ауробиндо всегда отказывался делить жизнь на две части, избегая всей гаммы наших ложных делений: действие или медитация, внешнее или внутреннее. Он включил все в свою йогу: высокое и низкое, внутреннее и внешнее, все целиком — и отправился в путь, не оглядываясь назад. Шри Ауробиндо пришел не для того, чтобы демонстрировать исключительные качества в исключительной среде; он пришел для того, чтобы показать нам, на что способен человек, и доказать, что исключительное — это только еще не реализованная возможность, пока не ставшая для нас обыденностью, точно также как *сверхъестественное — это то, природы чего мы еще не достигли или пока не знаем, или возможностями чего мы пока что не овладели*.¹⁶ По сути, все в этом мире сводится к вопросу правильной концентрации; нет ничего, что в конце концов не поддалось бы ей.

Вернувшись в Индию и сойдя на набережную Apollo Bunder, Шри Ауробиндо был охвачен спонтанным духовным переживанием — *необъятный покой* овладел им. Но ему еще надо было заботиться о другом — прокормить себя, как-то жить. Шри Ауробиндо было двадцать лет. Он нашел место преподавателя французского языка у махараджи Бароды, затем начал преподавать английский язык в государственном колледже, где вскоре стал заместителем директора. Шри Ауробиндо также исполнял обязанности личного секретаря махараджи. И хотя работа при дворе и в колледже отнимала у него много времени, его больше всего занимала судьба Индии. Шри Ауробиндо ездил в Калькутту, следил за политической ситуацией, написал несколько статей, вызвавших скандал, поскольку в них он не только называл английскую королеву, императрицу Индии *вежливо выражаясь, старой леди*¹⁷, но и призывал своих соотечественников сбросить британское ярмо и остро критиковал *политику попрошайничества* партии «Индийский Конгресс»: *никаких реформ, никакого сотрудничества*. Его целью было организовать все силы нации для революционных действий. На это была нужна немалая храбрость, ведь шел 1892 год, когда британское владычество распространялось на три четверти земного шара. Но у Шри Ауробиндо был свой особый подход к этой проблеме: он винил не англичан, а самих индийцев: *Нашим настоящим врагом является не какая-то внешняя сила, а наша собственная вопиющая слабость, наша трусость, наша близорукая сентиментальность*.¹⁸ Уже в этих словах можно отметить один из основных принципов Шри Ауробиндо, который как в политической, так и в духовной борьбе, да и вообще во всех обстоятельствах призывает искать в нас самих, а не где-то снаружи, при-

чину всех наших несчастий и мировых бед. *Внешние обстоятельства – это всего лишь разворачивание того, чем мы являемся*, – скажет Мать, продолжившая его работу. Шри Ауробиндо скоро понял, что газетных статей не достаточно для пробуждения страны, и приступил к подпольной деятельности, которая приведет его к подножию виселицы. В течение тринадцати лет Шри Ауробиндо будет играть с огнем.

Однако в этом молодом человеке не было ни беспокойства, ни экзальтированности: «Его улыбка была простой, как у ребенка, столь же чистой и сладкой», – писал его учитель бенгальского языка, проживший вместе с ним два года. (Конечно же, Шри Ауробиндо стал изучать свой родной язык.) С тем же трогательным простодушием его учитель добавляет: «До встречи с Ауробиндо я представлял его себе статным молодым человеком, безупречно одетым по-европейски с ног до головы, со строгим взглядом за очками, ужасным гонором (из Кембриджа, конечно!) и с очень трудным характером... Кто же мог подумать, что этот смуглый юноша с добрыми мечтательными глазами, длинными мягкими волосами, разделенными посередине и ниспадающими на шею, одетый в обычные грубое ахмедабадское *дхоти* и облегающую индийскую куртку, обутый в старомодные туфли с загнутыми носами, и чье лицо было слегка отмечено оспой, был никто иной, как *господин* Ауробиндо Гхош, живое вместилище французского языка, греческого и латыни?»

Впрочем, Шри Ауробиндо пока не расстался с книгами – импульс, полученный на Западе, еще не исчерпал себя; он поглощал книги, заказывая их в Бомбее и Калькутте. «Ауробиндо сидел за своим столом», – продолжает рассказывать его учитель бенгальского языка, – «и читал при свете масляной лампы до часа ночи, не реагируя на укусы moskitov. Я видел его сидящим в одной и той же позе на протяжении нескольких часов, сосредоточенным на книге, как йогин, погруженный в созерцание Божественного, безучастный ко всему, что происходит снаружи. Случись в доме пожар, он не вывел бы Ауробиндо из этой концентрации.» Он читал английские, русские, немецкие, французские книги, а также, все больше и больше, священные тексты Индии – Упанишады, Гиту, Рамаяну, хотя он никогда не ходил в храм, а если и оказывался там, то только как наблюдатель. «Однажды, вернувшись из колледжа», – рассказывает один из его товарищей, – «Шри Ауробиндо сел, взял первую попавшуюся книгу и начал читать, тогда как Х с приятелями затеяли шумную игру в шахматы. Спустя полчаса Шри Ауробиндо отложил книгу в сторону и пошел налить себе чая. Мы уже много раз наблюдали за такой сценой, и только ждали случая, чтобы проверить, действительно ли он прочитывал книги от корки до корки или только выборочно пробежал глазами по тексту. Начав испытание, Х наугад открыл книгу, прочел вслух одну строчку и спросил Шри Ауробиндо, что следует дальше. Шри Ауробиндо сконцентрировался на секунду и безошибочно процитировал всю страницу. Если за полчаса он мог прочесть сотню страниц, то не удивительно, что он “проглатывал” уйму книг в невероятно короткое время!». Но Шри Ауробиндо не удовлетворился чтением переводов священных текстов – он начал изучать санскрит, причем, что характерно, совершенно самостоятельно. Если что-то считалось трудным или невозможным, Шри Ауробиндо отказывался от чьей-либо помощи, будь это лингвист, пандит или священник, предпочитая познавать все непосредственно на собственном опыте. Такой подход позволил Шри Ауробиндо не только выучить санскрит, но и раскрыть, спустя несколько лет, утерянный смысл Вед.

Однако настал день, когда Шри Ауробиндо пресытился этой интеллектуальной гимнастикой. Можно до бесконечности копить книжные знания, прочитывая все новые книги и изучая все новые языки, но при этом не продвинуться ни на шаг.

Ведь разум не стремится к настоящему познанию, хотя и кажется, что это так — он хочет только все время перемалывать что-нибудь. Его потребность в знании — это, прежде всего, потребность в чем-то, что можно перемалывать. И если бы вдруг эта машина остановилась из-за того, что все искомое знание обретено, разум сразу бы взбунтовался и нашел что-нибудь для перемолки, просто ради того, чтобы все молоть и молоть. Такова его функция. То, что стремится в нас к знанию и прогрессу — это не разум, а нечто, что стоит за ним и использует его. *Период моего интеллектуального развития продолжался, по сути, до тех пор, — рассказывал Шри Ауробиндо одному ученику, — пока я ясно не увидел, что то, что говорит интеллект, может быть одновременно верным и неверным, и что истинным одновременно может быть как то, что утверждает интеллект, так и ему противоположное. Принимая истину разумом, я всегда держал его открытым для ее противоположности... В результате авторитет разума быстро сошел на нет!*¹⁹

Шри Ауробиндо пришел к поворотной точке; храмы не интересовали его, а книги были пусты. Один приятель посоветовал ему заняться йогой, но Шри Ауробиндо отказался: *йога, требующая отрешенности от мира, не для меня*²⁰; более того: *одинокое спасение, оставляющее мир на произвол судьбы, я чувствовал как нечто отвратительное.*²¹ Но однажды Шри Ауробиндо стал свидетелем любопытной сцены, хотя и обыденной для Индии (однако обыденность зачастую служит лучшим толчком для пробуждения чего-то внутреннего). Его брат Барин лежал в тяжелой лихорадке (Барин родился, когда Шри Ауробиндо находился в Англии; Барин был тайным эмиссаром Шри Ауробиндо в период организации индийского сопротивления в Бенгали), когда в дом зашел один из тех полунагих бродячих монахов, которых называют *нага-саньясинами*. Несомненно, он ходил от дома к дому, спрашивая пищу согласно своему обычаю, когда увидел закутанного в одеяла Барина, трясущегося в лихорадке. Без единого слова он попросил стакан воды, начертил в воздухе какой-то знак, пропел *мантру* и дал выпить воду Барину. Через пять минут Барин был здоров, а сам монах куда-то исчез. Конечно, Шри Ауробиндо был наслышан о необычных силах этих аскетов, но на этот раз он видел все собственными глазами. Он усмотрел, что йога может служить не только бегству из этого мира. Ведь Шри Ауробиндо была нужна сила для освобождения Индии: *Во мне был агностик, во мне был атеист, во мне был скептик, и я не был совершенно уверен, существует ли Бог вообще... Я чувствовал, что где-то в этой йоге должна быть могучая истина... Так что, когда я повернулся к йоге и начал практиковать ее, то вот в каком духе и с какой молитвой я обратился к Нему: «Если Ты существуешь, Ты знаешь мое сердце. Ты знаешь, что я не прошу Мукти [освобождения], я не прошу ничего, что просят другие. Я прошу только дать мне силу поднять эту нацию, я прошу только позволить мне жить ради этих людей, которых я люблю»*²². Так встал на свой путь Шри Ауробиндо.

IV. МОЛЧАНИЕ УМА

Ментальные конструкции

Первым этапом йоги Шри Ауробиндо и основной задачей, решение которой дает ключ ко многочисленным реализациям, является молчание ума. Почему требуется, чтобы ум молчал? Очевидно, если мы хотим открыть в себе новую страну, то сначала надо оставить старую. Здесь все зависит от решимости, с которой мы предпримем этот первый шаг. Иногда достаточно вспышки: что-то вскрикивает в нас «хватит этой болтовни!», и мы сразу же оказываемся на пути и идем вперед, не оглядываясь назад. Другие люди могут говорить то «да», то «нет» и без конца колебаться между двумя мирами. Давайте сразу же подчеркнем, что мы не собираемся отрезать от себя что-то, обретенное с большим трудом, во имя какой-то Мудрости-Мира-Просветленности (и будем избегать высоких слов). Мы стремимся не к святости, а к молодости – вечной молодости развивающегося существа – и ищем не какое-то урезанное бытие, а более совершенное и, прежде всего, более широкое бытие: *Не приходило ли вам в голову, что если бы они стремились действительно к чему-то холодному, темному и мрачному, то были бы не мудрецами, а ослами?*²³ – заметил с юмором Шри Ауробиндо.

Когда останавливается ментальная машина, начинаешь, поистине делать всевозможные открытия. Прежде всего, осознаешь, что если способность мыслить – замечательный дар, то *способность не мыслить*²⁴ – гораздо более великий дар. Пусть искатель хотя бы на пять минут попытается не думать, и он увидит, с чем имеет дело! Он поймет, что живет в невидимом хаосе, постоянном изнуряющем круговороте, заполненном его мыслями, его чувствами, его импульсами – его, всегда его. Этот гном-переросток захватил все, завуалировал все, слышит только себя, видит только себя, знает только себя (если вообще знает!), а его неизменные мотивы могут давать иллюзию новизны только за счет того, что постоянно сменяют друг друга. *В определенном смысле мы представляем собой лишь сложную смесь ментальных, нервных и физических привычек, удерживаемых вместе несколькими руководящими идеями, желаниями и связями — это амальгама из множества мелких самоповторяющихся сил с несколькими основными вибрациями.*²⁵ К восемнадцати годам мы, можно сказать, сформировались — установились наши основные вибрации. Затем мы начинаем обрастать все более плотными, все более отшлифованными, все более рафинированными слоями-отложениями того, что имеет тысячу лиц и что мы называем культурой или считаем своим «я». Тем самым мы оказываемся заключенными в *конструкцию*, которая может быть словно свинцовой без малейшего отверстия или стройной, как минарет, но всегда замкнутой, навязчивой и повторяющейся. Первая задача йоги — научиться свободно дышать и разрушить этот *ментальный экран*, пропускающий вибрации только одного типа, раскрыть, наконец, многокрасочную бесконечность вибраций, увидеть мир и существа такими, какие они есть на самом деле, и узнать другое наше «я», которое невозможно оценить ментально.

Активная медитация

Когда мы садимся с закрытыми глазами, чтобы успокоить наш ум, то поначалу погружаемся в водоворот мыслей — они приходят отовсюду, как снующие туда-сюда крысы. Бесплезно бороться с мыслями на ментальном уровне — для успокоения ума надо сместить точку концентрации. Сразу вряд ли это получится, но надо настойчиво и терпеливо пробовать еще и еще раз — другого пути просто нет. Наша работа облегчится, если мы ухватимся за то нечто, что привело нас на путь йоги — это *стремление* из наших глубин, насущная потребность нашего существа. Можно также концентрироваться над головой, чему может помочь образ безбрежного океана без малейшей ряби, на поверхности которого мы лежим, сливаясь с этой спокойной беспредельностью. Тем самым мы учимся не только успокаивать ум, но и расширять свое сознание. В действительности, каждый должен найти свой способ, и чем меньше напряженности он будет в него вносить, тем быстрее преуспеет: *Можно начать тем или иным способом, который обычно требует долгого труда, и вскоре быть захваченным вмешательством или манифестацией Молчания, так что результат будет намного превышать приложенные усилия. Начинаешь каким-то способом, но затем работа подхватывается Милостью свыше, приходящей от Того, к кому стремишься, либо работа совершается вторжением безмерности Духа. Именно таким путем ко мне пришло абсолютное молчание ума, которое я и представить себе не мог раньше.*²⁶

Это очень важный момент, ведь можно подумать, что все эти йогические переживания превосходны и очень интересны, но, в конце концов, они невероятно далеки от нашего обычного человеческого сознания; так что куда уж нам, какие мы есть, добраться до них. Ошибаемся мы здесь в том, что по нашему нынешнему «я» судим о возможностях другого «я». Самим фактом того, что мы вступили на путь, йога *автоматически* пробуждает в нас всю гамму скрытых способностей и невидимых сил, далеко превосходящих возможности нашего внешнего существа и могущих сделать для нас то, что мы сами не в состоянии сделать: *Надо только расчистить проход между внешним умом и внутренним существом, ибо йогическое сознание и его силы уже находятся в вас*²⁷, и для расчищения этого прохода и требуется успокоить ум. Мы не знаем, кем мы являемся на самом деле, и еще меньше знаем, на что мы способны, а на что — нет.

Но упражнения в медитации не являются настоящим решением проблемы (хотя они необходимы в начале, чтобы придать нужный импульс), поскольку даже если мы и достигаем относительного молчания ума, но сразу же теряем его, выйдя из своего уединения и попадая в привычную сутолоку; тем самым возвращается извечное деление на внутреннее и внешнее, внутреннюю жизнь и мирскую жизнь. А нам нужна полная жизнь, мы хотим жить истиной своего существа, каждый день, каждое мгновение, не только по праздникам или в уединении; достичь этого блаженными медитациями в идиллической обстановке попросту невозможно. Мы можем заостенеть в своем духовном уединении, обнаружив позднее, что нам трудно успешно спроецировать себя наружу и применить к жизни достижения, относящиеся к высшей Природе. Когда мы соберемся присоединить внешнее царство к своим внутренним завоеваниям, мы обнаружим, что слишком привыкли к чисто субъективной деятельности и мало что можем сделать на материальном плане. Нам будет невероятно трудно трансформировать внешнюю жизнь и тело. Либо мы обнаружим, что наше действие не согласуется с внутренним светом: оно все еще будет следовать проторенным ошибочным путем, все еще подчиняясь старым при-

вычным несовершенным влиянием; Истина внутри нас будет по-прежнему отделена мучительной пропастью от невежественной механики нашей внешней природы... Будет так, как если бы мы жили в другом, более широком и более тонком мире, но не имели бы божественного влияния или даже вообще какого-то влияния на материальное и земное существование.²⁸ Поэтому единственно верное решение — практиковать молчание ума там, где это кажется труднее всего: на улице, в метро, на работе — везде. Вместо того, чтобы проходить по четыре раза за день по бульвару Сен-Мишель, вечно спеша, будто за нами кто-то гонится, мы можем пройти каждый раз сознательно, как и подобает искателю. Вместо того, чтобы жить «как придется», разбрасываясь во множестве мыслей, не только бесполезных, но и утомительных как заезженная пластинка, можно собрать рассеянные нити своего сознания и работать — работать над собой — каждое мгновение. Тогда жить начинает обретать совершенно необычный интерес, поскольку любые обстоятельства оборачиваются удобным случаем одержать очередную победу — мы устремлены и идем куда-то вместо того, чтобы идти в никуда.

Ибо йога — это не способ действия, а способ существования.

Переходный период

Итак, мы приступили к поискам иной страны, но должны отдавать себе отчет, что между оставленной нами страной и той страной, которой мы еще не достигли, есть довольно трудная «ничейная земля». Это период испытаний, длительность которого зависит от решимости, с которой мы вступили на путь. Во все времена — от восточных, египетских или орфических инициаций до поисков чаши Грааля — духовное восхождение человека сопровождалось испытаниями, и эти испытания могли иметь налет романтизма или какой-то таинственности. Но, по большому счету, нет ничего особенного в том, чтобы заключить себя в саркофаг под звуки флейты или совершить обряд собственных похорон вокруг ритуального костра. Сегодня саркофаги стали публичными, а жизнь некоторых людей уподобилась погребению. Стоит сделать усилие, чтобы выбраться из всего этого, ведь, в конце концов, терять-то нам почти нечего.

Основной трудностью переходного периода является внутренняя пустота в самом начале. После жизни в состоянии ментального возбуждения мы вдруг начинаем себя чувствовать как выздоравливающий человек — немного покачиваясь, со странными отзвуками в голове, страдая от ужасного гомона и утомительности этого мира. Мы становимся чрезвычайно чувствительными и кажется, что мы ударяемся обо все на свете, сталкиваясь с серыми и агрессивными людьми, грубыми предметами, отвратительными событиями — мир представляется нам сплошным абсурдом. Это верный знак начала погружения внутрь. Однако, стараясь в ходе медитации сознательно спускаться внутрь себя, мы находим там ту же пустоту — нечто вроде темного колодца или аморфного безразличия. Продолжая свое нисхождение, мы можем даже на несколько секунд или минут, а то и дольше, впадать в состояние сна. Но это не обычный сон: на самом деле мы переходим в другое сознание, но между ним и нашим обычным сознанием еще нет связи, так что кажется, что мы выходим из него ничуть не более просветленными, чем вошли. Такое состояние, характерное для переходного периода, может легко привести к абсурдному нигилизму: нет ничего снаружи, но и внутри нас тоже ничего нет. Здесь надо быть начеку, дабы после снесения внешних ментальных конструкций не стать пленником другой конструк-

ции, обладающей ложной глубиной и несущей с собой абсурдность, иллюзионизм или скептицизм, либо даже протест против выбранного пути. Нам надо идти дальше. Раз уж мы начали практиковать йогу, надо идти *до самого конца*, каким бы он ни был, ведь если мы потеряем нить, мы рискуем никогда ее больше не найти. И это действительно испытание. Искатель должен понимать, что он рождается для другой жизни, и его новые глаза, новые органы чувств еще не сформированы, как у новорожденного, только что появившегося на свет. Это не сокращение сознания, а переход в новое сознание: *Чаша должна быть очищена и опустошена, прежде чем божественный напиток сможет наполнить ее.*²⁹ Единственное, что остается в этой ситуации, это зацепиться за свое стремление и позволить ему расти и расти как раз благодаря тому, что нам так ужасно всего не хватает: расти как огню, в который мы бросаем все свои старые одеяния, свои старые жизни, свои старые идеи и старые чувства. В нас должна быть непоколебимая вера в то, что за этим переходом обязательно откроется дверь. И наша вера не абсурдна, это не тупая слепая вера, а *предзнание*: нечто в нас знает раньше нас, видит раньше нас и посылает свое видение на поверхность в форме потребности, поиска, необъяснимой веры. *Вера*, - говорил Шри Ауробиндо, - *это интуиция, которая не только ждет опыта для своего подтверждения, но и сама ведет к опыту.*³⁰

Нисхождение Силы

Мало-помалу пустота наполняется. Происходит ряд очень важных наблюдений и переживаний, которые нельзя выстроить в логической последовательности, ведь, оставив старый мир, мы понимаем, что возможно все и, прежде всего, не бывает двух одинаковых случаев (из чего, кстати следует ложность всех духовных догматов). Мы можем проследить лишь несколько общих черт духовного опыта.

В самом начале, когда уже установился относительный ментальный покой, но еще далеко до абсолютного молчания ума, а наше стремление уже достаточно выросло, стало постоянным и острым, мы сталкиваемся с первым явлением, которое будет очень много значить для всей нашей йоги. Мы начинаем чувствовать какое-то необычное давление вокруг головы, особенно в затылке. Поначалу мы можем принять это за какую-то странную головную боль и попытаться как-то избавиться от нее (например, «думая о чем-то другом»). Постепенно это давление принимает более явную форму, и мы уже начинаем чувствовать нисходящий *поток* – поток силы, подобный потоку текущей массы и совершенно не похожий на хорошо известный нам, к примеру, электрический ток. Затем мы начинаем понимать, что ощущение «давления» или «головной боли» вызывается лишь нашим сопротивлением нисхождению этой Силы, так что от нас требуется только не препятствовать этому потоку, чтобы он прошел по всему нашему существу, с головы до пят. Этот поток поначалу может быть прерывистым, нерегулярным, так что требуется небольшое сознательное усилие, чтобы вновь связываться с ним, когда он исчезает. Затем поток становится постоянным, начинает течь естественно, автоматически, и дает очень приятное ощущение притока свежей энергии, словно это другое дыхание, более полное, чем дыхание легкими. Этот поток очищает и укрепляет нас, а по физическому ощущению его воздействие похоже на прогулку при свежем ветре. В действительности, мы по-настоящему не ценим это «новое дыхание» (оно устанавливается постепенно, маленькими дозами), пока вдруг однажды, по той или иной причине (невнимательность, ошибка или неумеренность в чем-то) мы не отрезаем себя от этого потока.

Тогда мы начинаем чувствовать себя опустошенными, скукоженными, высохшими, как если бы вдруг нам перестало хватать кислорода; мы уподобляемся высохшему яблоку, утратившему свой сок жизни. И мы спрашиваем себя, как это мы могли жить без этого потока раньше. Это первое преобразование наших энергий: вместо того, чтобы обращаться к привычному источнику вокруг нас во всеобщей жизни, мы черпаем прямо свыше. И новая энергия гораздо более светлая, неослабевающая, непрерывающаяся и, главное, гораздо более питательная. В нашей повседневной жизни, в гуще работы и тысяч других дел, поток силы может значительно уменьшаться, но стоит нам только остановиться на минуту и сконцентрироваться, как он снова заполняет нас. Все приходит в полный покой, и мы уподобляемся наполненному до краев кувшину, как если бы тело с головы до ног было заряжено огромной энергией, плотной и прозрачной одновременно (*цельная невозмутимая глыба мира и покоя*³¹, - говорит Шри Ауробиндо). И если наше внутреннее видение уже начало открываться, мы замечаем, что все стало голубым: мы наполнены голубым светом и чувствуем себя безбрежными, как океан. Полный штиль без малейшей ряби и еще эта неопишуемая свежесть. Действительно, погружаешься в Источник, ибо эта «нисходящая сила» есть сама Сила Духа – *Шакти*, и это не просто слово. В конце концов уже не нужно будет закрывать глаза и уходить в себя, чтобы чувствовать ее; мы будем ощущать ее присутствие в любой момент, чем бы мы ни занимались – во время еды, чтения или разговора. И ее интенсивность будет все расти и расти по мере того, как мы будем привыкать к ней. На самом деле это безмерная масса энергии, ограниченная только малостью нашего восприятия и нашими скромными способностями.

Когда ученики говорят о своем переживании этой нисходящей Силы, они называют ее «Силой Матери и Шри Ауробиндо». При этом не подразумевается, что *Шакти* является какой-то собственностью Матери и Шри Ауробиндо — таким образом они просто выражают тот факт, что с этой силой не работают ни в какой другой йоге. Здесь мы на своем опыте сталкиваемся с фундаментальным отличием интегральной йоги Шри Ауробиндо (*пурна-йоги*) от всех остальных йог. В традиционных системах йоги работает *восходящая* Сила (называемая в Индии *кундалини*), которая довольно грубо пробуждается у основания позвоночника и поднимается вверх, пока не достигнет макушки головы, где она выходит за пределы ограниченного существа, словно раскрываясь в светлую, сияющую пульсацию. Этот выход *кундалини* сопровождается ощущением необъятности и часто приводит к «потери сознания», называемой экстазом. Все методы традиционных йогических систем – *асаны* в хатха-йоге, концентрации в раджа-йоге, дыхательные упражнения или *пранаямы* и т.д. – направлены на пробуждение этой восходящей Силы. (Они могут быть опасны и приводить к тяжелым расстройствам – вот почему становились необходимыми присутствие и защита просветленного Учителя; мы еще вернемся к этому.) Различие в направлении потока – восходящая и нисходящая сила – объясняется разными целями традиционных йог и интегральной йоги. Традиционные йоги и, как мы полагаем, западные религиозные дисциплины, направлены на освобождение сознания: все существо устремляется вверх в восходящем движении, и ищущий пытается покончить с внешней видимостью, пробившись наверх, в вечный Покой или экстаз. Такое стремление и пробуждает *восходящую* Силу. Целью же йоги Шри Ауробиндо является не только восхождение, но и нисхождение, не только выход в вечный Покой, но и трансформация Жизни и Материи, и, прежде всего, трансформация того маленького кусочка жизни и частички материи, коей мы являемся. На такое стремление пробуждается или, лучше сказать, отвечает *нисходящая*

Сила. Наше переживание нисходящего потока – это переживание трансформирующей Силы. Именно Она будет делать йогу для нас и за нас, автоматически (если, конечно, мы позволяем ей работать), и именно Она заменит наши быстро выдыхающиеся энергии и неумелые усилия. Эта Сила начинает действовать там, где кончаются другие йоги, озаряя сначала верхушку нашего существа, а затем спускаясь все ниже и ниже; при этом она всегда действует мягко, спокойно и дозировано, словно Ею руководит непосредственно Мудрость Духа. Именно эта Сила будет трансформировать все наше существо, до самого низа. Таково фундаментальное переживание интегральной йоги. *Когда установлен Мир и Покой, эта высшая или Божественная Сила свыше может нисходить и работать в нас. Обычно она спускается сначала в голову и освобождает внутренние центры ума, затем она спускается в сердечный центр... затем в пупочную область и другие витальные центры... затем в область крестца и ниже... Она работает одновременно для совершенства и освобождения; часть за частью она вбирает всю нашу природу и работает над ней, отвергая то, что должно быть отброшено, возвышая то, что должно быть возвышено, создавая то, что должно быть создано. Она интегрирует, гармонизирует, устанавливает новый ритм в природе.*³²

Новый способ познания

С молчанием ума наступает и другое изменение. Это очень важное изменение, но его трудно распознать, поскольку оно порою растягивается на несколько лет, а признаки его поначалу неуловимы. Это изменение можно назвать появлением нового способа познания и, следовательно, нового способа действия.

Можно допустить, что молчание ума можно сохранять, находясь в толпе, во время еды, одеваясь или отдыхая, но как это сделать за работой в своем офисе, например, или обсуждая что-то со своими друзьями? Ведь нам требуется размышлять, вспоминать что-то, искать решение, приводя в действие всевозможные ментальные механизмы. Однако опыт показывает, что это вовсе не неизбежно, что это только следствие долгой эволюции, в ходе которой мы привыкли зависеть от разума, который обеспечивал бы нас знанием и направлял нашим действием. Это всего лишь привычка, и ее можно изменить. В сущности, йога – это не столько способ научиться чему-то, сколько способ отучиться от массы неизбежных на первый взгляд привычек, унаследованных нами в ходе животной эволюции.

Задавшись целью сохранять молчание ума, например, за работой, искатель пройдет через несколько стадий. Поначалу он сможет лишь время от времени вспоминать о своем стремлении и прерывать свою работу на несколько минут, чтобы вновь настроиться на нужную волну, а затем все снова будет тонуть в ежедневной рутине. Но по мере того, как у него будет входить в привычку делать усилие в других местах – на улице, дома, вообще везде – динамика этого усилия будет дольше сохраняться и напоминать о себе в любой деятельности, и тогда искатель будет вспоминать все чаще и чаще. Затем постепенно изменится характер этого воспоминания: вместо того, чтобы прерывать свою работу, дабы вновь и вновь настраиваться на верный ритм, искатель будет чувствовать нечто живое внутри себя, словно маленькую приглушенную вибрацию на заднем плане своего существа. Теперь ему требуется лишь чуть отходить в свое внутреннее сознание, чтобы в любой момент вновь обретать вибрацию молчания. Искатель открывает, что мир и покой всегда здесь, словно голубая глубина позади всего, и он всегда может освежиться, рассла-

биться в ней – даже в гуще шумных событий и под грузом забот – ибо в самом себе он несет неприкосновенное прибежище мира и покоя.

Но вскоре эта вибрация, стоящая позади всего, становится более уловимой, постоянно ощущаемой, и искатель видит, что в его существе произошло *разделение* на молчаливую глубину позади всего и довольно тонкую поверхность, на которой разворачиваются действия, мысли, жесты, слова. Он открывает в себе *Свидетеля*. Теперь он будет все меньше и меньше захватываться внешней игрой, которая стремится поглотить нас заживо, как осьминог. Это открытие столь же древнее, как Ригведа: «Две прекраснокрылые птицы, друзья и соратники, сидят на одном дереве, и одна вкушает сладкие плоды, а другая смотрит на нее и не ест» (I.164.20). Начиная с этого момента искателю будет все легче заменять старые поверхностные привычки ментального размышления, воспоминания, расчета и планирования на новую привычку обращаться в безмолвии к этой вибрирующей глубине. На практике это выльется в довольно долгий переходной период со своими продвижениями и отступлениями (впрочем, это не столько продвижение и отступление, сколько попеременное вуалирование и развуалирование чего-то), когда новое будет сталкиваться со старым: ментальные механизмы будут стремиться постоянно вмешиваться и пытаться вернуть свои утраченные позиции, убеждая, что без них мы не можем обойтись; особенно они будут уповать на некую лень в нас, предпочитающую действовать «как обычно». Но эта работа по развенчиванию старых ментальных привычек получит мощную поддержку со стороны нисходящей Силы, которая автоматически и непрестанно будет наводить порядок в своем доме и оказывать безмолвное давление на протестующие механизмы, расставляя все по своим местам: кроме того, тысячи маленьких переживаний будут все больше убеждать нас, что мы можем чудесно обходиться и без разума, причем без него гораздо лучше.

В действительности, мы постепенно обнаруживаем, что нет необходимости размышлять: нечто, находящееся позади или выше, делает всю работу со все большей точностью и безошибочностью по мере того, как мы все больше привыкаем обращаться к нему. Нет необходимости и запоминать: все, что нам требуется, автоматически всплывает в нужный момент. Нет необходимости и планировать: скрытая пружина приводится в действие без нашего желания или мысли, и мы делаем точно то, что нужно сделать – на такую мудрость и такое провидение совершенно не способен наш близорукий ум. Мы также замечаем, что чем больше мы доверяем и подчиняемся этим внезапным указаниям и неожиданным озарениям, тем более частыми, ясными, насущными и привычными они становятся. Строго говоря, подобные интуитивные прозрения мы могли иметь и раньше, до занятия йогой, но вся беда в том, что разум всегда склонен вмешиваться и исказить интуицию или даже выдавать за нее собственные фантазии, тогда как интуиция проходит беспрепятственно, если ум замолчал. Другой пример: все мы имели опыт «чудесного» разрешения проблем во сне – опять же, благодаря тому, что была остановлена фабрика мыслей. Конечно, будет хватать ошибок и заминок на пути, прежде чем установится новое функционирование — искатель должен быть готов к тому, что нередко он будет обманываться. Но он увидит, что ошибки всегда появляются из-за вмешательства разума, затуманивающего, делящего на части и задерживающего все. Затем на собственном опыте мы раз и навсегда усвоим, что *разум является не инструментом познания, а лишь организатором знания*, - как говорит Мать – и что знание приходит из другого источника.* Когда ум спокоен, слова, действия и вообще все приходит с поразительной точностью и скоростью. Это действительно другой образ жизни –

* Мы еще вернемся к этой теме, когда будем говорить о Сверхсознательном.

более светлый, без заморочек. Ибо поистине, *нет ничего из доступного уму, чего нельзя было бы сделать лучше при неподвижности разума и в свободном от мыслей покое.*³³

Вселенский Разум

До сих пор мы говорили о прогрессе искателя в терминах внутреннего существа, но этот прогресс распространяется и на внешнюю жизнь: стена, отделяющая внешнее существо от внутреннего, становится все тоньше и тоньше и все больше напоминает искусственную условность, возведенную разумом, замкнутом на самом себе и не видящем ничего, кроме себя. Искатель чувствует, что эта стена становится все менее прочной, из-за чего он сам становится все более восприимчивым, более прозрачным, более пористым, если можно так сказать. Это существенное изменение поначалу проявляется через неприятные симптомы, ведь если обычный человек защищен «толстой кожей» внешнего существа, то у искателя больше нет этой защиты: он воспринимает мысли и желания людей такими, какие они есть на самом деле, не прикрытые ничем – как нападения. Причем нападают не только «дурные мысли» или «злая воля»: нет ничего более агрессивного, чем благие намерения, высокие чувства или альтруизм – в любом случае, будь то силой или лаской, утверждается эго. Мы цивилизованы только на поверхности, а под нею продолжает жить каннибал. Поэтому искателю совершенно необходима устойчивая связь с Силой, о которой мы уже говорили — с Ней он может пройти через что угодно. (Впрочем, космическая мудрость не допустила бы, чтобы такая прозрачность пришла без должной защиты.) Вооруженный Силой и молчанием ума, искатель постепенно обнаруживает, что он открыт для всего, приходящего снаружи, причем расстояние не играет никакой роли — все находится вместе и происходит одновременно. Он и за десять тысяч километров может отчетливо воспринять озабоченность своего друга, чей-то гнев или страдание брата. Достаточно только искателю в молчании ума настроиться на это место или этого человека, как он будет иметь более или менее точную картину происходящего, причем это «более или менее» зависит от степени успокоенности ума искателя. Ведь и здесь разум затуманивает и искажает все своими желаниями, опасениями, предубеждениями (есть и другие источники искажения, о которых мы поговорим попозже). Безмолвный же ум позволяет сознанию расшириться и спроецировать себя в любую точку вселенской реальности, чтобы узнать там то, что ему нужно знать.

В этой безмолвной прозрачности мы вскоре делаем еще одно открытие, имеющее огромное значение. Мы обнаруживаем, что не только мысли других людей приходят к нам снаружи, но и наши собственные мысли тоже приходят к нам *снаружи*. Как только мы становимся достаточно прозрачными, мы можем чувствовать на фоне безмолвного ума как бы маленькие завихрения или вибрации, которые входят в нашу атмосферу и тем самым привлекают к себе внимание. Если мы заинтересуемся «что же это такое» и позволим одному из этих завихрений войти в нас, то тут же обнаружим, что стали о чем-то думать. Просто то, что мы заметили на периферии своего существа, было мыслями в чистом виде или, лучше сказать, *ментальными вибрациями*, существовавшими еще до того, как они вошли в наш ум без нашего ведома и всплыли на поверхности нашего существа, приняв личную форму, позволяющую нам воскликнуть: «*Это моя мысль!*». (Именно так тот, кто умеет читать мысли, может узнать, что происходит в человеке, языка которого он даже не

знает – ведь он улавливает не «мысли», а вибрации, которые принимают в нем соответствующую ментальную форму.) Но это не должно нас удивлять, ведь если бы мы сами могли бы породить хоть что-то, даже малейшую мысль, мы были бы творцами мира! *Где то «я» в вас, которое может создать все это?* – спрашивала Мать. Однако этот механизм присвоения вибрации незаметен для обычного человека из-за того, что, во-первых, он живет в постоянном ментальном гаме и, во-вторых, этот механизм действует практически мгновенно и автоматически. В ходе воспитания и под воздействием своего окружения человек привыкает выбирать из Вселенского Разума довольно узкий диапазон вибраций, близких ему, и затем до конца своей жизни он будет настраиваться на одну и ту же волну, воспроизводить одну и ту же вибрационную тональность, произнося, по сути, одни и те же слова и лишь меняя обороты речи. Человек бежит по одному и тому же кругу, и только расширение словарного запаса и растущее умение красиво выражаться дают ему ощущение прогресса. Конечно, мы меняем и идеи, но смена идей еще не означает прогресс — это не подъем к более высоким вибрациям, это просто более сложные или изящные пируэты на прежнем уровне. Вот почему Шри Ауробиндо говорит об *изменении сознания*.

После того, как искатель увидел, что все его мысли приходят снаружи, и этот опыт повторялся сотни раз, он получает ключ к подлинному господству над разумом. Ведь гораздо легче отбросить мысль, когда она еще не вошла в нас, чем пытаться избавиться от нее, когда она уже внедрилась в наш ум. И как только мы овладеваем способностью ментального молчания, мы сразу же становимся хозяевами ментального мира, ведь вместо того, чтобы вечно цепляться за одну и ту же волну, мы можем пробегать по всему спектру волн и выбирать или отвергать их по своему усмотрению. Но давайте лучше послушаем, как сам Шри Ауробиндо описывает этот опыт, который он пережил с другим йогинем, Бхаскаром Леле, проведя с ним три дня: *Всем ментально развитым людям, поднявшимся выше среднего уровня, пришлось так или иначе или хотя бы время от времени для определенных целей, разделять свой ум на две части: активную часть, фабрику мыслей, и спокойного Свидетеля, наблюдающего за мыслями, оценивающего их, отвергающего, принимающего, вносящего поправки, Хозяина в Доме Разума, господина собственной империи, сам-раджа. Йогин идет еще дальше — он не только становится там хозяином, но и даже оставаясь так или иначе связанным с разумом, он выходит из него и занимает позицию над ним или позади него, и тем самым йогин освобождается от разума. Образ фабрики мыслей для него уже не совсем верен, ведь он видит, как мысли приходят к нему снаружи, из вселенского Разума или из вселенской Природы – иногда сформулированными и четкими, иногда бесформенными, и тогда им придается форма где-то внутри нас. Основное занятие нашего ума — принимать или отвергать эти волны мыслей (как и витальные волны и волны тонкой физической энергии), либо придавать личную ментальную форму субстанции мысли (или витальным движениям) из окружающей Природы. Я очень признателен Леле за то, что он показал мне это. «Сядь в позу для медитации», - сказал он, - «но не думай, а только смотри на свой ум; ты увидишь, как мысли входят в него; отбрасывай мысли, прежде чем они смогут войти в твой ум, и тогда твой ум обретет полное молчание.» Раньше я никогда не слышал, что можно видеть, как мысли приходят снаружи, но я не усомнился в словах Леле и просто сел и сделал так, как он сказал. Мой ум сразу же стал спокойным как безветренный воздух в горах, и тогда я увидел, как мысли одна за другой приходят снаружи самым конкретным образом; я отбрасывал их прежде, чем они могли войти в мой ум, и за три дня я освободился. С этого момен-*

та мое ментальное существо стало свободным Интеллектом, вселенским Умом, не ограниченным узким кругом личного мышления как работник на фабрике мыслей, а способным получать знание из сотни сфер бытия и свободным выбирать что угодно в этой необъятной империи видения и империи мысли.³⁴

Выйдя из маленькой ментальной конструкции и оглянувшись назад, искатель удивляется, как это раньше он мог жить в такой тюрьме и при этом чувствовать себя достаточно просветленным. Особенно он поражается тому, как долгие годы он жил в окружении невозможностей и как люди продолжают жить за этим барьером: «Невозможно то, невозможно это, это противоречит такому-то закону, это нелогично, это неестественно...». Искатель открыл, что все возможно, а препятствием является лишь вера в то, что что-то трудно. Прожив двадцать-тридцать лет в своей ментальной раковине словно какой-то мыслящий моллюск, искатель начинает дышать свободно.

Он также замечает, что нет больше извечного деления на внутреннее и внешнее — оно ушло вместе с ментальной скорлупой. В действительности «внешнее» внутри нас, а мы сами находимся повсюду! Было бы ошибкой считать, что если бы нам удалось достичь идеальных условий мира и покоя, красоты и идиллической уединенности, то дела пошли бы гораздо легче — ведь всегда и везде найдется что-то, что будет нам мешать. То же самое относится и к противопоставлению действия и медитации: как только искатель установил молчание в своем уме, его действие становится медитацией (он даже увидит, что и медитация может быть действием); что бы он ни делал, чистил ли зубы или занимался своими обычными делами, в него входит и входит Сила, и он всегда настроен должным образом. Его действия становятся все более прозорливыми, более эффективными и мощными, никоим образом не нарушая его мира и покоя: *Субстанция ментального существа... неподвижна, столь неподвижна, что ничто не нарушает ее покоя. Если приходят действия или мысли, они пересекают ум как птицы, летящие по небу в безветренном воздухе. Они проходят, не возмущая ничего, не оставляя и следа. Даже если тысячи образов или самых бурных событий проходят через ум, его спокойная неподвижность остается неизменной, как если бы сама субстанция ума состояла из вечного нерушимого покоя. Ум, достигший такого покоя, может начать действовать, причем даже мощно и интенсивно, но он будет хранить свой фундаментальный покой — ничего не вызывая сам, а только получая Свыше и придавая полученному ментальную форму, не добавляя от себя ничего, спокойно, бесстрастно, хотя и с радостью Истины, со счастливой мощью и светом ее явления.³⁵*

Стоит ли напомнить, что Шри Ауробиндо возглавлял тогда революционное движение и готовил партизанскую войну в Индии?

V. СОЗНАНИЕ

Однажды одному ученику потребовалось принять серьезное решение. Он написал Шри Ауробиндо и попросил совета. Каково же было его удивление, когда Шри Ауробиндо посоветовал ему принимать решение с «вершины сознания». Этот ученик был человеком с Запада и недоумевал, что бы это значило: то ли способ очень сильно думать, то ли некое воодушевление, когда мозг готов уже вскипеть, то ли что-нибудь еще? Так гадал этот ученик, ведь на Западе известен лишь один тип сознания – ментальное сознание: «я мыслю, значит существую». Такова точка зрения Запада: мы ставим себя в центр мира и считаем, что сознанием обладают лишь те существа, которые могут думать, как человек. Однако, если мы хотим постичь и открыть, что такое сознание, а также научиться обращаться с ним, нам надо оставить эту узкую точку зрения. Достигнув определенной стадии ментального молчания, Шри Ауробиндо сделал следующее наблюдение: *Ментальное сознание – это всего лишь человеческий диапазон сознания, и этот диапазон отнюдь не исчерпывает всего спектра сознания, как и человеческому глазу доступна не вся цветовая гамма, а человеческое ухо улавливает не весь спектр звуков — очень многое остается за пределами человеческого зрения и слуха. Точно также, есть планы сознания выше и ниже человеческого плана; обычный человек не имеет с ними контакта, поэтому они кажутся ему не имеющими сознания – это супраментальные или надментальные планы, а также субментальные планы.*³⁶ ... То, что мы считаем несознательным, попросту обладает иным сознанием... На самом деле, когда мы спим, оглушены, пьяны или «мертвы», мы ничуть не более несознательны, чем когда мы погружены в размышления, позабыв обо всем на свете. Это совершенно очевидно для каждого, кто хоть чуть продвинулся на пути Йоги. И Шри Ауробиндо добавляет: *По мере нашего продвижения [на пути Йоги] и пробуждения к душе в себе и в вещах, мы начинаем постигать, что сознание есть и в растении, и в металле, и в атоме, и в электричестве, и вообще во всем, относящемся к физической природе; мы даже обнаруживаем, что нельзя сказать, что это сознание во всех отношениях является более низким или более ограниченным, чем наше ментальное сознание; напротив, сознание во многих «неживых» формах является более интенсивным, более быстрым, более острым, хотя и менее развитым по части контакта с внешним миром*³⁷. Поэтому задача начинающего йогина – становиться сознательным повсеместно, на всех уровнях своего существа и на всех планах вселенского существования, не только на ментальном плане; становиться сознательным в себе, в других и во всех вещах, не только в состоянии бодрствования, но и в состоянии сна; и, наконец, учиться становиться сознательным в том, что люди называют «смертью», ведь по мере того, как мы будем становиться сознательными в нашей жизни, мы будем становиться сознательными и в нашей «смерти».

Мы не обязаны принимать на веру слова Шри Ауробиндо, но он и сам призывает нас убеждаться во всем на собственном опыте. Значит, надо раскрыть в себе то, что связывает наши различные состояния – сон, бодрствование, «смерть» - и дает нам возможность войти в контакт с другими формами сознания.

Центры сознания

Следуя экспериментальному методу, основанному на ментальном молчании, мы приходим к нескольким открытиям, которые постепенно выводят нас на нужную дорогу. Прежде всего, мы видим, что общая путаница, в которой мы живем, постепенно исчезает; все отчетливее выделяются различные уровни нашего существа, как если бы мы были составлены из отдельных фрагментов, каждый из которых обладает собственной индивидуальностью и своим центром и к тому же ведет собственную независимую жизнь. Эта полифония или, скорее, какофония, обычно скрыта от нас голосом разума, покрывающего и захватывающего все. Нет ни одного движения нашего существа, ни на одном уровне, нет ни одной эмоции, ни одного желания, ни малейшего телодвижения, которое бы не было мгновенно схвачено разумом и покрыто слоем мысли – мы *ментализируем* все. И этим разум был очень полезен в истории нашей эволюции, помогая доносить до сознательной поверхности все движения нашего существа, которые в противном случае оставались бы в состоянии бесформенной массы – подсознательной или сверхсознательной. Разум также помогает нам наводить видимость порядка в этой анархии и, до известной степени, под своим управлением примирять эти мелкие феодальные княжества. Но при этом он глушит их голоса и скрывает их настоящее функционирование – от централизованного управления до тирании один лишь шаг. Надментальные механизмы тотально блокируются, а если удастся просочиться чему-то из сверхсознательных голосов, оно тут же искажается, ослабляется, затемняется. Аналогично, субментальные механизмы атрофируются, в результате чего мы теряем спонтанные чувства, которые были очень полезны на предыдущей стадии нашей эволюции и пригодились бы нам и теперь. Подчиненные разуму части нашего существа потихоньку ропщут, а некоторые из них скрытно копят свои маленькие силы, чтобы восстать при первом же удобном случае. Но искатель, успокоивший свой разум, начинает различать все эти уровни в их обнаженной реальности, без ментального покрова. Он почувствует на различных уровнях своего существа определенные точки концентрации, как бы узлы силы, каждый из которых наделен своим типом вибраций или особой «вибрационной частотой». Все мы переживали разнообразные вибрации, которые излучались на различных уровнях нашего существа. Например, можно иметь переживание великой вибрации откровения, когда внезапно рвется вуаль, и перед нами раскрывается вся панорама истины, без слов, и мы даже не знаем, в чем состоит откровение – просто что-то вибрирует, делая мир необъяснимо более широким, более легким, более ясным. И все мы также переживали более низкие вибрации гнева или страха, вибрации желания, вибрации симпатии, ощущая их на различных уровнях своего существа. В нашем существе есть целый ряд вибрационных узлов или *центров сознания*, каждый из которых специализируется на своем типе вибраций; эти центры можно различать и ощущать их непосредственно в той или иной степени, в зависимости от степени нашего безмолвия и остроты наших восприятий. Разум представляет лишь *один* из этих центров, ему соответствует только *один* тип вибраций; разум – это лишь *одна* из форм сознания, хотя и стремящаяся занять в нас первое место.

Мы не будем подробно останавливаться на описании каждого центра. Об этом можно прочесть почти в любой книге по йоге, но лучше почувствовать эти центры на собственном опыте — искатель без труда сделает это, как только станет чуть просветленней. Отметим только, что эти центры (называемые в Индии *чакрами*) находятся не в физическом теле, а в другом измерении, хотя концентрация в них может быть столь сильной, что возникает острое ощущение физической локализации. Некоторые из центров, но не все, довольно близки к различным нервным

сплетениям нашего тела. Есть, по меньшей мере, семь центров в четырех областях.

- 1) *Сверхсознательная* область с центром чуть выше макушки головы^{*}; этот центр управляет нашим думающим разумом и связывает нас с более высокими регионами ума: озаренным, интуитивным, надментальным и т.д.
- 2) *Ментальная* область с двумя центрами; первый центр, между бровями, управляет волей и динамикой всей нашей ментальной деятельности, осуществляемой через мысль (в некоторых традициях этот центр называют также «третьим глазом»); второй центр, на уровне горла, управляет всеми формами ментального выражения.
- 3) *Витальная* область с тремя центрами; первый центр, на уровне сердца, управляет нашим эмоциональным существом (любовь, ненависть и т.д.); второй центр, на уровне пупка, управляет нашими движениями господства, обладания, покорения, нашими амбициями и т.д.; третий, самый нижний витальный центр, между пупком и половыми органами, заведует самыми низкими вибрациями: ревностью, завистью, страстью, жадностью, гневом.
- 4) Область *физического и подсознательного* с центром у основания позвоночника; этот центр управляет нашим физическим существом и сексуальным импульсом; он также открыт низшим регионам подсознательного.

Как правило, в «обычном человеке» эти центры спят или закрыты, так что через них проходит лишь совсем маленький поток, необходимый для ограниченного существования. Человек действительно замурован внутри самого себя и не может непосредственно сообщаться с внешним миром, оставаясь зажатым в пределы довольно узкого круга. На самом деле он видит не других людей или другие вещи, а самого себя в других людях или в других вещах – везде и всегда самого себя и не выходит из своего узкого круга. В ходе йоги эти центры открываются. Они могут открываться двумя способами: снизу-вверх, как в традиционной йоге, или сверху-вниз, как в йоге Шри Ауробиндо. Как мы уже говорили, с помощью специальных концентраций и упражнений традиционной йоги можно пробудить Силу, спящую у основания позвоночника, и тогда она, раскручиваясь, как змея, начнет подниматься до самой макушки головы. На каждом уровне эта Сила *пробивает* (довольно грубо) соответствующий центр, и тот открывается, тем самым открывая нас ко всеобщим вибрациям или энергиям, соответствующим «вибрационной частоте» этого центра. В Йоге Шри Ауробиндо нисходящая Сила открывает те же самые центры, но в обратном порядке и очень мягко и медленно. При этом самые нижние центры раскрываются намного позже или зачастую вообще не раскрываются. И в этом есть явное преимущество, если мы учтем, что каждому центру соответствует свой тип сознания или *вселенской* энергии. Ведь если сначала открываются нижние центры (витальные и подсознательные), то мы рискуем быть затопленными не только своими мелкими историями, но и потоками вселенской грязи, поскольку мы автоматически приводимся в контакт со всей Путаницей и Грязью мира. Кстати, именно поэтому в традиционных йогах требуется присутствие Учителя, который смог бы защитить в случае чего. При работе же нисходящей Силы такой опасности попросту нет, поскольку с нижними центрами мы сталкиваемся лишь после того, как наше существо уже прочно укоренилось в сверхсознательном свете свыше. Как только центры раскрыты, искатель начинает видеть мир, вещи, другие существа и себя самого такими, какие они есть на самом деле, и уже больше не судит о них по внешним знакам, неоднозначным словам или жестам – по всей этой мимикрии или обманчивой внеш-

^{*} Согласно индийской традиции, этот центр, называемый «тысячелепестковым лотосом» (что символизирует изобилие света, наполняющего искателя, когда у него открывается этот центр), расположен на макушке головы. Согласно же Шри Ауробиндо и переживаниям других, в макушке ощущается не сам центр, а только светлое отражение солнечного источника, находящегося *над* головой.

ности вещей – а воспринимает чистую вибрацию на каждом уровне, в каждой вещи, в каждом существе.

Но прежде всего мы открываем самих себя. Если мы распространим покой и молчание на остальные части нашего существа и станем совершенно прозрачными, то обнаружим, что не только ментальные, а вообще *все* вибрации приходят к нам снаружи: вибрации желания, радости, воли и т.д. Все наше существо, сверху-донизу, подобно принимающей станции: *В действительности, это не мы думаем, прикладываем волю или действуем, а мышление, воля или действие происходит в нас.*³⁸ Говоря «я мыслю, значит существую» или «я чувствую, значит существую» или «я желаю, значит существую», мы уподобляемся ребенку, который думает, что диктор или оркестр спрятаны в радиоприемнике, а телевизор умеет думать. Ведь все эти «я» не являются нами и не принадлежат нам, а их музыка – всеобща.

Внешнее существо

Мы можем запротестовать, сказав, что, в конце концов, это все же *наши* чувства, *наши* мысли, *наши* желания, это *наша* чувствительность, и мы – не какой-то там телеграфный аппарат! И, действительно, это все наше, но только в том смысле, что мы взяли привычку реагировать на одни вибрации больше, чем на другие, быть подвижными, занятыми одним больше, чем другим; вся эта масса привычек образовала внешнюю личность, которую мы называем собой. Но если пристальнее взглянуть на все это, то мы не сможем даже утверждать, что именно мы завели все эти привычки: наша среда, наше воспитание, наш атавизм, наши традиции сделали за нас наш выбор и продолжают каждую секунду выбирать, что мы пожелаем и что нам понравится или нет – как если бы вся наша жизнь проходила без нас. Где же наше истинное «я» во всем этом? *Вселенская Природа*, – пишет Шри Ауробиндо, – *откладывает в нас определенные привычки движения, личности, характера, способностей, предрасположенностей, склонностей, и все это мы обычно называем собой.*³⁹ Мы даже не можем сказать, что это «я» по-настоящему устойчиво: *Видимость устойчивости придается постоянной повторяемостью и возвращаемостью одних и тех же вибраций и формаций*⁴⁰, ведь мы всегда подхватываем одни и те же вибрационные частоты или, скорее, они подхватывают нас в соответствии с законами нашей среды или воспитания. Через наши центры всегда проходят одни и те же ментальные, витальные и прочие вибрации, и мы присваиваем их себе автоматически, бессознательно и без конца. В действительности, все находится в состоянии *постоянного потока*, и все приходит к нам из разума, более широкого, чем наш – из вселенского разума, а также из витального, более широкого, чем наше – из вселенского витального, либо из более низких регионов подсознательного, либо из более высоких регионов сверхсознательного. Так что наше ограниченное *внешнее существо*⁴¹ окружено, поддерживается, пронизывается и приводится в движение целой иерархией «миров», как это виделось древней мудрости: «Без усилия один мир движется в другом», – говорит Ригведа (II.24.5). Шри Ауробиндо называет эту иерархию лестницей *планов сознания*, которые непрерывно спускаются из чистого Духа в Материю и напрямую связаны с нашими центрами. Но мы *сознаем лишь какое-то пузырение на поверхности.*⁴²

Что остается от нас во всем этом? Не так уж и много, по правде говоря, или все – смотря какой уровень сознания мы имеем в виду.

Индивидуальное сознание

Постепенно мы начинаем постигать, что такое сознание, и ощущать, что оно находится везде во вселенной, на всех уровнях, и имеет соответствующие центры в нас самих. Но мы пока что не нашли «свое» сознание – возможно, из-за того, что это сознание невозможно просто «найти», а его надо «разжечь», как огонь. В особые моменты своей жизни мы чувствовали некое сокровенное тепло в своем существе, нечто вроде внутреннего толчка или живой силы, которую невозможно ни описать словами, ни объяснить, откуда она берется: она возникает из ниоткуда, без видимой причины, как обнаженная потребность или чистое пламя. Все наше детство свидетельствует об этом чистом энтузиазме, этой необъяснимой ностальгии. Но вскоре мы выходим из детского возраста, и разум захватывает и эту силу, как он захватывает все, покрывает ее высокими словами идеализма и направляет ее в русло различных занятий, профессии, Церкви. Либо витальное захватывает эту силу и покрывает ее более или менее благородными чувствами, если только не пускает ее на какую-то авантюру или использует ее для достижения господства, на покорение или обладание. Иногда эта сила вязнет на еще более низком уровне, а иногда вообще тонет, так что остается лишь маленькая обремененная тень. Но искатель, который заставил замолчать свой разум и больше не становится жертвой идей, а также успокоил свое витальное существо и больше не захватывается и не уносится потоком чувств и желаний, открывает во вновь обретенной прозрачности своего существа как бы новую молодость, новый толчок к свободе. Искатель чувствует, что эта внутренняя сила начинает *жить* в нем: «Она ширится, выявляя то, что живо», – говорит Ригведа (I.13.8), – «пробуждая того, кто был мертв». Этот толчок или порыв обретает все более отчетливую связность, все более плотную силу и, самое главное, *независимость*, как если бы он представлял отдельное существо-силу внутри нас. Сначала в своих пассивных медитациях (в тишине с закрытыми глазами) искатель замечает, что эта сила внутри него имеет массу, различную интенсивность и перемещается в нем как живая субстанция. Эти внутренние движения могут быть столь мощными, что тело сгибается, когда эта сила опускается, или же тело выпрямляется и откидывается назад, когда сила поднимается. В наших же активных медитациях, то есть, в повседневной жизни с ее заботами, эта внутренняя сила ослабляется и ощущается маленькой приглушенной вибрацией на заднем плане, как мы уже говорили об этом. Кроме того, мы начинаем ощущать, что это не просто безличная сила, а присутствие, *существо* внутри нас, и оно поддерживает нас, придает нам основательность и наделяет мирным и спокойным взглядом на мир. С этим маленьким вибрирующим «нечто» внутри себя мы неуязвимы и никогда не одиноки. Где бы мы ни были, оно всегда с нами – теплое, близкое и сильное. И, что любопытно, открыв это, мы обнаруживаем *то же самое* везде, во всех существах, во всех вещах; с этим можно входить в непосредственный контакт как с тождественностью, не знающей границ. Так мы прикасаемся к нечто в себе, что является не игрушкой вселенских сил, не скудным и сухим «я мыслю, значит существую», а фундаментальной реальностью нашего существа, настоящим «я», истинным центром, огнем и существом, сознанием и силой.*

По мере того, как этот внутренний толчок или внутренняя сила начинает принимать явно выраженную индивидуальность – а она растет, как растет ребенок –

* Чуть позже мы поговорим об этом центре, который Шри Ауробиндо называет *психическим центром* или *психическим существом*, а другие называют душой.

искатель осознает, что движения этой силы не случайны, как ему казалось вначале, а она сосредотачивается в различных точках его существа в соответствии с тем, чем он сейчас занят. На самом деле эта сила стоит за каждым центром сознания: за ментальными центрами, когда мы думаем или выражаем что-то; за витальными центрами, когда мы испытываем какие-то чувства, страдаем или желаем; а также за другими центрами, находящимися выше или ниже этих центров. В действительности именно эта сила обладает сознанием – все центры, включая ментальные, являются лишь ее каналами, открывающимися на различных уровнях ко вселенской реальности; все центры служат инструментами транскрипции или выражения этой силы – *путешественника по мирам*⁴³, исследователя планов сознания. Именно эта сила связывает различные состояния нашего существа, от пробужденного состояния до состояния сна и смерти, когда уже больше нет внешнего разума, который ранее осведомлял или вел нас. Именно эта сила путешествует по всему диапазону вселенского существования и сообщается со всем. Иными словами, мы открыли сознание. Мы выявили то, что у обычного человека постоянно смешено с другими вещами, разбросано и увязло во тьме деятельности разума и чувств. Вместо того, чтобы вечно болтаться где-то между животом и лбом, мы можем переместить свое сознание в более глубокие или более высокие регионы, не доступные для разума и органов чувств. Ведь сознание – это не способ мыслить или чувствовать (во всяком случае, не только это), а способность входить в контакт с множеством видимых и невидимых планов существования. Чем более развито наше сознание, тем более дальних планов оно способно достичь. И мы видим, что это сознание не зависит мыслей, чувств и желаний нашего ограниченного внешнего существа; оно не зависит ни от разума, ни от витального существа, ни даже от физического тела – в определенных состояниях, о которых мы поговорим позже, оно может выходить из тела для обретения собственных переживаний. Наше тело, наше мышление, наши желания – это лишь тонкая кожа нашего полного существования.

Сознание-Сила, Сознание-Радость

Открыв сознание, мы обнаруживаем, что оно является силой. Примечательно, что сначала мы начинаем воспринимать поток или внутреннюю силу, и только потом постигаем, что это есть сознание. Сознание есть сила, *сознание-сила*, как говорит Шри Ауробиндо, ибо, поистине, эти два термина неразделимы и переходят друг в друга. Этот факт был прекрасно известен древней мудрости Индии, которая никогда не говорила о сознании, *Чит*, не присоединив к нему слово *Агни*, означающее теплоту, пламя, энергию: *Чит-Агни* (иногда использовалось слово *Тапас*, синоним *Агни*: *Чит-Тапас*). Духовные и йогические дисциплины на санскрите называются *тапасья* – то, что вырабатывает тепло или энергию, или, точнее, сознание-тепло и сознание-энергию. *Агни* или *Чит-Агни* один и тот же повсюду. Мы говорим о нисходящей или восходящей силе, но нет тридцати трех разных сил – в мире есть только одна Сила, один-единственный единый поток, проходящий через нас и проходящий через все; просто этот поток имеет разные атрибуты в зависимости от того, на каком уровне он действует. Электрический ток, освещающий храм или бар, школьный класс или ресторан, остается одним и тем же, хотя он может освещать такие разные объекты. Точно также, эта Сила или это Тепло, *Агни*, остается одним и тем же, оживляет ли она или освещает наше внутреннее прибежище, нашу ментальную фабрику, наш витальный театр или нашу материальную пещеру. В зависи-

мости от уровня эта Сила несет более или менее интенсивный свет и облачается в более или менее тяжелые вибрации - сверхсознательные, ментальные, витальные, материальные – и именно она связует и оживляет все. Это фундаментальная субстанция вселенной: *Сознание-Сила, Чит-Агни*.

Если сознание есть сила, тогда и сила есть сознание и, вообще, *все силы сознательны*⁴⁴. Вселенская Сила есть вселенское Сознание. Вот что открывает искатель. Войдя в контакт с потоком сознания-силы в себе, искатель может настроиться на любую точку любого уровня вселенской реальности, и воспринять там сознание или даже воздействовать на него, ведь поток сознания везде один и тот же – будь то в растении или в человеческом разуме, в светлом сверхсознательном или в инстинкте животного, в металле или в наших глубоких медитациях – а отличается лишь тип его вибраций. Если бы в куске дерева не было сознания, ни один йогин не смог бы сдвинуть его с помощью концентрации, поскольку между ними не был бы возможен никакой контакт. Если хотя бы одна точка вселенной была бы полностью лишена сознания, тогда вся вселенная была бы полностью несознательной, ведь все бытие едино. Эйнштейн вывел – и это действительно великое открытие – что Материя и Энергия преобразуются друг в друга: $E=mc^2$, то есть, Материя – это как бы сгущенная Энергия. Нам лишь остается на опыте убедиться, что эта Энергия или Сила является Сознанием и, следовательно, Материя представляет одну из форм Сознания, точно также как и разум является одной из форм сознания, а Витальное и Сверхсознательное представляют другие формы сознания. Как только мы раскроем Тайну – что в силе есть сознание – мы по-настоящему овладеем материальными энергиями и будем напрямую управлять ими. Но при этом мы лишь заново откроем древние истины: еще четыре тысячи лет тому назад Упанишады знали, что Материя – это сгущенная Энергия или, точнее, сгущенное Сознание-Энергия: «Энергией своего сознания сгустил себя Брахман; из этого была рождена Материя, а из Материи – Жизнь, Разум и другие миры.» (Мундака Упанишада, I.1.8).

Все здесь есть Сознание, поскольку все есть Бытие или Дух. Все есть *Чит*, поскольку все есть *Сат*: *Сат-Чит* на всех уровнях Его собственной манифестации. В конечном счете, история нашей земной эволюции – это история медленного преобразования Силы в Сознание или, лучше сказать, медленного воспоминания самого себя Сознанием, погруженным в Силу. На первых стадиях эволюции, сознание атома, например, поглощено его вращением, как и сознание гончара поглощено изготавливаемым им горшком, как и растение поглощено своим фотосинтезом, а наше сознание поглощается книгой или желанием, позабыв обо всем на свете. Весь эволюционный прогресс измеряется, в конечном счете, способностью освобождать или отводить элемент сознания от элемента силы – именно это мы называем индивидуализацией сознания. На духовной или йогической стадии нашей эволюции сознание полностью высвобождается из ментального, витального и физического круговорота и становится хозяином самого себя; оно уже может путешествовать по всей шкале сознания, от атома до Духа. Сила становится Сознанием и полностью вспоминает себя. А вспомнить себя означает вспомнить все, ведь это Дух в нас вспоминает дух, находящийся повсюду.

В то же время, по мере того, как Сила возвращается к Сознанию, само Сознание становится хозяином этой Силы и вообще всех сил; быть сознательным – значит, обладать силой. Ни вращающийся атом, ни человек, не выходящий за пределы своего биологического круга и работающий на своей ментальной фабрике, не обладают подлинным господством над своей ментальной, витальной или атомной силой – они все бегут по одному и тому же кругу. Но на сознательной стадии мы вы-

свобождаемся из этого круговорота и становимся настоящими хозяевами, и тогда мы на опыте убеждаемся, что сознание есть сила, субстанция, которой можно управлять, как управляют электромагнитными полями или химическими реакциями: Начав осознавать сознание, - писал Шри Ауробиндо, - получаешь возможность проделывать с ним самые различные вещи: посылать его как поток силы, возводить вокруг себя стену сознания, направлять идею так, чтобы она вошла в чью-то голову в Америке и т.д. и т.п.⁴⁵ Далее он разъясняет: Невидимая Сила, приносящая ощутимые результаты как внутри, так и снаружи, является всем смыслом Йоги-ческого сознания... Если бы мы не имели тысяч опытов, показывающих, что эта внутренняя Мощь может изменять ум, развивать его старые способности и наделять его новыми, открывать новые сферы знания, овладевать витальными движениями, менять характер, влиять на людей и вещи, контролировать состояние и работу тела, воздействовать, как конкретная динамическая Сила, на другие силы, корректировать события... то мы не говорили бы о ней так, как мы говорим. Более того, эта Сила реально ощутима не только по своим результатам, но и в своих движениях. Когда я говорю об ощущении Силы или Мощи, я имею в виду не какое-то смутное, а совершенно конкретное ощущение со способностью направлять эту Силу, манипулировать ею, наблюдать ее движение, сознавать ее массу и интенсивность и подобным же образом обращаться с другими, противостоящими силами.⁴⁶ На дальнейшей же стадии Сознание может воздействовать на Материю и трансформировать ее. Этот окончательный переход Материи в Сознание и, возможно, когда-нибудь, даже Сознания в Материю, является целью супраментальной йоги, о чем мы поговорим попозже. Есть множество стадий развития сознания-силы – от искателя, который только что пробудился ко внутреннему сознанию, до йогина; и даже среди йогингов есть своя градация – вот где начинается подлинная иерархия.

И последняя равнозначность: не только сознание есть сила, не только сознание есть бытие, но сознание есть и радость, *Ананда* — Сознание-Радость, *Чит-Ананда*. Быть сознательным – это радость. Когда высвобождаешь свое сознание из тысяч поглощающих его ментальных, витальных и физических вибраций, открываешь радость. Все существо словно наполняется массой живой силы («словно великолепная колонна», - говорит Риг Веда, V.45) – прозрачной, без движения, без какой-либо цели. Это чистое сознание, чистая сила, чистая радость, ведь это одно и то же; это сама субстанция необъятной спокойной радости, не знающей ни начала, ни конца и не имеющей никакой причины. Эта радость есть везде – во всех вещах и всех существах: она является их тайным основанием и их скрытой потребностью к росту. Эта радость не требует ничего, она просто есть, как скала, незыблемая в пространстве и времени, как вечная улыбка позади всего. В этом вся Загадка вселенной. Неуловимая улыбка — нечто, которое есть все. И все есть Радость, поскольку все – это Дух, а Дух есть Радость: *Сат-Чит-Ананда*. Бытие-Сознание-Радость – вот вечное триединство, суть вселенной и суть нас самих, это тайна, которую мы должны раскрыть и жить ею в нашем длинном эволюционном путешествии: «Из Восторга рождены все эти существа, Восторгом они живут и растут, к Восторгу они возвращаются» (Тайттирия Упанишада, III.6).

VI. ОЧИЩЕНИЕ ВИТАЛЬНОГО

Бессилие морали

В нашем существе есть одна зона, являющаяся одновременно источником больших трудностей и большой силы. Эту зону, находящуюся между сердцем и половыми органами, Шри Ауробиндо называет *витальной* областью. Витальная зона очень важна, поскольку именно через нее проявляется великая сила жизни. Однако витальная зона искажает все, приходящее изнутри и свыше, и тянет наше сознание на уровень своих мелких забот и интересов, неистово противодействуя нашим усилиям успокоить ум и мешая нам свободно путешествовать по другим регионам.

Витальная область – место всей путаницы: там удовольствие тесно переплетено со страданием, боль – с радостью, добро – со злом, а притворство – с правдой. Витальная зона столь досаждала различным духовным традициям, что они предпочли осенять крестом эту опасную зону, призывая неопитов проявлять только так называемые религиозные эмоции и отвергать все остальные. Все соглашались в одном: невозможно изменить человеческую природу. Но у этой *моральной хирургии*, как назвал ее Шри Ауробиндо⁴⁷, две беды: с одной стороны, она не приводит к настоящему очищению, поскольку высокие эмоции, сколь бы утонченными они ни были, столь же путаны, как и низшие эмоции – по той простой причине, что они имеют чувственную природу и, следовательно, частичны; с другой стороны, не происходит настоящего отвержения эмоций – только подавление. Витальное само по себе – сила, совершенно не зависящая от нашей рассудительности или моральных доводов, так что если мы попытаемся подавить или заглушить ее радикальным аскетизмом или чрезмерной дисциплиной, то когда-нибудь она восстанет, найдя малейшее слабое место – а она знает, как отомстить за себя. Либо, если у нас хватит воли навязывать ей наши ментальные и моральные правила, мы, возможно, и одержим верх, но ценой истощения жизненной силы в нас, ведь неудовлетворенное витальное устроит забастовку, и мы окажемся очищенными не только от зла, но и от блага жизни – станем бесцветными и скучными, без сока жизни. Но это еще не все: мораль работает лишь в пределах ментального функционирования и не имеет доступа в подсознательные и сверхсознательные регионы; кроме того, она не действует в состояниях сна и смерти (а на сон все же уходит треть нашей жизни, так что за шестьдесят лет жизни сорок лет мы можем блюсти моральные принципы, а в оставшиеся двадцать лет не придерживаться никакой морали – странная получается арифметика). Иными словами, мораль не выходит за пределы нашего маленького внешнего существа. Поэтому нам надо подчинить свое существо не узкой моральной дисциплине, а интегральной духовной дисциплине, которая будет считаться с каждой частью нашей природы, освобождая ее от присущей ей путаницы – ведь, поистине, нет нигде абсолютного зла, а просто все запутано, находится не на своем месте и играет не свою роль.

Кроме того, искатель больше не думает в терминах добра и зла (если он еще вообще «думает»), а пользуется понятиями «точность» и «неточность». Моряк, прокладывая свой курс, пользуется не своей любовью к морю, а секстантом, следя за тем, чтобы зеркало оставалось чистым. Если наше «зеркало» загрязнено, мы не увидим подлинной реальности людей и вещей – везде мы будем находить лишь от-

ражение наших собственных желаний или опасений, эхо нашего гомона, причем не только в этом мире, но и во всех мирах, в пробужденном состоянии, во сне и смерти. Для того, чтобы *видеть*, надо перестать ставить себя в центр всей картины. И, самое главное, искателю надо научиться отличать то, что затуманивает его видение, от того, что очищает его – это, по сути, и будет его «моралью».

Привычка ответной реакции

Начав исследование своего витального существа, искатель сначала сталкивается с той частью ума, единственное назначение которой – придавать форму (и давать оправдание) нашим импульсам, чувствам и желаниям; эту часть ума Шри Ауробиндо называет *витальным умом*. Зная о необходимости ментального молчания, мы начинаем распространять свою дисциплину успокоения и на эту нижнюю часть ума. Добившись успеха в этом деле, мы начинаем видеть вещи гораздо яснее – без ментальных прикрас; различные вибрации нашего существа предстают в своем истинном свете и на своем подлинном уровне. И, самое главное, мы начинаем видеть, как приходят эти вибрации. В этой зоне молчания, которую мы отныне представляем, малейшее движение субстанции (ментальной, витальной и пр.) служит нам сигналом: мы сразу же знаем, что что-то коснулось нашей атмосферы. Так мы спонтанно начинаем осознавать массу вибраций, которые люди постоянно излучают, даже не ведая об этом; мы уже можем определять, откуда исходят те или иные вибрации, и точно знаем, кто находится перед нами (внешний лоск, чаще всего, не имеет ничего общего с этой вибрирующей реальностью). Наше отношение с внешним миром становится более ясным: мы уже понимаем причину своих симпатий и антипатий или опасений, дискомфорта; затем мы можем привести все в порядок, исправить свои реакции, принимая те вибрации, которые нам помогают, и отвергая те, которые омрачают нас и нейтрализуя те, которые хотят нам навредить. Мы замечаем очень интересный факт: наше внутреннее молчание обладает силой. Если вместо того, чтобы отвечать на приходящую вибрацию, мы остаемся в полной внутренней неподвижности, мы видим, что эта неподвижность *растворяет* вибрацию – словно мы окружены снежным полем, в котором гаснут и исчезают все удары. Возьмем простой пример: вы общаетесь с человеком, охваченным гневом; если вместо того, чтобы вибрировать в унисон с этим человеком, вы остаетесь внутренне неподвижными, тогда его гнев постепенно рассеивается, как дым. Мать отмечала, что эта внутренняя неподвижность, эта сила не отвечать, может остановить даже руку убийцы или бросок змеи. Только следует помнить, что невозможно имитировать вибрации (животные прекрасно чувствуют это): маска невозмутимости не поможет, если вы кипите внутри. Речь идет не о так называемом «самоконтроле», создающем видимость самообладания, а о подлинном внутреннем господстве. Это молчание может погасить вообще любую вибрацию по той простой причине, что все вибрации заразительны, с самых низких до самых высоких (именно благодаря этому Учитель может передавать ученикам свой духовный опыт или силу), и от нас зависит, принимаем мы или нет это «заражение». Если мы, например, испугались, это значит, что мы уже приняли заражение и тем самым приняли и удар разгневанного человека или змеи. (Можно принимать удары и из-за любви, как Шри Рамакришна, который, увидев, как возникший бьет вола, внезапно вскрикнул от боли и обнаружил на своей спине кровавые рубцы от удара бича.) То же самое относится и к физической боли: мы можем позволить, чтобы через заражение болезненная вибрация за-

владела нами, либо мы можем очертить болезненную точку и по мере своих способностей ослабить или снять боль, отводя сознание от больного места. Ключом к господству на всех уровнях является молчание, ведь в молчании мы различаем вибрации, и это различие позволяет по-разному обходиться с ними. Найдется масса практических ситуаций, когда мы можем применить эту силу молчания, и каждая ситуация предоставляет нам удобный случай одерживать очередную победу. Тогда обычная внешняя жизнь (обычная лишь для тех, кто живет по-обычному) становится необъятным полигоном для обращения с вибрациями – вот почему Шри Ауробиндо всегда стремился вводить йогу в жизнь: действительно, живя в уединении, очень легко пребывать в полной иллюзии самообладания.

Но эта сила молчания или внутренней неподвижности имеет гораздо более важные применения в нашей психологической жизни. Витальное, как мы знаем, это не только место многих бед и путаницы, но и источник великой силы жизни; значит, мы должны отделить эту силу от всех путаных витальных наслоений, не отделив самих себя от жизни. Настоящая путаница находится не в жизни, а в нас самих, и внешние обстоятельства являются лишь точным отражением того, что мы собой представляем на самом деле. Основная трудность витального заключается в его ложном отождествлении со всем, что кажется исходящим из него: витальное говорит «моя» боль, «моя» депрессия, «мой» темперамент, «мое» желание и считает собой все эти всевозможные маленькие «я». Если мы убеждены, что все это действительно наше, тогда нам не остается ничего другого, как просто терпеть эту маленькую семейку и смиренно ждать, когда она сама не выйдет из кризиса. Но если мы способны установить внутреннее молчание, мы прекрасно видим, что все это не наше: все приходит снаружи, как мы уже говорили. Мы всегда привлекаем одни и те же «родственные» нам вибрации, подхватывая любую заразу. Например, можно находиться в компании какого-то человека, оставаясь внутренне безмолвным и неподвижным (что, впрочем, не мешает нам говорить и действовать), как вдруг почувствовать на фоне этой прозрачности, как что-то хочет привлечь наше внимание и войти в нас, это как бы давление или вибрация в атмосфере (это может ощущаться как необъяснимый дискомфорт). Если вы подхватываете эту вибрацию, то спустя пять минут обнаруживаете, что боретесь с депрессией или испытываете какое-то желание или охвачены каким-то возбуждением – так и происходит заражение. Иногда не просто отдельные вибрации, а целые волны захлестывают нас. Для этого не требуется чьего-то физического присутствия: можно уединиться где-нибудь в Гималаях и точно так же воспринимать вибрации мира. Где же «наше» возбуждение, «наше» желание во всем этом, если не в привычке вечно подхватывать одни и те же вибрации? Искатель, внедривший внутреннее молчание, больше не будет захватываться этим *ложный отождествлением*⁴⁸ и откроет вокруг себя то, что Шри Ауробиндо назвал *окружающим сознанием*⁴⁹ — снежное поле вокруг себя, которое может быть очень светлым и сильным, прочным, либо может быть затемненным, испорченным, даже полностью раздробленным, в соответствии с нашим внутренним состоянием. Это индивидуальная атмосфера, *защитная оболочка* (достаточно чувствительная, чтобы можно было почувствовать чье-то приближение или избежать несчастного случая как раз в тот момент, когда он мог произойти), благодаря которой мы можем чувствовать и перехватывать вибрации еще *до того*, как они могут войти в нас. Обычно вибрации столь привычно входят в нас как в свой дом, что мы даже не замечаем, как они приходят: механизм присвоения и отождествления действует мгновенно. Но укоренившееся молчание создает прозрачность, достаточную для того, чтобы видеть приходящие вибрации, а затем останавливать и отвергать их.

Когда мы отвергаем их, они еще могут некоторое время кружить в *окружающем сознании*^{*}, ожидая малейшей возможности, чтобы войти — тогда мы можем очень отчетливо чувствовать, как гнев, желание или депрессия *рыщут* вокруг нас — но, не находя отклика, эти вибрации теряют свою силу и оставляют нас в покое. Мы отключаемся от нежелательных вибраций. И однажды мы с удивлением обнаруживаем, что определенные вибрации, казавшиеся нам неотразимыми, больше не затрагивают нас. Бессильные перед нами, они проходят мимо, как тени на экране кинотеатра. Интересно, что можно даже заранее видеть как бы маленькое лукавство, собирающееся в очередной раз проделать свои трюки. Также мы могли чувствовать, что определенные психологические состояния захватывают нас в одно и то же время или периодически возвращаются к нам (Шри Ауробиндо и Мать называют *формацией* этот сплав вибраций, ставший как бы независимой личностью за счет привычного повторения); если к нам цепляется такая формация, то она не уходит до тех пор, пока не «проиграет свою музыку» от начала до конца, как *граммофонная пластинка*.⁵⁰ Но теперь нам решать, хотим ли мы этой «музыки» или нет. Найдется тысяча переживаний такого рода — это целый мир для наблюдения. Но суть нашего открытия будет в том, что во всем этом очень мало «нас самих» — есть только *привычка отвечать*.⁵¹ Пока мы по неведению ложно отождествляемся с витальными вибрациями, невозможно изменить что-либо в нашей природе, кроме как отрезав что-то. Но как только мы увидели весь этот механизм отождествления, мы все можем изменить, ведь мы вольны не отвечать на назойливые вибрации и растворять их силой своего молчания. Человеческую природу можно изменить вопреки всем старым канонам. В нашем сознании и в нашей природе нет ничего, было бы раз и навсегда задано: все является игрой сил или вибраций, порождающих иллюзию «естественной» необходимости за счет своей регулярной повторяемости. Вот почему йога Шри Ауробиндо говорит о *возможности полной отмены обычного правила реагирующего сознания*.⁵²

Раскрыв весь этот механизм, мы тут же находим подлинный способ овладения витальным — не хирургический способ, а успокаивающий. Невозможно покорить витальное витальной же борьбой — это лишь истощит наши силы, нисколько не затронув вселенского существования витального. Чтобы решить проблему витального, надо занять иную позицию — нейтральную позицию молчаливого покоя. *Если вы установите мир и покой, — писал Шри Ауробиндо ученику, — тогда очищение витального станет легким делом. Если же вы только чистите и чистите и не делаете ничего другого, вы будете продвигаться очень медленно, поскольку витальное будет загрязняться вновь и вновь, и вам придется чистить его сотни раз. Мир и покой — это нечто чистое само по себе, так что его обретение — позитивный путь достижения вашей цели. Только поиск грязи и чистка — негативный путь.*⁵³

Враждебные силы

Есть и другая трудность. Искателя сбивают с пути не только вибрации, по обыкновению приходящие от других людей или из вселенского витального (впрочем, трудно четко разграничить эти два типа вибраций, поскольку индивиды являются лишь *наземными станциями*.⁵⁴ для вселенского ментального или вселенского витального, так что вибрации вечно передаются от одного к другому по замкнутому

^{*} Если только они не внедряются в подсознательное — об этом мы поговорим попозже.

кругу). Есть еще один тип вибраций, отличающийся своей внезапностью и неистовством: они буквально обрушиваются на искателя, и он за считанные секунды становится «другим человеком», позабыв о своем смысле жизни, своих усилиях, своей цели, как если бы все было сметено, лишено смысла, сгинуло. Это то, что Шри Ауробиндо и Мать называют *враждебными силами*. Это очень сознательные силы, единственная цель которых – обескураживать искателя и сбивать его с избранного им пути. Первые признаки их присутствия сразу же ощущаются: омрачается радость, затуманивается сознание, и все покрывается атмосферой драмы. Как только появилось страдание, будьте уверены, что враг у ворот. Враждебные силы любят разыгрывать драмы, поскольку в нас они находят очень старого партнера, который не прочь им подыграть, хотя сам уже молит об избавлении. Первым делом они обычно пытаются заставить нас внезапно принять какое-то крайнее бесповоротное решение, как можно дальше уводящее нас с избранного пути – такие вибрации «хватают за горло» и требуют *немедленного* решения. Либо враждебные силы с поразительным мастерством разбирают на части весь механизм нашего поиска, пытаясь показать, что мы лишь питаем иллюзии и не достигнем ничего. Либо, чаще всего, они вводят нас в депрессию, опираясь на старого знакомого партнера в нас, которого Шри Ауробиндо называет *человеком печали: приятель... завернувшийся в сеть плащей трагедии и уныния, он не чувствовал бы оправданным свое существование, если бы не мог быть безмерно несчастным*.⁵⁵ Все вибрации беспорядка, которые мы считаем «своими» печалью или «своими» огорчениями, сразу же приводят к ослаблению или распаду нашего защитного «снежного поля», открывая дверь враждебным силам. А у них есть тысячи способов атаковать нас, и чем решительнее мы встали на свой путь, тем яростнее атаки. И это действительно умышленные целенаправленные атаки – в этом может усомниться лишь тот, кто никогда не пытался сделать прогресс. Довольно легко «жить как все», но как только мы становимся на путь сознательной эволюции, так сразу же поднимаются тысячи сил – словно свора сторожевых собак, следящих, чтобы мы не выбивались из «общего стада» – и тогда мы видим, как хорошо организовано наше заключение. И мы даже обнаруживаем, что можем пасть столь же низко, как высоко можем подняться – поистине, глубина нашего возможного падения точно соответствует способности нашего восхождения. Тогда пелена спадает с наших глаз, и мы понимаем, что, в принципе, способны на все и, как сказал Шри Ауробиндо, *наша добродетель – это претенциозная нечислота*.⁵⁶ Только тот, кто никогда не выходил за пределы своего внешнего существа, может питать иллюзии на сей счет.

В духовной истории мира враждебным силам давались всевозможные дьявольские и «черные» имена, как если бы они играли исключительно негативную роль, стремясь изводить искателей и беспричинно досажая добрым малым. Но на самом деле все немножко по-другому, ибо где же дьявол, как не в Боге? Если он не Боге, то от самого Бога мало что останется, ведь в этом мире (и других мирах тоже) предостаточно зла, так что совершенно чистой можно посчитать разве что математическую точку, не имеющую измерений. В действительности, враждебные силы играют и позитивную роль во вселенной, выявляя наши изъяны. В самом деле, будь мы абсолютно чистыми и прозрачными, им было бы попросту не за что в нас зацепиться. Если вместо того, чтобы проклинать дьявола и обвинять весь этот злосчастный мир, мы внимательно посмотрим на самих себя, то обнаружим, что каждая атака разоблачает одну из бесчисленных масок добропорядочного человека или, как сказала Мать, *сбрасывает жалкие покровы, которые мы напяливаем на себя, чтобы не видеть*. И эти жалкие или внушительные покровы прикрывают не только наши соб-

ственные изъяны; эти покровы находятся повсюду в мире, скрывая как его мелкие недостатки, так и крупное самодовольство. И если какая-то сила порою грубо срывает эти покровы, она делает это не случайно и не из беспричинной злости, а чтобы раскрыть нам глаза и заставить нас двигаться к совершенству. Ведь зачастую, ухватив крупицу истины или проблеск идеала, мы, к сожалению, склонны заключать ее в априори безошибочную герметическую конструкцию и не хотим двигаться дальше. Иными словами, эти бесцеремонные силы служат инструментом прогресса как отдельного индивида, так и мира в целом. «Ты поднимаешься тем, из-за чего упал», - мудро отмечает Куларнава Тантра. Мы протестуем против кажущейся бесполезности и произвола «катастроф», поражающих наше сердце и нашу плоть, и обвиняем «Врага», но не сама ли душа (не внешний ум, а Дух внутри) приняла и выбрала все это как часть своего развития, чтобы как можно быстрее обрести необходимый опыт, пробиться вперед, даже с риском или ценой ущерба для внешней жизни и тела?⁵⁷ Не могут ли трудности, препятствия и атаки быть инструментами роста души в нас, укрепляющими ее силу, расширяющими ее опыт, подготавливающими ее к духовной победе? Мы сетуем на зло, но если бы оно не осаждало нас и не противостояло бы нам, мы бы уже давно схватили вечную Истину и превратили бы ее в маленький аккуратный и безупречный пустяк. Истина всегда движется, у нее есть ноги, и князья тьмы следят здесь за тем, чтобы никто не уснул, и будят их довольно грубо. *Отрицания Бога столь же полезны для нас, как и Его утверждения*⁵⁸, - говорит Шри Ауробиндо. *Противник исчезнет только тогда, когда больше не будет нужен миру, - заметила Мать. Без сомнения, он нужен, как нужен золоту пробный камень, чтобы убедиться, что мы на верном пути.*

В конце концов, Бог не может быть какой-то абстрактной математической точкой, находящейся вне этого мира; не Он ли сам – весь этот мир с его нечистотой, мир, который трудится и страдает ради того, чтобы стать совершенным и вспомнить Себя здесь, на земле?

Способ обращения с враждебными силами тот же самый, что и с прочими вибрациями: молчание, внутренняя неподвижность, не затрагиваемая никаким штормом. С первого раза нам вряд ли удастся растворить их атаку, но со временем мы будем все больше и больше ощущать, что они затрагивают лишь поверхностное существо; мы можем быть потрясены, расстроены, но все же в самой глубине своего существа будем чувствовать «Свидетеля» в нас, никогда ничем не затрагиваемого и никогда не страдающего. Мы падаем и поднимаемся, с каждым разом становясь все сильнее. Единственный «грех» - это пасть духом. Искатель, вставший на путь интегральной йоги, будет больше, чем другие, подвергаться атакам враждебных сил (Шри Ауробиндо часто говорил, что его йога – *сражение*)⁵⁹, поскольку он хочет охватить все в своем сознании, ничего не отвергая, и поскольку ему предстоит пройти не один-единственный путь к блаженству наверху и победить не одного-единственного стража сокровищ, а преодолеть множество путей – справа, слева, внизу и на всех уровнях нашего существа – и добыть не одно сокровище.

Истинное витальное

Итак, нам надо преодолеть определенный переход, если мы хотим найти истинную силу жизни позади беспокойной жизни внешнего человека. Согласно традиционным духовным учениям, этот переход сопровождается всевозможными умерщвлениями и отречениями (что, между прочим, лишь поднимает сомнение

аскета), но мы ищем совсем другого. Мы хотим не убежать от жизни, а расширить жизнь; мы не хотим отказаться от «кислорода» ради «водорода» или наоборот, а стремимся изучить «химический состав» сознания, чтобы увидеть, при каких условиях получается самая чистая вода и обеспечивается самая эффективная работа. Йога — это великое искусство жизни, - говорил Шри Ауробиндо.⁶⁰ *Позиция аскета, говорящего «я не хочу ничего», по сути не отличается от позиции мирского человека, говорящего «я хочу то-то и то-то», -* отмечала Мать. *Один столь же привязан к своему отречению, как другой – к своей собственности.* В действительности, пока мы хотим от чего-то отречься, мы еще не готовы и по шею еще вязнем в дуальностях. Без какой-либо особой подготовки каждый может сделать следующее наблюдение. Стоит сказать витальному: «Надо отречься от этого, отказаться от того-то», как его тотчас же охватит противоположное желание; либо, если оно примет отречение, будьте уверены, что оно будет ждать оплаты другой монетой. Витальное даже предпочтет большое отречение малому, ведь в любом случае оно будет функционировать, будь то негативно или позитивно – для него любая крайность питательна. Как только мы открываем эту простую истину, нам сразу же становится понятным принцип работы витального, безразличного к нашим человеческим сентиментам – страдание столь же привлекательно для витального, как и радость, лишение – как и изобилие, ненависть – как и любовь, муки – как и экстаз. В любом случае оно находит себе пищу, и это не удивительно, ведь всегда действует одна и та же Сила – как в страдании, так и в удовольствии. Попутно обнажается двойственность всех без исключения чувств нашей внешней личности: любое из них может превратиться в свою «противоположность»: разочарованный филантроп (или, скорее, разочарованное витальное в филантропе) становится пессимистом, рьяный проповедник удаляется в пустыню, «Фома неверующий» превращается в фанатика, а благочестивого человека возмущает все, на что он сам не осмеливается. И здесь мы раскрываем еще одну особенность поверхностного витального: это *неисправимый шарлатан*⁶¹, играющий во все игры (мы даже не можем сказать, не доставит ли ему удовольствие смерть нашей матери). Всякий раз, когда мы кричим от горя или от чего угодно, в нас подсмеивается обезьяна. Мы знаем обо всем этом, и все же остаемся такими же сентиментальными. И в довершении своих «талантов» витальное превосходно все затуманивает (это сам воплощенный туман), выдавая силу своих чувств за силу истины и *подменяя высоты дымящейся вершиной вулкана на дне пропасти*⁶².

Из этого первого наблюдения вытекает второе: полная неспособность витального помогать другим или даже общаться с другими, за исключением тех случаев, когда совпадают желания витальных эго. Не найдется ни одной вибрации, испущенной или, скорее, переданной нами, которая не могла бы тут же превратиться в свою противоположность в другом человеке. Стоит только пожелать кому-то всех благ, как автоматически пробуждается все недоброе (как если бы оно автоматически подхватывалось с благими пожеланиями) или возникает сопротивление и поднимается противоположная воля – этот механизм по своей спонтанности и неизбежности подобен химической реакции. На самом деле витальное стремится не помогать, а брать, и брать всегда и каким угодно способом. Все наши чувства окрашены «хватанием». Наша боль, например, от предательства друга (и, вообще, любая боль) есть верный знак участия нашего эго, ведь если бы мы действительно любили людей ради них самих, а не ради себя, то мы любили бы их всегда, даже когда они становятся врагами – в любом случае мы ощущали бы радость от их существования. В действительности, все наши горести и страдания – это всегда признак смешения,

а потому они всегда ложны. Истинна только радость, поскольку истинно только то «я» в нас, которое охватывает все существования и все возможные противоположности существования. Мы страдаем из-за того, что ставим все вне себя. Когда все внутри нас, все есть радость, поскольку все неразрывно.

Мы можем протестовать, воскликнув «А как же Сердце?» (Сердце с большой буквы). Но как раз сердце и является местом самой большой путаницы и смешения и, к тому же, оно быстро выдыхается. В этом и состоит наше третье наблюдение. Наша способность радоваться мала, как и способность страдать: быстро притупляется острота восприятия самых ужасных бедствий, и мы скоро предаем забвению наши самые большие печали. Мы можем вместить в себя лишь малую часть этой великой Силы Жизни – *мы не выдерживаем нагрузки*, как говорила Мать. Малейшая «передозировка» – и мы кричим от радости или боли, пускаемся в пляс, заливаемся слезами или падаем в обморок. Ведь через нас течет и быстро переполняет нас одна и та же многоликая Сила. Сила Жизни не страдает; она ничем не озабочена и никогда не «возносится», она ни хорошая и ни плохая – она просто есть, она просто течет, безмерная и безмятежная. Все противоположные ощущения, которые эта Сила вызывает в нас, достались нам от нашей прошлой эволюции, когда мы были совсем слабыми и обособленными, так что вынуждены были защищаться от этой живой безмерности, слишком великой для нашей малости. Мы подразделяли вибрации на «вредные» и «полезные», приписывая одним «положительный коэффициент» удовольствия, симпатии или блага, а другим – «отрицательный коэффициент» страдания, отвращения или зла. Но страдание возникает при слишком большой интенсивности одной и той же Силы, и безмерное удовольствие превращается в свою болезненную «противоположность»: *Это лишь условности, принятые нашими чувствами*, – говорит Шри Ауробиндо.⁶³ *Достаточно лишь немного сдвинуть стрелку сознания*, – говорит Мать. *Для космического сознания в состоянии полного знания и полного опыта все касания воспринимаются как радость, Ананда.*⁶⁴ И только узость и недостаточность сознания является причиной всех наших бед, моральных и даже физических, причиной нашего бессилия и извечной трагикомедии нашего существования. Но выход заключается не в истощении витального, на что напирал моралисты, а в его расширении; надо не отвергать, а принимать все больше и больше и расширять свое сознание. Ведь в этом сам смысл эволюции. Единственное, что надо отвергать, это свое неведение и свою узость. Когда мы иступленно цепляемся за свою жалкую внешнюю личность, за ее комедии, ее липкие сантименты и освященные страдания, мы не люди в подлинном смысле этого слова, а какие-то пережитки давно ушедших геологических эпох; *мы защищаем свое право на печаль и страдание.*⁶⁵

Теперь искатель больше не обманывается неоднозначной игрой, проходящей на витальной поверхности, но еще долгое время у него будет оставаться привычка отвечать на тысячи мелких биологически-эмоциональных вибраций, кружащихся вокруг него. Этот переходный период довольно продолжительный (как и переход от перемалывающего все ума к ментальному молчанию), и он нередко сопровождается периодами большой усталости, поскольку организм теряет свою привычку черпать энергии из всеобщего поверхностного источника (который вскоре кажется грубым и тяжелым, как только мы вкусили энергии другого вида), но еще не способен быть в постоянной связи с истинным источником – отсюда и «провалы» энергии. Но и здесь искателю помогает нисходящая Сила, которая мощно содействует установлению в нем нового ритма. Искатель не перестает удивляться тому, что стоит ему сделать лишь маленький шаг вперед, как Сила свыше делает десять шагов

ему навстречу – как если бы его ждали. Однако будет неправильным думать, что эта работа носит негативный характер; конечно, витальному нравится считать, что оно прикладывает большие усилия в борьбе с самим собой, но на самом деле искатель не навязывает самому себе строгих ограничительных правил, а следует позитивному стремлению своего существа. Искатель действительно вырастает из вчерашних норм и позавчерашних удовольствий, которые уже кажутся ему скучными, как диетическое питание — он уже не удовлетворен всем этим и может жить и действовать лучше. Вот почему так трудно объяснить путь тому, кто никогда не вступал на него: он будет видеть лишь свою сегодняшнюю точку зрения или, вернее, ее утрату. Если бы мы только знали, какой это шаг вперед – оставить прежнюю точку зрения, и как меняется жизнь, когда переходишь из стадии закрытых истин к стадии открытых истин – эта истина как сама жизнь, и она слишком велика, чтобы попасться в ловушку точек зрения, ибо она охватывает все точки зрения и видит полезность каждой вещи на каждой стадии бесконечного развития; эта истина достаточно велика, чтобы отрицать саму себя и без конца переходить в более высокую истину.

За этим инфантильным, беспокойным, быстро устающим витальным мы обнаруживаем спокойное и мощное витальное – *истинное витальное*, как называет его Шри Ауробиндо – витальное, содержащее саму сущность Силы Жизни без всяких ее чувственных и болезненных наростов. Мы входим в состояние спокойной спонтанной концентрации, как невозмутимое море под волнующейся поверхностью. И эта фундаментальная неподвижность – не притупление нервов (как и ментальное молчание – не оцепенение мозга), а база для действия. Это сконцентрированное могущество, которое может привести все в движение и выдержать все удары, даже самые яростные и самые продолжительные, не теряя своего спокойствия. В зависимости от степени нашего развития, в этой витальной неподвижности могут появляться всевозможные новые способности, и, прежде всего, мы чувствуем неисчерпаемый источник энергии; как только появляется усталость, это верный знак того, что мы снова впали в поверхностное возбуждение. Десятикратно возрастает работоспособность, а еда и сон перестают быть единственными и достаточными источниками возобновления энергий (и, как мы увидим, меняется природа сна, а еда может быть сведена к гигиеническому минимуму). Могут появиться и другие способности, считающиеся «чудодейственными», но все эти чудеса – *результат метода*; мы не будем говорить здесь о них – лучше пережить их на своем опыте. Просто отметим, что если человек научился управлять какой-то витальной вибрацией в самом себе, он автоматически может управлять той же вибрацией повсюду в мире. Далее, в этой неподвижности исчезает страдание и устанавливается неизменная радость. Как только обычный человек получает удар, физический или моральный, он тут же сжимается и вскипает от негодования, и тем самым удесятерять свою боль. Напротив, искатель, в котором уже установилась неподвижность, увидит, что эта неподвижность растворяет все удары, поскольку она *обширна*; ведь больше нет индивида, сжавшегося в комок, как от боли в желудке, а есть сознание, превосходящее границы своего тела. Успокоенное витальное, как и молчаливый ум, спонтанно становится всеобъемлющим: *В переживании йоги сознание расширяется во всех направлениях – в стороны, вверх, вниз – устремляясь к бесконечности. Когда сознание йогина освобождается, он начинает жить не в теле, а в этой бесконечной высоте, глубине и широте. Его базой становится бесконечная пустота или бесконечное молчание, но в этой пустоте или молчании может манифестировать все: Покой, Свобода, Сила, Свет, Знание, Ананда.*⁶⁶ Как только появляется страдание, какого бы порядка

оно ни было, это непосредственный знак сужения существа и потери широты сознания.

Это расширение существа имеет одно важное следствие, заставляющее нас понять абсолютную необходимость витальной неподвижности – не только ради ясности восприятия, эффективности действия и радости в жизни, но и просто ради нашей собственной безопасности. Пока мы живем в нашем маленьком внешнем существе, тогда и вибрации малы, удары малы, радости малы – мы защищены как раз нашей малостью; но как только мы выходим во вселенское Витальное, мы находим там те же самые вибрации или, скорее, те же самые силы, но уже на гигантском, вселенском масштабе – миром движут те же самые силы, что движут нами, но масштаб иной. Тогда, если мы не научились совершенной *ровности* или внутренней неподвижности, мы будем попросту сметены. И это относится не только ко вселенскому Витальному, но и ко всем планам сознания, ведь можно или нужно (по крайней мере, искателю интегральной йоги) реализовать космическое сознание на всех уровнях: в Сверхсознательном, в уме, в витальном и даже в теле. Когда искатель поднимается в Сверхсознательное, он обнаруживает, что интенсивность Духа также может быть сокрушительной (ведь везде одна и та же божественная Сила, одна и то же Сознание-Сила – вверху и внизу, в Материи, в Жизни, в Уме или выше – но чем ниже Эта Сила спускается, тем больше Она затуманивается, искажается и фрагментируется средой, через которую Она проходит), так что если искатель, выходя из тяжести своей привычной среды, стремится восходить слишком быстро, поспешно, проскакивая целые этапы без установления ясного и непоколебимого основания, то он рискует взорваться, как паровой котел. Поэтому витальная прозрачность – это не вопрос морали, а необходимое техническое или даже органическое условие. На самом деле великая Заботливость всегда удерживает нас от преждевременных переживаний; возможно, мы узки и малы как раз до тех пор, пока нам надо оставаться узкими и маленькими.

Наконец, овладев витальной неподвижностью, мы обнаруживаем, что обретаем способность помогать другим. Помощь другим не имеет ничего общего с милосердием или благотворительностью, это вопрос силы, видения и радости. В этом спокойствии мы обладаем не только лучистой радостью, но и видением, рассеивающим все тени. Спонтанно мы воспринимаем все вибрации, а способность различать их дает нам возможность манипулировать ими, утихомиривать их, отгонять или даже изменять их. *Спокойствие*, - говорит Мать, - *это очень позитивное состояние; есть позитивный покой, который не является противоположностью борьбе – активный и заразительный мощный покой, который подчиняет и успокаивает, приводит в порядок и расставляет все по своим местам.* Приведем пример такого «заразительного покоя», хотя он относится к немного более позднему периоду жизни Шри Ауробиндо. Это было в Пондишери, в сезон тропических дождей, когда проливные ливни, а иногда и циклоны, внезапно обрушиваются на землю, принося разрушения. Для защиты от этой напасти двери и окна закрываются толстыми бамбуковыми щитами. В ту ночь внезапно налетел циклон, неся с собой потоки дождя, и Мать поспешила в комнату Шри Ауробиндо, чтобы помочь ему закрыть окна. Он сидел там за своим столом и работал как обычно (в течение многих лет Шри Ауробиндо писал ежедневно по двенадцать часов – с шести часов вечера до шести утра – затем в течение восьми часов он ходил вперед-назад «в целях йоги»), окна были широко распахнуты, но ни одна капля дождя не попала в комнату. Покой, царивший там, вспоминает Мать, был таким плотным, что циклон *не мог* проникнуть туда.

VII. ПСИХИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

Мы – это не ум, поскольку все наши мысли приходят из ума, более широкого, чем наш – из вселенского Ума; мы – это не витальное, не ощущения и не действия, поскольку все наши побуждения приходят из витального, более широкого, чем наше – из вселенского Витального; мы – это не тело, поскольку все его слагаемые образуются Материей и подчиняются законам, более великим, чем наши – вселенским законам. Чем тогда является это «я» в нас, отличное от нашей среды, нашей семьи, наших традиций, нашей женитьбы, нашей профессии, отличное от игры вселенской Природы или стечения обстоятельств – настоящее «я», которое остается, даже если рухнет все остальное? Как раз тогда, когда все рухнуло, и наступает *наш* момент истины – тогда обнажается наше истинное «я».

В ходе нашего исследования мы обнаружили различные центры или уровни сознания и увидели, что за всеми центрами стоит сознание-сила, связывающая различные состояния нашего существа (в результате успокоения ума и очищения витального как раз и происходит высвобождение этой сознание-силы от ментальной и витальной деятельности, в которую она обычно вовлечена). Мы чувствуем, что этот поток силы или сознания является фундаментальной реальностью нашего существа, стоящей за всеми нашими состояниями. Но эта сознание-сила должна быть *чьим-то* сознанием. Кто же сознателен в нас? Где центр, кто хозяин? Или же мы попросту марионетки какого-то вселенского Существа, которое и есть наш настоящий центр, поскольку любая ментальная, витальная и физическая деятельность принадлежит на самом деле вселенской Природе? Истина здесь двояка, но в любом случае мы не марионетки, за исключением тех случаев, когда мы упорно продолжаем отождествлять себя с внешним существом, а оно-то и есть марионетка. В нас есть индивидуальный центр, который Шри Ауробиндо назвал *психическим центром*, и есть космический центр или *центральное существо*. Нам надо шаг за шагом обнаружить оба центра и стать Хозяином всех своих состояний. Пока мы займемся поиском только индивидуального центра, психического существа, которое называют еще и душой.

Обнаружение психического существа является одновременно самым простым и самым сложным делом в мире. Самым простым – потому что ребенок знает это или, скорее, *живет* этим, спонтанно – он король, он смеется! Он живет в своем психическом существе.* Самым сложным – из-за того, что эта спонтанность вскоре заволакивается всевозможными идеями и чувствами. Если мы начинаем рассуждать о «душе», это значит, мы в ней больше ничего не понимаем. Все юношеские страдания – это всего лишь история медленного заточения психического существа (кризис «переходного возраста» – это, возможно, кризис удушья, а зрелость наступает, когда это удушье становится нормальным состоянием), так что трудность искателя состоит в том, чтобы обратить эту историю, постепенно удалив всю ментальную и витальную примесь. Но на самом деле мы не вернемся к исходной точке, ведь и само психическое растет, и ширится его *сознательное* царство. Психическое находится «внутри, как ребенок, который должен родиться», – говорит Ригведа (IX.83.3).

* Бывают и исключения, а степень проявленности психического существа может быть разной, и все это хорошо видно невооруженным глазом.

Психическое рождение

Первым знаком открытия психического являются любовь и радость – радость, которая может быть чрезвычайно интенсивной и мощной, но без какой-либо экзальтации; это беспредметная радость, спокойная и глубокая, как море. Радости психического не нужно ничего, чтобы быть; она просто *есть*. Даже самые глубокие темницы не могут убить радость психического, ибо эта радость – не чувство, а состояние. Радующееся психическое подобно реке, сверкающей своими искорками радости везде, где бы она ни протекала – по грязи или камням, в горах или по равнине. Любовь психического не противоположна ненависти и также беспредметна; ей не нужно ничего, чтобы быть; она просто *есть*. Эта любовь спокойно горит во всем, что она встречает, во всем, что она видит, во всем, чего она касается, ибо она не может не любить – это состояние психического. Для этой любви нет ни низкого, ни высокого, ни чистого, ни нечистого; не могут померкнуть ни ее пламя, ни ее радость. Обнаруживаются и другие знаки психического: оно легкое, и ничто его не отягощает, словно весь мир – его игровая площадка; оно неуязвимо, и ничто его не затрагивает, словно оно навечно за пределами всех трагедий и уже спасено ото всех несчастных случаев; оно – провидец, и оно по-настоящему видит; оно спокойное, очень спокойное, словно дуновение в глубинах существа; оно обширное, как вечное море. Ибо оно само вечное. Психическое существо свободно, ничто не может им завладеть: ни жизнь, ни люди, ни идеи, ни доктрины, ни страны – оно за пределами, навечно за пределами всего этого, и все же в сердце всех и каждого, ибо Оно – это Бог в нас.

Вот каким предстает психическое для видящего глаза: *Когда смотришь на кого-то, кто сознает свою душу и живет в своей душе, - говоришь, - чувствуешь, как все глубже и глубже погружаешься в эту личность – очень глубоко внутрь. Тогда как, обычно, когда смотришь в глаза людей (в некоторые глаза невозможно войти – они как закрытые двери, но глаза других открыты, и через них можно войти), то очень близко к поверхности встречаешь нечто, что вибрирует, а иногда и сияет и сверкает. На это можно попасться и сказать себе: «О, у него живая душа!», но это не душа, а витальное. Чтобы найти душу, надо отойти от поверхности и идти все дальше вглубь до самой потаенной тихой пещеры; и там есть нечто теплое, спокойное, неподвижное, наполненное и чрезвычайно сладкое – это и есть душа. Она дает ощущение обилия и полноты, бездонных глубин. Чувствуешь, что если войдешь туда, то раскроешь множество тайн; это как отражение чего-то вечного на спокойной поверхности воды. Перестает существовать время, чувствуешь, что ты всегда был и будешь всю вечность.*

Но это лишь знаки, внешнее выражение того, что существует самом по себе, а мы хотели бы иметь непосредственное переживание психического существа. Как открыть двери психического? Ведь оно хорошо сокрыто. И, прежде всего, оно скрыто нашими идеями, нашими чувствами, которые беспощадно грабят его и подделываются под него. У нас так много представлений о высоком и низком, чистом и нечистом, божественном и небожественном, столько сентиментальных стереотипов о том, что заслуживает любви, а что – нет, что у бедного психического существа мало шансов показаться нам на поверхности, поскольку место уже занято всей этой мишурой. Стоит психическому лишь чуть показаться на поверхности, как оно тут же захватывается витальным, которое строит на нем свои блестящие экзальтации, свои трепещущие «божественные» эмоции, свою собственническую любовь, свое расчетливое благородство, свою кричащую эстетику; или же разум заточает психическое в

свою клетку и строит на нем свои исключительные идеалы, свои непогрешимые филантропические схемы, свои моральные правила; а есть еще и Церковь – бесчисленные церкви, которые укладывают психическое в свои каноны и догмы. Где же психическое во всем этом? И все же оно здесь, внутри всего этого, божественное, терпеливое, стремящееся пробиться сквозь все эти наслоения и использующее поистине все, что дается или навязывается ему – оно «довольствуется тем, что имеет». И как раз в этом кроется свой «подводный камень»: когда психическое хотя бы на секунду выходит из своего убежища, оно отбрасывает такое великолепие на все, к чему прикасается, что мы принимаем за его светлую истину те обстоятельства, при которых произошло это откровение. Тот, кто имел откровение своего психического, слушая музыку Бетховена, скажет: «Музыка и только музыка истинна и божественна на земле.» Другой же, кто почувствовал свою душу посреди безбрежных морских просторов, сотворит свою религию открытых морей. Третий присягнет своему про-року, своей маленькой часовне, своему евангелию. И каждый выстроит свою конструкцию вокруг своего переживания. Но психическое существо свободно, чудесным образом свободно от всего! Ему не требуется *ничего*, чтобы быть, это сама суть Свободы, и оно использует нашу более или менее возвышенную музыку, наши более или менее великие Писания просто для того, чтобы пробить брешь в человеческом панцире и выйти из своего заточения. Оно дает свою любовь и свое могущество, свою радость, свой свет, свою открытую неопровержимую Истину всем нашим идеям, всем нашим чувствам и всем нашим доктринам, просто потому что это его единственная возможность проявиться, у него нет другого способа выражения. Однако все эти идеи, чувства и доктрины лишь самоутверждаются за счет психического; они захватывают и приписывают себе этот элемент чистой Истины, выводя из него свои неоспоримые утверждения, свои исключительные глубины, свою одностороннюю универсальность, так что *сама сила элемента истины увеличивает силу элемента заблуждения*⁶⁷. В конечном счете, поглощение психического становится настолько полным, оно настолько смешивается со всем остальным, что мы уже не можем распознать и отделить подделку, не разрушив саму ткань истины; так и живет мир – отягощенным полуправдой, которая еще тяжелее лжи. Может быть, настоящая трудность состоит не в том, чтобы освободиться от зла, которое легко распознать, если мы хоть немного искренни, а в том, чтобы освободиться от того добра, являющегося лишь изнанкой лжи, которое ухватило крупницу истины и закрыло свои двери для всего остального.

Если мы хотим иметь непосредственное переживание психического во всей его кристальной чистоте и удивительной свежести, каким оно неизменно существует вне всех наших ловушек, вне всего того, что мы думаем, чувствуем и говорим о нем, тогда нам надо создать прозрачность внутри себя. Бетховен, море, часовня служили лишь инструментами установления этой прозрачности. Ведь всегда происходит так: как только мы становимся прозрачными, так спонтанно и без малейшего усилия с нашей стороны появляется Истина, видение и радость, ибо Истина – самая естественная вещь в мире; затмевает же ее все остальное – ум и витальное со своими путанными вибрациями и искусственными усложнениями. Все настоящие духовные дисциплины, все *тапасы*, должны вести, в конечном счете, к той совершенно естественной точке, когда нам больше не нужны усилия, ведь усилие – это еще одна путаница, еще одно усложнение. Так что искатель не будет пытаться разбираться в путанице морализующего ума или браться за невыполнимую задачу отделения добра от зла в своем стремлении высвободить психическое, ибо на самом деле полезность добра и зла тесно связана с их вредностью. (*Мой возлюбленный снял с меня*

покровы греха, и я с радостью позволила им упасть; затем он дернул за мои покровы добродетели, но мне стало стыдно, я встревожилась и воспрепятствовала ему. И только когда он силой сорвал их с меня, я увидела, насколько моя душа была сокрыта от меня).⁶⁸ Искатель просто постарается, чтобы все отстоялось и прояснилось в молчании, ибо молчание чисто само по себе, как прозрачная вода. «Не пытайся смыть одно за другим все пятна со своей одежды», - советует древняя халдейская мудрость, - «лучше смени ее целиком.» Именно это Шри Ауробиндо называет изменением сознания. В этой прозрачности спокойно разглядятся старые привычные «складки», и мы почувствуем другое положение сознания – не другую интеллектуальную позицию, а новый центр притяжения. На уровне сердца, но глубже витального сердца (которое как раз и покрывает и имитирует психическое) мы почувствуем зону интенсивной концентрации, как если бы все сходилось там – это и есть психический центр. Мы уже чувствовали, как в нас начал индивидуализироваться поток сознание-силы, циркулирующий в теле и становящийся все более интенсивным по мере своего высвобождения из ментальной и витальной деятельности; теперь же мы чувствуем, как в психическом центре разгорается нечто, как огонь — *Агни*. Это и есть наше настоящее «я». Мы говорим, что испытываем «потребность знать», «потребность любить», но чья это потребность? Не самодовольного и самодостаточного эго, не ментального приятеля, бегающего одними и те же кругами, и не витального приятеля, стремящегося только брать и брать. Позади всей этой мишуры есть негаснущий огонь, и именно он испытывает потребность, потому что он помнит нечто иное. Люди говорят о «присутствии», но это больше похоже на острое отсутствие, это как живая дыра внутри нас, которая нагревается и жжет, все больше и больше давит, пока не становится реальностью, причем единственной реальностью в мире, так что невольно возникает вопрос, действительно ли живут люди или только притворяются, играя в жизнь. Это огненное «я» - единственно истинное «я» в мире, единственное, что не рушится и на что можно положиться. «В центре нас есть сознательное существо, которому подвластно прошлое и будущее; оно подобно огню без дыма... Его надо терпеливо отделять от собственного тела», - говорят Упанишады (Катха Упанишада, IV.12.13; VI.17). Психическое существо – это тот «ребенок, скрытый в тайной пещере», о котором говорит Ригведа (V.2.1), это «сын небес в теле земли» (III.25.1), «он пробужден в тех, кто спит» (Катха Упанишада, V.8). «Он здесь, в центре дома» (Ригведа, I.70.2), «он подобен жизни и дыханию нашего существования, он – как наше вечное дитя» (I.66.1), он «сияющий Король, скрытый от нас» (I.23.14). Это подлинный Хозяин, это Центр, где все сообщается друг с другом:

*Солнечное пространство, где все известно навеки.*⁶⁹

Если мы хотя бы на секунду почувствовали это Солнце внутри себя, это пламя, эту живую жизнь – ведь так много мертвых жизней – тогда для нас меняется все; пред этим воспоминанием меркнут все остальные воспоминания. Это *та самая* Память. Если мы преданы этому горящему *Агни*, он будет все расти и расти как живое существо в нашей плоти, словно неослабевающая потребность. Он будет все конкретнее чувствоваться запертым внутри, мучительно острым как нечто, чему не удастся пробиться наружу: *Ужасное ощущение, как будто что-то ограничивает ваше видение и движение; все ваши попытки ускорить переход приводят лишь к тому, что вы упираетесь в стену. И вы все стучите и стучите по этой стене, но все тщетно*, - говорит Мать. Затем, в силу исключительной потребности, когда уже

больше невозможно жить в этом заключении, психическое напряжение достигает своей критической точки, и мы имеем переживание: *Давление становится таким большим, а вопрос ставится столь остро, что что-то переворачивается в сознании. Вместо того, чтобы быть снаружи и смотреть внутрь, вы сами оказываетесь внутри; и с той минуты, как вы оказываетесь внутри, полностью меняется все, абсолютно все. Все, что раньше казалось истинным, естественным, нормальным, реальным, ощутимым, сразу же становится гротескным, смешным, нереальным и абсурдным. Вы прикоснулись к чему-то в высшей степени истинному и вечно прекрасному; и вы уже больше никогда не утратите это.* «О, Агни, когда ты разожжен нами, мы растем тобой ввысь и вширь; вся слава и красота – в твоих желанных красках и в твоём совершенном видении. О, Бескрайность, ты – изобилие, несущее нас к концу нашего пути; ты – многочисленные сокровища, разбросанные повсюду.» (Ригведа, III.1.12). Перед нами открывается настоящая жизнь, как если бы мы никогда не видели дневного света: *Поставьте призму прямо, - говорит Мать, - и свет будет белым; затем поверните ее, и свет преломится в ней. Это и происходит с вами: вы восстанавливаете белый свет. В обычном сознании все преломлено, а теперь вы восстанавливаете белый свет.* Мать еще так описывает это переживание: *Вы сидите перед закрытой дверью, словно перед массивной бронзовой дверью, и хотите, чтобы она открылась и пропустила вас. Вы концентрируете все свое стремление в единый луч и начинаете толкать им эту дверь, все сильнее и сильнее, пока вдруг дверь не поддастся. И тогда вы входите, буквально пробиваетесь в свет.*

Тогда вы по-настоящему рождаетесь.

Рост психического

Когда открывается дверь психического, то самым первым и неопровержимым переживанием является то, что мы были всегда и будем существовать вечно. Мы выходим в иное измерение, в котором видно, что мы стары как мир и одновременно вечно молоды, и что эта жизнь является одним из переживаний, одним из звеньев в непрерывной цепи переживаний, тянущейся из далеко прошлого и теряющейся в будущем. Все расширяется до масштабов всей Земли. Каким человеком мы еще не были? Какой ошибки не совершали? Переворачиваются все ценности; к чему мы не причастны во всей этой малости и во всем этом величии? Где здесь чужеземец, где предатель, где враг? О, божественное понимание, абсолютное сострадание! И все наполняется свежим воздухом, будто мы вышли из удушливых пещер на высокие равнины; все встает на свои места, словно древняя загадка сама решается во мгновении ока — смерти больше нет, ведь умереть может лишь невежественное. Как умрет тот, кто сознателен? *Жив я или мертв, я существую всегда!*⁷⁰ «Старый и изнуренный, он вновь и вновь становится молодым», - говорит Ригведа (II.4.5). «Оно не рождается и не умирает», - говорит Гита (II. 18, 20, 22, 27), - «это не то, что было и пропало, или не было, но когда-то будет. Не рожденное, древнее, вечное, оно не умирает со смертью тела. Подобно тому, как человек сбрасывает с себя изношенную одежду и облачается в новую, так и воплощенное существо сбрасывает старое тело и входит в новое. Неизбежна смерть рожденного, а умершее обязательно было когда-то рождено.»

Представление о реинкарнации (перевоплощении душ) не является чем-то специфическим для учения Шри Ауробиндо; вся древняя мудрость, от Дальнего

Востока до Египта и далее до неоплатоников^{*} говорила об этом, но Шри Ауробиндо придает ей новый смысл. С того момента, как мы вышли из узкого сиюминутного видения отдельной жизни, обрываемой смертью, мы можем занять две позиции: мы можем вслед за крайними спиритуалистами считать, что все эти жизни составляют лишь ничтожную цепь страданий, от которой следует как можно скорее избавиться, чтобы обрести покой в Боге, Брахмане или некой Нирване; либо мы можем вслед за Шри Ауробиндо верить – и эта вера зиждется на опыте – что все эти жизни в целом отражают рост сознания, кульминацией которого является земное свершение. Иными словами, за эволюцией видов стоит эволюция сознания, и эта духовная эволюция должна привести к индивидуальной и коллективной реализации на земле. Может возникнуть вопрос, почему просвещенные мудрецы духовных традиций не предвидели этой земной реализации? Прежде всего, речь идет об относительно недавних духовных учениях; это не относится к Ведам (чью тайну вновь открыл Шри Ауробиндо) и, возможно, к другим мало разгаданным традициям. Духовность же нашей исторической эпохи отмечена затемнением сознания, сопутствующим ментальному развитию. Более того, приверженцы традиционных духовных учений вряд ли могли прийти к выводу, столь резко отличающемуся от их предпосылок. Отталкиваясь от идеи, что земной мир является иллюзией или промежуточным царством, в той или иной степени отданным во власть дьявола и плоти, они могли прийти лишь к тому, что было заложено в их предпосылках: освобождения или спасения они искали вне земного мира. Вместо того, чтобы терпеливо исследовать все человеческие ресурсы – ментальные, витальные, физические и психические – чтобы освободить их из своего заключения и расширить их, то есть, обожествить их, как это делали мудрецы Вед (и, возможно, мудрецы древних Мистерий, не говоря уж о Шри Ауробиндо), они отвергли их и стремились *перепрыгнуть из чистого разума в чистый Дух*⁷¹. Так что, конечно, они и не могли увидеть то, что отказывались видеть. Материалисты тоже уперлись в тупик, но по-своему: они исследовали лишь маленький клочок физической реальности, отбрасывая все остальное. Отталкиваясь от идеи, что реальна только материя, а все прочее – галлюцинация, они могли прийти лишь туда, куда их вели их предпосылки. Но если мы отправимся на свои поиски безо всяких предубеждений, как это сделал Шри Ауробиндо, совсем просто, вооружившись лишь полной верой в интегральные возможности человека, и будем всегда готовы расширять свою истину, тогда, возможно, у нас будет шанс достичь интегрального знания и, следовательно, и интегральной жизни.

С точки зрения эволюции реинкарнация перестает быть бесполезным кругом рождений и смертей или изобретательной причудой Того, кто превыше всего этого. Со всей западной четкостью Шри Ауробиндо избавляет нас от *духовных романов*, как говорит Мать, в которые выродилось фундаментальное духовное знание с конца века Мистерий; Шри Ауробиндо приглашает нас к экспериментированию, для которого требуется просто ясность сознания, а не какое-то ясновидение. Дело не в том, чтобы «верить» в реинкарнацию, а иметь соответствующее переживание и, прежде всего, знать, при каких условиях это переживание возможно. Это практический вопрос, затрагивающий все наше интегральное развитие. Ведь сохраняется после смерти и рождается вновь не маленькая внешняя личность, пусть это и разочарует тех, кто всегда хотел бы оставаться мсье Дюпоном – сначала в галльской набедренной повязке, затем в атласных трико и, наконец, в современных джинсах; впрочем, это было бы скучно и утомительно. Смысл реинкарнации одновременно

^{*} Любопытно отметить, что на Александрийском Соборе отцы Церкви также обсуждали вопрос допущения реинкарнации.

глубже и шире. Со смертью тела распадается все внешнее существо: скопление ментальных вибраций, группировавшихся вокруг нас в силу привычного повторения и образовывавших наше ментальное эго или ментальное тело, распадается и возвращается во вселенский Ум; аналогично, витальные вибрации, образовывавшие наше витальное эго или витальное тело, распадаются и возвращаются во вселенское Витальное, как и физическое тело распадается на природные компоненты вселенской Материи. Сохраняется только психическое существо – как мы видели, оно вечно. Значит, наше переживание реинкарнации будет зависеть от открытия психического Центра и Господина, который переносит свои воспоминания из жизни в жизнь, а также оно будет зависеть от степени нашего развития. Если наше психическое всю жизнь остается заваленным нашей ментальной, витальной и физической деятельностью, то ему просто нечего будет переносить – оно снова и снова будет возвращаться на землю, чтобы набраться опыта и стать открыто сознательным. Чтобы помнить, надо для начала перестать страдать амнезией, это очевидно. Так что вряд ли стоит говорить о реинкарнации до достижения определенной стадии развития, ведь какой прок от знания того, что психическое вновь возрождается, если мы не сознаем его? В овладении сознанием психического существа кроется сам смысл эволюции.

Из жизни в жизнь психическое существо тайно растет позади внешней личности. Оно растет через тысячи ощущений нашего тела, тысячи восприятий наших чувств, через неисчислимое множество мыслей, проходящих через нас. Оно растет через наши взлеты и падения, наши радости и страдания, наше добро и зло – все это его щупальца-антенны для восприятия окружающего мира. Когда отпадают и распадаются все эти внешние наслоения, психическое переносит в другую жизнь только *сущность* своих переживаний, явно выраженные тенденции, составляющие зародыш *психической личности* * за внешней личностью.

Психическое существо также уносит с собой определенные последствия только что прожитой жизни, ибо все наши действия наделены динамизмом, склонным к увековечиванию себя (это то, что в Индии называется *кармой*); определенные отпечатки проявятся в следующей жизни в виде особых предрасположенностей, специфических трудностей, врожденных вкусов, необъяснимых страхов, непреодолимых привязанностей, а иногда даже в виде определенных обстоятельств, которые будут почти механически повторяться, ставя нас перед лицом старой проблемы, которую мы все еще не решили. Каждая жизнь, по большому счету, представляет собой один тип опыта (нам кажется, что мы имеем множество переживаний, но, по сути, это один и тот же опыт), и путем накопления опытов разного типа психическое существо медленно обретает все более явно выраженную, более сознательную и более широкую индивидуальность, как будто подлинная жизнь психического начинается только тогда, когда оно прошло через всю гамму человеческого опыта. И чем больше растет психическое существо, тем больше индивидуализируется сознание-сила в нас и тем больше становится психическое напряжение, пока однажды психическому уже не будет нужен кокон внешнего существа, и оно вырвется наружу. С этого момента психическое существо начинает напрямую осознавать окружающий мир; пе-

* Психическая личность или настоящая личность выражает уникальную судьбу (или, может быть, лучше сказать, уникальную склонность) каждого существа под его культурной, социальной или религиозной оболочкой. Так, в разных жизнях человек может быть мореплавателем, музыкантом или революционером, христианином, мусульманином или атеистом, но в каждой жизни он будет только свойственным ему образом проявлять, например, любовь или силу побеждать, радость или чистоту – это придает особый тон всему, что он предпринимает. И с каждым разом эта его особенность самовыражения будет становиться все более определенной, более чистой и более широкой.

рестав быть спящим пленником природы, оно становится ее хозяином: сознание становится господином своей силы, вместо того, чтобы вязнуть в ней. Йога – это как раз та точка нашего развития, когда мы переходим от бесчисленных поворотов природной эволюции к прямой сознательной эволюции – это *процесс сконцентрированной эволюции*.

Как видно, существует множество ступеней развития, начиная с обычного человека, в котором психическое представляет собой лишь скрытую возможность, до полностью пробужденного существа. Чем, если не реинкарнацией, объяснить грандиозную разницу развития душ? – например, между сутенером и Франциском Ассизским или же, попросту, между человеком ищущим и *расчетливым обывателем*, как его назвал Шри Ауробиндо. Если допустить, что духовное развитие – это только вопрос воспитания, окружения и наследственности, тогда получится, что только отпрыски респектабельных семей имеют души, а три четверти непросвещенного человечества обречены на вечное проклятье. *Сама природа человечества, - говорит Шри Ауробиндо, - предполагает как разнородное прошлое, формировавшее души, так и их различное земное будущее.*⁷² И если, несмотря ни на что, все же считать, что человеку дается только одна жизнь, тогда мы сталкиваемся с абсурдом: *Платон и готтентот, счастливое дитя святых или риши*, а также преступник, рожденный и воспитанный криминальной средой современного большого города, должны были бы в неравных условиях одной земной жизни, но как бы на равных, творить свое вечное будущее. С этим парадоксом не согласится ни душа и разум, ни этическое чувство и духовная интуиция.*⁷³ Но даже среди пробужденных существ есть большая разница. Некоторые души были рождены совсем недавно, тогда как другие могут обладать уже вполне сформированной индивидуальностью; одни души могут находиться в своем первом лучезарном самораскрытии, но еще многого не зная за пределами своей сияющей радости и даже не иметь отчетливой памяти о своем прошлом и не сознавать те миры, которые они несут в себе; тогда как другие, редкие души могут обладать сознанием, охватывающим всю Землю. Можно быть светлым йогином или святым, живущим в своей душе, но при этом иметь примитивный ум и подавленное витальное и не обладать никаким опытом в сверхсознательном, а с телом обращаться как с вьючным животным или вообще полностью пренебрегать им. При этом можно достичь «спасения», но никак не полноты интегральной жизни.

За открытием психического должно последовать то, что можно было бы образно назвать «психической колонизацией» или, без обиняков, *психической интеграцией*. Современная психология тоже говорит об интеграции, но вокруг чего она собирается интегрировать? Для интеграции нужен центр. Интегрировать вокруг сумятицы ментального или витального эго? С тем же успехом можно пытаться пришвартовать лодку к хвосту морского угря. Открыв внутреннее царство психического, мы должны постепенно и терпеливо колонизировать и присоединять к нему внешнее царство. Если мы хотим земной реализации, то нам нужно интегрировать вокруг нового центра всю свою ментальную и витальную деятельность и, как мы позже увидим, даже нашу физическую природу. Только так может выжить после смерти наше ментальное и витальное существо: разделяют бессмертие психического только те активности, которые были пропитаны психическим. Все, что происходит вне психического, происходит по сути вне нас и не выходит за пределы нашей текущей жизни. Целая жизнь может оказаться пустой, если в ней нет «никого». Психическое должно присутствовать в нашей внешней деятельности, чтобы в на-

* Риши – мудрецы эпохи Вед, одновременно пророки и поэты, создавшие Веды.

шей памяти сохранились какие-то внешние события (иначе психическое уподобляется слепому королю) – тогда и только тогда можем мы начать говорить о реинкарнации и памяти о прошлых жизнях. Это не обязательно будут воспоминания о громких свершениях или славных подвигах (как много было Цезарей и Наполеонов, если верить популярным авторам, пишущих о реинкарнации), а это будут воспоминания о *моментах души*⁷⁴, ведь для психического нет ни славного, ни бесславного, ни высокого, ни низкого, так что восхождение на Эверест для него ничуть не величественнее обычного спуска в метро, если он делается сознательно.

Эти «моменты души» могут сохранять отпечаток сопровождавшей их физической обстановки, и тогда мы можем вспомнить обрамление событий, место, одежду, которую мы носили в то время – любая банальная деталь запечатлевается навечно в момент внутреннего откровения. Даже в этой своей жизни мы можем вспомнить моменты чистой прозрачности или внезапного расцвета, не меркнувшие спустя даже двадцать или сорок лет и запечатлевающие на своих «живых полотнах» какой-то краешек неба или даже маленький камешек на дороге или какой-то повседневный пустяк, как будто все это стало вечным. И даже не «как будто» – это *действительно* стало вечным. Это единственные моменты, когда мы по-настоящему жили, когда из всего сонма часов несуществования на поверхность выходило наше настоящее «я». Психическое может выходить вперед и в трагических обстоятельствах, когда все существо собирается в такой острой интенсивности, что что-то прорывается, и тогда мы чувствуем позади некое присутствие, которое позволяет нам делать то, на что мы обычно не способны. И это другой лик психического, ибо оно обладает не только радостью и сладостью, но и спокойным могуществом, как если бы оно было неуязвимым властелином, навечно стоящим выше всех трагедий. В таких условиях также могут навечно отпечататься и детали происходящего. Но все же в следующие жизни переносятся не столько детали, сколько суть происходящего; например, мы можем периодически попадать в сходные ситуации, кажущиеся нам безысходными и носящими ауру фатальности: просто то, что мы не решили в прошлом, будет возвращаться к нам вновь и вновь, каждый раз немного в другом облики, но неизменным по сути, пока мы не распутаем старый узел. Таков закон внутреннего прогресса.

Но, как правило, не сохраняется точное воспоминание о физическом окружении, ведь для психического оно редко когда бывает важным, хотя оно может быть очень важным для нашего поверхностного сознания. Есть даже спонтанный механизм, стирающий всю массу бесполезных воспоминаний из этой жизни. Если мы, не задумываясь, бросим взгляд назад, что, действительно, останется от нашей теперешней жизни? – довольно серая масса, из которой всплывает два-три образа, а все остальное уже стерлось. То же самое относится к душе и ее прошлым жизням. Происходит грандиозное отсеивание. И этот механизм забвения очень мудр, ведь иначе мы были бы стеснены бесполезным грузом прошлых жизней. У нас и так столь много бесполезных воспоминаний из теперешней жизни, что они встают стеной на пути нашего прогресса, закрепляя нас в одной и той же внутренней позиции, в одной и той же приверженности, в одном и том же отказе, в одном и том же протесте, в одной и той же склонности. Нам нужно забывать, чтобы расти. Если бы наше неисправимо инфантильное внешнее сознание помнило, что в прошлой жизни мы были, например, добропорядочным банкиром, а теперь оказались в шкуре неимущего бандита, то были бы совершенно сбиты с толку! Возможно, мы еще слишком молоды, чтобы понимать, что нашей душе требовалось пережить и противоположность добродетели, чтобы вскрыть ее гнойник. Эволюция ведет не к тому, чтобы мы ста-

новились все более святыми или все более интеллигентными – она нацеливается на то, чтобы мы становились все более сознательными. Проходит немало времени, прежде чем мы становимся способными понять истины прошлых жизней.

Итак, все зависит от степени нашего развития и от меры, в которой психическое существо участвует в нашей внешней жизни: чем больше мы будем «колонизировать» внешнее, тем больше воспоминаний будет переноситься в следующую жизнь. К сожалению, чаще всего мы довольствуемся так называемой «внутренней жизнью», не обращая особого внимания на внешнюю жизнь. Такой образ жизни противоречит интегральной йоги. Но если с самого начала, вместо того, чтобы отвергать любые мирские действия ради всепоглощающего поиска души, мы стали охватывать все в своем поиске – все уровни существа, всю жизнь – тогда мы придем к интегральной и целостной жизни, где не будет разницы между внутренней и внешней жизнью. С другой стороны, если с самого начала мы исключим все ради так называемых «духовных целей», то потом нам будет очень трудно спуститься со своих хрупких высот, чтобы отпустить и универсализировать свой ум, освободить и универсализировать свое витальное, очистить подсознательное и начать, наконец, работу в грязи физического, чтобы сделать его Божественным; нам слишком комфортно наверху, чтобы спускаться и месить всю эту грязь и, по правде говоря, мы уже *не в состоянии* делать это. В действительности, мы уже и не помышляем об этом, ведь как может придти идея предпринять эту грандиозную работу, если с самого начала мы посчитали бренный ум, витальное и тело недостойными нашего внимания, а затем отошли от жизни и сделали своей единственной целью спасение на небесах?

Поэтому реализация психического или открытие души является для искателя не концом его пути, а лишь началом другого путешествия – сознательного путешествия, а не шагами на ощупь в неведении. Наше сознание будет становиться все более широким, ведь чем больше растет психическое и чем больше оно связано с нашими повседневными делами, там более ясными, четкими и непрерывными будут становиться воспоминания ума, витального и физического (тогда мы в самом деле поймем, что такое бессмертие) и тем более целенаправленными и эффективными будут становиться рождения психического. Мы становимся свободными и пробуждаемся навсегда. Смерть перестает быть гримасничающей маской, постоянно напоминающей нам, что мы еще не нашли себя; теперь она будет означать лишь спонтанный переход от одного вида опыта к другому. Мы навсегда ухватили нить сознания и переходим туда-сюда как из одной страны в другую, периодически возвращаясь на землю, пока однажды, как заявил Шри Ауробиндо, мы вырастим настолько, что сможем не только обеспечивать непрерывность своего ментального и витального существования, но и влить в тело достаточно сознания, так что и тело разделит бессмертие психического существа. Ибо все и всегда – вопрос сознания, это касается как нашей ментальной, витальной и физической жизни, так и нашего сна, нашей смерти и нашего бессмертия. Сознание – это средство, ключ и цель.

VIII. НЕЗАВИСИМОСТЬ ОТ ФИЗИЧЕСКОГО

Физическое, как третий инструмент Духа в нас (после ментального и витального), играет особую роль в йоге Шри Ауробиндо, ибо без него невозможна *жизнь божественная* на земле. Далее мы затронем лишь ряд моментов, предваряющих йогу в теле, ведь эта йога требует на самом деле гораздо более развитого сознания, чем мы предполагали до сих пор — по мере нашего спуска к Материи требуются все более мощные высшие силы из-за растущего сопротивления. Материя – место самых больших духовных трудностей, но и *место Победы*. Йога тела выходит из сферы действия наших ментальных и витальных сил и переходит в *супраментальную* йогу, о которой мы поговорим позднее.

Независимость от чувств

Материя – стартовая точка нашей эволюции, в ней заключено постепенно развивающееся сознание. По мере своего роста сознание все больше возвращает свой суверенитет и утверждает свою независимость. Таков первый шаг (и далеко не последний). Но пока что мы живем в почти полном подчинении потребностям тела и в почти полной зависимости от органов чувств, как и в зависимости от наших «чудесных» машин, которыми мы привыкли гордиться. Однако стоит только появиться небольшой головной боли, как все затуманивается, а если мы лишаемся своего арсенала телеграфов, телефонов, телевидения, Интернета, то уже не в состоянии знать, что происходит в мире, и не видим дальше собственной околицы. Мы столь гиперцивилизованы, что в физическом отношении не вышли из стадии дикаря. В конечном счете, вся наша машинерия – это не столько символ нашего господства, сколько символ нашего ужасающего бессилия. Виноваты в этом как материалисты, не верящие в силу внутреннего Духа, так и спиритуалисты, не видящие истины Материи. Однако это бессилие не фатально – оно зиждется, главным образом, на нашей вере в собственную немощность. В этом отношении мы напоминаем человека, который, унаследовав пару костылей от своих предков, потерял веру в собственные ноги. Так что надо верить в свои ноги. Надо верить в собственное сознание, а у него есть не только ноги, но и сотни рук и глаз и даже крылья.

Всем ходом нашей эволюции сознание, погруженное в Материю, привыкло зависеть от органов чувств, имеющих свои «антенны-щупальца» для восприятия внешнего мира; и поскольку мы увидели эти антенны раньше, чем поняли, что у них есть хозяин, то мы наивно заключили, что антенны создали своего хозяина и что без них не было бы и хозяина и, вообще, без антенн невозможно восприятие внешнего мира. Но это иллюзия. Наша зависимость от органов чувств – это *только привычка*, выработанная тысячелетиями, и она ничуть не более обязательна, чем каменные орудия пещерного человека: *Ум может – и это было бы совершенно естественно для него, если бы он только мог полностью освободиться от своего согласия подчиняться Материи – напрямую получать знания от объектов чувств без помощи самих органов чувств.*⁷⁵ Мы можем видеть и чувствовать через целые континенты, как будто бы расстояний не существует, поскольку расстояния препятствуют лишь телу и его органам, но не сознанию, которое может во мгновение ока попасть куда угодно, если только оно научилось расширяться. Теперь, возможно,

читатель ожидает получить «рецепт» ясновидения и вездесущности, но любому рецепту присуща механистичность (потому-то мы так любим их). Конечно, хатха-йога может быть эффективной, как и прочие более или менее йогические методики, включая концентрацию на зажженной свече (*тратак*), соблюдение различных «безупречных» диет и выполнение дыхательных упражнений (*пранаяма*). Может оказаться полезным что угодно. Но все эти методики требуют долгого времени, а их возможности весьма скромны; кроме того, они никогда не дают гарантированного результата и зачастую даже опасны – когда они практикуются не достаточно подготовленными или не достаточно очищенными людьми. Не достаточно хотеть силы – надо быть способным выдержать эту силу; не достаточно «видеть» – надо еще и понимать, что видишь. Наша задача значительно облегчится, если мы поймем, что именно сознание использует все эти методики и упражнения и действует через них. Если мы обратимся непосредственно к сознанию, то ухватим центральный рычаг и, кроме того, будем уверены в своем результате, ведь сознание не обманывает. Даже если бы для создания методики сознание располагало бы только одной деревянной палочкой, то оно превратило бы ее в волшебную палочку, но в этом не было бы заслуги ни самой палочки, ни методики. Даже если заточить сознание в глубине пещеры, то в конце концов оно нашло бы средство видеть окружающий мир вне пещеры – такова, впрочем, вся история эволюции сознания в Материи.

У искателя интегральной йоги работа над телом естественным образом приходит вслед за работой над умом и витальным. Лишь для удобства мы по отдельности описывали различные уровни нашего существа, но все работает как одно целое, и каждая победа, каждое открытие на каком-то одном плане сказывается на всех остальных планах. Устанавливая ментальное молчание, мы последовательно сталкивались с рядом ментальных слоев: это *мыслящий ум*, проводящий наши обычные рассуждения; *витальный ум*, оправдывающий наши желания, чувства и побуждения; и есть также *физический ум*, доставляющий нам больше всего забот, но его покорение столь же важно для господства над физическим, как и покорение мыслящего и витального ума – для господства над ментальным и витальным. Создается такое впечатление, что ум – это «козел отпущения» в интегральной йоге, ведь мы преследуем его повсюду. Конечно, ум был главным нашим помощником в ходе нашей прошлой эволюции, и для многих он еще остается незаменимым орудием, но любое средство, сколь бы высоким или даже божественным оно ни было, рано или поздно становится тормозом, ведь оно было рассчитано только на один шаг, а нам предстоит сделать еще множество шагов. Если мы распространим этот принцип на всю систему наших ценностей, включая идеал, к которому мы сейчас привязаны, мы очень быстро пойдем по своему пути эволюции. Тупее всех физический ум – рудимент, сохранившийся в нас со времен первого появления Ума в Материи. Это микроскопический, упрямый, боязливый, близорукий, консервативный (это и было его предназначением в эволюции) ум, заставляющий нас десять раз проверить, закрыли ли мы дверь, хотя мы прекрасно знаем, что сделали это. Этот ум волнуется при малейшей царапине и воображает самые ужасные болезни, стоит чему-то в организме пойти не так. Физический ум с вечной подозрительностью относится ко всему новому и громоздит массу трудностей, когда от него требуется хоть что-то изменить в его привычной рутине – он все бормочет и бормочет одно и то же, как ворчливая старая дева. Все мы рано или поздно начинаем иметь с ним дело, и он приносит нам столько затруднений, что мы посылаем его подальше; но он никуда не уходит, он здесь и все бормочет свое, и только из-за шума нашей привычной деятельности мы не слышим его. Но когда замолкает мыслящий ум и витальный ум,

мы замечаем, что физический ум никуда не делся, и он ужасно клейкий. Его невозможно вразумить, настолько он туп. И все-таки физический ум должен сдаться, поскольку он встает плотной стеной на пути расширения нашего физического сознания, являющегося базой всего господства над физическим. Кроме того, физический ум затуманивает и искажает все сообщения и призывает все беды; ведь достаточно только подумать о ком-то или чем-то, чтобы *мгновенно* вступить в контакт (чаще всего бессознательно) с соответствующими вибрациями и иметь дело с их последствиями. Так что из своей врожденной боязни физический ум постоянно подводит нас к самым плохим возможностям. Он всегда воображает наихудшее. Эта одержимость не имеет большого значения в обычной жизни, когда деятельность физического ума теряется в общем гомоне, так что мы защищены как раз нехваткой восприимчивости. Но когда мы систематически работаем над созданием прозрачности внутри себя и над повышением своей восприимчивости, тогда помехи физического ума становятся серьезным и даже опасным препятствием.

Ментальная, витальная и физическая прозрачность является ключом к двойной независимости. Во-первых, к независимости от ощущений: так как сознание-сила уже больше не рассеяна по всем уровням нашего существа, а собрана в единый луч, которым можно управлять по воле, то ее можно отсоединить от любой точки, будь это точка холода, голода, боли т.д. Во-вторых, к независимости от органов чувств: так как сознание-сила свободна, больше не поглощена нашей ментальной, витальной и физической деятельностью, то она может выходить за рамки тела и путем внутренней проекции контактировать на расстоянии с предметами, существами и событиями. Обычно нам надо войти в состояние сна или гипноза, чтобы освободиться от непосредственных ощущений и получить возможность видеть на расстоянии в пространстве или времени, но это перестает быть необходимым, если мы покончили с ментальным шумом и стали хозяевами своего сознания. Сознание — *единственный орган*.⁷⁶ Это оно видит, чувствует и слышит. Сон и гипноз – это попросту примитивные средства, позволяющие снять ментальную завесу. И это понятно: если мы наполнены шумом своих желаний и опасений, то что, действительно, можем мы увидеть кроме несметно размноженных образов этих желаний и опасений? Точно также, как становятся универсальными успокоенный ум и утихомирненное витальное, так и проясненное физическое спонтанно становится универсальным. Мы узники только самих себя: весь мир в своей необъятности ждет нас за нашими дверьми, а нам нужно лишь согласиться снять экран наших маленьких просторенний. К этой способности расширять свое сознание должна, конечно же, добавиться способность концентрации, так чтобы расширенное сознание могло бы спокойно сосредоточиться на выбранном объекте и *стать* им. Но концентрация и расширение – естественные следствия внутреннего молчания. В этом внутреннем молчании сознание видит.

Независимость от болезней

Как только мы освободились от напряжения и гудения мыслящего ума, от тирании, беспокойства и неутолимых притязаний витального ума, а также от тупости и страхов физического ума, мы начинаем понимать, чем является на самом деле наше тело безо всех этих изнуряющих надстроек и перегрузок. Мы открываем, что наше тело – чудесный инструмент, полный неиссякаемой доброй воли, податливый и терпеливый. Тело – самый непонятый инструмент, с которым, к тому же, хуже

всего обращаются. В общем прояснении нашего существа мы прежде всего видим, что тело никогда не болеет, а просто изнашивается, но даже этот износ может и не быть непоправимым, как мы увидим далее в супраментальной йоге. Это не тело болеет – нам просто не хватает сознательности. По мере продвижения в йоге мы видим, что любые болезни, любой «несчастный случай» – это *всегда* результат несознания или неправильной позиции, психологического беспорядка. Более того, как только мы вступили на путь йоги, сразу же что-то в нас становится *бдительным* и всякий раз раскрывает нам глаза, даже указывает пальцем на наши ошибки и причину всего, что с нами происходит, ничего не оставляя в тени. Мы все больше и больше открываем, иногда с изумлением, точную связь между нашим внутренним состоянием и внешними обстоятельствами, словно жизнь теперь разворачивается не извне внутрь нас, а изнутри наружу, и внутреннее формирует даже самые незначительные внешние события. На самом деле больше нет ничего незначительного, и вся повседневная жизнь предстает сплетением знаков, ждущих, чтобы их распознали. Все взаимосвязано, весь мир – сплошное чудо. Мы по-детски обманываемся, если воображаем, что духовная жизнь состоит сплошь из видений и «сверхъестественных» явлений. Божественное гораздо ближе к нам, чем мы думаем, а «чудо» менее кричаще и гораздо глубже, чем эти примитивные фантазии. Когда мы расшифровываем один из этих маленьких знаков, встречающихся нам на пути, или улавливаем одно из неуловимых звеньев, связующих вещи, тогда мы гораздо ближе к великому Чуду, чем если бы на нас низошла манна небесная. Возможно, чудо состоит в том, что Божественное тоже естественно. Но мы не умеем смотреть.

Итак, искатель теперь понимает (и не без оснований, ведь психический Хозяин вышел из своего заточения), что поток жизни обращен на самом деле изнутри наружу. Искатель начинает различать повседневные знаки и видит, что внутренняя позиция обладает силой формировать внешние обстоятельства к лучшему или худшему. Когда мы находимся в состоянии гармонии, и наше действие согласуется с глубокой истиной нашего существа, тогда кажется, что ничто не может нам помешать: исчезает даже «невозможность», словно другой, более сильный закон накладывается на наш «естественный» закон (на самом деле это истинное естество всплывает из-под ментальных и витальных усложнений). И тогда мы начинаем вкушать царскую свободу. Но когда внутри нас есть ментальный или витальный беспорядок, мы замечаем, что этот беспорядок неизбежно *притягивает* пагубные внешние обстоятельства, болезни или несчастные случаи. Причина очень проста: когда мы находимся в дурном состоянии, мы испускаем вибрации определенного типа, которые автоматически призывают и соприкасаются со всеми вибрациями того же типа на всех уровнях нашего существа. Эта общая путаница расстраивает внешние обстоятельства, и все начинает идти наперекос. Кроме того, плохое внутреннее состояние не только создает путаницу, но и ослабляет защитную оболочку вокругсознательного, которую мы упоминали ранее. Тогда мы уже больше не защищены определенной вибрационной интенсивностью, а сплошь открыты, уязвимы, причем ничто не может проделать брешь в нашей защитной оболочке скорее, чем вибрация беспорядка. Она может даже разрушить защитную оболочку, и тогда что угодно может войти в нас. Отметим также, что плохое внутреннее состояние заразительно: определенные компании людей всегда притягивают к себе несчастные случаи или неприятности. Пережив этот опыт сотню раз (а он может варьироваться от простого насморка или падения на ровном месте до серьезного инцидента), мы будем уверены, что в этом не повинно ни наше тело, ни так называемый «несчастный случай», а средство избавления от всего этого заключается ни в каком-

то медицинском препарате, а в том, чтобы занять правильную позицию, восстановить внутренний порядок – одним словом, средство находится в самом сознании. Если искатель полностью сознателен, он может пребывать в самом центре эпидемии, пить всю грязь Ганга, если ему угодно, и ничто его не коснется, ибо что может затронуть пробужденного Хозяина? Мы узнали о существовании бактерий и вирусов, но не увидели, что они всего лишь внешние агенты, а причина болезни находится не в вирусе, а в силе, использующей вирус. Если мы очищены до состояния прозрачности, тогда никакие вирусы не могут ничего с нами поделаться, поскольку наша внутренняя сила гораздо мощнее их силы или, лучше сказать, наше существо имеет гораздо более высокие вибрации, чужеродные этим низким вибрациям болезни. Ведь только подобное может входить в подобное. Возможно, мы победим раковые заболевания и навсегда изгоним их с земли, как мы покончили с болезнями средневековья, но мы не искореним самих сил болезни, которые найдут что-нибудь еще – другого агента, другой вирус – когда будет выявлен и устранен их сегодняшний посредник. Наша медицина касается лишь поверхности вещей, а не их источника. Есть только одна болезнь – несознание. На более поздней стадии йоги, когда мы установим достаточное внутреннее молчание, такое, что будем в состоянии воспринимать ментальные и витальные вибрации еще на периферии вокругсознательного, мы сможем воспринимать и вибрации болезни и отгонять их прежде, чем они смогут войти в нас: *Если вы начнете осознавать свое вокругсознательное «я», - писал Шри Ауробиндо ученику, - тогда вы сможете перехватывать мысль, страсть, внушение или силу заболевания и не давать ей войти в себя.*

Следует упомянуть еще два вида болезней, не связанных непосредственно с нашими ошибками: одни из них приходят из-за сопротивления подсознательного (мы поговорим о них попозже в связи с очищением подсознательного), а вторые можно назвать «йогическими заболеваниями», возникающими из-за отставания развития физического сознания от развития более высоких уровней нашего сознания. Может случиться так, что, к примеру, наше ментальное или витальное сознание уже значительно расширилось и обрело новую интенсивность, тогда как физическое сознание еще плетется в хвосте своих старых движений и не выдерживает возросшей интенсивности. В результате нарушается равновесие, что может приводить к заболеваниям, вызываемым не какими-то внешними агентами (микробами или вирусами), а разладом обычных связей между внутренними элементами: к болезням такого рода относятся, в частности, аллергии, коллоидальные нарушения крови, нервные и ментальные расстройства. Мы коснулись здесь одной из самых больших проблем супраментальной йоги – проблемы восприимчивости материи к высшим силам сознания. Это одна из причин, почему Шри Ауробиндо и Мать так настаивали на развитии нашей физической базы: без нее можно воспарить хоть куда, даже в Абсолют, но невозможно спустить интенсивность и богатство Духа в наше «нижнее» царство – ментальное, витальное и материальное – чтобы установить там жизнь божественную.

Независимость от тела

Итак, сознание может быть независимым от органов чувств и болезней, а также, в значительной мере, от пищи и сна, как только мы открываем неиссякаемый источник Силы Жизни. Более того, сознание может быть независимым от самого тела. Когда поток сознания-силы становится достаточно индивидуализированным

в нас, мы обнаруживаем, что может отводить его не только от органов чувств и самих чувств, но и от тела. Сначала в своих медитациях мы замечаем, что сознание-сила становится все более однородным и компактным. Высвободившись из ментальных и витальных движений, оно медленно отходит от привычного гудения тела, а само тело становится совершенно неподвижным, подобно невесомому прозрачному блоку, не занимающему места и почти несуществующему: дыхание становится все менее уловимым, а сердце бьется все реже. Затем вдруг происходит резкое отделение, и мы обнаруживаем себя «где-то в другом месте». Это и называется «экстериоризацией».

Есть множество разных «других мест», как и планов сознания, и можно выходить куда угодно, в зависимости от того, на каком уровне мы сфокусировали свое сознание (в частности, мы уже знаем о вселенском Уме и вселенском Витальном). Но самым близким к нам миром, непосредственно граничащим с нашим физическим миром и напоминающим его почти во всем, кроме более высокой интенсивности, является тот мир, который Шри Ауробиндо назвал *тонким физическим*. Знание о существовании тонкого физического старо как мир и не является чем-то, особо отличающим йогу Шри Ауробиндо*. Это знание просто является частью нашего интегрального развития и подготавливает нас к тому дню, когда мы оставим свое тело на продолжительный период, который люди по неведению называют «смертью». Для большей ясности приведем здесь описание переживания экстериоризации, сделанное одним юным учеником из Ашрама в Пондишери, когда он в первый раз вышел из своего тела: «Я лежал в концентрации на своей кровати, как вдруг обнаружил себя в доме своего приятеля Z, который занимался музыкой с другими людьми. Я видел все очень ясно, гораздо яснее, чем в физическом мире, и перемещался очень быстро и беспрепятственно. Некоторое время я просто наблюдал, а затем попробовал привлечь их внимание, но они не создавали мое присутствие. Затем что-то, будто инстинкт, потянуло меня: “надо возвращаться.” У меня словно перехватило горло: я увидел, что эта комната была целиком закрыта, кроме маленького отверстия наверху. Помнится, моя форма стала словно испаряться (у меня еще была форма, но она была более светлой, менее непрозрачной, чем материальная форма), и я вышел оттуда словно дым через открытое окно. Затем я оказался в своей комнате возле своего тела. Я увидел, что голова моя лежала в неудобной позе, а сам я с трудом дышал. Я попытался войти в свое тело, но не смог. Тогда я испугался. Я пытался входить через ноги, но на высоте колен я выскальзывал из тела. И так два-три раза. Мелькнула мысль: “Если бы я только смог опрокинуть табуретку (которая стояла под моими ногами), я бы наделал шума и проснулся.” Ничего не получалось. А я дышал все тяжелее. Тогда мною овладел ужасный страх. Вдруг я вспомнил о Матери и позвал ее: “Мать! Мать!”. После этого я очнулся в своем теле и с болью в шее.»*

* Однако тонкое физическое играет особую роль в супраментальной йоге: именно в тонком физическом сейчас работают Мать и Шри Ауробиндо, и именно там сейчас находятся многие их ученики (*прим. переводчи-ка*).

* Здесь можно сделать три замечания. Прежде всего, по неопытности этот ученик пытался войти в свое тело «через ноги» - не удивительно, что у него ничего не получилось. Выходят из тела и возвращаются в него обычно через сердечный центр. Можно также выходить через макушку, но это не рекомендуется. Ведь когда йогин решает добровольно оставить свое тело (в Индии это называется *икша-мритью*, что означает «добровольная смерть»), он выходит именно через макушку. Во-вторых, во время экстериоризации тело охлаждается, а кровообращение сводится к самому минимуму; охлаждение тела может доходить даже до полной катаlepsии со всеми признаками смерти. Кстати, это еще одно подтверждение тому, что сознание и сила суть одно и то же: когда отходит сознание, отходит и сила. Когда мы падаем в обморок, не в силах вынести что-то, сознание тоже отходит, но этот отход ничего не оставляет в нашей памяти, поскольку мы еще не создали

Итак, после многих циклов сокрытия и пробуждения, после бесчисленных встрясок, заставляющих сознание вспоминать себя и овладевать собой, а затем вновь скрываться, чтобы расти в тени, сознание становится сформированной индивидуальностью, разбивает свою скорлупу и утверждает свою независимость. Эта независимость, - пишет Шри Ауробиндо, - *становится столь естественным отношением всего существа к физической оболочке, что та начинает ощущаться как нечто внешнее по отношению к ним и сменяемое подобно носимой одежде или используемому инструменту. Мы даже можем начать чувствовать, что в определенном смысле тело не существует – оно существует лишь как частичное выражение нашей витальной силы и нашей ментальности. Эти переживания свидетельствуют о том, что ум выходит на правильную позицию по отношению к телу, заменяя ложную точку зрения ментальности, пойманной физическим ощущением, на видение истины вещей.*⁷⁷ Истинной точкой зрения обладает Хозяин – психическое существо, Дух в нас. Всякий раз, когда мы упираемся в невозможность или предел, либо натываемся на барьер, мы можем быть уверены, что с этим связана победа завтрашнего дня, ведь не чувствуя мы препятствие, мы не смогли бы преодолеть его. Мы созданы для того, чтобы превозмочь все и прожить все свои грезы, ведь это Дух грезит в нас. В мире, опутанном железной сетью запретов, самая первая греза, возможно, состоит в том, чтобы выплыть на простор, не зависящий ни от тела, ни от любых границ. Тогда нам уже не будут нужны никакие паспорта, и мы станем свободными гражданами всего мира. Мы познаем сладостный простор жизни и свободы: «О, Безграничность...», - говорит **Ригведа**.

сознательную связь между различными состояниями своего существа. Наконец, воспоминания о своем Учителе, в данном случае, о Матери, оказалось достаточным, чтобы восстановить порядок, нарушенный страхом, и сделать правильное движение для возвращения в тело. Позвав Мать, ученик мгновенно настроился на верную вибрацию, и все стало на свои места. Таков, грубо говоря, один из механизмов защиты или помощи Учителя своему ученику.

IX. СОН и СМЕРТЬ

Планы сознания

Не все способны сознательно выходить из тела или сознательно расширять свое ментальное или витальное, но множество людей делают это **бессознательно** во сне, когда маленькие «я» внешней личности не столь шумны и менее всего поглощены своей поверхностной деятельностью. Эти различные «я» выражают лишь малую часть реальности, видимую невооруженным глазом, но позади этой малости простираются безграничные регионы – мы уже говорили о вселенском Уме, вселенском Витальном и тонком Физическом, находящимся за этой физической пленкой. Стало быть, нам надо постараться вновь обрести полноту вселенской реальности. Есть три способа сделать это. Первый способ, доступный любому человеку – это сон; второй, реже встречающийся способ, опирается на сознательную экстериоризацию или глубокие медитации; третий способ становится возможным только на достаточно высокой стадии развития: не прибегая ко сну или медитации можно научиться видеть все с широко открытыми глазами, прямо в гуще прочей деятельности, как если бы сразу все уровни вселенского существования представляли перед нашим взором, так что мы можем переводить свой взгляд с одного на другое, подобно тому, как мы фокусируем свой взгляд на более близком или более далеком объекте. Таким образом, сон – первый инструмент нашей работы. Он может становиться все более сознательным, пока наше сознание не станет непрерывным при переходе из одного состояния в другое. Тогда сон перестает быть провалом «в никуда», превратившись в еще один сознательный способ существования. Ведь разграничение, которое мы сделали между сном и бодрствованием (как и между жизнью и смертью), согласуется лишь с внешней видимостью, но не отражает сущностной реальности – подобно государственным границам в рамках единой географии. В действительности разделение существует *лишь в нашем сознании*, так что два мира (или, скорее, этот мир и несчетное множество других миров) постоянно сосуществуют, постоянно переплетены друг с другом, и только определенный способ восприятия *одного и того же* заставляет нас в одном случае говорить «я живу», в другом – «я сплю» (или «я умер», если мы достаточно сознательны, чтобы осознать это) – подобно тому, как можно по-разному воспринимать один и тот же объект в зависимости от уровня (внешнего, атомного или молекулярного). «Мир иной» всегда здесь. Мы придаем исключительное значение различным символам из нашей внешней физической жизни (поскольку они прямо под нашим носом), но они ничуть не более или менее важны, чем прочие символы, составляющие нашу экстрафизическую жизнь. Атомная реальность объекта не отменяет его внешней реальности и не отделима от нее, и наоборот. Более того, прочие символы не только столь же ценны, как и физические, но и без *всех* них мы на самом деле не можем ничего понять в наших собственных символах. Без знания других уровней реальности наше познание обычного человеческого мира столь же неполно и ложно, каким было бы изучение физического мира без знания о молекулах, атомах и элементарных частицах. Ничто не понято, пока все не понято.

Таким образом, существует бесконечная последовательность сосуществующих реальностей, на которые наш сон открывает естественное окно. Ведь, действитель-

но, если мы оставим нашу поверхностную классификацию жизнь-сон-смерть ради сущностной классификации вселенной, мы увидим, что эта вселенная сверху-донижу (если у нее есть «верх» и «низ») представляет собой ничто иное, как континуум сознание-силы или, по выражению Шри Ауробиндо, лестницу *планов сознания*, непрерывно поднимающихся от чистой Материи к чистому Духу – тонкое Физическое, Витальное, Ментальное, Супраментальное (можно называть их по-разному, но факт остается фактом). Все и без разделений существует на этой лестнице, ничто не может быть вне ее. Жизнь, смерть, сон – просто различные *позиции* сознания на одной и той же лестнице. Когда мы бодрствуем, мы воспринимаем ментальные или витальные вибрации, которые переводятся в отдельные символы, способы видения, понимания и переживания; когда же мы спим или «мертвы», мы воспринимаем *те же самые* ментальные, витальные и прочие вибрации, которые теперь уже переводятся в другие символы, другие способы видения, понимания и переживания *той же самой* реальности. В любом случае, ключом нашего существования здесь или в иных мирах всегда является способность нашего сознания. Если мы несознательны в своей жизни, мы будем несознательны где угодно. Тогда смерть действительно становится смертью, а сон – настоящим оцепенением. Следовательно, наша фундаментальная задача – овладеть сознанием этих различных уровней реальности. И когда мы полностью справимся с этой задачей, тогда исчезнут искусственные границы, разделяющие различные состояния нашей жизни, и мы будем непрерывно (без провалов в сознании) переходить из жизни в сон или смерть. Точнее говоря, больше не будет ни смерти, ни сна, как мы их сейчас понимаем: они станут различными способами непрерывного восприятия целостной Реальности. (Возможно, даже, что в конце концов, мы овладеем интегральным сознанием, воспринимающим все одновременно.) Наша эволюция никогда не прерывается и не кончается. *Смерть – это не отрицание Жизни, а процесс Жизни.*⁷⁸

Физическая жизнь в физическом теле имеет особое значение, поскольку именно в ней мы можем стать сознательными – это *место работы*, как говорит Мать, ведь именно в теле переплетаются все планы сознания. Тело – это отправная точка эволюции: именно посредством тела через многочисленные жизни наше «я» все больше индивидуализируется, входит в контакт со все более высокими планами сознания и все более расширяется на каждом плане. Эти изменения отражаются не только в физической жизни, но и в состояниях сна и «смерти», варьируясь от полного забвения до полностью пробужденного сознания – все зависит от степени нашего развития. Следовательно, не может быть никаких общих правил, касающихся сна и смерти – там тоже все возможно, как и в физической жизни. Можно лишь очертить несколько основных положений.

Как мы уже говорили, в нас есть несколько центров сознания, расположенных от макушки головы до самого низа, и каждый из этих центров связан с различными планами сознания, откуда мы постоянно получаем, чаще всего безотчетно, всевозможные вибрации (тонкие физические, витальные, ментальные и т.д.), определяющие наш образ мышления и образ жизни. При этом наше индивидуальное сознание действует как фильтр, пропускающий лишь определенные вибрации, согласующиеся с нашей социальной средой, нашими традициями, нашим воспитанием и т.п. Погружаясь в сон или переходя в состояние «смерти», мы, как правило, идем в те места или на те планы сознания, с которыми мы уже установили связь в силу своей «родственности». Так происходит, пока наше сознание еще не достаточно индивидуализировалось, хотя оно может быть ментально очень развитым и утонченным. На этой стадии наше сознание думает, чувствует и живет более или менее так, как и

у большинства других людей; оно представляет собой временный агрегат, существующий лишь пока существует тело, вокруг которого все собрано вместе. Так что со смертью этого телесного центра все распадается на ментальные, витальные и прочие фрагменты, которые затем возвращаются в свои регионы, поскольку у них больше нет связующего их центра. А когда этот центр засыпает, все эти нефизические ментальные и витальные элементы так или иначе тоже засыпают, поскольку все они живут лишь в непосредственной связи с телесной жизнью и обслуживают ее. Тогда наше сознание погружается в подсознательное* (если еще не продолжает по инерции, но теперь уже беспорядочным образом, свою привычную деятельность), то есть, сознание возвращается на уровень своего эволюционного прошлого, которое может поставлять ему всевозможные хаотические образы, сфабрикованные фантастической комбинацией бесчисленных фрагментов воспоминаний и впечатлений. Оттуда сознание проваливается еще в более далекое наше прошлое на уровне растительной жизни и вообще начала жизни, погружаясь уж действительно в «мертвый сон». Пройдет несколько стадий, прежде чем сформируется истинный психический центр и придаст какую-то связность и непрерывность этой разнородной смеси. Начиная с того момента, как тело перестает быть главным центром, а мы начинаем вести внутреннюю жизнь, не зависящую от физических обстоятельств и физической жизни, и особенно когда мы вступаем на путь йоги, представляющий собой процесс ускоренной эволюции, наша жизнь полностью меняется, как меняется и сон и смерть – мы начинаем существовать по-настоящему. При этом мы можем замечать, что видимым изменениям внешней жизни предшествуют внутренние изменения более тонкого порядка, которые находят свое выражение в снах особой природы. Мы переходим от животного сна к сознательному сну или *сну-переживанию*, и от смерти-разложения к смерти, в которой продолжается жизнь. Рассыпаются перегородки, дробившие на части нашу интегральную жизнь. Вместо того, чтобы жить в полной разбросанности в подчинении ложному центру, мы находим Хозяина и ловим нить сознания-силы, которая связывает вместе все уровни вселенской реальности.

Сон-переживание

В зависимости от уровня развития нашего сознания сон-переживание может варьироваться от редких спорадических вспышек на том или ином плане до непрерывного самоуправляемого видения, способного перемещаться по всей иерархии планов. Здесь опять же все будет зависеть от нашего пробужденного сознания. Обычно в силу родственности мы отправляемся во сне на те планы, с которыми мы уже установили связь. Эта связь образуется принятыми нами витальными, ментальными и прочими вибрациями, которые превратились в нас в идеалы, стремления и желания, низкие или высокие. Выходя из тела, мы просто идем к источнику этих вибраций – необычайно живому и яркому источнику, рядом с которым меркнут все наши ментальные и витальные выражения в физическом мире. Тогда мы начинаем осознавать безмерные бесчисленные миры, пронизывающие и охватывающие нашу земную планету, а также возвышающиеся над нею и определяющие ее и нашу судьбу. Очевидно, невозможно описать все эти миры на нескольких страницах или даже в нескольких томах; это все равно, что попытаться описать всю землю,

*Вслед за Шри Ауробиндо мы используем слово *подсознательное* в этимологическом смысле, подразумевая под ним не то, что ниже нашего бодрствующего сознания, а то, что ниже сознательной стадии эволюции.

мельком увидев лишь, например, Нормандию. Мы и не будем пытаться это делать, а только дадим несколько пояснений, которые помогут искателю сориентироваться в собственном опыте. Прежде всего, на что много раз указывал Шри Ауробиндо, от искателя требуется *ясная простота*, отсутствие желаний и спокойный ум – иначе мы можем пасть жертвой всевозможных иллюзий. Терпеливо, через множество переживаний, мы сначала учимся распознавать, к какому плану относится наше переживание, а затем определять, на каком уровне этого плана оно происходит. Это ориентирование столь же важно для наших поисков, как и знание того, по какой дороге мы идем и какую страну пересекаем, когда мы путешествуем по нашей земле-матушке. Затем мы учимся понимать смысл своих переживаний. Для нас это как иностранный язык, даже несколько языков, которые мы должны усвоить, не вплетая в них наш ментальный язык. Одна из величайших трудностей, действительно, заключается в том, что ментальный язык – это единственный известный нам земной язык, так что при пробуждении его транскрипции бессознательно стремятся вплестись в переживание и исказить его чистоту. Чтобы этого не происходило, нам следует при пробуждении оставаться как можно более спокойными, не позволяя вмешиваться уму и стараться интуитивно почувствовать смысл других языков. Поначалу все похоже на джунгли или китайский базар: все переплетено и выглядит одинаково. Затем, спустя месяцы и годы, мы начинаем различать дорогу и лица, места и указатели и, вообще, более обильное разнообразие, чем на земле.

Но как вспомнить свой сон? Для большинства людей это полный провал в памяти – не хватает связующего звена. И, действительно, в нас должно быть множество таких звеньев или *мостов*, как говорила Мать – словно мы состоим из ряда стран, которые должны связываться друг с другом мостами. Поэтому мы можем легко сохранять воспоминания определенных частей нашего существа об их путешествиях и совершенно не помнить путешествия других частей: просто где-то есть мосты, а где-то их нет. Когда мы пересекаем эту пустоту или слабо тренированную часть своего сознания, мы забываем (это обычно и происходит с теми, кто впадает в «экстаз» – мы еще поговорим об этом попозже). В принципе, достаточно развитое существо в своем сне пересекает все диапазоны сознания и доходит до всевышнего Света и Духа – *Сат-Чит-Ананды* – чаще всего, несознательно, но эти несколько минут дают истинный сон, настоящий отдых в релаксации Радости и Света. Шри Ауробиндо говорил, что настоящая цель сна – спонтанно вернуться к Истоку и вновь погрузиться в него. А оттуда мы медленно спускаемся через все планы (Ментальный, Витальный и т.д.), где каждая часть нашего существа имеет соответствующее переживание. Внутри каждого плана есть также множество зон, связанных друг с другом мостами. Основная трудность – навести первый мост, связывающий с внешним бодрствующим сознанием. Единственный способ сделать это – оставаться совершенно неподвижным и полностью безмолвным после пробуждения. Если повернуться или даже пошевелиться, все испарится или, лучше сказать, большое озеро сна мгновенно покроется мелкой рябью, и не будет видно ничего. А если начать думать, тогда поднимутся целые волны грязи и скроют все – мысль только портит все, и не умом надо пытаться вспомнить. Надо склониться над этим большим спокойным озером как в бесцельном, но неослабном переживании, словно мы хотим пронзить эту темно-синюю глубину силой своего взгляда. И если мы будем достаточно настойчивыми, тогда внезапно перед нашим взором всплывет образ или, может быть, появляется лишь след, словно аромат далекой страны, очень знакомый, но неуловимый. Однако нельзя хвататься за этот след, ибо он сразу же исчезнет. Мы должны позволить ему самому постепенно проступить и обрисоваться, и тогда

мы увидим всю сцену. Когда нить в наших руках, достаточно только медленно за нее тянуть, не думая ни о чем и не пытаясь ничего понять (понимание придет позднее; если мы начнем интерпретировать увиденное прямо в пути, мы оборвем все связи), и нить сама будет вести нас из страны в страну, от воспоминания к воспоминанию. Может случиться так, что в течение нескольких лет мы будем застревать все время в одной и той же точке своего маршрута, как если бы там возникал широкий провал в памяти. Чтобы восстановить недостающее звено, требуется терпение и еще раз терпение – упорство всегда вознаграждается. Воспоминание при пробуждении – не единственный метод. Можно также концентрироваться перед сном, собирая свою волю к тому, чтобы просыпаться несколько раз за ночь через заданные промежутки времени и тем самым ловить нить воспоминаний в разных точках сна. Этот метод особенно эффективен. Ведь мы прекрасно знаем, что достаточно только захотеть проснуться в определенное время, и «внутренние часы» не подведут нас, сработав с точностью до минуты – это называется «сделать формацию». Формации – это словно маленькие вибрационные узелки, сделанные усилием воли, и эти узелки обретают собственное независимое существование и очень точно выполняют свою работу.* Можно производить более или менее сильные, более или менее длительные формации (и тогда их можно подзаряжать время от времени) с самыми разными целями и, в частности, с целью просыпаться через заданные интервалы времени. И если мы будем проявлять упорство в течение месяцев или даже лет, если потребуется, то в конце концов мы будем автоматически приходить в состояние готовности всякий раз, когда что-то важное будет происходить на одном из планов в нашем сне. Тогда мы сами остановимся прямо во сне, чтобы два-три раза повторить и как следует запомнить воспоминание, а затем отправиться дальше.

В этом необъятном поле переживаний мы можем подчеркнуть лишь несколько практических моментов общего порядка, особенно поражающих искателя в начале его пути. Прежде всего, надо отличать *переживания* от обычных снов подсознательного. Переживание – это не сон, хотя мы привыкли валить все в одну кучу. Переживания – это действительно реальные события, которые происходили на том или ином плане и в которых мы приняли участие. Переживания отличаются от обычных снов своей особенной интенсивностью: любые события внешнего физического мира кажутся *блеклыми* по сравнению с теми событиями. Переживания оказывают на нас более глубокое впечатление и оставляют *более живое* воспоминание, чем любое земное событие, словно мы внезапно прикоснулись к более богатой жизни — богатой не обязательно по внешнему рисунку или цветовой гамме, а по содержанию (хотя и все цвета могут невероятно сиять, особенно в Витальных регионах). Тогда искатель пробуждается с переполняющим его ощущением, будто он купался в море символов, имеющих сразу несколько значений (а события нашего физического мира редко когда имеют более одного значения). Кажется, что эти символы столь богаты на неожиданные ответвления и бездонные глубины, что созерцая их даже долгое время, никогда не исчерпавешь всего их смысла. Либо искатель может проснуться с ощущением того, что он участвовал в событиях, кажущихся неизмеримо более реальными, чем наши физические события, всегда плоские,

* Своими желаниями и мыслями (хорошими или плохими) мы невольно производим множество формаций и тут же забываем о них. Но формации ничего не забывают и, сделав свою работу (реализовав желание, мысль, организовав условия), они возвращаются к нам даже спустя два года или десять лет, когда мы и думать обо всем позабыли. Мы даже не признаем, что все это – плод наших мыслей и наших желаний. Так что мы окружены всевозможными маленькими живыми сущностями, жаждущими своей реализации, хотя мы сами уже не хотим этого.

словно отпечатанные на жестком и несколько фотографичном фоне. В этих случаях искатель может быть уверен, что у него было настоящее переживание, а не сон.

Есть и другой замечательный факт: по мере подъема по шкале сознания меняется само качество света – различия в свечении являются верным указанием на то, где мы находимся, и даже на сам смысл вещей. Есть вся цветовая гамма, начиная с грязных тонов подсознательного, окрашенного в серые, коричневые и черные цвета; затем идут вибрирующие оттенки тонкого Физического и яркие цвета Витального, всегда имеющие налет искусственности и напыщенности (это самый обманчивый регион); затем нас встречает свет Ума, который становится все более мощным и чистым по мере нашего подъема к Источнику. Начиная с Надразума, о котором мы поговорим позже, радикально меняется видение: объекты, существа и вещи уже не кажутся освещенными снаружи подобно тому, как нас освещает солнце, а они светятся *сами по себе*; в конце концов пропадает ощущение, что мы находимся «вне» объектов, и есть только экстаз в неподвижном ослепительном Свете, не имеющем шумной пестроты и чувственных помех низших планов. Войдя в контакт с этим Светом, можно за несколько минут отдохнуть как за восемь часов сна. Именно благодаря этому йогины могут обходиться почти без сна, а несколько минут концентрации там могут освежить как долгая прогулка на свежем воздухе. Тело невероятно выносливо, а утомляет психологическое возбуждение.

Помимо того, что во сне мы можем быть причастными к событиям вселенского порядка, мы также замечаем, что сон – это кладезь сведений о нашем собственном индивидуальном состоянии. Все уровни нашего существа озаряются точным светом, как если бы внешне, в бодрствующем состоянии, мы жили словно глухонемые или люди, закованные в гипс, а теперь вдруг все в нас пробудилось к жизни, более истинной, чем прежняя жизнь. Эти различные внутренние уровни могут представляться нам в виде комнат или домов, в которых значимы малейшие детали: *Когда отправляешься на исследование своего внутреннего существа, - рассказывает Мать, - и различных составляющих его частей, часто складывается впечатление входа в зал или комнату, а по окраске, атмосфере, содержащимся там вещам создается очень ясное ощущение той части существа, в которой сейчас находишься. Затем можно проходить во все более и более глубокие помещения, каждое из которых обладает собственным характером.* Иногда вместо комнат можно встретить всевозможных существ – всю маленькую семейку или даже зверинец – представляющих разнообразные силы или вибрации, которые мы приютили у себя в силу привычки и которые составляют «нашу» природу. Это не какие-то существа «из сна», а самые настоящие существа, нашедшие в нас свой приют: силы сознательны, вибрации сознательны – существа и силы, сознание и сила, это суть два одновременных облика одной и той же реальности. И тогда особенно живым образом мы видим, что мы хотим и что не хотим больше держать в себе.

И еще одно наблюдение поражает искателя своей почти ежедневной повторяемостью. Он начинает замечать, что ночью у него бывает точное предвидение всех важных *психологических* событий, которые произойдут на следующий день. Сначала он подумает, что это просто совпадение или не разглядит связи, но после того, как подобное повторится сотню раз, он будет уже начеку, и, в конце концов, научится заранее принимать защитные меры. Например, днем у нас была депрессия или приступ гнева, возникал протест или приходил сексуальный импульс и т.д., либо, если взять примеры, кажущиеся совсем другого рода, мы поскользнулись на ровном месте и повредили себе что-то или подхватили простуду – все эти совершенно банальные случаи точно соответствуют другим инцидентам, чаще всего сим-

волическим (символическим, поскольку при пробуждении происходит ментальная транскрипция), которые мы переживали ночью, когда во сне были, к примеру, атакованы врагами или были впутаны в досадные неприятности; либо мы даже могли точно видеть все детали психологической ситуации, которая возникнет на следующий день. Создается такое впечатление, что «некто» в нас полностью пробужден и заботится о том, чтобы указывать нам на все «почему» и все скрытые механизмы нашей психологической жизни, на все причины наших падений и нашего прогресса. Ведь мы можем предвидеть и, напротив, все счастливые психологические движения, которые завтра выльются в прогресс, открытие сознания, легкость, внутреннее расширение; и тогда мы можем вспомнить, что прошлой ночью нас, к примеру, заливал свет или мы ощущали подъем, или видели крушение стены или дома (символизирующих наше сопротивление или какие-то ментальные конструкции, которые держали нас в плену). И мы также поражаемся тому, что обычно эти предчувствия касаются не тех событий, которые мы считаем важными на нашем физическом плане (например, смерть родителей или успех на работе – хотя мы можем предчувствовать и это), а «мелочей», не имеющих значения во внешней жизни, совершенно банальных, но всегда очень полезных для нашего внутреннего прогресса. Это знак развития нашего сознания: вместо того, чтобы бессознательно принимать ментальные, витальные и прочие вибрации, которые лепят нашу жизнь без нашего ведома и которые мы наивно принимаем за свои (мы говорим: это мой гнев, моя депрессия, мой сексуальный импульс, моя лихорадка), мы начинаем видеть, как они приходят к нам. Это наглядное доказательство того (подкрепляемое сотнями переживаний ночь за ночью), что вся игра нашей внешней природы приходит снаружи, из вселенского Ума, вселенского Витального или из более высоких регионов, если мы способны настраиваться на них. Это начало подлинного господства, ибо увидев или даже предвидев что-то, мы можем менять ход событий. Земная жизнь является местом самого жесткого и слепого детерминизма, но одновременно и местом завоевания свободы – все зависит от нашего сознания. Один ученик однажды написал Шри Ауробиндо о своих «снах», подчеркнув странное совпадение ночных и дневных событий. И вот какой ответ он получил: *Поймите, что эти переживания – не просто фантазии или сны, а реальные события... Будет ошибкой думать, что мы живем только физически, с внешним разумом и внешней жизнью. Мы все время живем и действуем и на других планах сознания, встречаемся там с другими и влияем на них, и то, что мы делаем и чувствуем там, те силы, которые мы собираем, и те результаты, которые мы подготавливаем, неизмеримо важны для нашей внешней жизни, и они оказывают на нас неведомое нам воздействие. Не все доходит оттуда, а то, что доходит, обретает иную форму на физическом уровне, хотя иногда есть и точное соответствие; но даже то малое, что доходит, составляет базис нашего внешнего существования. Все, чем мы становимся, делаем и выносим в физической жизни, подготавливается за вуалью внутри нас. Поэтому для йоги, нацеленной на трансформацию жизни, безмерно важно расти в сознании того, что происходит в этих регионах, чтобы стать там господином и научиться чувствовать, знать и обращаться с теми тайными силами, которые определяют нашу судьбу и наш внутренний и внешний рост или падение.*⁷⁹

Сон-действие

От животного сна мы переходим к сознательному сну или сну-переживанию, а затем и к сну-действию. В течение долгого времени наш сон, сколь бы сознательным он ни был, оставался все же в пассивном состоянии. Тогда мы были лишь наблюдателями, беспомощными свидетелями того, что происходит в той или иной части нашего существа – подчеркнем, что всегда лишь *часть* нашего существа участвует в каком-то переживании, хотя у нас может складываться впечатление, что все наше существо в целом страдает, сражается, путешествует и т.п. (точно также, как во время беседы с другом о философии или политике нам может показаться, что мы целиком отдались обсуждению, тогда как на самом деле в нем участвует лишь какая-то ментальная или витальная часть). По мере того, как наш сон становится все более сознательным, мы переходим от впечатлений к поразительным реальностям (что «конкретнее», что «объективнее» – «сон» или наша повседневная обыденность? – спрашиваем мы себя). Мы видим, что мы составлены из разнородной массы ментальных, витальных и прочих фрагментов, имеющих независимое существование и ведущих свою жизнь на соответствующих им планах. По ночам, когда спадают оклады тела и исчезает тирания ментального ментора, эта независимость проявляется особенно отчетливо. Все вибрации, собранные нами и составляющие «нашу» природу, распадаются на маленькие сущности нашего существа и разбредаются во все стороны, и тогда мы можем встретить всяческих незнакомцев, о существовании которых мы даже не догадывались. Иными словами, все эти фрагменты не интегрированы вокруг истинного психического центра, а раз они не интегрированы, то мы и не в силах вмешиваться и влиять на ход событий. Мы пассивны, поскольку истинное наше «я» – наше психическое, а большинство этих фрагментов не имеет никакой связи с психическим.

Необходимость интеграции вокруг психического центра сразу же возникает, как только мы хотим быть хозяевами не только здесь, но и на других планах. Например, когда мы выходим из своего тела и идем в определенные регионы низшего Витального (им соответствуют нижние зоны в районе пупка и половых органов), то та часть нашего существа, которая отделилась и отправилась в эту область, чаще всего проходит через очень неприятные переживания: она атакуется различными прожорливыми силами, и мы переживаем то, что принято называть «кошмарами», от которых мы обычно избавляемся, убегая как можно быстро в свое тело. Но если эта часть нашего существа интегрирована вокруг психического центра, она уже может без опаски входить в эти довольно inferнальные регионы, ибо она уже будет защищена психическим светом (психическое – это свет, часть великого изначально Света). Ей достаточно только будет вспомнить этот свет (или Учителя, что одно и то же), как все враждебные силы будут рассеяны. Вспоминая, она тем самым призывает истинную вибрацию, обладающую силой растворить или рассеять все вибрации меньшей интенсивности. Мы усваиваем это на собственном опыте: поначалу мы можем, например, подвергаться ужасным преследованиям, но стоит какой-то нашей части вспомнить свет (или Учителя), как ситуация переворачивается. Точно также, мы можем встречать на этих планах самых разных людей, знакомых и незнакомых нам, близких или далеких, живых или умерших – *вечноживущих, кого мы называем мертвыми*⁸⁰, как говорит Шри Ауробиндо, – но настроенных с нами на одну и ту же волну. При этом мы можем стать свидетелями или беспомощными соучастниками их злоключений (которые могут вылиться в неприятные земные события, ведь то, что происходит там, подготавливает то, что произойдет здесь). Но если в момент этого переживания мы вспомним Свет, то сможем повернуть ход событий: помочь другу или незнакомцу, попавшему в бедственное положение, помочь разво-

площенному существу преодолеть трудный переход или выбраться из дурного места, либо самому освободиться от некоторых пагубных связей (есть так много мест, в которых мы действительно являемся узниками). Умышленно приведем негативный и как можно более банальный пример: Х «снится», что она гуляет с подругой по берегу озера с удивительно прозрачной водой, как вдруг из глубины озера внезапно выскакивает змея и впивается в горло ее подруги. Х делает несколько безуспешных попыток защитить свою подругу, но затем ею овладевает страх и, теперь уже сама преследуемая змеей, она убегает «в дом» (в свое тело). На следующее утро Х узнает, что ее подруга заболела и совсем потеряла голос. А саму Х весь день преследует целый ряд мелких неудач, внешних и внутренних. Но если бы в ту ночь она была активно сознательной и сосредоточенной, то ничего бы не произошло, и враждебные силы бежали бы. Можно привести и противоположные примеры, когда «чудесным образом» удавалось избегать несчастных случаев благодаря сознательному вмешательству накануне ночью. Таким образом, мы можем с пользой для себя и других участвовать во всевозможных активностях, подготавливающих наш завтрашний день: «Сознательное существо размером не больше мизинца находится в центре нашего я; это Хозяин прошлого и настоящего... это наш сегодняшний день и день завтрашний», - говорит Катха Упанишада (IV.12, 13). Нам надо пройти через множество переживаний, всякий раз по возможности получая подтверждение, чтобы понять, до какой степени эти «сны» - не сны. Есть пути, от которых мы не можем освободиться здесь, не освободившись от них там. Стало быть, проблема действия тесно связана с проблемой интеграции вокруг психического.

Эта интеграция тем более необходима, когда у нас больше нет тела, то есть, когда мы «умерли», ведь тогда у наших фрагментов больше нет возможности вернуться под защиту тела. Если они не интегрированы вокруг психического центра, то им обычно предстоит пройти через множество неприятностей. Отсюда и тянутся все наши истории и представления об аде, которые на самом деле касаются только (никогда не лишне подчеркнуть это) низших частей нашей природы. Ведь низшие планы (как раз низшее Витальное труднее всего интегрировать) населены изголодавшимися силами. Один преждевременно умерший ученик, явившись во сне к своему другу, так выразился о своем путешествии после смерти: «Сразу за вашим миром нет ни закона, ни порядка» - поистине британский лаконизм для описания ада. Затем он добавил: «Со мной свет Матери (Учителя), так что я перебрался через это.» Поскольку такое переживание типично для множества смертей, то следует уточнить, что встреча этих друзей проходила в прекрасных садах, характерных для высших витальных регионов (которым соответствует сердечный центр) - такие сады составляют один из бесчисленных «раев» иного мира. Однако это не самые высшие «Раи», так что развоплощенная душа, вволю насытившись ими, отправляется затем дальше в место истинного отдыха - в изначальный Свет - и остается там, ожидая часа своего возвращения на землю. Полным и жестоким абсурдом было бы считать, что кто-то отправляется в «вечный ад». Как душа, являя собой Свет, может стать пленницей низших вибраций? Это все равно, что сказать, что в световом диапазоне инфракрасный свет возвышается над ультрафиолетовым. Подобное притягивается к подобному - всегда и везде, здесь и где бы там ни было. И что действительно может быть «вечным» помимо души и помимо радости? *Если бы существовал нескончаемый Ад, он мог бы быть только местом нескончаемого восторга, - говорит Шри Ауробиндо, - ибо Бог есть радость, Ананда, и кроме вечности Его блаженства нет никакой другой вечности.*⁸¹

Итак, по мере того, как наше существо интегрируется вокруг своего психического центра, оно переходит от пассивного сна к активному сну (если еще можно говорить о «сне»), и от тяжелых переходов после смерти к интересному путешествию или к иной форме работы. Но и там есть всевозможные ступени, зависящие от широты нашего сознания – от малого действия, не выходящего за узкий круг наших знакомых, живых или умерших, или известных нам миров, до вселенского действия некоторых великих существ, чье психическое пропитало огромные диапазоны сознания и чей молчаливый свет защищает мир.

Подводя черту под этим краткими описаниями общего порядка, которые в лучшем случае служат путевыми знаками для искателя, приведем последнее наблюдение, касающееся предчувствий. Подчеркнем еще раз, что предчувствие какого-то события – это верный знак тому, что это событие *уже существует* на каком-то плане, готовясь произойти здесь – ничто не возникает из ничего. Мы очень тщательно подходим к исследованию материальной реальности, но в то же время безосновательно навешиваем ярлык смутности или бессвязности на явления менее материальных миров, тогда как эта смутность и бессвязность существует лишь в нашем уме. По мере накопления опыта мы все больше убеждаемся, что на самом деле во всем есть свой порядок, и всему есть свое объяснение. По мере подъема по шкале сознания не только растет интенсивность света, но и расширяются масштабы времени, охватывая все более отдаленные события (в прошлом и будущем), пока мы, наконец, не подходим к неподвижному Свету, где *все уже есть*. При этом мы замечаем, что земное свершение нашего предчувствия наступает раньше или позже в зависимости от того, на каком плане сознания было наше видение. Например, видение на тонком Физическом плане, граничащем с нашим миром, почти сразу же выливается в земное событие спустя несколько дней или часов: например, мы видели несчастный случай, и на завтра он происходит с нами, причем наше видение было очень точным, в малейших деталях. Чем выше план, на котором происходит видение, тем позже оно реализуется на земле, но тем шире его охват; при этом детали реализации менее видны, как если бы неизбежным был только сам факт виденного (при условии, что наше видение достаточно очищено от всякого эгоизма), но оставалась неопределенность, касающаяся деталей реализации. Причина этой неопределенности кроется в искажениях высшей истины, происходящих по мере ее спуска к земному плану. Но чем более сознательны мы на земле, то есть, чем выше можем мы подниматься по шкале сознания, приближаясь к Источнику, тем ближе мы подводим землю к этому Источнику, избавляясь от неминуемых искажений промежуточных планов. Это может иметь значительные последствия не только для нас самих в целях преображения нашей жизни, но и для всего мира в целях его трансформации. Немало копий было сломано вокруг проблемы свободы воли и предопределенности, но на эту проблему просто неправильно смотрели. Это не вопрос противоречия между предопределенностью и свободой воли, а вопрос связи свободы воли с рядом детерминизмов. Мы подчинены, как говорит Шри Ауробиндо, ряду *наложенных друг на друга детерминизмов* – физическому, витальному, ментальному и более высоким – причем детерминизм каждого плана может менять или вообще отменять детерминизмы более низких планов. Например, доброе здоровье и жизненный срок, отпущенный какому-то человеку, может модифицироваться витальным детерминизмом «его» страстей и «его» психологических расстройств, и, в свою очередь, этот витальный детерминизм может модифицироваться ментальным детерминизмом его воли и его идеалов; ментальный детерминизм может модифицироваться более высоким законом психического, и так далее. Свобода – это продвижение ко

все более высоким планам. То же самое касается судьбы всей земли в целом: макрокосмом движут те же силы, что и микрокосмом. Мы являемся точкой встречи всех детерминизмов в Материи, и если мы способны подниматься ко все более высоким планам сознания, то тем самым мы автоматически будем способствовать модификации всех низших детерминизмов и подъему земли к большей свободе. Наконец, придет день, когда с помощью пионеров эволюции мы поднимемся к *супраментальному* плану, который радикально изменит настоящую судьбу нашего мира, как некогда в третичном периоде его судьбу изменил появившийся Ум. И в конце концов – если вообще есть конец – может быть, земля прикоснется ко всевышнему Детерминизму, являющемуся всевышней Свободой и совершенным исполнением. Каждый из нас, работая над своим сознанием, сопротивляется фатальностям, нависшим над нашим миром, и является ферментом свободы или обожествления земли. Ибо эволюция сознания значима для всей земли.

Х. ЙОГИН-РЕВОЛЮЦИОНЕР

Таковы ментальные, витальные, физические и психические открытия, сделанные Шри Ауробиндо в возрасте от двадцати до тридцати лет, когда он в одиночку продвигался шаг за шагом, просто следуя нити своего сознания. Примечателен тот факт, что свою йогу он практиковал во всех местах, где обычно ею не занимаются: преподавая английский и французский языки в государственном колледже Бароды, выполняя свои обязанности при дворе Махараджи и, все больше и больше, занимаясь подпольной революционной деятельностью. Те ночные часы, которые не были посвящены изучению своего родного языка или санскрита и которые не были отданы политической работе, Шри Ауробиндо отводил собственной поэзии: «Ауробиндо обычно до поздней ночи засиживался над своей поэзией», - вспоминает его учитель бенгальского языка, - «благо что ему не требовалось подниматься рано утром... Он на минуту концентрировался перед тем, как начать писать, и затем **стихи лились** потоком из-под его пера.» От поэзии Шри Ауробиндо переходил к своим опытам во сне. В 1901 году, в возрасте двадцати девяти лет, он женился на Мриналини Дэви и хотел бы, чтобы она приняла участие в его духовной жизни: *Я ощущаю все признаки и симптомы [предначертанного пути]*, - писал он в одном из писем, сохранившихся в архивах британской полиции. *Я хотел бы взять тебя в свой путь.* Мриналини не поняла, и Шри Ауробиндо остался один. Мы попусту потратим время, если начнем искать в жизни Шри Ауробиндо что-то необыкновенное и чудесное, чем обычно украшены жизни великих мудрецов или мистиков. Не найдем мы в ней и сенсационных йогических методик. Все в жизни Шри Ауробиндо казалось вполне обыденным, как в самой обычной жизни – ничего примечательного для внешнего глаза. Возможно, он находил больше чудес в самом обыденном, чем в необычном: *Для меня все по-другому, все необычно*, - писал он Мриналини. *Все глубоко и удивительно для видящего глаза.*⁸² Возможно, именно это он хотел показать нам своим примером, своей работой, своей йогой – неведомые богатства, скрытые под коркой обыденности. *Наши жизни – глубокая мистерия, о которой мы и не грезим.*⁸³ Если бы мы только знали, сколь пусты и незначительны наши «чудеса», подобные фокусам иллюзиониста – стоит обрести лишь толику настоящего знания, и прекрасно видно, как все сфабриковано! И насколько проста Истина по сравнению с этой феерией «сверхъестественного»! По мере продвижения в своей йоге Шри Ауробиндо оставлял эту феерию образов ради того, что он назвал *духовным реализмом*⁸⁴, но не из-за того, что не любил прекрасные образы (это он-то, поэт!), а из-за того, что видел, что эти образы станут еще прекраснее, если они воплотятся на земле, и супрафизическое станет нашим обычным физическим, видимым широко открытыми глазами. Потустороннее стало естественным для Шри Ауробиндо, а сам он достиг спокойного господства над жизнью как раз благодаря тому, что никогда не разделял два мира: *С момента приезда в Индию я никогда не делил свою жизнь и йогу на потустороннюю и посюстороннюю и не отдавал никакого предпочтения той или иной стороне*, - писал Шри Ауробиндо одному ученику. *Все человеческие занятия принадлежат, я полагаю, этому миру, и многие из них вошли в мою ментальную сферу, а некоторые, такие как политика, вошли и в мою жизнь; но, в то же время, только ступив на набережную Apollo Bunder в Бомбее, я начал иметь духовные переживания, но они не были оторваны от этого мира, а внутренним образом безгранично опирались на него; это были такие переживания, как ощущение Бесконечного, про-*

низывающего материальное пространство, и Имманентного, населяющего материальные объекты и тела. В то же время я попадал в супрафизические планы и миры, так что я не мог делать резкого разграничения или непримиримого противостояния между тем, что я назвал двумя полюсами существования, и всем тем, что лежит между ними. Для меня все есть Брахман, и я нахожу Божественное повсюду.⁸⁵

Проблема действия

Духовный реализм Шри Ауробиндо сразу же обнаруживается в его революционной деятельности. Быстро сложилась программа из четырех основных положений: пробудить Индию к идее независимости, для чего будет достаточно газетных статей и политических речей; поддерживать умы людей в состоянии постоянного протеста (Шри Ауробиндо вместе с другим героем Индии, Тилаком, был одним из первых, кто еще в начале века заговорил о полном освобождении, пассивном сопротивлении и политике несотрудничества; Ганди выйдет на политическую арену Индии лишь спустя пятнадцать лет); преобразовать партию Индийский Конгресс с ее робкими требованиями в *экстремистское движение*, прямо провозглашающее идеал полной независимости; и, наконец, тайно готовить вооруженное восстание. Со своим младшим братом Барином Шри Ауробиндо начал тайно организовывать повстанческие отряды под прикрытием спортивных и культурных обществ; он даже отправил эмиссара за собственный счет в Европу, чтобы тот научился изготавливать бомбы. Когда Шри Ауробиндо говорил: *Я не бессильный моралист и не немощный пацифист*⁸⁶, это были не пустые слова. Шри Ауробиндо прекрасно знал историю Франции, как и историю итальянской и американской революций, чтобы понимать, что и вооруженное восстание может быть оправданным; ни Жанна д'Арк, ни Мадзини, ни Вашингтон не были сторонниками «ненасилия». Когда в 1920 г. сын Ганди прибыл в Пондишери к Шри Ауробиндо, чтобы обсудить с ним политику «ненасилия», Шри Ауробиндо ответил ему простым и насущным вопросом: «Что вы будете делать, если завтра начнется вооруженное вторжение через северные границы Индии?» Двадцать лет спустя, в 1940, Шри Ауробиндо и Мать открыто встали на сторону союзников, тогда как Ганди (несомненно, в порыве сердца, достойного похвалы) послал открытое письмо британскому народу, призывая не поднимать оружия против Гитлера, а использовать вместо этого только «духовную силу». Поэтому стоит уточнить духовную позицию Шри Ауробиндо по отношению к насильственным действиям.

Войны и разрушения, - пишет Шри Ауробиндо, - универсальные принципы не только нашей жизни здесь в ее чисто материальных аспектах, но и нашего ментального и морального существования. Совершенно очевидно, что в сегодняшней жизни интеллектуального, социального, политического, морального человека мы не можем сделать и шага вперед без борьбы, сражения между тем, что сейчас существует и живет, и тем, что стремится существовать и жить, а также между всем тем, что стоит за тем и другим. Пока люди и вещи таковы, как они есть сейчас, невозможно продвигаться вперед, расти и добиваться свершений, во всем и по-настоящему соблюдая принцип непричинения вреда, поставленный перед нами как высочайший и наилучший закон нашего поведения. Будем ли мы использовать только силу души и никогда не будем ничего разрушать войнами или физическим насилием даже в целях самообороны? Хорошо, но пока мы будем дожидаться действенно-

сти силы души, Асурические силы в людях и нациях будут продолжать топтать, ломать, убивать, сжигать, осквернять, как они делают это сейчас, причем они будут делать это с еще большей легкостью, не встречая никаких препятствий, так что своим невмешательством вы, возможно, причините не меньше вреда, чем другие, прибегающие к насилию... Не достаточно иметь чистые руки и незапятнанные души, чтобы закон борьбы и разрушения навсегда исчез из этого мира – сначала должен быть вырван из человечества его корень. Не отменит этот закон и простая неподвижность и инерция, не желающая или неспособная хоть как-то сопротивляться злу; не самом деле тамас, инерция вредят гораздо больше, чем раджасический принцип борьбы, который, по крайней мере, создает больше, чем разрушает. Поэтому воздержание индивида от борьбы и неизбежно сопутствующей ей разрушений в их наиболее грубой физической форме может помочь собственному моральному существованию индивида, но не затронет Убийцу творений.⁸⁷

Вся эволюция мышления Шри Ауробиндо и его позиции по отношению к войнам (начиная с его подпольной деятельности в Бенгалии и заканчивая его уходом в Пондишери в 1910 г.) вращалась вокруг проблемы средств: как наверняка поразить этого «Убийцу творений», «Пожирателя», как называли его риши Вед? От независимости Индии Шри Ауробиндо перешел к независимости мира. Продвигаясь в своей йоге, он все больше и больше убеждался на опыте, что скрытые силы стоят не только за нашим психологическими беспорядками и расстройствами, но и за мировыми беспорядками – как уже говорилось, все приходит из иного источника – и что если наше невмешательство не затрагивает Убийцу творений, то и наши войны не уничтожат его, хотя войны еще практически необходимы, хотим мы или нет марать в них свои руки. В разгар первой мировой войны Шри Ауробиндо пророчески отметил: Поражения Германии... не достаточно, чтобы истребить дух, вселившийся в нее; это поражение само по себе может привести лишь к новой инкарнации этого духа, теперь уже, возможно, в другой нации или в другой стране, и тогда снова придется вести сражение. Пока живы старые боги, мало что значит разрушение или подавление тела, которым они движут, ведь они прекрасно умеют переселяться. Германия свергла наполеоновский дух во Франции в 1813 году, а в 1870 году добила пережитки ее европейского господства; но та же самая Германия стала воплощением того, что она низвергла. Это явление легко может повториться, но уже на более грозном масштабе.⁸⁸ Сегодня мы знаем, что старые боги умеют перевоплощаться. Увидев, как все годы ненасилия закончились ужасными насилиями, приведшими к расколу Индии в 1947 году, сам Ганди незадолго до своей смерти с горечью сказал: «Ощущение насилия, которое мы тайно питали в себе, обернулось теперь против нас, и мы уже сами вцепились в горло друг друга, когда дело дошло до дележа власти... Сейчас, когда пало ярмо порабощения, все силы зла выходят на поверхность.» Ведь ни ненасилие, ни насилие не затрагивает корней Зла. В середине второй мировой войны, когда Шри Ауробиндо открыто встал на сторону союзников*, ибо это было реальным практическим шагом, он писал своему ученику: Вы пишете так, как если бы то, что происходит сейчас в Европе, было бы войной между силами Света и Тьмы, но это совсем не так, как, впрочем, и в годы первой мировой войны. Это битва между двумя видами Неведения... Глаз йогина видит не только внешние события, внешние личности и поверхностные причины, но и громадные силы, которые ввергают их в действие. Если люди, сражающиеся в окопах, являются инструментами в руках правителей, финансистов и т.п., то последние, в свою очередь,

* Рискую встретить неодобрение со стороны своих соотечественников (если учесть, что Индия достаточно натерпелась под гнетом британского правления, чтобы желать поражения Англии с союзниками).

являются лишь марионетками в лапах тех сил. Человека, который привык видеть то, что стоит за вещами, больше не затрагивают внешние аспекты, и он не уповает ни на какие политические или социальные перемены.⁸⁹ Шри Ауробиндо осознавал эти «громадные силы», стоящие позади вещей, как и постоянное проникновение супрафизического в физический мир. Он был сконцентрирован не на поверхностной моральной проблеме насилия или ненасилия, а на проблеме действительности. Шри Ауробиндо прекрасно видел (опять же, через опыт), что для того, чтобы излечить мир от зла, надо сначала исправить то, что является базой зла в человеке. Невозможно ничего исправить снаружи, не исправив сначала то, что находится внутри; невозможно управлять внешним, не став хозяином внутри; и невозможно трансформировать внешнюю материю, не трансформировав внутреннюю. Ведь все едино: есть только одна Природа, один мир, одна материя, так что пока мы охватываем только внешнее, мы не достигнем ничего. Если такой подход кажется нам непосильным, тогда у мира и у человека не остается никакой надежды, ведь все наши внешние панацеи и сахарные морали в конечном счете обречены на вымирание и разрушение скрытыми силами. *Единственный выход*, - говорит Шри Ауробиндо, - *заключается в нисхождении сознания, не являющегося марионеткой этих сил и превосходящего их; так что оно может вынудить их либо измениться, либо исчезнуть.*⁹⁰ Именно к этому новому, супраментальному сознанию продвигался Шри Ауробиндо в гуще своей революционной деятельности.

*Быть может, когда провалятся все остальные попытки,
Найдем мы скрытый в нас самих ключ к совершенному преображению.*⁹¹

Нирвана

В 1906 г. Шри Ауробиндо переезжает из Бароды в Калькутту, чтобы погрузиться в самую гущу политической борьбы. Грубые ошибки лорда Керзона, правителя Бенгалии, привели к студенческим волнениям – пришло время действовать. Вместе с другим великим лидером национального освободительного движения, Бепином Палом, Шри Ауробиндо начинает выпускать ежедневную газету на английском языке – «Банде Матарам» («Преклоняюсь перед Матерью-Индией»), провозгласившую своей целью полную независимость Индии и внесшую мощный вклад в дело пробуждения Индии. Шри Ауробиндо основывает *экстремистскую партию* и формулирует программу национального движения: бойкот британских товаров, бойкот британских судов, бойкот британских школ и университетов. Шри Ауробиндо становится директором первого Национального Колледжа в Калькутте и вызывает такое брожение масс, что не проходит и года, как оказывается под угрозой ареста. К сожалению для британского правительства, в речах и статьях Шри Ауробиндо не было ничего противозаконного: он не разжигал расовой ненависти и даже не делал выпадов в адрес правительства Ее Величества, а просто отстаивал право наций на независимость. Так что с него были сняты все обвинения за отсутствием состава преступления; только издатель, не знавший ни слова по-английски, был осужден на шесть месяцев тюремного заключения. Неудавшийся арест принес известность Шри Ауробиндо; отныне он становится признанным лидером националистической партии и выходит на сцену, предпочитая, однако, оставаться за занавесом: *Я нисколько не заботился о том, чтобы мое имя заняло какое-то почетное место*, - скажет он позднее; *меня никогда не занимала слава даже в дни политиче-*

ской борьбы; я предпочитал оставаться за занавесом, двигая людьми даже без их ведома, так чтобы они выполняли нужную мне работу.⁹² Но было бы неправильным представлять себе Шри Ауробиндо фанатиком. Все его современники были поражены «спокойным молодым человеком, который одним словом заставлял смолкнуть бурлящую толпу, собравшуюся на митинг». И посреди этого внешнего кипения, между политическими собраниями и изданием газеты, которая должна была выходить каждое утро, а также находясь под постоянным надзором со стороны тайной полиции, 30 декабря 1907 г. Шри Ауробиндо встречается с йогой по имени Бхаскар Леле, который принес парадоксальный опыт в его и без того парадоксальную жизнь.

В первый раз за тринадцать лет пребывания в Индии Шри Ауробиндо решил встретиться с йогой! (Это показывает, сколь подозрительно он относился к аскетам и приверженцам духовных традиций.) Характерен первый же вопрос, поставленный перед Леле: *Я хочу практиковать йогу для работы, для действия, а не для саньасы [отречения от мира] и Нирваны.*⁹³ Станный ответ Леле заслуживал внимания: «Для Вас это не должно оказаться трудным, раз уж Вы – поэт.» Они вдвоем удалились в уединенную комнату, где пробыли три дня. С этих пор йога Шри Ауробиндо примет неожиданное направление, кажущееся уводящим от действия, но в действительности приводящее к раскрытию тайны действия и изменения мира. *Первым результатом, - пишет Шри Ауробиндо, - был ряд чрезвычайно мощных переживаний и радикальных изменений сознания, которые он [Леле] и не планировал мне давать... и которые были полностью противоположны моим собственным представлениям, ибо с ошеломляющей силой они заставили меня увидеть мир как кинематографическую игру пустых форм в безличностной универсальности Абсолютного Брахмана.*⁹⁴

В необъятных просторах истинного «я»

*Тело теперь казалось лишь странствующей оболочкой*⁹⁵

В одночасье рухнула вся интегральная йога Шри Ауробиндо: все его усилия по ментальной, витальной и физической трансформации, а также его вера в свершение земной жизни, разом потонули в грандиозной Иллюзии – не оставалось больше ничего, кроме пустых форм. *Это переживание внезапно вывело меня в состояние, находящееся над мышлением и лишённое мышления, незапятнанное каким-либо ментальными или витальными движениями; не было ни эго, ни реального мира – лишь когда смотришь через неподвижные чувства, нечто воспринимало или рождало на своем полнейшем молчании мир пустых форм, материализованных теней без настоящей субстанции. Не было даже Одного или множества – было лишь То, не имеющее черт, не имеющее связей, чистое, неопределимое, немислимое, абсолютное и все же в высшей степени реальное и единственно реальное. Это не было ментальной реализацией или чем-то, мелькнувшим где-то вверху, - никакой абстракции, - это было позитивным, единственно позитивной реальностью – хотя и не пространственным физическим миром, а чем-то, пронизывающим, занимающим или, скорее, наводняющим и затопляющим это подобие физического мира, не представляющим никакого места или пространства для какой-либо другой реальности, не допускающим вообще ничего иного, что казалось бы позитивным или субстанциональным... Это переживание принесло невыразимый Мир и Покой, невероятное молчание, бесконечное освобождение и свободу. Шри Ауробиндо сразу же вошел в то, что буддисты называют Нирваной, индусы – молчаливым Брахманом или Тем, ки-*

тайцы – **Дао**, а западные люди – Трансцендентным, Абсолютным, Безличностным. Шри Ауробиндо достиг знаменитого «освобождения» (мукти), считающего «вершиной» духовной жизни – что же еще может быть за пределами Трансцендентного? Шри Ауробиндо сам убедился в правоте слов великого индийского мистика Шри Рамакришны: «Если мы живем в Боге, исчезает мир; если мы живем в мире, для нас уже нет Бога.» Пропасть между Материей и Духом, через которую Шри Ауробиндо пытался навести мост, вновь разверзлась перед его глазами. Получается, что последователи духовных учений Запада и Востока были правы, считая единственным итогом человеческих усилий жизнь за пределами этого мира – в раю или Нирване – где угодно, но только не в этой юдоли слез или иллюзии? Это переживание неопровержимо стояло перед глазами Шри Ауробиндо.

Однако это переживание, традиционно считающееся последним шагом в духовной жизни, стало для Шри Ауробиндо лишь стартовой точкой для новых, более высоких переживаний, которые объединяют в полной божественной Реальности истину этого мира и истину иных миров. Подчеркнем принципиальную важность этого момента, затрагивающую сам смысл нашего существования: ведь либо всевышняя Истина не от мира сего (как утверждаю все мировые религии), и мы попусту тратим свое время, либо существует нечто иное помимо всего, что нам говорят. И это не вопрос теории, а вопрос опыта. Вот что рассказывает Шри Ауробиндо: *День и ночь я жил в этой Нирване, прежде чем она стала впускать в себя нечто иное или вообще хоть как-то меняться... в конце концов она стала растворяться в великом Сверхсознании свыше... Аспект иллюзорности мира уступил место другому аспекту, за которым стоит необъятность Божественной Реальности и над которым находится всевышняя Божественная Реальность, и все та же насыщенная Божественная Реальность заложена в сердце всего, что казалось поначалу лишь кинематографической формой или тенью. И это не было ни возвращением в тюрьму чувств, ни умалением всевышнего переживания или падением с него; это пришло, скорее, как постоянное возвышение и расширение Истины... В моем освобожденном сознании Нирвана обернулась началом моей реализации, первым шагом к большей полноте, а не единственно возможным истинным достижением или даже вершащей кульминацией.*⁹⁶

Тогда что же это за Трансцендентное, которое оказалось не самой вершиной Сознания, а каким-то промежуточным звеном? Можно привести совсем простую, но по сути верную аналогию: сон представляет собой трансцендентное состояние по отношению к бодрствующему состоянию, но это трансцендентное состояние не является более высоким или более истинным по сравнению с бодрствующим состоянием. Это просто другое состояние одного и того же сознания. Если мы отходим от ментальных и витальных движений, то, конечно, все исчезает – подобно тому, как мы перестаем что-либо чувствовать, когда нам сделали полную анестезию. Мы склонны считать этот недвижимый и безличностный Покой неизмеримо более высоким состоянием по отношению к нашему привычному шуму, но дело-то в том, что мы сами и создаем этот шум. Понятия «выше» и «ниже» характеризуют не переход в другое состояние одного и того же сознания, а положение этого сознания на общей шкале сознания. Так что Нирвана (как и сон и смерть) находится не на вершине шкалы сознания – Нирвану можно пережить на любом уровне сознания путем концентрации в ментальном, витальном или даже в физическом сознании. Хатхайогин, склонившийся над своим пупом или басуто, пляшущий вокруг своего тотема, могут внезапно перейти в другой мир (если такова их судьба), выйти в иное трансцендентное измерение, где весь мир сводится к Нулю. То же самое может произой-

ти и с мистиком, погруженным в свое сердце, как и с йогином, концентрирующемся в своем уме. Не обязательно идти *выше*, чтобы оказаться в Нирване – достаточно «проделать брешь» на любом уровне сознания и выйти через нее. Шри Ауробиндо имел переживание Нирваны и не выходя за пределы ментального плана: *Я и сам имел переживание Нирваны и молчания в Брахмане задолго до того, как обрел хоть какое-то знание о духовных планах, лежащих над головой.*⁹⁷ Только поднявшись к более высоким, сверхсознательным планам, Шри Ауробиндо имел переживание, превосходящее переживание Нирваны; в этих более высоких переживаниях аспект иллюзорности, неподвижности и безличности вливался в новую Реальность, охватывающую одновременно этот мир и все запредельные миры. Таким было первое открытие Шри Ауробиндо. *Нирвана не может быть концом Пути, за которым уже нет ничего... это только конец низшего Пути в низшей Природе и начало Высшей Эволюции.*⁹⁸

С другой стороны, можно спросить себя, действительно ли целью эволюции является выход из этого мира, как считают сторонники Нирваны и все религии, определяющие потустороннее целью наших усилий. Если мы оставим свои эмоциональные доводы, на которых может основываться наша вера или неверие, и взглянем на эволюционный процесс, то мы вынуждены будем признать, что Природа могла бы с легкостью устроить этот «выход», когда мы были еще только на начальной стадии ментального развития и жили как инстинктивно интуитивные, открытые, податливые существа. Эпоха Вед или Мистерий Древней Греции или даже наше Средневековье гораздо лучше подходят для «выхода», чем современная эпоха: те люди могли бы с легкостью *перепрыгнуть через интеллект*, как пишет Шри Ауробиндо в «Человеческом Цикле», и перейти от инстинктивно-интуитивной стадии к жизни в иных мирах. Если эволюция нацелена на выход из этого мира, тогда интеллект является совершенно бесполезным наростом. Природа же стала работать, как кажется, против изначальной интуиции, преднамеренно покрывая ее все более плотными, все более сложными и универсальными ментальными слоями – и все более бесполезными с точки зрения выхода из этого мира. Мы знаем, как чудесный интуитивный расцвет эпохи Упанишад, так и интуиция неоплатонической Греции начала нашей эры были нивелированы в угоду развития человеческого интеллекта, менее высокого и более грубого, чем изначальная интуиция, но все более охватывающего материю. Мы можем пока лишь ставить вопросы, не надеясь еще получить на них исчерпывающего ответа. Мы можем спросить себя, в чем заключается смысл эволюции: в том, чтобы допустить такую «роскошь», как развитие ума лишь с тем, чтобы затем развенчать его и вернуться к доментальной или внементальной религиозной стадии, или же, напротив, в том, чтобы до предела развить ум* с тем, чтобы мы, упершись в его узость и устав от его поверхностного шума, стали сознательно стремиться в сверхсознательные регионы и поднялись бы на супраментальную стадию своего развития, где противоречие между Духом и Материей исчезает как мираж, и нам уже больше не будет нужен «выход», поскольку где бы мы ни были, мы будем Внутри?

И все же будет неправильным считать, что переживание Нирваны – ложное переживание, что это некая иллюзия иллюзии. Прежде всего, нет ложных переживаний – бывают лишь неполные переживания; кроме того, Нирвана действительно

* Следует подчеркнуть, что йога Шри Ауробиндо, стремящаяся выйти за пределы Ума, начинается *после* интеллектуальной стадии; как мы увидим, эта йога невозможна, если не пройдены все промежуточные стадии. Нет смысла говорить о «молчании ума» аборигену с острова Фиджи или крестьянину из глухой деревни.

освобождает нас от иллюзии. Наш привычный способ смотреть на мир обманчив – столь же обманчив и столь же «реален», как оптическая иллюзия преломления палочки, наполовину опущенной в воду. Надо «очистить двери восприятия», как сказал Уильям Блейк, и Нирвана способствует этому очищению самым радикальным образом. Мы видим плоский мир в трех измерениях с множеством объектов и существ, *отделенных* друг от друга – как палка, опущенная в воду, кажется состоящей из двух частей. Но реальность совершенно меняется, когда мы поднимемся на более высокий план Сверхсознательного; и реальность также предстает в ином виде, когда мы спускаемся на атомарный уровень. Единственная разница между восприятием сломанной палочки и нашим привычным видением мира состоит в том, что первое – это всего лишь оптическая иллюзия, а второе – куда более серьезная иллюзия. Мы настаиваем на том, что видим «сломанную палочку», хотя на самом деле это не так. Эту серьезную иллюзию, возможно, оправдывает то, что она приспособлена к нашей текущей практической жизни на поверхностной уровне нашего существования, но эта же самая иллюзия является и причиной нашей неспособности по-настоящему распоряжаться своей жизнью, ведь ложно видеть означает ложно жить. Ученый, не сбиваемый с толку видимостью вещей, видит лучше и управляет чем-то лучше, но и его видение не полное, а его управление ненадежно; на самом деле он не овладевает жизнью и даже не подчиняет себе физические силы, а лишь использует некоторые из наиболее видимых их проявлений. Следовательно, видение – это не только вопрос личного удовлетворения; дело не в том, чтобы иметь какие-то прекрасные видения, а быть настоящим хозяином в своем мире, подчинить себе обстоятельства и овладеть самим собой, что, по сути, одно и то же, ибо ничто не разделено. До сих пор те, кто достигал высшего сознания (есть множество уровней видения), использовали его, по сути, лишь для самих себя и не были в состоянии *воплотить* то, что они видят, ведь все их усилия были направлены как раз на уход от воплощенного. Но это бессильное «парение в облаках» отнюдь не неизбежно, как покажет нам Шри Ауробиндо; он сам не зря готовил всю эту материальную, витальную, ментальную и психическую базу.

Нирвана представляет собой промежуточную стадию, полезную (но не совершенно необходимую) в переходе от обычного видения к иному видению. Она помогает нам полностью избавиться от иллюзии, в которой мы обычно живем: «Как заколдованные, они принимают ложное за истинное», – говорит Маитри Упанишада (VIII.10). Шри Ауробиндо не использует слово «иллюзия», он просто говорит, что мы живем в *Неведении*. Нирвана освобождает нас от нашего Неведения, но мы склонны тут же впасть в другую крайность, и тем самым попадать в другое Неведение. Нам всегда кажется, что мы должны отрицать одно, чтобы утверждать другое; таким образом мы принимаем промежуточную стадию за конечную, подобно тому, как стали казаться вершащими многие великие духовные переживания. На самом деле нет конца, а есть лишь *постоянное возвышение и расширение Истины*⁹⁹. Можно сказать, что нирваническая или религиозная стадия, насколько она нацелена на потусторонние миры, представляет собой лишь первую стадию эволюции, отворачивающую нас от ложного восприятия мира, и ее задачи, по сути, педагогические. Но человек пробужденный, поистине *рожденный*, должен готовиться к следующей стадии эволюции, перейдя от религиозного, сосредоточенного на мире ином, к духовному, сосредоточенному на Тотальности. Тогда ничто не будет исключено, и все будет расширяться. Искатель интегральной йоги должен быть начеку, чтобы не принять за окончательные те внутренние переживания, которые касаются самой сокровенной субстанции нашего существа и кажутся неопровержимыми.

Такие переживания ослепляют на любом уровне (можно припомнить, как Вивекананда говорил о Нирване: «Океан безбрежного покоя, без ряби, без дуновения»), и велико искушение останавливаться на них, как в последней гавани. Просто приведем совет Матери всем искателям: *Какой бы ни была природа, сила или очарование переживания, оно не должно завладеть вами до такой степени, чтобы править всем вашим существом... Всякий раз, когда тем или иным образом вы входите в контакт с силой или сознанием, превосходящим ваше собственное, вы должны помнить, что это всего лишь одно переживание среди тысяч и тысяч других, и оно никоим образом не абсолютно, так что вы не должны полностью подчиняться этой силе или этому сознанию. Сколь бы прекрасным ни было переживание, вы можете и должны иметь более лучшее; сколь бы исключительным оно ни казалось, всегда найдутся более чудесные переживания; сколь бы высоким оно ни было, все всегда сможете подняться выше в будущем.*

Шри Ауробиндо несколько месяцев пребывал в этой Нирване. Необычно то, что находясь в этом состоянии, он мог продолжать издавать ежедневную газету, посещать тайные собрания и даже произносить политические речи. В первый раз, когда он должен был выступить с публичной речью в Бомбее, он поделился своими затруднениями с Леле: *Он посоветовал мне молиться, но я был настолько погружен в сознание Молчаливого Брахмана, что не мог молиться. Он ответил, что это неважно: молиться будет он и некоторые другие люди, а мне нужно будет только выйти и сделать Намаскар [поклон] собравшимся, как Нараяне, затем чуть подождать, и речь сама придет ко мне из другого источника, отличного от ума.*¹⁰⁰ Шри Ауробиндо так и сделал, и речь пришла словно под диктовку. *И с тех пор все речи, все мысли, все, что я писал и вся внешняя деятельность стали приходить ко мне из того же источника, находящегося над головой.*¹⁰¹ Шри Ауробиндо вступил в контакт со Сверхсознательным. Та речь, произнесенная им в Бомбее, заслуживает того, чтобы вспомнить о ней сейчас: *Старайтесь осознать силу, находящуюся внутри вас, - говорил он борцам за независимость Индии, - попытайтесь вывести ее на передний план, и тогда все, что вы делаете, может стать не вашим собственным действием, а действием Истины, находящейся внутри вас... Ведь это не вы, а нечто внутри вас. Что все эти суды, все эти мировые силы могут сделать с Тем, кто находится внутри вас - с тем Бессмертным, Нерожденным и Неумирающим Единым, кого не может пронзить меч и не может сжечь огонь?... Его невозможно повесить или бросить в тюрьму. Чего вы будете бояться, когда осознаете Его, находящегося внутри вас?*¹⁰²

На рассвете 4 мая 1908 г. его подняли с постели вооруженные английские полицейские. Шри Ауробиндо было тридцать шесть лет. Только что сорвалось покушение на жизнь английского судьи в Калькутте, а бомба, предназначавшаяся для него, была изготовлена в саду, где Барин, младший брат Шри Ауробиндо, обучал «учеников».

ХІ. ЕДИНСТВО

Целый год предстояло провести Шри Ауробиндо в алипорской тюрьме в ожидании приговора. Он был непричастен к неудавшемуся покушению: организация восстания не имела ничего общего с террористическими актами. *Когда меня арестовали и доставили в полицейский участок в Лал Базаре, моя вера пошатнулась на какое-то время, ибо я не мог видеть суть Его намерения. На мгновение я пришел в замешательство и воззвал к Нему в своем сердце: «Что со мной происходит?». Я верил, что выполнял миссию для людей моей страны, и пока моя работа не окончена, я буду под Твоей защитой. Так почему же я здесь, да еще и по такому обвинению?»* Прошел день, второй, третий, пока изнутри не пришел голос: «Жди и смотри». Тогда я успокоился и начал ждать. Из полицейского участка в Лал Базаре меня перевели в тюрьму в Алипоре, где посадили на месяц в одиночную камеру отдельно от остальных. День и ночь я ждал голоса Бога внутри себя, чтобы узнать то, что он должен был мне сказать и что я должен был делать... Я вспомнил, что за месяц или чуть больше до своего ареста ко мне приходил зов оставить все дела, уединиться и взглянуть внутрь себя, чтобы вступить в более близкую с Ним связь. Я был слаб и не смог принять этот зов. Моя работа [по освобождению Индии] была очень дорога мне, и в гордыне своего сердца я подумал, что без меня она пострадает, провалится или совсем прекратится, поэтому я не оставил ее. И вот Он снова заговорил со мной и сказал: «Я разбил за тебя твои оковы, которые ты не в силах был разбить сам, ибо моей волей и моим намерением никогда не было, чтобы ты продолжал делать то, что делал. У меня есть для тебя другое, и именно поэтому я привел тебя сюда – научить тебя тому, чему ты не смог научиться сам, и подготовить тебя к моей работе.¹⁰³ Этой «работой» должна была стать реализация космического сознания или Единства, а также исследование планов сознания, находящихся над обычным умом, то есть, Сверхсознательных для нас. Это выведет Шри Ауробиндо на путь Великой Тайны. Я не стану говорить о том, что происходило со мной в тот период, отмечу лишь, что изо дня в день Он разворачивал предо мной свои чудеса... За двенадцать месяцев моего заключения он дал мне то Знание.¹⁰⁴

Космическое сознание

В течение нескольких месяцев Шри Ауробиндо жил в некоем фантазмагорическом и пустом сне, идущем на фоне единственной статичной Реальности Трансцендентного. Странно, однако, что посреди этой Пустоты и словно исходящий из нее стал внезапно вырисовываться мир, теперь уже с новым лицом – как будто всякий раз надо все терять, чтобы обрести все вновь, но в более полном единстве: *Потрясенный и подчинившийся, успокоенный и освобожденный для себя самого, ум принимает само Молчание за Всевышнего. Но затем искатель обнаруживает, что все содержится в этом Молчании или рождается для него заново, либо нисходит на него через это Молчание из великого скрытого трансцендентного Существования ... и тогда пустота начинает заполняться, из нее появляется или в нее низвергается вся многоликая Истина Божественного, динамическая Бесконечность со всеми своими аспектами, проявлениями и множественностью планов.¹⁰⁵* Увидев только

статичное Божественное, мы увидели лишь одно лицо Бога, которого мы исключили из этого мира (и, возможно, мир без Бога лучше, чем мир с торжественным Богом-судьей), но после того, как Молчание смыло наши претенциозно-торжественные представления, большие и малые, наполнив нас чистой белизной, Бог и мир обнаруживаются вместе на всех уровнях и во всех точках, словно они никогда не были разделены, кроме как в крайнем материализме или спиритуализме. И это новое изменение сознания началось во время прогулки во дворе алипорской тюрьмы: *Я смотрел на тюрьму, отделявшую меня от людей, но я больше не был заключен в ее высоких стенах – нет, меня окружал Васудева*^{*}. *Я гулял под ветвями дерева, растущего перед моей камерой, но это было не дерево – я знал, что это был Васудева, это был Шри Кришна – я видел, как он стоял там, накрывая меня своей тенью. Я смотрел на запоры своей камеры, на решетку, служившую дверью, и я снова видел Васудеву. Нараяна сторожил меня и нес свой караул. Я лежал на грубых одеялах, служивших мне постелью, и чувствовал объятия рук Шри Кришны, моего Друга и Возлюбленного... Я смотрел на заключенных – воров, убийц, жуликов – и видел Васудеву; Нараяну я находил в этих охваченных тьмою душах и неправильно используемых телах.*¹⁰⁶ Это переживание не оставит Шри Ауробиндо. Каждый день в течение шести месяцев, пока длился процесс (на котором фигурировало двести свидетелей, а материалы дела насчитывали четыре тысячи страниц), Шри Ауробиндо запирали в железной клетке, находящейся в зале суда, но он видел уже не враждебно настроенных людей или судей: *Когда начался процесс... я услышал тот же голос. Он сказал мне: «Когда тебя бросили в тюрьму, не отчаялось ли твое сердце и не воззвал ли ты ко мне «Где же Твоя защита?» Взгляни теперь на судью, посмотри на прокурора». Я посмотрел на судью и увидел Васудеву, Нараяну, сидевшего на его месте. Я посмотрел на прокурора и увидел улыбающегося Кришну на его месте. «Боишься ли ты теперь», - продолжал Он, - «Я во всех людях и руковожу их действием и их работой».*¹⁰⁷ Ведь на самом деле Бог находится не вне Своего мира, Он не «создал» мир – он стал миром, как говорят Упанишады: «Он стал знанием и неведением, Он стал истиной и ложью... Он стал всем, что есть.» (Тайттирия Упанишада. II.6). «Весь мир наполнен существами – Его членами», - говорит Шветашватара Упанишада (IV.10). *Для видящего глаза все есть Единое; для божественного переживания вес есть единое целое Божественного.*¹⁰⁸

Мы склонны думать, что это всего лишь полностью мистическое видение вселенной, не имеющее ничего общего с нашими реальностями. Ведь на каждом шагу мы сталкиваемся с безобразием и злом; этот мир полон страдания и разрывается от криков во тьме. Где же Божественное во всем этом? Неужели Божественное – это варварство, всегда готовое открыть свои лагеря пыток? Неужели Божественное – это мерзкий эгоизм, эта то прячущаяся, то появляющаяся низость? Бог неповинен во всех этих преступлениях, Он совершенен и не может быть всем этим – *нетипичен*. Бог настолько чист, что Он не от мира сего, для Него нет места во всей этой грязи, где мы уже задыхаемся! Мы должны взглянуть в лицо существованию, если наша цель – найти правильное решение, каким бы оно ни было. А взглянуть в лицо существованию – значит, взглянуть в лицо Бога, ведь их невозможно разделить... Этот мир сражения и труда – жестокий, опасный, разрушительный, пожирающий мир, в котором жизнь обусловлена множеством обстоятельств, а душа и тело человека движутся среди чудовищных опасностей; это мир, в котором с каждым шагом вперед, хотим мы этого или нет, что-то ломается и разрушается и в котором каждое дыхание жизни является дыханием смерти. Переключать ответствен-

^{*} Васудева, Шри Кришна, Нараяна – имена Божественного.

ность за все, что кажется нам злым или ужасным, на плечи полу-всемогущего Дьявола или списывать ее на счет Природы, делая непримиримым противоречие между природой мира и природой Бога, как если бы Природа была независима от Бога, или же сваливать эту ответственность на человека и его грехи, как если бы он имел решающий голос в творении этого мира или мог сотворить что-либо против воли Бога — все это топорно сработанные, но удобные для нас выдумки... Следуя собственным моральным представлениям о справедливости, добродетельности и праведности, мы воздвигаем Бога Любви и Милосердия, Бога Добра, справедливого, добродетельного и праведного Бога, а все остальное считаем не Им или не Его, а сделанным какой-то дьявольской Силой, которой Он по какой-то причине позволил проявлять ее злую волю, или неким темным Ариманом в противовес нашему милостивому Ормузду, или же следствием ошибки эгоистичного и грешного человека, испортившего то, что было так совершенно сотворено Богом в самом начале... Нам надо смело взглянуть в лицо реальности и увидеть, что именно Бог и никто другой сотворил этот мир в Его бытии, и таким Он его и создал. Мы должны увидеть, что Природа, пожирающая своих детей, Время, поглощающее жизни творений, всеобщая и неотвратимая Смерть, а также неистовство сил Рудры* в человеке и Природе – все это тоже всевышнее Божество в одном из Его космических обликов. Мы должны увидеть, что Бог, добрый и щедрый творец, Бог, участливый, сильный и милостивый охранитель, является также Богом пожирателем и разрушителем. Муки на ложе боли и зла, к которому мы привязаны – тоже Его прикосновения, как и счастье, сладость и удовольствие. Только когда мы увидим эту истину глазом полного единства и почувствуем эту истину в глубинах своего сердца, тогда и за этой маской сможем мы полностью открыть спокойное прекрасное лицо всеблаженного Божества, а в его прикосновении, испытывающем наше несовершенство, – прикосновения друга и строителя духа в человеке. Диссонансы мира – это диссонансы Бога, и только принимая их и идя через них можем мы достичь больших созвучий его всевышней гармонии, вершин и трепетной необъятности его трансцендентной и космической Ананды** ... Ибо истина – основание настоящей духовности, а смелость – ее душа.¹⁰⁹

И тогда заживляется рана, казавшаяся навечно разрывающей мир между Сатаной и Небесами, как если бы существовало только два полюса – Добро и Зло – а мы бы болтались между ними как ребенок, которого ласками и кнутом наставляют на путь добродетели.¹¹⁰ Весь дуализм – это видение, основанное на Неведении. Есть лишь неисчислимое Единое¹¹¹ повсюду, а «диссонансы Бога» служат росту божества в нас. Но все же еще остается пропасть между этим, пусть божественным, несовершенством, и окончательным Совершенством. Не является ли это космическое Божественное каким-то ослабленным Божественным? Не стоит ли поискать в другом месте незапятнанное, трансцендентное и совершенное Божественное? Если есть противоречие между духовной жизнью и жизнью мира, то именно это противоречие он [искатель интегральной йоги] должен обратить в гармонию – именно через эту пропасть ему предстоит навести мост. Если миром движут плоть и дьявол, тогда дети Бессмертия тем более должны быть здесь, чтобы покорить этот мир для Бога и Духа. Если жизнь – безумие, тогда стольким миллионам душ нужно принести свет божественного ума; если жизнь – это сон, то он все же реален для столь многих спящих, кого надо бы пробудить или привести к более возвышенным снам; если жизнь – это ложь, тогда надо дать истину обманутым.¹¹²

* Одна из форм Божественного

** Ананда – Божественная Радость.

Но все-таки остается какая-то неудовлетворенность: мы можем согласиться видеть Бога во всем этом зле и страдании, понять, что темный Враг, мучащий нас, в действительности является строителем нашей силы, тайным кузнецом нашего сознания; возможно, мы – действительно «воины Света» в этом сумрачном мире, подобно, древним Риши, но, прежде всего, к чему эта Тьма? Почему Он, кого мы считаем извечно чистым и совершенным, стал этим миром, столь мало похожим на божественный? Зачем ему понадобились Смерть, Ложь и Страдание? Если это только маска, то к чему эта маска? Если это только иллюзия, то почему так жестока эта игра?... И все же хорошо, что Бог не сотворил этот мир в соответствии с нашими представлениями о совершенстве, ведь у нас столько всяческих идей о том, что «совершенно», а что – нет, как и о том, каким должен быть Бог и, особенно, каким Он не должен быть, то в конечном счете после исключения всего, что не угодно нам, от мира останется лишь громадный Нуль, который не потерпит даже нечистоты нашего существования. *Добродетель, - говорила Мать, - всегда подавляла элементы жизни, так что если собрать вместе все добродетели мира, то едва ли что останется от жизни.* Ведь пока мы знаем только один вид совершенства – тот, который исключает, а не объединяет все. На самом деле совершенство – это полнота, тотальность. Из-за того, что мы видим лишь мгновение Вечности, и это мгновение не содержит всего, что мы хотели бы видеть и иметь, мы жалуемся и говорим, что этот мир дурно устроен. Но стоит нам из своего мгновения выйти в Тотальность, как все меняется: мы видим Совершенство в процессе развертывания. Этот мир не завершен, он находится в *становлении*, являя собой постепенное завоевание Божественного Божественным для Божественного, пока он не станет *тем бесконечно большим, чем мы должны быть.*¹¹³ Наш мир находится в процессе эволюции, и эта эволюция имеет духовный смысл:

*Миллионы земных дорог пробиваются к божеству.*¹¹⁴

Что мы на самом деле знаем об этом великом земном путешествии? Оно кажется нам мучительным, жестоким, грязным, но мы сами только что родились! Мы только что вышли из Материи – грязные, маленькие, страдающие; мы подобны богу, вышедшему из могилы, который больше не знает, но ищет, натываясь на все. Но, кто знает, какое новое рождение, какая возобновленная память, какая вернувшаяся сила ожидает нас дальше на нашем пути? Этот мир находится в становлении, и мы еще не знаем конца всей этой истории.

*Ищи Его ты на земле...
Ведь ты есть Он, о царь! Лишь ночь
Лежит на твоей душе
По твоей собственной воле. Сними ее и восстанови
Ясное и спокойное целое
Коим ты на самом деле являешься.*¹¹⁵

Центральное существо. Вселенская личность.

«Ты есть Он» - такова вечная истина – *Tat tvam asi*. Этой Истине учили древние Мистерии, и эта Истина была позабыта последовавшими религиями. Утратив главный секрет, они впали в ошибочный дуализм, подменяющий темными заумны-

ми таинствами совсем простую великую Мистерию. «Я и Отец мой – одно», - говорил Христос (Иоанн, 10, 30); «Я есть Он» - *so'ham* – говорит мудрость Индии. Именно эту мудрость открывают все освобожденные люди, будь то с Запада или с Востока, в прошлом или в настоящем. Это вечный Факт, который все мы должны открыть. И это «я», утверждающее свое Тождество с Богом, не является принадлежностью только какой-то привилегированной личности. Действительно, разве может еще существовать какое-либо исключительное «я» в этом блистательном раскрытии? Неужели единение с Богом – удел только риш Вед, мудрецов Упанишад или Христа? На самом деле это голоса всех людей, сливающиеся вместе в одно космическое сознание, и все мы – дети Бога.

К этому Открытию ведут два пути, или два этапа. Первое – это открыть душу, психическое существо, вечно единое с Божественным, малый свет того великого Света: «Дух, находящийся здесь в человеке, и Дух, находящийся там на Солнце – это Один Дух, и нет ничего другого», - говорит Тайтирия Упанишада (Х); «тот, кто думает “я – это одно, а он – это другое”, тот не знает» (Брихадараньяка Упанишада, I.4.10). Шесть-семь тысяч лет тому назад Веды называли «рождением Сына» это открытие Духа внутри: «Видна его пылающая красная масса – великий бог был освобожден из тьмы.» (Риг Веда, V.1.2). Поразительно мощный язык риш Вед утверждает великое Тождество Отца и Сына, а также божественную трансмутацию человека: «Освободи своего Отца! Крепко храни его – твоего Отца, который становится твоим Сыном и переносит тебя.» (Риг Веда, V.3.9).

В тот момент, когда мы рождаемся, мы видим, что наша душа – та же самая, как во всех человеческих существах, и не только в существах, но и в вещах, хотя там она находится в нераскрытом состоянии: «Он – дитя вод, дитя лесов, дитя неподвижных вещей и вещей движущихся. Даже в камне он есть.» (Риг Веда, I.70.2). Все едино, поскольку все есть Одно. Разве не говорил Христос: «Это мое тело, это моя кровь» о двух самых материальных земных символах – хлебе и вине – подразумевая, что и Материя является телом Единого, кровью Бога? * Если бы Он уже не был в камне, как Он смог бы придти в человека, каким чудом небес? Мы – плод эволюции, а не результат вереницы произвольных чудес: *Все прошлое земли находится в нашей человеческой природе... сама природа человеческого существа предполагает наличие материальной и витальной стадий, которые подготовили появление разума в человеке, а также наличие животного прошлого, которое сформировало первый элемент сложной человеческой природы. И давайте не будем говорить, что сначала материальная Природа развила в ходе эволюции жизнь, тело и ум человека, и только затем душа снизошла в так созданную форму... ведь это предполагает пропасть между душой и телом, между душой и жизнью, между душой и умом – пропасть, которой на самом деле нет; нет тела без души, нет тела, которое не являлось бы формой души; сама Материя – это субстанция и мощь духа, и она не могла бы существовать, если была бы чем-то иным, ибо ничто не может существовать, не являясь субстанцией и мощью Вечного¹⁶ ... Глухое, слепое и грубое – тоже То, а не только тончайшее ментальное человеческое или животное существование. Все это бесконечное становление является рождением Духа в форме.¹⁷*

С открытием дверей психического разворачивается первый этап обретения космического сознания. Растущее психическое, сознание-силу, которое индивидуализируется и становится все более плотным, больше не удовлетворяет тесная индивидуальная форма. Ощущая своего единство с Тем, оно хочет быть бескрайним и вселенским как То, и вновь обрести свою врожденную Полноту. *Быть и быть во*

* См. Sri Aurobindo. *Eight Upanishads*. X.XI.

всей полноте – цель Природы в нас... а быть во всей полноте означает быть всем, что существует.¹¹⁸ Мы нуждаемся в полноте бытия, потому что мы и есть эта Полнота. Зовущий нас идеал, направляющая нас цель находится не впереди, а, скорее, позади нас – ведь она не тянет, а толкает нас. Эволюция – это вечное распускание цветка, который всегда был цветком. Без этого семени в глубине ничто бы не сдвинулось, ведь ничто бы и не требовалось – это сама Потребность мира. Это наше центральное существо. Это наш брат света, внезапно иногда появляющийся, когда все кажется безнадежным; это солнечная память, которая все вращает и вращает нами и не оставит нас в покое, пока мы вновь не найдем наше Солнце. Это наш космический центр, как психическое – наш индивидуальный центр. Но центральное существо пребывает не в какой-то части или точке нашего существа: оно во всех точках сразу; непостижимым образом оно находится в центре каждой вещи и охватывает все одновременно. Оно верховно пребывает *внутри*, как и в высшей степени оно выше и ниже всего, и оно везде – это *исполинская точка*.¹¹⁹ Когда мы находим ее, мы находим все: все – в ней. Зрелая душа вновь обретает свой исток; Сын снова становится Отцом или, вернее, Отец, ставший Сыном, вновь становится Самим Собой: *Отодвигаются назад и трескаются или рушатся стены, державшие в заточении наше сознательное существо; теряется всякое ощущение индивидуальности и личности, ощущение Пространства и Времени, ощущение собственного действия или действия законов Природы; больше нет эго, определенной или определимой личности, а есть только сознание, только существование, только мир и блаженство; становишься бессмертным, становишься вечностью, становишься бесконечностью. Все, что остается от индивидуальной души – это гимн мира, свободы и блаженства, vibrating где-то в Вечном.*¹²⁰

Мы считаем себя маленькими и отделенными друг от друга, и нам было нужно это разделение, чтобы расти в своей отдельной оболочке – иначе мы остались бы индифферентной массой во вселенской плазме, членами стада без собственной жизни. Благодаря этому разделению мы стали сознательными, но из-за этого же разделения мы не полностью сознательны. И мы страдаем из-за той же раздельности – отделенности друг от друга, отделенности от самих себя и вообще от всего, ибо вне нас остается та единственная точка, в которой все вновь объединяется.

Единственный способ все исправить – это вновь обрести сознание; и это очень просто. Есть только одно начало, и это начало – совершенство Истины, поскольку это единственное по-настоящему существующая вещь. И проявляя себя вовне, проецируя себя и рассеивая себя, оно создало то, что мы видим; и множество маленьких очень милых и блистательных умов приступили к поискам того, что они еще не нашли, но они могут это найти, потому что то, что они ищут, уже находится внутри них самих. Средство исцеления – в центре самой беды.^{*}

Когда мы уже достаточно натерпелись в ходе этой длинной эволюции, когда мы доросли до того, чтобы увидеть, что все к нам приходит извне – из Жизни, более великой, чем наша, из вселенского Ума и Материи – тогда приходит время сознательно стать тем, кем мы несознательно всегда были – вселенской Личностью: *За чем тебе ограничивать себя? Чувствуй, что ты находишься в разящем тебя мече, в обнимающих тебя руках, в сиянии солнца и в танце земли... во всем, что в прошлом, что есть сейчас и что стремится стать. Ибо ты бесконечен, и вся эта радость доступна тебе.*¹²¹

^{*} Из беседы Матери с детьми в Ашраме.

Знание через тождество

Мы можем подумать, что космическое сознание – это своего рода поэтическое и мистическое сверхвоображение, нечто чисто субъективное, не имеющее никакого практического значения. Но, прежде всего, нам следует спросить себя, что мы подразумеваем под «объективным» и «субъективным», ведь если мы считаем так называемое «объективное» единственным критерием истины, тогда весь этот мир может ускользнуть от нас (как об этом говорит наше искусство, наша живопись и наша наука на протяжении последних пятидесяти лет), оставляя нам лишь жалкие крохи того, что можно считать «несомненно объективным». Конечно, в наличии бифштекса легче убедиться, чем в присутствии радости в последних квартетах Бетховена, из-за чего бифштекс для нас «более объективен». Однако такой подход только обедняет мир, а не раскрывает его богатств. Нам самом деле это ложное разделение или противопоставление. Так называемое «субъективное» – это предсуществующая или подготовительная стадия «объективного». Если бы каждый убедился в существовании космического сознания или даже просто вкусил бы радости в квартетах Бетховена, наша вселенная объективно стала бы менее варварской.

Но Шри Ауробиндо не был человеком, которого могли бы удовлетворить космические грезы. В подлинности этого переживания и в его практической действительности можно сразу же убедиться на очень простом факте – на появлении нового способа познания, познания через отождествление: мы познаем вещь через то, что являемся этой вещью. Можно переместить сознание в любую точку его вселенской реальности, сфокусировать его на любом существе или событии и сразу же все узнать, причем столь же сокровенно, как биения собственного сердца, ведь все происходит внутри и больше не отделено. Еще Упанишады говорили об этом: «Когда познано То, познано все.» (Шандилья Упанишада, II.2). Первые знаки нового сознания весьма ощутимы: *Начинаешь чувствовать и других как часть самого себя или как разнообразные повторения самого себя, как одно и то же «я», модифицированное Природой в других телах. Или, по крайней мере, как житие в большем вселенском «я», которое становится собственной большей реальностью. Начинает меняться видимость и природа всех вещей; целостное переживание мира радикально отличается от переживания мира теми, кто замкнут в своем личном «я». Начинаешь познавать вещи в переживании другого рода – в более прямом переживании, не зависящем от внешнего ума и органов чувств. При этом не исключается возможность ошибки – ведь она не может исчезнуть, пока ум является инструментом передачи знания – но появляется новый, обширный и глубокий способ переживания, видения, познания, соприкосновения с вещами; и границы этого способа познания могут быть раздвинуты почти до беспредельности.*¹²²

Этот новый способ познания по своей сути не отличается от нашего. На самом деле всякое переживание, любое знание какого угодно порядка, начиная с самого материального уровня и заканчивая метафизическими высотами, является познанием через отождествление, хотя мы можем и не отдавать себе в этом отчета. Ведь мы знаем благодаря тому, что являемся тем, что познаем. *Истинное знание достигается не путем мышления, – говорит Шри Ауробиндо. Это то, чем вы являетесь; это то, чем вы становитесь.*¹²³ Без этой скрытой тождественности, без этого основополагающего тотального единства мы не могли бы что-либо знать о мире и существах. Рамакришна, вскрикивающий от боли и истекающий кровью под ударами бича, которым хлытали буйвола недалеко от него, экстрасенс, находящий спрятанные предметы, йогин, вылечивающий ученика на расстоянии в сотни километ-

ров или Шри Ауробиндо, препятствующий циклону ворваться в его комнату – все это лишь яркие иллюстрации совершенно естественного явления. Естественна не разделенность или разобщенность, а невидимое единство всех вещей. Если бы существа и объекты по сути отличались бы от нас, были бы отделены от нас, если бы мы в сущности не были бы этим циклоном, буйволом, спрятанными сокровищами или заболевшим учеником, то мы не только не смогли бы воздействовать на них, чувствовать и знать их, но они были бы невидимыми и несуществующими для нас. Только подобное может знать подобное, только подобное может воздействовать на подобное. Мы можем знать лишь то, чем являемся: *Ум нельзя научить ничему, что не было бы уже сокрыто в качестве потенциального знания в развертывающейся душе творения. Так что все совершенство, на которое только способен внешний человек, это только реализация вечного совершенства Духа, находящегося внутри него. Мы познаем Божественное и становимся Божественным, поскольку мы уже являемся Им в нашей тайной природе. Всякое обучение есть раскрытие, всякое становление – развертывание. Обретение себя – это тайна; самопознание и все растущее сознание – средство и процесс.*¹²⁴

За тысячелетия своей эволюции мы отделились от мира и других существ, и у нас образовалось эго. Мы сделали жесткими кое-какие частицы Великого Тела и утверждаем свое «я» под эгоистической коркой. Отделившись, мы больше не могли видеть того, что было нами в великом Материнском Единстве. И тогда мы развили глаза, руки, органы чувств и ум, чтобы вновь соединиться с тем, что мы исключили из нашего великого Существа. Затем мы уверовали, что без этих глаз, пальцев и головы мы не можем ничего узнать, но это лишь иллюзия, возникающая в результате отделения. Наше опосредованное познание возвращает нам и прячет от нас непосредственное опознание, без которого наши глаза, пальцы, головы и даже микроскопы не смогли бы ничего воспринять, понять и сделать. Наши глаза – это не орган видения, а орган деления. Когда же Глаз Истины открывается в нас, становятся ненужными все эти линзы и прочие «костыли». В конечном счете, наше эволюционное путешествие – это медленное восстановление того, что мы изгнали, это возвращение Памяти. Наш прогресс измеряется не числом изобретений, являющихся искусственным средством приблизить к себе то, что мы сами же и отдалили; наш прогресс определяется совокупностью воссоединенного мира, которую мы признали в качестве самих себя. И в этом радость – Ананда – ибо быть всем, что есть, означает обладать радостью всего, что есть.

*Блаженство несметных мириад, которые суть одно.*¹²⁵

«Как придет к нему печаль, как может заблуждаться тот, кто видит везде Тожество?» (Иша Упанишада, 7).

XII. СВЕРХСОЗНАТЕЛЬНОЕ

Загадка

Наше земное путешествие отмечается тройным изменением сознания: открытие психического существа или имманентного Духа, открытие Нирваны или трансцендентного Духа и открытие центрального существа или космического Духа. Вероятно, таков истинный смысл троицы Отец-Сын-Святой Дух в христианской традиции. Наша задача состоит не в том, чтобы решить, какое переживание лучше, а самим убедиться во всех этих переживаниях: *Философии и религии спорят о приоритетах различных аспектов Бога, а разные Йогины, Риши и Святые отдавали предпочтение той или иной философии или религии. Наше дело – не обсуждать какой-то один аспект, а реализовать и стать всеми этими аспектами, не следовать какому-то одному аспекту, исключая все остальные, а охватить Бога в Его аспектах и за их пределами.*¹²⁶ – в этом сам смысл интегральной йоги. Но мы можем спросить себя, нет ли чего-то еще помимо этого тройного открытия, ведь сколь бы великим нам ни казалось переживание каждого из них, но ни один из них не дает нам интегральной полноты, к которой мы стремимся – по крайней мере, если мы считаем, что и земля и индивиды должны разделить эту полноту. Так, открытие психического существа – великая реализация, дающая нам сознание нашей божественности, но эта реализация ограничена индивидом и не разбивает личных стен, держащих нас взаперти. Открытие центрального существа – очень широкая реализация, когда весь мир становится нашим существом, но при этом мы сразу же теряем свою индивидуальность (ведь будет ошибкой считать, что все тот же Иван Иванович Иванов будет сидеть посреди космического сознания и наслаждаться открывающейся панорамой, поскольку больше не будет ложной личности, называемой И.И.Ивановым). Открытие Трансцендентного – это очень высокая реализация, но при этом мы теряем одновременно и мир, и индивида, ведь остается только То, навечно стоящее вне игры мира. Теоретически мы можем сказать, что Отец, Сын и Святой Дух суть одно, но теоретически можно сказать что угодно. А на практике, в переживании, все эти изменения сознания кажутся отделенными друг от друга непреодолимой пропастью. И пока мы не нашли практического пути, который позволит нам примирить этот тройной разрыв между пантеистом, индивидуалистом и монистом, не будет полноты ни для индивида, ни для мира. Недостаточно найти свой индивидуальный центр, не обрета полноты мира, как и недостаточно обрести полноту мира, потеряв свою индивидуальность, или, тем более, недостаточно найти всевышний Мир и Покой, если при этом растворяется и мир, и индивидуальность: «Я не хочу быть сахаром», – воскликнул великий Рамакришна, – «я хочу есть сахар!». В этом хаотическом беспокойной мире, в котором надо становиться, действовать, противостоять, нам нужно, прежде всего, *быть*. Без бытия наше становление распадается в суетолоке. Но без становления наше бытие исчезает в *блаженном Нуле*.¹²⁷ А без индивидуальности наши чудесные реализации ничего не стоят, поскольку больше нет нас. Нам надо разрешить это противоречие, но не в философских терминах, а в терминах жизни и силы действия. До сих пор путь примирения был неизвестен или казался несуществующим – вот почему все религии и духовные учения помещали трансцендентного Отца на вершину иерархии, вне этой злополучной ис-

тории, побуждая нас искать вне мира ту полноту, к которой мы стремимся. Однако интуиция говорит нам, что раз уж мы – существа, наделенные телом – стремимся к полноте, то эта полнота должна быть достижимой, причем достижимой в теле, ведь иначе мы бы к ней и не стремились. Нет того, что мы называем «воображением» – есть лишь реальности или истины, ждущие своего часа реализации. Жюль Верн на свой лад подтверждает это. Не предстоит ли нам сделать еще одно открытие – четвертое изменение сознания, которое изменит все?

В железной клетке посреди судебного зала Шри Ауробиндо достиг конца пути. Одно за другим он реализовал Имманентное, Трансцендентное, Вселенское – так что эта железная клетка сдерживала лишь тело: в своем сознании он мог быть где угодно. Но, возможно, он еще помнил индивида по имени Ауробиндо, который еще со времен своей жизни на Западе аккумулировал сознание в своем теле; и вот теперь бесконечное Сознание было в нем, но это тело оставалось таким же, как миллионы других тел – подчиняющимся тем же самым законам Природы, продолжающим испытывать голод и жажду, подверженным тем же болезням и медленно, но верно, приближающимся к своему разложению. Сознание необъятно, светло, бессмертно, но под ним все продолжается по-прежнему. И поскольку Шри Ауробиндо ясно все видел (ведь его больше не обманывали маски, накладываемые моралью и приличиями), возможно, он также видел в подсознательном, под бесконечным Сознанием, животную гримасу, а под сияющим ореолом – нетронутую материальную грязь — внизу ведь ничто не изменилось. Возможно, он еще видел по другую сторону клетки все другие свои «я», которые продолжали судить и ненавидеть и страдать. Кто спасен? Ничто не спасено, пока все не спасено! И что это бесконечное Сознание делало для всего этого мира, его мира? Оно видит, оно знает, но что оно *может делать*? Разве он оставил Бароду не для того, чтобы действовать, реально действовать? Видя все в своем бесконечном сознании, он имел безмерную радость наверху – *обнаженно смеющуюся радость на вершинах Абсолюта*¹²⁸ – но что может поделаться эта радость, если внизу все остается совсем не так, как наверху? Внизу все идет по-прежнему: все страдает и умирает. Шри Ауробиндо даже не слушал судей и не отвечал на вопросы, от которых, казалось, зависела его жизнь. Он слышал лишь Голос, который повторял: *Я веду тебя, поэтому не бойся. Займись своей Работой, ради которой я привел тебя в тюрьму.* И Шри Ауробиндо закрыл глаза в своей клетке, он искал. Нет ли наверху такой полноты, которая стала бы и полнотой внизу? Неужели путь заканчивается *золотым бессилием*?¹²⁹ Каков смысл всего этого путешествия?

Душа, по какой-то необъяснимой причине спустившаяся вниз в эту Материю или, скорее, ставшая этой Материей, медленно развивается в ходе веков. Она растет, индивидуализируется через свои чувства, свой ум, свои переживания. Она все больше возвращает себе потерянную или скрытую в глубинах божественность, свое сознание, погруженное в силу. В конце концов она вновь находит себя и возвращается к своему Источнику, трансцендентному и нирваническому или космическому – в зависимости от своего жребия и своего вкуса. Значит, весь этот длинный и трудный путь служит лишь переходом от Божественного к Божественному через темное чистилище Материи? Но к чему это чистилище, к чему эта Материя? Зачем туда входить лишь для того, чтобы затем оттуда выйти? Кто-то может сказать, что космическое или нирваническое блаженство в конечном счете стоит трудностей и неприятностей на пути к нему. Может быть, этот и так, но тем временем Земля страдает. Мы можем пребывать наверху в сиянии высшего блаженства, но здесь, внизу, все по-прежнему множатся и распространяются муки, болезни и смерть. Наше кос-

мическое сознание, и тем более Нирвана, ни на йоту не меняют хода земной эволюции. Кто-то может сказать, что все земные существа должны делать то же самое: пробуждаться и выходить из заблуждения – очень хорошо, но к чему тогда Земля, если всего лишь для того, чтобы просто очнуться от своего заблуждения? Можно говорить о «падении», об Адаме и Еве или каком-нибудь нелепом грехе, который испортил то, что Бог так хорошо сотворил вначале – но ведь все есть Бог! Змей-искуситель, если он в самом деле был, был Богом, и Сатана со своей Работой и мирскими удовольствиями – это тоже Бог! Значит, Он такой неловкий, что упал, не заметив этого, или такой немощный, что страдает, не желая этого, или такой жестокий, что играет в заблуждение ради того, чтобы испытать блаженство, выйдя из своего заблуждения? Значит, Земля – только ошибка или каприз? Ведь если Земля не несет смысла для самой Земли, если страдание мира не имеет смысла для самого мира, если Земля – всего лишь какой-то «перевалочный пункт», где мы должны очиститься от какого-то нелепого греха, тогда ничто и никто, никакое крайнее блаженство, никакой окончательный экстаз никогда не оправдает этой бесполезной интерлюдии. Богу не нужно было входить в Материю лишь для того, чтобы выбраться из нее. Богу не нужны ни Смерть, ни Страдание, ни Неведение, если эта Смерть, это Страдание и это Неведение не несут в себе свой смысл, если в конечном счете эта Земля и это тело не являются местом, где сокрыта Тайна, которая изменит все.

*Не взбираюсь я к вечнодлящемуся твоему Дню
Равно как избегала я твоей вечной Ночи...
Твоя неволя на земле величественнее, о король,
Всех прославленных свобод небес...
Слишком далеки твои небеса от страдающих людей.
Несовершенна радость, не разделяемая всеми.¹³⁰*

Но если мы пристальнее взглянем на эту загадку, на эту душу в центре, вокруг которого вращается вся мистерия, то мы вынуждены будем признать, что душа не нуждается в так называемом «спасении». Ведь душа всегда свободна, чиста, извечно спасена в своем свете. Когда мы входим в душу с широко открытыми глазами, мы прекрасно видим, что она чудесным образом божественна и легка, незатрагиваема всей грязью, набрасываемой на нее! Это Землю надо спасать, раз она отягощена; это жизнь надо спасать, раз она умирает. Где же семя, которое принесет Избавление? Где та Сила, которая освободит? В чем подлинное спасение мира? Правы последователи духовных учений, предлагающие нам вкусить всевышней легкости души; но правы и материалисты, корпеющие в Материи и пытающиеся вытянуть чудеса из этого сгустка. Но ни те, ни другие не раскрыли тайны; у одних чудес нет тела, у других – души.

Как ни парадоксально, но именно тело, казавшееся поначалу лишь темным инструментом освобождения Духа, именно тело станет местом реализации невиданной полноты Духа: *Эти реализации, кажущиеся инструментальными, являются ключом к тайне, без которой даже фундаментальные реализации не раскроют всей своей мистерии.*¹³¹ «Займись своей Работой», - сказал Голос. И эта Работа – не воспарить в космическом блаженстве, а найти здесь, в теле и для земли, новый путь, который объединит в одном и том же сознании свободу Трансцендентного, живую необъятность Космического и радость индивидуальной души на исполненной земле и в более истинной жизни. Ибо *подлинное изменение сознания*, - говорит Мать, -

это то, которое изменит физические условия мира и создаст в новых условиях новое творение.

Условия открытия

Если мы хотим «изменить физические условия мира», то есть, изменить так называемые «законы природы», которым подчиняется наша жизнь и жизнь всего мира, и если мы хотим произвести это изменение силой сознания, тогда нужно соблюсти два условия. Во-первых, мы должны работать, оставаясь в собственном индивидуальном теле и не уходя в запредельные миры, ведь тело является точкой соединения сознания с Материей. Во-вторых, нам надо открыть принцип сознания, который будет обладать силой трансформировать Материю. Ведь ни один из видов или уровней сознания, известных сейчас человечеству, будь то ментальное, витальное или физическое сознание, не способен трансформировать Материю. Верно, что путем строгой дисциплины некоторым индивидам удавалось пренебрегать законами природы и преодолевать гравитацию, холод, голод, болезни и т.п. Но, во-первых, это были лишь индивидуальные изменения, которые не могли передаваться всем остальным людям; во-вторых, на самом деле трансформации Материи не было: законы, управляющие телом, оставались теми же самыми, и лишь некоторые особые эффекты, кажущиеся сверхъестественными, накладывались на природу тела более или менее длительное время. Здесь уместно привести пример одного йогина-революционера, соратника Шри Ауробиндо, которого однажды укусила бешеная собака. Используя силу своего сознания, он сразу же блокировал действие вируса и продолжал жить, как будто ничего не случилось (заметим в скобках, что если бы он был в совершенном состоянии сознания, его не могла бы укусить никакая собака). Но, однажды, во время одного особенно бурного митинга, он вышел из себя и с гневом обрушился на одного из выступавших. Спустя несколько часов он умер в страшных муках от болезни бешенства. Его сила зиждилась лишь на контроле со стороны его сознания, и как только его сознание сдало свои позиции, все вернулось в прежнее русло, ведь законы тела были не изменены, а лишь обузданы. Та трансформация, которую предвидят Мать и Шри Ауробиндо, заключается не в обретении «сверхъестественных» сил, которые то или иное время сдерживали бы действие законов природы, а в изменении самой природы человека и ее физической обусловленности. Короче говоря, речь идет не о контроле, а о самой настоящей трансформации. Более того, если мы хотим реализации для всей земли, необходимо, чтобы новый принцип существования, который Шри Ауробиндо назвал супраментальным, утвердился бы во всех нас полностью и окончательно – сначала в нескольких индивидах, а затем перекинулся бы на тех, кто готов принять его. Это подобно тому, как стал естественным и полностью утвердился на земле ментальный принцип или принцип жизни. Иными словами, новый принцип предполагает создание на земле божественного сверхчеловечества, которое уже не будет подчиняться законам неведения, страдания и разложения.

Это предприятие может показаться нам грандиозным и несбыточным, но только потому, что мы привыкли мыслить в рамках десятилетий. На самом деле это предприятие полностью согласуется с эволюционным процессом. Ведь если смотреть на земную эволюцию как на эволюцию Духа в форме, а на человеческое рождение как на рост души или Духа в человеке, то у нас есть все основания сомневаться, что Дух всегда будет удовлетворен человеческой узостью или что путешествие

кончится просто тем, что Дух вернется к своему супраземному Великолепию и Радости (откуда ему, прежде всего, и не требовалось выходить – вечный и неизменный Свет всегда там). Такое приключение вряд ли отвечает Его замыслу, а вот покорение Материи – это да! Небеса надо строить в Материи. Возможно, Он хочет познать то же самое Великолепие и ту же Радость в условиях, кажущихся противоречащими Его условиям: в жизни, осажденной смертью, неведенью и темнотой, и в многоликом разнообразии мира, а не в белесом единстве? Тогда жизнь и Материя обретают смысл, превращаясь из «места искупления грехов» или «перевалочного пункта» на пути к запредельному в лабораторию, в которой Дух шаг за шагом – через Материю, растения, животные и все более сознательные человечески существа – вырабатывает сверхчеловека или бога: *Душа не завершила того, что ей уготовано, развившись до человеческого уровня; она должна развиваться и дальше, расширяя человеческие границы. Очевидно, душа карибского туземца, парижского апаха или американского гангстера еще не исчерпала необходимости рождаться в человеческом теле, не развила еще всех своих качеств, возможных в человеческой форме, не выработала все значение Сатчитананды во вселенском Человеке; то же самое относится к душе энергичного европейца, занятого динамичным производством и витальными удовольствиями, как и о душе азиатского крестьянина, поглощенного невежественным кругом своего хозяйства и домашней жизни. Не без оснований мы можем усомниться даже в том, венчают ли Платон и Шанкара вершину духа в человеке и ставят ли тем самым они окончательную точку в расцвете духа в человечестве. Наша склонность считать их пределом развития объясняется тем, что они и им подобные кажутся нам высочайшей точкой, которую только может достичь разум человека, но это может оказаться иллюзией, вызванной нашими сегодняшними возможностями... У души было предчеловеческое прошлое, у нее есть сверхчеловеческое будущее.*¹³²

Шри Ауробиндо – не теоретик, а практик эволюции. Все, что он говорил или писал об эволюции, пришло после его опытов-переживаний. Мы забежали вперед лишь для того, чтобы прояснить для себя его поиски в алипорской тюрьме. Шри Ауробиндо увидел, что эта блаженная космическая необъятность – не место для работы, и что надо смиренно спуститься в тело и искать там, внизу. Все же мы можем задаться таким вопросом: если трансформация должна произойти не посредством какого-то внешнего механизма, а силой сознания, то что же это за сознание, возможно, более высокое, чем космическое сознание? Значит, космическое сознание – не вершина лестницы, не предел силы? Это важный вопрос, если мы хотим понять практический ход открытия и, если удастся, самим иметь соответствующее переживание. На этот вопрос отвечают два наблюдения. Прежде всего, недостаточно достичь высот сознания, требуется еще, чтобы *кто-то* воплотил их, иначе мы уподобляемся кладоискателю, «завладевающим» чудесными сокровищами, глядя в бинокль – где этот «кто-то» в космическом сознании? Там никого нет... Поясним это с помощью современной аналогии: можно запустить ракету к Солнцу и достичь «вершины» мира, но не «вершины» человека, которая не приблизится при этом ни на шаг. Ракета просто *выходит* за пределы земной атмосферы. Точно также йогин, концентрируясь на *одной точке* своего существа, собирает все свои энергии, пробирует свою оболочку и выходит в иное космическое или нирваническое измерение. Но *кто* реализовал космическое сознание? Не йогин – йогин продолжает пить, есть, спать, по случаю болеть, как все животное человечество, и умирать. Это не он, а крохотная точка его существа, на которой он так усердно концентрировался, реализовала космическое сознание. Остальная же часть его существа, вся эта челове-

ская и земная природа, которую он как раз когда-то и исключил, подавив ее или умертвив, чтобы лучше сконцентрироваться на одной точке, не разделила этого космического сознания (разве что только получила косвенное влияние космического сознания). В этом и заключается первое и очень важное наблюдение Шри Ауробиндо: недостаточно реализации в одной точке, требуется *глобальная реализация* во всех точках, охватывающая всего индивида: *Если вы хотите трансформировать свою природу и свое существо и участвовать в творении нового мира, - говорит Мать, - то больше недостаточно такого стремления, такого усилия, сконцентрированного в одной точке; необходимо охватить все и держать все в своем сознании.* Отсюда и возникает интегральная йога или «полная йога», *пурна йога*. Мы стремились избавиться от индивидуальности как от груза, мешающего нам воспарить в духовные или космические просторы, но без индивидуальности мы не можем ничего сделать для земли, не можем привнести вниз сокровища свыше: *Есть нечто большее, чем простое само-разрушение иллюзорной оболочки индивидуальности в Бесконечном.*¹³³ И Шри Ауробиндо подводит нас к первому выводу: *Подавление индивидуального может обернуться подавлением бога в человеке.*¹³⁴

Второе соображение заслуживает еще большего внимания. Вернемся к аналогии с ракетой: она может выйти за пределы земной атмосферы в любой точке, взлетев хоть с экватора или Нью-Йорка, и все равно достичь солнца. Совсем не обязательно взбираться на Эверест, чтобы стартовать оттуда! Точно также, йогин может реализовать космическое сознание в любой точке своего существа, на каком угодно уровне – в своем уме, своем сердце или даже в своем теле – ведь космический Дух находится повсюду, во всех точках вселенной. Переживание может начаться где угодно, на любом уровне, путем концентрации на камне или на ласточке, на идее, молитве, чувстве или на том, что мы пренебрежительно называем идолом. Космическое сознание – это не высочайшее человеческое сознание; чтобы достичь его, надо не подняться над индивидуальным, а выйти из него. Не нужно подниматься в сознании или обязательно стать Плотином, чтобы достичь вселенского Духа. Наоборот, чем менее развит ум, тем легче достичь переживания космического сознания – у пастуха под звездным небом или рыбака из Галилеи для этого больше шансов, чем у всех философов мира, вместе взятых. Тогда к чему все это развитие человеческого сознания, если природный мистицизм эффективнее? Тогда следует признать, что либо мы находимся на ложном пути, либо мистические уходы не являются всем смыслом эволюции. С другой стороны, если предположить, что эволюционный путь проходит через вершины человеческого сознания, достигнутые Леонардо де Винчи, Бетховеном, Александром Македонским, Данте, тогда мы вынуждены будем признать, что ни одна из этих высот не способна трансформировать жизнь. Вершины планов ума и сердца, как и космическое сознание, не дают нам ключа к разгадке и силы, способной изменить мир. Необходим иной принцип сознания. Но этот иной принцип должен быть *неразрывно* связан с предшествующими, ведь если рвется эта связь или теряется индивид, тогда снова происходит космическое или мистическое отделения без всякой связи с землей. Кончено, сознание Единства и трансцендентное сознание составляют совершенно необходимый базис любой реализации (обходиться без такого базиса – все равно, что строить дом без фундамента), но они должны достигаться иными путями, соблюдающими эволюционную непрерывность – это должна быть эволюция, а не революция. Короче говоря, необходимо найти выход, не выходя. Вместо того, чтобы запустить ракету, которая разобьется на солнце, нам надо найти ракету, которая загарпунит Солнце всевышнего сознания и сможет притянуть его во все точки земного сознания: *Окончательное*

знание – это то, которое постигает и принимает Бога во вселенной, как и за ее пределами; а интегральная Йога – это та йога, которая, обретя Трансцендентное, может вернуться ко вселенной и охватить ее, сохраняя способность свободно подниматься и опускаться по великой лестнице существования.¹³⁵ Это двойное движение восхождения и нисхождения составляет основной принцип супраментального открытия. Но на пути к нему Шри Ауробиндо предстояло коснуться еще одной неизвестной пружины, которая перевернет все.

Восхождение сознания

Недостаточно описать открытие Шри Ауробиндо, нам надо еще понять, как нам самим двигаться к нему. Очень трудно, однако, набросать схему и заявить: «вот путь», поскольку духовное развитие всегда приспосабливается к природе каждого человека, а не бывает двух одинаковых натур. *Идеал, который я ставлю перед нашей йогой, никак не ограничивает духовную жизнь и духовные поиски. Духовная жизнь не является чем-то, что можно жестко сформулировать или связать каким-то фиксированным ментальным правилом; духовная жизнь – это необъятное поле эволюции, грандиозное царство, потенциально большее любого царства, лежащего ниже него, с сотней провинций, тысячей типов, стадий, форм, путей, вариаций духовного идеала, ступеней духовного переживания.*¹³⁶ Поэтому можно дать лишь несколько ориентиров в надежде, что каждый найдет свой знак, который озарит его собственный путь. Следует всегда помнить, что истинная йога заключается в том, чтобы уловить нить собственного сознания, эту «сияющую нить», о которой говорили Риши Вед (**Ригведа**, X), ухватиться за нее и идти по ней до самого конца.

Поскольку ни космическое сознание, ни Нирвана не дают нам нужного эволюционного ключа, давайте возобновим наши поиски вместе с Шри Ауробиндо с того места, где мы их оставили – в Бароде, еще перед тем, как Шри Ауробиндо обрел два великих переживания. Первый этап – восхождение к Сверхсознательному. Как мы уже говорили, по мере того, как искатель устанавливает молчание в своем уме, успокаивает свое витальное и освобождается от погруженности в физическое, его сознание высвобождается из бесчисленных видов деятельности, с которыми оно сливалось и в которых оно распылялось, а теперь обретает независимое существование. Это как существо внутри нас, как Сила, вибрирующая все более интенсивно. И чем больше растет наше сознание, тем меньше оно удовлетворено состоянием ограниченности в теле. Мы замечаем, что сознание стало перемещаться, выходя из тела – сначала во сне, затем в медитациях, а затем и тогда, когда наши глаза широко открыты. Причем сознание не только расширяется во вселенский Ум, во вселенское Витальное и вселенское Физическое, но оно и стремится ввысь. Это побуждение идти вверх даже не обязательно является результатом сознательной дисциплины, оно может быть просто естественной, спонтанной потребностью (не стоит никогда забывать, что наши усилия в этой жизни являются лишь продолжением множества других усилий во множестве прошлых жизней – отсюда, кстати, и неравномерность развития всех индивидов и невозможность установить какие-то фиксированные правила). Мы можем инстинктивно чувствовать нечто над головой, что притягивает нас как безбрежный простор или свет, или как магнитный полюс, являющийся источником всех наших действий и мыслей – некую зону концентрации над макушкой. Искатель успокоил свой ум не для того, чтобы стать «тупым, как пень»: его молчание не мертво, оно живет. Искатель настроился на прием свыше, потому что он чув-

ствуется там жизнь. Молчание – это не цель, а средство, как сольфеджио является средством овладения музыкой, а музыка бывает самой разной. По мере того, как растет и поднимается сознания искателя, он начинает иметь изо дня в день сотни маленьких, почти неуловимых переживаний, прорывающихся из этого Молчания свыше. Например, искатель ни о чем не думает, и тут вдруг приходит мысль – даже не мысль, а какой-то «щелчок» – и искатель точно знает, что и как ему надо делать, в малейших деталях, словно все кусочки мозаики-головоломки во мгновение ока встали на свои места, причем с полной определенностью (внизу всегда полная неопределенность и неоднозначность шагов и решений). Другой пример: внезапно приходит легкий толчок «пойди, навести того-то»; искатель идет и «случайно» оказывается, что тому человеку нужна его помощь. Или же к искателю может придти «не делай этого», а если он не послушается, то попадет в какую-то неприятность. Либо искателя может необъяснимо тянуть к какому-то месту, где он находит как раз те обстоятельства, которые помогут ему. Если же надо решить какую-то проблему, искатель остается неподвижным, молчаливым, обращенным вверх – и оттуда приходит ясный и несомненный ответ. А если искатель говорит или пишет, он может очень конкретно чувствовать над своей головой некое пространство, откуда он тянет мысль как нить из светлого кокона; искатель просто стоит под потоком и записывает, и ничто не шевелится в его голове. Но если хотя бы чуть-чуть вмешивается его ум, как все исчезает или, скорее, искажается, поскольку ум пытается имитировать указания свыше (ум – неисправимая обезьяна, любящая подражать) и принимает за откровения свои блуждающие огоньки. И чем больше искатель учится слушать указание свыше и следовать им (а эти указания не настоятельные, не кричащие, а едва уловимые, как дуновения; они больше похожи на ощущения, чем на мысли, и невероятно скоротечны), тем более частыми, точными и несомненными они становятся. Постепенно искатель начинает видеть, что все его действия, даже малейшие действия, могут безраздельно направляться этим молчаливым источником свыше, что все его мысли, лучезарные и бесспорные, приходят оттуда, что внутри него рождается некое *спонтанное знание*. Вся жизнь его становится чередой маленьких чудес. *Если человечество только уловило бы проблеск того, какие бесконечные наслаждения, какие совершенные силы, какие светлые диапазоны спонтанного знания, какой необъятный покой бытия ожидают его на путях, еще не покоренных нашей животной эволюцией, оно бы оставило все и никогда бы не успокоилось, пока не обрело бы эти сокровища. Но узок путь, тяжела дверь, и страх, недоверие и скептицизм стоят часовыми Природы, запрещая нам сворачивать с ее привычных пастбищ.*¹³⁷

Как только это пространство наверху становится конкретным, живым, подобным краю света над головой, искатель чувствует потребность войти в прямую связь с ним, выйти на простор – ведь с растущей остротой он также чувствует, насколько узки и лживы ум и жизнь внизу – как карикатура. У искателя возникает такое ощущение, что он ударяется обо все, что нигде он не дома, что все ложно – слова, идеи, чувства – и везде разлад. Все это не то, всегда не *то* – всегда около, приблизительно, недостаточно. Иногда, во сне, как предзнаменование, нас может охватывать слепящий свет, настолько слепящий, что инстинктивно мы прикрываем глаза – *солнце кажется темным в сравнении с ним*, отмечает Мать. Нам надо позволить расти этой Силе внутри, этому Сознанию-Силе, наощупь пробивающемуся вверх, этой потребности в нечто ином, в более истинной жизни, в более истинном знании, в более истинной связи с миром и существами – наш *величайший прогресс – это углубляющаяся потребность*.¹³⁸ Нам надо отказаться от всех ментальных построений,

которые в любой момент стремятся завладеть сияющей нитью; нам надо сохранять состояние открытости и быть выше идей, ведь мы нуждаемся не в идеях, а в пространстве. Мы должны не только порвать силки разума и чувств, но и избежать ловушек мыслителя, теолога и строителя церкви, а также не попасть в западню Слова и рабство Идеи. Все это в нас только ждет того, чтобы обнести дух стеной форм, но мы всегда должны идти за пределы этого, всегда отвергать меньшее ради большего, конечное ради Бесконечного; мы должны быть готовы идти от озарения к озарению, от переживания к переживанию, от одного состояния души к другому... А также мы не должны привязываться даже к тем истинам, которые мы считаем самыми надежными, ибо и они являются лишь формами и выражениями Невыразимого, которое отказывается ограничивать себя какой-либо формой или выражением; мы всегда должны оставаться открытыми высшему Свету свыше, который не ограничивает себя собственным смыслом, оставаться открытыми свету Мысли, который несет в себе собственные противоположности.¹³⁹ Затем, однажды, силой нашей потребности – как под давлением сжатой массы – двери открываются: Сознание поднимается, – говорит Мать, – разбивает жесткий панцирь тела на макушке, и вы выходите в свет.

*Наверху было сияющие белое спокойствие.*¹⁴⁰

Это переживание является отправной точкой йоги Шри Ауробиндо. Это прорыв в Сверхсознательное, переход из прошлого, связывавшего нас по рукам и ногам, в будущее, которое видит. Вместо того, чтобы быть вечно обремененными внизу, мы находимся наверху и дышим полной грудью: Сознание больше не в теле или оно не ограничено им; сознание чувствует, что не только находится над телом, но и распростерто в пространстве; тело находится под высшим бытием и окутано распростертым сознанием... тело становится лишь деталью в широте бытия, инструментальной его частью... после окончательной реализации высшего бытия сознанию уже нет возврата вниз, за исключением той части, которая может нисходить для работы в теле или на низших уровнях, тогда как постоянно находящееся наверху существо управляет всем, что переживается и делается.¹⁴¹

Экстаз?

Как только сделан этот прорыв, дальше следует продвигаться медленно и систематически. Ибо первое побуждение сознания – унести ввысь в ощущении бесконечного подъема, совсем как ракета, а затем закрепиться наверху в некоей светлой нирване. Блаженство, сопровождающее этот расцвет на «вершине» (точнее, там, что кажется нам вершиной), или это растворение столь неотразимо, что кажется совершенно нелепым спуск на промежуточные уровни, чтобы что-то еще искать там. Этот спуск уже кажется нам падением, и мы хотим лишь оставаться как можно более неподвижными, чтобы не нарушить этого единого Мира и Покоя. На самом деле мы даже не усматриваем, что могут существовать какие-то промежуточные уровни между выходом из макушки головы и слиянием на «вершине». Ослепленный искатель, в чем-то уподобляясь новорожденному, впервые открывшему свои глаза, не может ничего распознать: все для него сливается в белизне или в белесой голубизне, и теряя всякую опору, искатель впадает в транс или «экстаз», как говорят на Западе, или в *самадхи*, как говорят в Индии. А возвращаясь оттуда, искатель не стано-

вится сколь-нибудь более «продвинутым», чем раньше. В своей спешке достичь... [искатель] полагает, что нет ничего между мыслящим умом и Высочайшим, и, закрывая глаза в самадхи, он пытается прорваться через все то, что в действительности находится на промежуточных планах, даже не замечая великих и светлых царств Духа. Возможно, он достигает своей цели, но лишь для того, чтобы уснуть в Бесконечном.¹⁴²

Конечно, по возвращению оттуда искатель скажет, что это чудесное, невыразимое, всевышнее состояние. И так оно и есть, но, как заметила Мать: *Вы можете говорить что угодно, потому что вы попросту ничего не помните... Когда вы выходите из своего сознательного существа и входите в ту часть своего существа, которая полностью несознательна, или, вернее, в зону, с которой у вас нет сознательной связи, вы впадаете в самадхи... Вы находитесь в безличностном состоянии, то есть, в состоянии, в котором вы несознательны; поэтому, естественно, вы ничего и не помните, ведь вы ничего и не сознавали.* Шри Ауробиндо просто говорил, что экстаз – это высшая форма несознания. Может статься, что то, что мы называем Трансцендентным, Абсолютным, Всевышним, является не экстатическим растворением, а всего лишь пределом для нашего сегодняшнего сознания. Ведь будет абсурдом сказать: «вот здесь кончается мир и начинается Трансцендентное», как если бы между ними был разрыв. (Для пигмея трансцендентное может начинаться с элементарного алфавита, а мир исчезать на уровне интеллекта.) Разрыва нет нигде, кроме как в нашем сознании. Возможно, прогресс эволюции состоит как раз в исследовании все более далеких от нас сфер сознания в неисчерпаемом Трансцендентном, находящемся на самом деле не «выше» или где-то вне этого мира, а прямо здесь, повсюду – Трансцендентное просто медленно раскрывается перед нашим взором. Ведь если в нашей предыстории Трансцендентное сначала находилось на уровне чуть выше протоплазмы, то это не означает, что затем оно вышло из мира протоплазмы, чтобы встать над амфибией, затем над шимпанзе, затем над человеком – постоянно отступая, чтобы всегда быть вне мира. На самом деле это мы выходили из примитивного сознания, продвигаясь вперед в вездесущем Трансцендентном.*

Поэтому, вместо того, чтобы исчезать на вершине сознания (или там, что кажется вершиной) и принимать экстаз за знак своего прогресса, искатель должен понять, что на самом деле это знак несознания, и стремиться открыть живое существование, скрытое за этим ослеплением: *Стремитесь развить свою внутреннюю индивидуальность, - говорила Мать, - и тогда вы сможете входить в те же самые регионы полностью сознательными и наслаждаться общением с более высокими регионами, не теряя сознания и не возвращаясь оттуда ни с чем.* И Шри Ауробиндо настаивал: *Именно в пробужденном состоянии должны прийти и установиться эти реализации, чтобы затем стать реальностью жизни... Переживание и транс полезны для открытия и подготовки существа, но реализация по-настоящему наступает лишь тогда, когда она становится постоянной в пробужденном состоянии.*¹⁴³ Преследуемая нами цель – это состояние интегрального мастерства и господства, а не духовной спячки, а это господство возможно лишь в непрерывности сознания. Когда мы впадаем в состояние экстаза, мы теряем «кого-то», кто мог бы быть мостом между силами наверху и бессилием внизу.

После того, как в алипорской тюрьме Шри Ауробиндо прорвал оболочку у макушки головы, он начал методически исследовать планы сознания над обычным

* На данной стадии исследования к этому ничего не добавишь. Необходимо Супраментальное переживание, чтобы найти ключ к этому ложному противопоставлению.

умом – точно также, как он исследовал, будучи в Бароде, более низкие планы сознания. Он возобновил свое исследование в том месте, где он оставил восхождение по великой лестнице сознания, непрерывно простирающейся от Материи до той непознанной точки, которая станет местом его открытия. Ведь *интегральная истина, интегральное самознание достигается не слепым прыжком в Абсолют, а терпеливым переходом за пределы ума.*¹⁴⁴

Существа и силы

Не ведая о том, мы постоянно получаем вдохновения с этих высших сверхсознательных планов. Эти вдохновения или влияния находят свое выражение в нас в виде идей, идеалов, стремлений, произведений искусства; они скрыто формируют нашу жизнь и наше будущее. Точно также, не ведая о том, мы постоянно воспринимаем витальные или тонкие физические вибрации, определяющие нашу текущую эмоциональную жизнь и отношения с миром. Мы считаем себя отгороженными в индивидуальном теле лишь из-за стойкой иллюзии внешней видимости; на самом деле мы проницаемы отовсюду и купаемся во вселенских силах, как амеба в море: *Человек впадает в интеллектуальную (=глупую) болтовню о поверхностных результатах и приписывает их своему «благородному я», не ведая о том, что его благородное я далеко скрыто от его видения за вуалью его тускло сверкающего интеллекта и плотного тумана витальных чувств, эмоций, импульсов, ощущений и впечатлений.*¹⁴⁵ Наша единственная свобода – подниматься ко все более высоким планам в ходе индивидуальной эволюции. Наша единственная роль – транслировать и методически воплощать истины того плана, которому мы принадлежим. Чтобы лучше понять механизм вселенной, подчеркнем два важных момента, относящихся ко всем планам сознания. Прежде всего, все эти планы не зависят ни от нас, ни от того, что мы о них думаем – как море не зависит от анемоны; все эти планы существуют *независимо* от человека. Современная психология, смешивая в одну кучу все уровни нашего существа в так называемом «коллективном несознательном» (напоминающем большую шляпу фокусника, из которой наудачу вынимаются архетипы или неврозы), выказывает в этом отношении полное отсутствие видения. Ведь, во-первых, силы всех планов отнюдь не несознательны, а гораздо сознательнее нас; во-вторых, эти силы не «коллективные» в том смысле, что они являются продуктом человеческой жизни (как море не является продуктом жизни анемоны). Как раз наоборот: внешний человек является продуктом этой Необъятности, лежащей позади него. *Градации сознания – это универсальные состояния, не зависящие от взгляда субъективной личности; скорее, сам взгляд субъективной личности определяется уровнем сознания, на котором организована эта личность согласно своей типичной природе и эволюционной стадии.*¹⁴⁶ И только человек переворачивает все, ставя себя в центр мира. И это не вопрос теории, которую всегда можно оспорить, а вопрос опыта, который может иметь каждый: когда мы выходим из своего тела и сознательно входим на эти планы, мы прекрасно видим, что они существуют вне нас, как весь мир существует, например, вне нашего родного города. На этих планах есть свои силы и даже существа, свои места, не имеющие ничего общего с нашим земным миром – об этом свидетельствуют целые цивилизации, это подтверждают росписи на их стенах или в их храмах.

Второй важный момент касается сознательных сил и существ, населяющих эти планы. Здесь надо четко отделить истину от всех предрассудков или даже мистифи-

каций, представляющих наш «коллективный вклад». Как обычно, все это сильно перемешено – вот почему искатель интегральной йоги, как никто другой, должен руководствоваться *ясной простотой*, на которой настаивал Шри Ауробиндо. Искатель не должен спутывать лежащее за пределами разума с отсутствием разума. На практике, сознательно входя на эти планы, будь то во сне или в медитации, мы можем видеть либо потоки безличностной силы, либо существа, обладающие своей личностью. Но и то, и другое – всего лишь разные способы видения *одного и того же*: *Стены между сознанием и силой, личностью и безличностью становятся гораздо тоньше, когда выходишь из-за покрова материи. Если смотреть на процесс со стороны безличностной силы, тогда видишь работающую силу или энергию, действующую с определенной целью или для определенного результата; если же смотреть со стороны существа, тогда видишь существо, обладающее, управляющее и использующее сознательные силы в качестве инструмента своего особого действия и выражения... Современная наука установила, что если смотреть на движение энергии, то с одной стороны оно представляется в виде волн и действует как волны, а с другой стороны может рассматриваться как масса частиц и действовать как частицы. Что-то похожее есть и здесь.*¹⁴⁷

Поэтому некоторые искатели никогда не видят существ, а видят только светлые силы; другие же могут видеть только существ и никогда не видят сил. Все зависит от внутренней позиции искателя, его стремления, религиозной или духовной или даже культурной подоплеки. Вот где начинается субъективность, и вместе с ней – возможность путаницы или предрассудков. Но субъективность не умаляет силы самого переживания; это просто знак того, что одно и то же может видеться и передаваться по-разному в зависимости от человека – не найдется и двух художников, которые бы видели и изображали одинаково даже такую «объективизированную вещь», как пейзаж. По мнению «экспертов» естественных и сверхъестественных явлений, критерием истинности должно быть неизменное постоянство переживания, но это больше походит на критерий нашей закостенелости. Множественность переживаний доказывает только то, что мы подходим к *живой истине*, а не к «*сыхому остатку*» наших ментальных и материальных истин. Более того, эти сознательные силы – действительно очень сознательные – могут принимать какие угодно формы, но не для того, чтобы дурачить нас, а чтобы становиться доступными сознанию самых разных людей, открывающихся им или взывающих к ним. Например, христианский святой, имеющий видение девы Марии, и индус, которому является Дурга, возможно, видят одно и то же, то есть, входят в контакт с одним и тем же уровнем сознания и одними и теми же силами. Совершенно очевидно, что имя Дурги ничего не значит для христианина и, между прочим, если эта сила проявилась бы в чистом состоянии, то есть, в виде безличностной светлой вибрации, то ее не смог бы воспринять ни верующий в деву Марию, ни поклоняющийся Дурге; или, во всяком случае, она не затронула бы их сердца. У поклонения есть свои права, ведь не каждый достаточно развит, чтобы ощутить интенсивность любви просто в маленьком золотом свете, не имеющем формы. Но, что примечательно, если поэт, например, Рембо или Шелли, откроется *тем же* планам сознания, он увидит что-то иное, являющееся, тем не менее, все тем же. Очевидно, ни Дурга, ни дева Мария особо не занимают поэтов, так что они восприняли бы, возможно, великую вибрацию или светлые пульсации, целую гамму красочных волн, что выразилось бы в них через сильную поэтическую эмоцию. Вспомним Рембо: «О, счастье, о, разум, я раздвинул небо лазури, являющееся небом тьмы, и зажил искоркой золота *естественного света*» - эта эмоция могла придти с того же плана сознания или иметь ту же самую

вибрационную частоту, если можно так сказать, что и видение индуистского или христианского мистика, хотя поэтическая транскрипция может казаться совершенно противной всякому религиозному верованию. И математик, который во вспышке озарения, приносящей радость, вдруг увидел новый способ представления мира, соприкоснулся, возможно, с тем же уровнем сознания, с той же вибрацией откровения. Ведь ничто не возникает «из воздуха», все уже где-то *находится* – на каком-либо плане, и каждый план обладает своей «длиной волны», своей интенсивностью света, своей особой вибрационной частотой, и можно коснуться *одного и того же* плана сознания, *одного и того же* озарения тысячами разными способами.

Те, кто превзошли стадию религиозных форм или думают, что превзошли ее, могут быстро заключить, что все личностные формы обманчивы или имеют более низкую природу. Но это лишь заблуждение нашей человеческой логики, которая хотела бы свести весь мир к некоему однообразию. Видение Дурги ничуть не более ложно или образно, чем поэма Шелли или уравнения Эйнштейна. Заблуждения и предрассудки начинаются с утверждения, что истинна только дева Мария или только Дурга или только Поэзия. Примиряющая все истина заключается в том, чтобы *видеть*, что все эти формы исходят из одного и того же божественного Света.

Но будет также ошибкой думать о так называемых безличностных силах как о механических силах, хотя и более высокого порядка. У них есть своя интенсивность, теплота, светлая радость, вызывающие полное ощущение присутствия личности, но без конкретного облика. Для каждого, кого хотя бы раз заливали потоки золотого света, сапфирно-синее сияние или сверкание белого света, несомненно, что с этим золотом приходит спонтанное Знание, полное ликования, с этой синевой – прочное могущество, с этой белизной – невыразимое Присутствие. Некоторые силы нисходят как улыбка. Тогда действительно понимаешь, что стена между личностью и безличностью, между сознанием и силой является практическим разделением, сделанным нашей человеческой логикой, и никак не связана с реальностью. Совсем не обязательно видеть какие-то облики, чтобы быть в присутствии Личности.

Надо только сделать один важный шаг – открыться этим высшим планам. А уж входя на них, каждый получает согласно своим способностям и потребностям или своему стремлению. Все споры между материалистами и религиозными людьми, философами и поэтами, художниками и музыкантами являются детским лепетом только вставшего на ноги человечества, где каждый хочет поставить всех под свое знамя. Когда касаешься светлой Истины, становится видно, что Она может содержать в себе все без конфликтов и противоречий, и что все – Его дети: мистик получает радость от своего Возлюбленного, поэт получает радость от поэзии, математик – от математики, художник – от красочных откровений, и все это – духовные радости.

Тем не менее, «ясная простота» остается мощной защитой, ведь, к сожалению, не каждый способен подняться к высшим регионам или к чистым силам. Гораздо легче открыться на витальном уровне, миру великой Силы Жизни, желаний и страстей (этот мир прекрасно знаком медиумам и оккультистам), где низшие силы могут легко принимать видимость божественных сил, обманывая слепящими красками или ужасающими формами. Если искатель чист, он заметит подлог, и его маленький свет психического растворит все угрозы, все кричащие миражи витальной мелодрамы. Но можно ли всегда быть уверенным в собственной чистоте? Поэтому надо всегда стремиться к более высокой истине, предоставляя ей самой выбирать формы своего проявления – так мы оградим себя от заблуждений и предрассудков.

Теперь мы попробуем описать уровни сверхсознательного, как они видятся тем, кто не поддался соблазну прыгнуть в экстатическое несознание, и как Шри Ауробиндо переживал их. Конечно, ближе всего к высшей истине не какие-то формы, всегда ограниченные и связанные с какой-либо традицией или эпохой (хотя эти формы обладали своей истиной на своем месте и в свое время), а светлые вибрации. Подчеркнем, что под вибрациями мы понимаем не какую-то безжизненную волновую механику, а движения света, полные невыразимой радости, любви, знания, красоты и всех качеств, находящих свое выражение в высочайших проявлениях человеческого сознания:

*Свет, не рожденный ни солнцем, ни луной, ни огнем,
Свет, пребывающий внутри и видящий внутри,
Излучающий сокровенную видимость.¹⁴⁸*

Планы ума

Прежде чем достичь супраментального плана, с которого начинается *высшая полусфера* существования, искатель пересечет различные ментальные слои или миры, которые Шри Ауробиндо назвал так (в восходящем порядке): высший ум, озаренный ум, интуитивный ум и надразум (не путать последний со Сверхразумом). Конечно, можно использовать и другую терминологию, но каждой из этих четырех зон соответствуют свои характерные переживания, в чем может убедиться каждый, кто способен сознательно предпринять это восхождение.

Теоретически, эти четыре зоны сознания относятся к Сверхсознательному, но только «теоретически», ведь граница сверхсознательного зависит от индивида. Для одних людей высший ум или даже озаренный ум вовсе не относится к сверхсознательному, а составляет часть их обычного бодрствующего сознания, тогда как для других людей простой рассуждающий ум только маячит где-то впереди на их пути внутреннего развития. Иными словами, граница сверхсознательного отодвигается по мере нашей эволюции. Если подсознательное – это наше эволюционное прошлое, то Сверхсознательное – наше эволюционное будущее. Как раз Сверхсознательное постепенно становится нашим обычным пробужденным сознанием.

Мы не будем пытаться описать, что представляют собой эти планы сознания сами по себе, не зависимо от человека. Каждый из них – это целый мир существования, более широкий и более свободный, чем земной мир, а наш ментальный язык совсем не годится для их описания. Нужен язык поэта и провидца – «иной язык», как сказал Рембо. Такой язык Шри Ауробиндо создавал в «Савитри», своем поэтическом эпосе, к которому мы отсылаем читателя

*Миллионом лотосов, раскачивающихся на одном стебле,
Цветистые экстатические миры
Поднимаются друг за другом к далекому невидимому прозрению.¹⁴⁹*

Но мы можем сказать, что эти планы несут человеку и как они меняют наше видение мира, когда мы поднимаемся к ним.

Обычный ум, с которым все мы знакомы, видит все шаг за шагом, последовательно, линейно. Он не может сделать скачок, не оставив бреши в своей логике, из-за чего этот ум теряется, и все становится для него несвязным, иррациональным

или туманным. Одновременно он может видеть только одно, иначе он впадает в противоречие. Принимая какую-то истину или факт, он автоматически отвергает все, что отличается от этой истины или факта – как затвор фотоаппарата, принимающий в каждый момент только одно изображение. Все, что не вписывается в его маленький сиюминутный экран, выглядит для него заблуждением, ложью и тьмою. Все у него делится на противоположности: белое и черное, истина и ложь, Бог и Сатана. Он идет как осел, который видит по дороге один пучок травы за другим. Короче говоря, обычный ум всегда дробит пространство и время на маленькие кусочки. Чем ниже по шкале сознания, тем мельче дробление. Для жука, например, любой предмет, пересекающий его путь, появляется с одной стороны как из будущего и исчезает в противоположной стороне как в прошлом. Поэтому человек, стоящий над ним, расставив свои ноги, покажется ему каким-то чудом вне всякой логики, ведь если одна нога человека соответствует истине, тогда другая его нога никак не укладывается в эту истину – с точки зрения жука человек не может быть одновременно и там, и там; значит, человек не существует – его существование невозможно в рамках логики жука. Для нас, людей, «окно затвора» чуть шире: будущее и прошлое уже не кажутся противоположными сторонами в пространстве, превратившись во «вчера» и «завтра» во времени – мы чуть выигрываем во времени по сравнению с жуком. Но есть и другое сознание – Супраментальное сознание – еще дальше расширяющее «окно затвора» и позволяющее встать над «вчера» и «завтра». Супраментальное сознание видит одновременно прошлое, настоящее и будущее, белое и черное, истину и то, что кажется ее противоречием, «да» и «нет» – ибо все эти противопоставления являются результатом деления времени. Мы говорим об «ошибке», потому что еще не видели того блага, которое она подготавливает или наброском которого она является. Мы говорим о «лжи», потому что у нас не было времени увидеть, как из грязи распускается лотос. Мы говорим о «тьме», но наш день кажется тьмою тому, кто видит Свет! Наше заблуждение было обязательным спутником добра, «нет» было неотъемлемой половиной «да», белое и черное вкупе со всеми цветами радуги – изменчивыми формами единого света, медленно раскрывающего себя. Нет противоречий, есть только взаимные дополнения. Вся история восхождения сознания – это история расширения видения и перехода от линейного и противоречивого сознания к сознанию глобальному.

Речь идет о действительно «глобальном» сознании, охватывающем все, включая землю. Недаром Шри Ауробиндо, говоря о Супраментале, употребляет термин «высшая полусфера сознания», ведь высшая истина не будет полной без своей низшей половины. Верхняя полусфера не отрицает нижнюю, а ведет ее к своей реализации. Безвременное не противоречит временному, как не противоречат друг другу две руки одной обнимающей личности. Тайна состоит как раз в том, чтобы открыть безвременное в недрах времени, бесконечное – в конечном, и ровную полноту вещей – в самой темной частице, без которой ничто не может быть по-настоящему объято.

Это восхождение сознания – не только покорение времени, но и обретение радости, любви и безбрежности бытия. На низших эволюционных уровнях дробится на кусочки не только пространство и время – дробится все. Все усиливающийся закон дробления¹⁵⁰ управляет нисхождением сознания, Духа в Материю вплоть до атома – происходит дробление радости, дробление любви и силы и, конечно, дробление знания и видения. В конечном счете все обращается в массу крошечных тропизмов, туманную пыль сомнамбулического сознания¹⁵¹, уже являющую собой поиск Света или, возможно, воспоминание Радости. Общим знаком этого нисхождения

*является повсеместное уменьшение интенсивности – интенсивности бытия, интенсивности сознания, интенсивности силы, интенсивности восторга в вещах и восторга существования. Так что по мере нашего восхождения к высшему уровню эти интенсивности нарастают.*¹⁵²

А) Обыкновенный ум

Качество света или качество вибрации – вот, по сути, то, что отличает один план сознания от другого. Если взять за отправную точку свойственный нам эволюционный уровень и рассматривать сознание в аспекте света, по отношению к которому все прочие аспекты являются производными, то для видящего глаза обыкновенный ум предстанет серой массой со множеством мелких темных точек или вибрационных узелков – как туча мошек, роящихся вокруг голов людей и представляющих их тысячу и одну мысль, приходя и уходя без конца и передаваясь от одного человека к другому. И лишь изредка нисходят свыше маленькие вспышки света, маленькая радость или маленькое пламя любви и начинает танцевать посреди этой серости. Но это *нейтральное основание*, как назвал его Шри Ауробиндо, настолько плотное и вязущее, что оно поглощает и обесцвечивает все, засасывая вниз в зону своего темного притяжения, так что мы не способны долго выносить ни радость, ни страдание, не можем вынести сразу много света. Все здесь мелкое, спазматическое, быстро гаснущее, и подчинено тысячам условий.

Б) Высший ум

Высший ум часто встречается у философов и мыслителей. Он уже менее плотный, более свободный. Фон уже не такой серый, с голубоватым оттенком, а нисходящие маленькие вспышки света поглощаются не так быстро. Кроме того, они нисходят чаще и становятся все более интенсивными и более богатыми. Радость длится дольше, а любовь становится более широкой и глубокой. Она уже не подчинена бесчисленным условиям низших уровней. Мы начинаем познавать, что такое любовь и радость сами по себе, без какой-либо причины. Но свет еще холодный и жестковатый. Ментальная субстанция еще остается тяжелой; она ловит свет свыше и смешивает его с собственным веществом, покрывая свет ментальными слоями, даже не замечая этого. Этот ум может понять полученный свет лишь после того, как разбавит его, пройдет по нему своей логикой и разобьет его на свои параграфы, слова и идеи. Кроме того, выводы высшего ума основываются на единственной точке света или на небольшом количестве точек света, которые он ухватил (по сути, это его предубеждения, основывающиеся на поспешно проглоченных каплях интуиции), и ему стоит немалых трудов в дальнейшем устранять все, что будет противоречить его ранее сделанным выводам. Конечно, высший ум может открываться более высоким планам и получать озарения свыше, но это для него не характерно: его ментальная субстанция такова, что она разлагает свет. Высший ум начинает понимать только после того, как сам себе что-то объяснил.

В) Озаренный ум

Озаренный ум имеет другую природу. По мере того, как высший ум обретает молчание, он получает доступ в эту область. Его субстанция проясняется, и то, что раньше приходило капля по капле, теперь льется потоком: *Основой теперь является не общая нейтральность, а чистая духовная вечность и радость, откуда и исходят особые тона эстетического сознания. Таково первое фундаментальное изменение.*¹⁵³ Сознание наполняется потоком света, чаще всего золотого, в который вливаются различные цвета в зависимости от внутреннего состояния; это *светлое затопление*. Одновременно возникает состояние «энтузиазма» (в том смысле, какой вкладывали в него древние греки), происходит внезапное пробуждение, как если бы все существо, находившееся в состоянии готовности, вдруг погружалось в очень быстрый ритм и совершенно новый мир с новыми ценностями, новой выразительностью и неожиданными связями. С мира падает дымчатая завеса, и все объединяется в великой вибрации радости. Жизнь становится более широкой, более истинной, более живой. Маленькие истины зажигаются повсюду, без слов, как если бы все имело свой секрет, особый смысл, особую жизнь. Находишься в состоянии невыразимой истины, ничего не понимая в ней – она просто есть. И это чудесно. Это состояние легкости, живости, любви.

Этот светлый поток по-разному выражается в разных людях (мы всегда очень быстро придаем ему форму вместо того, чтобы позволить ему спокойно пропитать наше существо и сделать свою работу по прояснению субстанции): одних внезапно охватит поэтическое вдохновение, другие увидят новые архитектурные формы, третьи окажутся на пороге новых научных открытий, а четвертые прильнут к своему богу. Подъем на этот уровень сознания обычно сопровождается спонтанным расцветом творческих способностей, особенно в области поэзии. Интересно отметить, что среди учеников Шри Ауробиндо есть немало поэтов, пишущих на самых разных языках, как если поэзия и искусства являлись бы первым практическим результатом его йоги: *В себе и других я наблюдал, как с открытием сознания внезапно приходит расцвет способностей в любом виде деятельности – так что тот, кто долго и безуспешно пытался выразить себя в стихосложении, за день становится мастером поэтического языка и ритма. Это вопрос надлежащего молчания ума и надлежащей открытости Слову, стремящемуся выразить себя – ибо Слово уже готово на тех внутренних планах, где зарождаются все формы искусства, а измениться должен передающий ум – измениться и стать совершенным каналом, перестав чинить препятствия.*¹⁵⁴

Поэзия – самый удобный выразитель того, чем являются эти высшие планы сознания, ведь в поэтическом ритме легко улавливаются вибрации. Поэтому мы часто будем прибегать к помощи поэзии, хотя Сверхсознательное не является какой-то привилегией одних только поэтов. В своей обширной переписке на тему поэзии и в работе «Поэзия Будущего» Шри Ауробиндо приводит многочисленные примеры стихов, исходящих из озаренного ума. Прекрасной иллюстрацией такой поэзии на французском языке* служит творчество Артюра Рембо, особенно его «Пьяный Корабль». Чтобы уловить эту поэзию, надо перестать цепляться за внешний смысл слов и прислушаться к тому, что вибрирует за ними. Ведь поэзия, как и, в конечном счете, все виды искусства, является лишь средством уловить невыразимую маленькую ноту, неуловимое нечто, являющееся истиной жизни:

* Сатпрем приводит отрывки из французской поэзии просто потому, что адресует свою книгу французскому читателю. В английской поэзии (как и в поэзии на других языках) можно найти не менее яркие примеры. (примечание переводчика).

Я знаю небеса в сполохах, и глубины,
И водоверть, и смерч, покой по вечерам,
Рассвет восторженный, как вылет голубиный,
И видел я подчас, что мнится морякам.**

Поэзия называется «озаренной» не из-за своего смысла, а в силу того, что она несет в себе особую ноту озаренного плана. Ту же самую ноту мы могли бы найти, например, в живописи Рембрандта, музыка Сезанна Франка или даже просто в словах своего друга – это касание стоящей позади истины, маленькая вибрация, идущая прямо к сути, по отношению к которой поэма, полотно или соната является более или менее прозрачным уплотнением. Чем выше поднимаешься, тем более чистой, светлой, широкой и мощной становится вибрация. Когда Рембо говорит:

О замки, о смена времен,
Недостатков кто не лишен?***

вибрация почти видима – настолько сильно ее присутствие. Но это не озаренное видение: вибрация пришла из сердца, а не свыше. И это никак не связано со смыслом строк: слово – это просто облачение того, что вибрирует. А вот эта строчка из Малларме, напротив, исходит из озаренного ума:

Полетов скованных прозрачно-синий лед****

Все произведения, исходящие из этого плана, характеризует то, что Шри Ауробиндо назвал *светлым размахом* – это светлый взмах крыла, внезапное затопление светом. Эта вибрация не похожа ни на какую другую: она всегда воспринимается как внезапный толчок или потрясение и продолжает еще долго вибрировать, как камертон. Но редко когда эта вибрация остается чистой на протяжении всего произведения, которое следует движению сознания с его спадами и подъемами. В «Пьяном Корабле» отражается озаренный ум, но там присутствует и витальное и даже совсем простой ум, а кое-где вмешивается Надразум.

Наряду с красотой озаренного ума открываются и его пределы: поэзия озаренного ума передается потоком образов и слов откровения (именно на этом плане часто открывается тонкое видение и слышание). Чуть ли не лавина богатых и иногда беспорядочных образов внезапно обрушивается на сознание, которому трудно вместить всю эту светлую волну и выдержать накал интенсивности – оно просто переполняется, для него это чересчур. Энтузиазм легко переходит в экзальтацию, и если остальная часть существа не достаточно очищена, тогда любая низшая часть существа может завладеть светом и нисходящей силой и использовать их в своих целях – этот подводный камень нередок. Когда низшие части природы, особенно витальная, завладевает светлым потоком, они делают его жестким, вносят какую-то драму, искажают его. Сила еще остается в потоке, но делается жесткой, тогда как сутью озаренного ума является радость. Здесь мы могли бы привести имена многих поэтов и творческих натур.* Кроме того, субстанция озаренного ума не является

** Перевод В.В. Набокова. «Пьяный Корабль» (Владимир Набоков. Стихи. Ардис, Анн Арбор, 1979.)

*** Перевод Н. Яковлевой. «Одно лето в аду. Бред II» (Рембо А. Стихотворения. М., 1982).

**** Пер. М.А.Волошина. «Лебедь» (Французские стихи в переводе русских поэтов XIX-XX вв. 2-е издание. М., 1974)

* Следует подчеркнуть, что есть большая разница между человеком, которому лишь время от времени приходит вдохновение или озарение (причем зачастую сомнительные) и тем, кто систематически, шаг за шагом,

полностью прозрачной – она лишь просвечивается. Ее свет рассеян, словно он лишь прошупывает истину, но по-настоящему не прикасается к ней – отсюда и частые не-связности и отклонения. Это только начало нового рождения. Прежде чем идти выше, требуется дальнейшее очищение и, особенно, больше покоя, равновесия и молчания. Чем выше поднимаешься в сознании, тем большее требуется равновесие.

Г) Интуитивный ум

Интуитивный ум отличается от озаренного своей ясной прозрачностью. Он стремителен – босыми пятками пробегает он по скалам, не будучи отягощенным ортопедическими ботинками мысли, приклеивающими нас к почве, как если бы знание зависело от тяжеловесного груза наших размышлений. Знание – это вспышка, бьющая из молчания. Все знание здесь, ничуть не выше или глубже, прямо под нашими глазами, и оно только ждет часа нашего просветления. Дело здесь не столько в подъеме, сколько в прочищении и устранении препятствий. Весной рисовые поля Индии, спокойные и зеленые, полные сладкого аромата, убегают вдаль под тяжелым небом. И вот вдруг с него взлетают тысячи попугайчиков. Все происходит так быстро, что вы ничто не успеваете заметить. Столь же стремительно проясняется сознание: одна лишь точка, один лишь звук, одна лишь капелька света, и мир раскрывается в своей великолепии – тысячи неуловимых птиц в мгновенной вспышке. Интуиция воспроизводит на нашем масштабе изначальную мистерию великого Взгляда, который видел и знал все, а теперь наслаждается медленным, постепенным развертыванием видения во времени и с мириадов точек зрения того, что Он полностью охватил в крупнице вечности.

*Время – порожденье вечного мгновенья.*¹⁵⁵

Вместе с интуицией приходит особая радость, отличающаяся от радости озаренного ума. Это уже больше не поток, заливающий нас извне, а некое узнавание, как если бы нас всегда было двое: брат света, живущий в свете, и брат тьмы, мы сами, живущие внизу и повторяющие в тени, наощупь, наталкиваясь на все, жесты брата света, подражая его движению, его знанию, его великому путешествию, но каким-то совсем жалким, хилым и неловким образом. Затем вдруг происходит слияние – мы становимся едиными в точке света. Теперь нет больше разницы, и в этом радость.

А когда мы станем едиными во всех точках света, наступит божественная жизнь.

И эта точка слияния приносит знание, которое может выражаться тем или иным образом в зависимости от занятий в данный момент, но это знание – следствие тождественности, результат встречи: мы познаем благодаря узнаванию. Шри Ауробиндо говорил, что интуиция – это *воспоминание Истины*.¹⁵⁶ И во вспышке интуиции действительно прекрасно видно, что знание – это не открытие неизвестного: мы открываем самих себя! Больше нечего открывать – это медленное распознавание во времени того момента Света, когда мы *все видели*. Кто не видел хотя бы раз? Кто не имел в жизни этого Воспоминания? Какими бы ни были наши верова-

развил свое сознание, так что может устраиваться на любом выбранном им плане сознания, оставаться там столько, сколько пожелает, и получать безо всяких искажений вдохновения и озарения, соответствующие этому плану. В этом и заключается работа интегральной йоги.

ния или неверия, наши способности или неспособности, наши маленькие или большие позиции, всегда бывает момент, являющийся *нашим* моментом. Некоторые жизни длятся лишь мгновение, а все остальное время – забвение.

Язык интуиции концентрируется в лаконичной формулировке, без лишних слов, в противоположность пышному и изобильному языку озаренного ума (который через свою избыточность все же передает светлый ритм и истину, возможно, не так четко, зато теплее). Когда Плотин уложил в три слова весь цикл человеческих усилий: «Полет Одного к Одному», он использовал в высшей степени интуитивный язык, как язык Упанишад. Но это достоинство отмечает и пределы интуиции: сколь бы наполненными ни были наши вспышки и формулировки, они не могут охватить всей истины. Нужна более обильная теплота – такая, какой обладает озаренный ум, но с большей прозрачностью. Ведь *Интуиция... видит все во вспышках, точка за точкой, не как единое целое.*¹⁵⁷ Пространство, освещаемое вспышкой, поразительно и неоспоримо, но это лишь *один отрезок истины.*¹⁵⁸ Кроме того, ум захватывает интуицию и, как отмечает Шри Ауробиндо, *одновременно преувеличивает и преуменьшает ее.*¹⁵⁹ Преувеличивает он ее из-за того, что незаконно обобщает ее и хочет распространить свое открытие на все пространство; преуменьшает из-за того, что вместо того, чтобы позволить вспышке спонтанно озарить и прояснить нашу субстанцию, он сразу же завладевает ею и покрывает ее слоем мысли (или художественным, поэтическим, математическим, религиозным слоем) и уже не в состоянии понять ее, кроме как через интеллектуальную, художественную или религиозную форму, в которую он ее облачил. Очень трудно втолковать уму, что откровение может быть совершенно мощным, даже грандиозным без того, чтобы быть «понятным», причем наиболее мощно оно как раз тогда, когда оно еще не спустилось на несколько уровней и не стало разбавленным и фрагментированным, чтобы ум смог ее «понять». Если бы мы могли оставаться спокойными, пока вибрирует эта вспышка, словно подвешенная в свете, не набрасываясь на нее, чтобы разделить ее на маленькие интеллектуальные кусочки, то спустя какое-то время мы бы заметили, что *все* наше существо сменило свою позицию, и мы обрели новое видение, отказавшись от мертвых формулировок. В ходе объяснения исчезает три четверти трансформирующей силы.

Но если вместо того, чтобы сразу хвататься за кисть или погружаться в поток слов, чтобы освободиться от избытка полученного света, искатель будет сохранять свое молчание и прозрачность, и если он будет терпеливым, то увидит, как постепенно эти вспышки все учащаются, плотнее заполняя все пространство, и в самом искателе начинает формироваться другое сознание, являющееся одновременно завершением и источником озаренного и интуитивного ума, а также всех ментальных человеческих форм. Это сознание – Надразум.

Д) Надразум

Надразум – редко достижимая вершина человеческого сознания. Это космическое сознание, но без потери индивидуальности. Вместо того, чтобы отвергнуть все и воспарить в небесные выси, искатель терпеливо покоряет все уровни своего существа, так что низ оказывается неразрывно связанным с верхом. Надразум – это мир богов и источник вдохновения великих основателей религий. Именно отсюда зародились все известные нам религии; все они исходят из переживания Надразума в одном из его аспектов. Ведь все религии, откровения или духовные переживания

относятся к какому-либо плану, а не возникают из ниоткуда; источник откровений – Надразум. Он также является источником величайших произведений искусства. Но следует помнить, что это все еще ментальный план, хотя и его вершина.

Когда сознание поднимается на этот план, оно видит уже не «точку за точкой», а созерцает *спокойно, большими объемами*.¹⁶⁰ Это уже не рассеянный свет озаренного ума или отдельные вспышки интуитивного ума, а, говоря великолепным языком Вед: «океан устойчивого света». Сознание больше не ограничено кратким текущим моментом или узким диапазоном своего поля видения; оно раскрыто и охватывает в едином взгляде *большие протяженности пространства и времени*.¹⁶¹ Существенное отличие Надразума от остальных планов заключается в ровности или почти полной однородности света. В особенно восприимчивом озаренном уме можно видеть, например, синеватое пространство со внезапно появляющимися струйками света, вспышками интуиции, перемежающимися извержениями света, а иногда даже с большими переливами из Надразума, но все это – только прерывистая игра света, никакой стабильности. Таково обычное состояние известных нам величайших поэтов: они достигают определенного уровня или ритма, общей поэтической просветленности, откуда время от времени попадают в более высокие регионы, принося оттуда те редкие поэтические строчки (или музыкальные фразы), которые затем повторяются из поколения в поколение как «Сезам, откройся». Озаренный ум обычно является базой для величайших поэтов, а Надразум – это божественное царство, доступное в краткие минуты милости.

Но для полного и постоянного надментального сознания – такого, какое реализовали, например, Риши Вед – уже нет никакой прерывистости света. Сознание становится *стабильной массой света*. Как результат – непрерывное вселенское видение; тогда и познаешь вселенскую радость, вселенскую красоту, вселенскую любовь, ибо все противоречия низших планов возникают из-за недостаточности света или, если можно так сказать, «узости» света, освещающего лишь ограниченное поле. Тогда как в этом ровном свете все противоречия, выглядевшие как зона тени между двумя прояснениями или темная граница пределов нашего света, растворяются в однородной массе видения. А как только свет видится повсюду, тогда и радость, гармония и красота ощущаются повсюду, ведь все противоположности воспринимаются теперь не как отрицания или теневые провалы между двумя вспышками света, а как элементы меняющейся интенсивности в непрерывной космической Гармонии. Это не так, что надментальное сознание перестает видеть то, что мы называем мерзостью или злом, страданием – просто все связано во великой вселенской игре, где каждая вещь имеет свое место и свою цель. Это объединяющее, а не разделяющее сознание. Степень единства дает точную меру совершенства надментального сознания. Более того, обладая видением этого единства – божественным видением (Божественное – это уже не нечто предполагаемое или представляемое, а видимое, осязаемое, которым мы сами *стали*, как наше сознание становится светом) – надментальное существо воспринимает один и тот же свет повсюду – в каждой вещи, в каждом существе – как оно воспринимает его в самом себе. Нет уже ни разделяющих пустот, ни пробелов, ни инородности – все непрерывно пропитано однородной субстанцией. Надментальное существо ощущает вселенскую любовь, вселенское понимание, вселенское сострадание ко всем этим «другими я», которые тоже движутся к своей божественности или, скорее, постепенно становятся светом, который все они уже несут в себе.

Таким образом, надментального сознания можно достигать всевозможными путями, будь то через религиозный энтузиазм или через поэтическое, интеллекту-

альное, художественное или героическое рвение – словом, через все, что помогает человеку превзойти самого себя. Особое место Шри Ауробиндо отводил Искусству, считая его одним из важных средств духовного прогресса. К сожалению, у художников и творцов обычно большое эго, преграждающее им путь и являющееся их большим препятствием. У религиозного человека, растворившего свое эго, нет такого препятствия; но такой человек редко когда достигает вселенского сознания путем развития индивидуального сознания. Религиозный человек склонен скорее выпрыгнуть за пределы индивидуальности, не заботясь о развитии всех промежуточных уровней своего сознания. А когда он достигает «верха», у него просто нет лестницы, чтобы спуститься вниз, либо он не хочет больше спускаться, либо у него больше нет индивидуальности, чтобы передавать то, что он видит, либо его старая индивидуальность порой пытается, как может, передать новое сознание, если у него еще осталась потребность передавать что-либо. Риши Вед, дающие нам уникальный пример систематического и непрерывного духовного восхождения от плана к плану, являются одними из величайших поэтов, которых когда-либо знала земля – Шри Ауробиндо показал это в своей работе «Тайна Вед». Слово *кави* означает одновременно «видящий Истину» и «поэт». Становишься поэтом благодаря тому, что начинаешь видеть Истину. Эта очевидная истина совсем позабыта. Поэтому стоит теперь сказать несколько слов об Искусстве как о средстве восхождения сознания и, особенно, о поэзии надментального уровня.

Е) Поэзия мантр

Планы сознания отличаются не только световыми вибрациями разной интенсивности, но и различными звуковыми вибрациями или ритмами, которые можно слышать, имея «ухо ушей», о котором говорится в Ведах. Звуки, образы, свечения и существа – различные аспекты одного и того же Существования, которое проявляет себя по-разному и с различной интенсивностью в зависимости от плана. Чем ниже спускаешься по шкале сознания, тем более фрагментированными становятся звуковые и световые вибрации, существа и силы. Например, на витальном плане можно слышать буйные беспорядочные и отрывистые вибрации Жизни, содержащиеся также в некоторых музыкальных произведениях, исходящих из этого плана, а также в витальной живописи и витальной поэзии, передающих этот ломаный, мощно окрашенный ритм. Чем выше поднимаешься, тем более гармоничными, согласованными и утонченными становятся вибрации, как в струнных сонатах Бетховена, которые в одно мгновение уносят нас на слепящие высоты чистого света. Сила музыки заключается уже не в броских красках или взрывном характере, а в высоте внутреннего накала. Высокая вибрационная частота обращает все цвета радуги в чисто белый цвет, доводит до такой высокой ноты, что она кажется неподвижной, улавливающей вечность, единственным звуком-светом-силой, коим является священный индийский слог *ОМ* – Слово, сокрытое в высшем огне.¹⁶² «В начале было Слово», - говорится в Писании.

В Индии есть эзотерическое знание о звуках и вибрационных тонах, различающихся в зависимости от плана сознания. Если произнести, например, звук *ОМ*, то можно ясно почувствовать, как он охватывает центр сознания в голове, тогда как звук *РАМ* касается пупочного центра. И поскольку каждый центр сознания находится в прямой связи с соответствующим планом, то можно путем повторения

(джапы) определенных звуков войти в связь с этим планом.^{*} На этом основана целая духовная дисциплина, называемая «тантрической», поскольку она берет свое начало от священных текстов, называемых Тантрой. Основные или сущностные звуки, позволяющие установить связь с соответствующими планами сознания, называются *мантрами*. Мантры всегда тайно передаются от «гуру»^{**} его ученикам и могут служить самым разным целям, даже противоположным. Путем комбинации определенных звуков можно, например, на низших уровнях сознания – обычно на витальном плане – войти в контакт с соответствующими силами и добиться необычных результатов: одни мантры могут убивать (за пять минут и с дикой рвотой), другие могут точно поражать какую-то часть или орган, третьи могут лечить, четвертые – поджигать, пятые – защищать, шестые – наводить порчу и т.д. Магия этого типа или вибрационная химия проистекает из сознательного обращения с низшими вибрациями. Но есть и высшая магия, тоже происходящая из обращения с вибрациями, но вибрациями более высоких планов: такова высокая поэзия, музыка, таковы духовные мантры Упанишад и Вед или мантры, дающиеся гуру своему ученику, чтобы помочь ему сознательно вступить в прямую связь с тем или иным планом сознания, силой или божественным существом. В этих случаях звук несет в себе мощь переживания и реализации и делает человека видящим.

Точно также, поэзия и музыка, являющиеся неосознанным средством обращения с тайными вибрациями, могут быть мощным инструментом открытия сознания. Если мы могли бы сочинять музыку или стихи путем сознательного обращения с высшими вибрациями, то мы создали бы величайшие произведения, наделенные силой посвящения в высшие планы. Вместо поэзии, являющейся фантазией интеллекта и *баядеркой ума*¹⁶³, по выражению Шри Ауробиндо, мы могли бы создавать мантрическую поэзию или музыку, которая *спустила бы богов в нашу жизнь*.¹⁶⁴ Ибо истинная поэзия – это действие: она буравит сознание – ведь мы замурованы, забаррикадированы! – и через отверстия в нас входит Реальное. Такова *мантра Реального*¹⁶⁵, таково посвящение. Именно этого добивались Риши Вед и провидцы Упанишад своими мантрами, наделяя их силой передавать озарения тем, кто готов^{*} – и именно это разъяснял Шри Ауробиндо в своей работе «Поэзия будущего» и осуществил в «Савитри».

Мантры, высокая поэзия, высокая музыка – все это приходит из Надразума, являющегося источником всей творческой или духовной деятельности (причем одно невозможно отделить от другого: категорическое деления интеллекта исчезают в этом ясном месте, где все священо, даже мирское). Теперь мы попытаемся описать, что представляют собой эти особые вибрации или особый ритм Надразума. Прежде всего, всем, кто обладает способностью более или менее сознательно входить в контакт с высшими планами – поэтам, писателям, художникам – хорошо известно, что перейдя через определенный уровень сознания перестаешь видеть идеи, которые пытаешься передать – начинаешь слышать. Вибрации, волны или ритмы буквально врываются в искателя и завладевают им, а *затем*, в ходе нисхождения, облекаются в слова и идеи, музыку или цвета. Но само слово или идея, музыка, цвет – это всего

^{*} На схеме планов сознания каждый центр принято отмечать соответствующей санскритской буквой: Лам, Вам, Рам, Ям, Хам, Ом – в восходящем порядке. Это сущностные звуки представляют особые вибрации, управляющие силами каждого из этих планов.

^{**} Мантры можно вычитать в книгах и повторять их без конца, но они не будут иметь силы или эффективности, если они не были даны Учителем или Гуру.

^{*} К сожалению, тексты их мантр дошли до нас в переводе, так что вся магия их звуков исчезла. Однако примечательно то, что если послушать оригинальный санскритский текст, распеваемый человеком, обладающим знанием, то можно получить озарение, не понимая ни слова из того, что было сказано.

лишь следствие, вторичный результат. И если поэт, настоящий поэт, затем правит и правит свое произведение, то это не для того, чтобы улучшить форму или найти лучшее выражение, а чтобы лучше уловить нужную вибрацию, ведь если истинной вибрации нет в произведении, тогда и вся магия рушится, как и в том случае, когда ведический жрец неправильно произносил мантру жертвоприношения. Когда сознание искателя прозрачно, звук становится ясно слышимым и даже видимым, если можно так сказать, так что звук-образ или звук-цвет или звук-идея неразрывно связывает слышание с видением и мышлением внутри одной и той же светящейся сущности. Все цельно внутри единой вибрации. На промежуточных планах (на плане высшего, озаренного или интуитивного ума) эти вибрации, как правило, дробятся, превращаясь в струйки, ростки, пульсации, тогда как в Надразуме они обширны, непрерывны и светлы в себе, как великие ноты Бетховена. У них нет ни начала, ни конца; кажется, что они *рождаются из Бесконечного и в Бесконечном исчезают*.¹⁶⁶ Они нигде не «начинаются» и приходят в сознание с неким ореолом вечности, который сиял еще до вибрации и будет продолжать сиять после ее ухода, как кильватерный след *другого* путешествия позади этого:

Sunt lacrimae rerum et mentem mortalia tangunt^{*}

Эта строчка Вергилия, которую Шри Ауробиндо приводил как пример высочайшего вдохновения, исходящего из Надразума, является таковой не благодаря смыслу слов, а в силу ритма, который предшествует словам и следует за ними, как если бы слова подносились на фоне вечности или, скорее, *самой* Вечностью. Точно также следующая строчка Леопарди обладает своим величием не благодаря смыслу, в благодаря чему-то большему, трепещущему за ней:

Insano inegno mistero delle cose
[Дословно: Безумная и низкая мистерия вещей]

Или возьмем строчку Вордсворта:

Voyaging through strange seas of thought, alone
[Дословно: Путешествуя по незнакомым морям мысли, совсем один]

Шри Ауробиндо цитировал и Рембо:

Million d'oiseaux d'or, o future Vigueur!
[Дословно: Миллионы золотых птиц, о грядущая Сила!]

Здесь поэзия вернулась к своему истинному предназначению – не ублажать, а передавать реальность мира, подводя нас ближе к Реальному.

Религиозно настроенные люди, возможно, увидят богов, населяющих этот мир. Существа и силы, звуки, свет, ритмы – все это истинные аспекты одной неопределимой, но не непознаваемой Сущности, кого мы называем Богом. Мы говорили о Боге, строили храмы, вводили каноны, создавали поэмы, пытались удержать единственную вибрацию, наполняющую нас солнцем, но она свободна как ветер на покрытых пеной морских берегах. Мы можем также войти в мир музыки, являющийся лишь миром особого выражения одной и той же великой невыразимой Вибрации,

^{*} Плачут о вещах, и брэнное касается мысли («Энеида». I).

но по сути не отличающийся от остальных миров. И если раз, всего лишь раз, пусть даже на несколько минут, мы услышим эту Музыку, эту Радость, поющую в вышине, то нам откроется то, что слышали Бах и Бетховен. Мы узнаем, чем является Бог, потому что услышим Бога. Мы не скажем ничего особенного, а просто будем знать, что *то существует*, и оно окупает все горести мира.

У верхних границ Надразума остаются лишь *великие волны красочного света*, говорит Мать, игра духовных сил, которые позже (а иногда намного позже), пройдя через все слои сознания и потеряв большую часть своего света или исказившись по пути, выльются в новые идеи, социальные перемены и земные события. На земле есть мудрецы, редкие и молчаливые, которые умеют обращаться с этими силами и притягивать их на землю, как другие могут обращаться со звуками и писать целые поэмы. Возможно, эти мудрецы – настоящие Поэты. Их существование – живая мантра, призывающая Реальное на землю.

На этом заканчивается восхождение, предпринятое Шри Ауробиндо в одиночку в алипорской тюрьме. Мы привели лишь отражение этих высот на человеческом уровне, ничего не сказав ни об их сущности, ни о том, каковы эти миры сами по себе в своей великолепии, независимо от всех наших тусклых выражений. Их надо слушать самому, надо *видеть*!

*Тихие небеса неувядаемого Света,
Озаренные континенты фиолетового покоя,
Океаны и реки веселья Бога
И не знающие печали страны под пурпурными солнцами.*¹⁶⁷

5 мая 1909 г., после года тюрьмы, Шри Ауробиндо был оправдан. Своей жизнью он был обязан двум непредвиденным событиям. Один из заключенных предал и выдал его как лидера подпольного движения; его показания на суде означали бы смертный приговор для Шри Ауробиндо, но предатель таинственным образом был застрелен в своей камере. Затем настал день суда, и все ожидали смертного приговора, как вдруг адвоката охватило озарение, которое передалось всему залу и потрясло присяжных: «Еще долго после его смерти и ухода слова его будут отзываться эхом не только в Индии, но и далеко за ее пределами. Поэтому я утверждаю, что этот человек стоит не только перед этим судом, но и перед верховным Судом Истории.» Шри Ауробиндо было тридцать семь лет. Его брат Барин, сидевший рядом с ним в клетке на суде, был приговорен к смертной казни через повешение.*

Шри Ауробиндо не переставал слышать Голос: *Помни: никогда не бойся, отбрось все колебания. Помни, что именно Я, а не ты или кто другой, делаю все это. Поэтому, как бы ни сгущались тучи, какие бы опасности, страдания и трудности не встретились бы тебе, нет ничего невозможно, нет ничего трудного.*

*Именно Я делаю все это.*¹⁶⁸

* Этот приговор затем заменят на пожизненную высылку на Андаманские острова.

ХІІІ. ПОД ЗНАКОМ БОГОВ

Выйдя из алипорской тюрьмы, Шри Ауробиндо увидел, что политическая сцена Индии опустела из-за массовых расправ и высылки, предпринятых британским правительством. Между тем Шри Ауробиндо возобновил свою работу, начав выпускать ежедневную газету на бенгальском языке и еженедельную на английском – «Кармайогин» с символическим эпиграфом из Гиты: «Йога – это искусство в работе.» Рискую вновь оказаться за решеткой, Шри Ауробиндо снова стал утверждать идеал полной независимости и несотрудничества с англичанами, однако теперь уже его занимала не только судьба Индии, но и всего человечества. Он достиг надментального сознания, откуда в одном взгляде видны «большие протяженности пространства и времени», и размышлял теперь над будущим человечества. Что же может человек?

Ведь Шри Ауробиндо подошел к пределам человеческого сознания; казалось, что выше есть только разреженная белизна, подходящая для других существ или другого способа существования, но непригодная для легкого жителя земли. Предпринимать ли быстрое мистическое восхождение или идти медленным путем поэтов, художников и всех великих творцов, все равно в конечном счете кажется, что сознание исчезает на белой границе, где аннулируется вообще все. Исчезает «некто», кто мог бы служить мостом, все пульсации гаснут, все вибрации застывают в вечном свете. Чуть раньше или позже, но человек стирается в Нечеловеческом, как если бы целью всего этого эволюционного восхождения был бы только выход из человеческой малости и возвращение к Источнику, который нам никогда и не следовало бы покидать. И даже если предположить, что за Надразумом есть еще какой-то план сознания, то не будет ли это сознание еще более утонченным, еще более неуловимым? Взбираешься все выше и выше, все ближе и ближе к Божественному, но все дальше от земли. Возможно, при этом индивид преображается, но мир остается таким, каким и был. Каково, стало быть, наше земное будущее, если выше действительно нет ничего, кроме этого надментального сознания?

Мы все надеемся, что с развитием сознания и синтезом наук человечество станет лучше, а жизнь – гармоничнее. Но не чудеса, а инструменты меняют жизнь. А у нас есть только один инструмент – Ум: наши идеи ведут нас к открытиям нашей науки. Так что, если мы хотим трезво взглянуть на наше будущее, не обольщаясь мимолетными обстоятельствами и кажущимися триумфами (до нас хватало триумфов – и в Фивах, и в Афинах, и в Уджайне), нам следует пристальнее изучить свой инструмент – Ум; ведь каков инструмент, таким и будет наше будущее. Окинув взглядом прошлое, мы видим, что все наши прекрасные идеи, самые великие творческие планы, самые чистые акты любви автоматически уродовались, подделывались и загрязнялись, как только они спускались в жизнь. Ничто не приходит к нам чистым. Ментально мы уже изобрели самые чудесные рецепты, но жизнь никогда не принимала их. Взять хотя бы нынешнюю цивилизацию в ближайшем прошлом: что осталось через двадцать лет после смерти Ленина? Что остается от Христа под грудой догм и запретов? Сократ был отравлен, а Рембо бежал в Абиссинскую пустыню; нам известна судьба фурийеристов, исход концепции ненасилия, конец катаров, сожженных на кострах. История оборачивается Молохом. Возможно, мы и преуспели после стольких падений, но каким же тогда был триумф, с которого мы упа-

ли? Это хронология побед или поражений? Кажется, что жизнь соткана из какой-то постоянно искажающей субстанции: все в ней вязнет и тонет, как в песках Египта, все нивелируется в безудержном тяготении вниз. Очевидно, - пишет Шри Ауробиндо, - Ум не способен радикально изменить человеческую природу. Можно продолжать без конца реформировать человеческие институты, но несовершенство будет продолжать проглядывать сквозь них... Требуется другая сила, способная не только сопротивляться этому тяготению вниз, но и преодолеть его.¹⁶⁹

Но даже если наши идеи доходили бы до жизни в своем чистом виде, они не могли бы создать ничего, кроме казармы – возможно, даже священной казармы, комфортной и религиозной, но все равно казармы – ведь Ум умеет строить лишь системы и хочет все заключать в свои системы. Разум человека, борясь с жизнью, становится либо эмпирическим, либо доктринерским.¹⁷⁰ Он захватывает кусочек истины, капельку божественного озарения и делает из нее закон для всего мира, путая единство с единообразием. И даже когда разум способен признать необходимость разнообразия, он все равно реально ничего не может сделать, поскольку умеет обращаться лишь с неизменным и конечным, тогда как мир изобилует бесконечным многообразием: Сами по себе идеи частичны и недостаточны: дело не только в том, что они могут торжествовать лишь в частностях, но и будь их успех полным, они все равно не оправдали бы ожиданий, поскольку они не являются всей истиной жизни и поэтому не могут безоговорочно и всецело управлять жизнью и совершенствовать ее. Жизнь ускользает от формул и систем, которые наш разум силится навязать ей: жизнь оказывается слишком сложной, переполненной нескончаемыми потенциальными возможностями, чтобы ее мог тиранить деспотичный интеллект человека... Корень проблемы заключается в том, что в самой основе нашей жизни и нашего существования, внутреннего и внешнего, лежит нечто, на что интеллект никогда не сможет наложить свой контроль – это Абсолютное, Бесконечное. За всем в жизни стоит Абсолютное, и все ищет Абсолютное своим путем; все конечное силится выразить бесконечное, ощущаемое настоящей истиной. Более того, не только каждый класс, каждый тип, любая тенденция в Природе вынуждены стремиться к собственной тайной истине своим путем, но и каждый индивид вносит собственные вариации. Таким образом, не только само Абсолютное, Бесконечное, управляющее собственным выражением во множестве форм и тенденций, но и принцип нескончаемых возможностей и вариаций ставит в тупик рассуждающий интеллект, ведь разум успешно справляется лишь с фиксированным и конечным. В человеке эта проблема достигает своей кульминации. Ведь не только человечество в целом не ограничено в своих потенциальных возможностях, не только каждая его сила и тенденция стремится к собственному абсолюту своим путем и поэтому, конечно, не успокоится под каким бы то ни было жестким контролем со стороны разума, но и в каждом человеке варьируются степени, способы и комбинации этих сил и тенденций, ведь каждый человек принадлежит не только человечеству в целом, но и Бесконечному в себе, и поэтому уникален. Именно из-за этой реальности нашего существования интеллект и его воля не могут быть полновластными хозяевами жизни, даже если сейчас они и могут быть нашими высочайшими инструментами и могли быть в высшей степени важными и полезными в ходе нашей эволюции.¹⁷¹

Но если эволюция, как утверждает Шри Ауробиндо, является эволюцией сознания, то можно предположить, что человечество не остановится навеки на сегодняшней ментальной стадии, а его разум будет озаряться, становиться все более интуитивным и, в конце концов, возможно, откроется Надразуму. А уж надмен-

тальное человечество должно научиться справляться со сложным многообразием жизни. Надразум – сознание богов, сознание величайших пророков, известных человечеству – это стабильная масса света, поэтому кажется, что все должно гармонизироваться в этом высочайшем свете. К сожалению, этой надежде не суждено сбыться по двум причинам: из-за неравномерности развития индивидов и из-за самой природы Надразума. Конечно, по сравнению с нашим разумом надразум может казаться невероятно мощным, но он обладает *тем же самым качеством*, хотя и в превосходной степени. Надразум не выходит за рамки ментального принципа, являясь лишь его апогеем. Он может расширить сегодняшний человеческий круг, но не сменить его. Надразум может обожествить человека, но также и *раздуть его мнимое величие*¹⁷², как говорит Шри Ауробиндо. Ведь если человек привязывает это новое могущество к своему эго, а не к своей душе, тогда из него выйдет не бог, а ницшеанский сверхчеловек. Нам нужно не раздутое старое сознание, а другое сознание. Но даже если предположить, что человек будет подчиняться своей душе, а не своему эго, то надразум все равно не изменит жизнь по тем же самым причинам, которые помешали Христу и всем великим пророкам изменить ее. Ведь Надразум – это не новый принцип сознания, а все прежний ментальный принцип, который возглавлял нашу эволюцию с момента появления человека. Именно с него к нам приходили все высокие идеалы, величайшие творческие силы, и мы жили под знаком богов целые тысячелетия, внимая то голосу пророков и религий, то голосу поэтов и творцов. Очевидно, что никто из них не изменил мир, хотя все вместе они, возможно, чуть улучшили и рафинировали его. Можем ли мы твердо утверждать, что наша жизнь стала лучше по сравнению с жизнью древнего афинянина?

Недостаточность Надразума имеет под собой несколько причин. Прежде всего, принцип Надразума – это все еще принцип деления. Как мы уже говорили, надментальное сознание являет собой массу стабильного света, оно видит космическую гармонию, космическое единство, поскольку видит свет везде, как в самом себе. Однако Надразум – это принцип деления в единстве, тогда как обычный ум представляет собой принцип деления уже поделенного. Надразум прекрасно видит, что все едино, но сама структура его сознания навязывает деление единства: *Он видит все, но со своей точки зрения*.¹⁷³ Достаточно послушать голоса наших пророков, кажущиеся противоречащими друг другу, чтобы понять, что каждый из них видел единство, но видел его *со своей точки зрения*; их сознание подобно прожектору, пробегающему по миру и охватывающему все своим лучом, но это один лишь луч, исходящий из одной только точки. Отсюда и целый ряд божественных переживаний или видений, кажущихся несовместимыми друг с другом: одни видят везде космическое Божественное, другие – внекосмическое Трансцендентное, третьи – внутреннее Божественное. Отсюда и провозглашение истины личностного Бога, истины безличностного Бога, истины Нирваны, истины Любви, истины Силы, истины Красоты, истины Интеллекта – всех истин бесчисленных мудрецов, сект, церквей и провидцев, передающих нам Слово. И все это действительно божественные истины, абсолютно истинные и подлинные переживания, но каждое из них – только один луч тотального света. Конечно, великие пророки были достаточно мудры, чтобы видеть истину и других божественных выражений – они были мудрее своих последователей и возникших Церквей – но они были связаны фундаментальной неспособностью сознания, которое не может не делить – как призма, которая всегда разлагает свет на отдельные цвета. Надментальное сознание, как и ментальное, может переживать лишь одну истину за раз. Это и отражается в мифологиях прошлого и настоящего: каждый бог олицетворяет *лишь одну* космическую мощь –

мощь любви или мудрости, разрушения или защиты... Будда выражает трансцендентное Ничто и видит только Ничто; Христос выражает любящее Милосердие и видит только милосердие, и так далее. Сколь бы высокой ни была каждая из этих истин, это только *одна* истина. И чем ниже надментальная истина (уже несущая в себе разделение) спускается от плана к плану, чтобы воплотиться в жизни, тем более раздробленной она становится – начав с деления, она неминуемо приходит к дроблению. Этот механизм ясно виден на примере Будды и различных школ буддизма или Христа и всех христианских сект. И это относится не только к духовной или религиозной области, но и ко всем областям, поскольку функция Надразума – ввести в игру одну и только одну возможность и довести ее до предела: *Он [Надразум] предоставляет каждой возможности ее полное отдельное развитие и удовлетворение... Он может придать интеллекту самую строгую интеллектуальность, а логике – самую беспощадную логичность. Он может придать красоте самый яркий пыл светлой формы, а сознанию, воспринимающему эту красоту – высочайшим полет и глубину экстаза.*¹⁷⁴ Так миллионы идей-сил поделили наш мир: коммунизм и индивидуализм, ненасилие и военная мощь, эпикурейство и аскетизм... и каждая из них является одной из граней божественной Истины, одним из лучей Бога. Не существует абсолютной ошибки, есть лишь фрагменты Истины. Конечно, мы можем видеть Единство, истину различных точек зрения, и пытаться согласовать их в едином синтезе, но все наши синтезы не восстановят единство, потому что это будет все еще ментальный синтез, *попурри*, а не *единство*, как сказала Мать. Это будет призма, играющая в разговоры о том, что все цвета исходят из одного Света, тогда как *на деле* все цвета в мире разделены: все силы, испускаемые надментальным планом, остаются плодами его изначального деления. Подчеркнем, что речь идет не о проблеме мышления или о вопросе философии, а о *космическом факте*, органическом явлении, как иголки на спине ежа. Чтобы исчезло деление, должна уйти призма. Вот почему мир разделен, и так и будет до тех пор, пока принцип ментального сознания – высокого или низкого, обычного или стоящего над обычным – будет господствовать в мире.

Тем не менее, можно представить, что в более или менее близком будущем на земле воплотится существо с совершенным надментальным сознанием или даже несколько таких существ одновременно. Тогда все люди, которые объединились бы вокруг этих светлых очагов, смогли бы зажечь гармоничной жизнью – и в этом смысле жизнь изменилась бы: возникло бы своего рода единство. Но это было бы единство под сенью только одного луча света. Для одних, например, это был бы луч чистой Красоты, а для других – луч полного Коммунизма, основанного на братской любви (к сожалению, кажется, что в современных условиях это был бы луч жесткого света, собранного вокруг какой-нибудь экономической и титанической идеологии). Но даже если бы такие божественные очаги зажглись в мире, то их единство работало бы в ущерб неуловимому разнообразию мира, а им самим угрожала бы окружающая темнота, ведь все люди находятся на разных стадиях развития – мы частенько забываем об этом, и в этом извечная слабость всех наших великих схем. Эти очаги милости уподобились бы *островам света*¹⁷⁵ посреди менее развитого человечества, постоянно склонного захватывать, затемнять или нивелировать исключительный свет. Нам известна судьба Древней Греции и Древнего Рима в варварском мире. Кажется, что эволюция следует очень мудрому закону, сохраняющему целостность мира, так что ничто не может быть спасено, если все не спасено. Отлучение от церкви и осуждение на вечный ад – детские выдумки Неведения, как и все наши утопии о молочных реках и кисельных берегах. Не будет никакого рая, пока

хотя бы один человек находится в аду! Ведь есть только один Человек. Кроме того, даже если предположить, что один из этих островов света Силой своего центра сможет воспрепятствовать внешним вторжениям, все равно нет никакой гарантии, что эта защита продержится после ухода существа, воплощавшего Силу. История всех религиозных, оккультных, рыцарских и прочих движений по всему миру показывает нам, что после смерти Учителя и его непосредственных учеников все рассыпается, вульгаризируется, нивелируется, искажается или попросту умирает. Закон «тяготения вниз» до сих пор кажется непреодолимым. Значит, для триумфа эволюции требуется трансформация всей жизни, а не только ее фрагмента - избранного луча или благословенного острова. И для этого требуется другая Сила - Сила, способная противостоять «тяготению вниз» - иной принцип неделимого или глобального сознания, который мог бы вобрать без искажения все неисчислимое разнообразие жизни.

Если мы взглянем на эволюционное будущее с индивидуальной, а не коллективной точки зрения, то и в этом ракурсе надразум не приносит нам живой полноты, к которой мы стремимся. Если цель эволюции действительно состояла бы в том, чтобы создать больше Бетховенов и Рембо, или, может быть, даже несколько супер-Платонов, то это было бы слишком малым достижением для стольких миллионов лет усилий и стольких миллиардов стремящихся индивидов. Бетховен или Рембо или даже Св. Иоанн не могут быть целью эволюции, ведь тогда земная жизнь не имела бы смысла, поскольку их работа чудесна как раз благодаря отходу от этой жизни. Все они скажут нам, что жизнь наверху - с миллионами золотых птиц и божественной музыкой - гораздо прекраснее жизни внизу. Все происходит наверху, а что же остается здесь? Жизнь здесь продолжает течь как и прежде. Кто-то может сказать, что эти высокие мысли, эти поэмы, эти квартеты, эти божественные минуты имеют гораздо больший вес, чем все часы нашей жизни, вместе взятые. Но в этом все и дело! Это лишь признание того, что наша жизнь чудовищно бедна, или что цель жизни находится вне жизни. Нам нужна истина тела и земли, а не только истина на уровне макушки головы. Мы стремимся не к отдыху, а к новому творению.*

До сих пор все происходило так, как если бы индивидуальный прогресс эволюции состоял в открытии высших планов сознания, а затем в построении там каждым своего отдельного мира, частного острова света посреди хозяйственной обывательщины; кто-то ушел в музыку, кто-то в поэзию, кто-то в математику или религию, кто-то в морские странствия под парусами или в монашескую келью - у каждого своя «отдушина», как если бы жизнь и тело служили только тому, чтобы убежать от жизни и избавиться от тела. Достаточно только взглянуть на нашу жизнь: мы никогда не присутствуем в ней! Мы живем либо воспоминаниями, либо надеждами, тогда как «здесь и сейчас» такое жалкое и невыразительное, и мы даже не знаем, существует ли оно, кроме как в те исключительные минуты, которые уже не принадлежат жизни как таковой. И мы даже не вправе упрекать Церкви, ведь и мы сами постоянно живем «где-то там», а Церкви наставляют лишь на более далекое «где-то там». И Рембо говорил об этом: «Истинная жизнь - не здесь.»

Шри Ауробиндо искал истинную жизнь здесь, внизу: *Жизнь, а не единственное отдаленная молчаливая или высоко поднятая Запредельная Жизнь является полем нашей Йоги.*¹⁷⁶ Он понял, что достижения вершин сознания недостаточно, чтобы сделать из нашей жизни истинную жизнь. Мы можем прикоснуться к Надразуму,

* Непереводаемая игра слов во французском языке: recreation - отдых, развлечение, приятное времяпровождение; re-creation - новое творение, воссоздание (прим. переводчика).

найти там радость, поющую безмерность, но все это не изменит жизнь, которая будет продолжать скрипеть: *Когда находишься высоко наверху в сознании, - отмечает Мать, - видишь и знаешь, но когда возвращаешься вниз, все утекает, как вода в песок.* Мы запустили свою ракету очень высоко в духовное небо, пропели самое лучшее, что есть в человеке, не заботясь о низших уровнях, удовлетворенные тем, что наша грубая животная природа дремлет, не нарушая наших божественных грез. Поэтому жизнь и остается грубой животной, как и мы сами: *Надеяться на настоящее изменение человеческой жизни без изменения человеческой природы - нерациональное и недуховное дело; это все равно, что просить чего-то неестественного и нереального, какого-то невозможного чуда.*¹⁷⁷ Вот почему наши островки света всякий раз захватываются нашим врожденным варварством или скрытыми язвами, как это произошло с островами, именовавшимися Афинами или Фивами. И поэтому-то они все умирают и умирают, как если бы Господь эволюции всякий раз тыкал нас носом в землю, чтобы напомнить нам, что мы не нашли всего света, когда мы нашли его только вверху. Жизнь умирает не из-за старости, а из-за того, что не находит себя. Веками мы восходили, покоряя остров за островом, но находили лишь половину Тайны, и каждый раз терпели крах. Но, быть может, это происходило не из-за того, что наш путь безнадежен или в наказание за наши «грехи» или во искуплении какой-то невероятной Вины, а для того, чтобы мы нашли здесь внизу, в Материи, вторую половину Тайны. У нас, преследуемых Смертью и Несознанием, измученных страданием и злом, остается лишь один выход – не убегать, а искать в глубинах Смерти и Несознания, в самом сердце Зла ключ к божественной жизни. Надо преобразить наше варварство и нашу тьму внизу, а не изгонять их с нашего острова. За восхождением сознания следует нисхождение. За озарением наверху – радость внизу и трансформация Материи. *Можно сказать, что когда круг будет полностью замкнут, и две крайности соединятся друг с другом, когда самое высокое проявится в самом материальном – всевышняя Реальность в центре атома – тогда переживание будет действительно законченным.* Кажется, - говорит Мать, - что ничто по-настоящему не понято, пока не понятно своим телом.

Ибо Тайна, которую Шри Ауробиндо назвал Супраменталом, это не дальнейший уровень выше Надразума, не супер-разум и не супер-восхождение, а новый Знак, не относящийся к богам и религиям – Знак, от которого зависит само будущее нашей эволюции.

Однажды февральским вечером 1910 года, меньше чем через год после выхода Шри Ауробиндо из алипорской тюрьмы, кто-то зашел в редакцию «Кармайогина» предупредить Шри Ауробиндо, что его снова собираются арестовать и выслать на Адаманские острова. Внезапно Шри Ауробиндо услышал голос, который отчетливо произнес три слова: *Отправляйся в Шандернагор.* Через десять минут Шри Ауробиндо уже сидел в первой попавшейся лодке, плывшей вниз по Гангу. Это был конец его политической жизни, завершение интегральной йоги и начало йоги супраментальной.

XIV. ТАЙНА

Мы можем попытаться сказать что-нибудь об этой Тайне, памятуя, однако, что этот опыт еще идет. Шри Ауробиндо начал его: он открыл Тайну в Шандернагоре в 1910 году и работал над ней в течение сорока лет; он посвятил этому всю свою жизнь. Мать продолжила его опыт.

Шри Ауробиндо никогда не рассказывал об обстоятельствах своего открытия; о себе он всегда говорил необычайно мало – не из-за сдержанности, а просто потому, что его «я» не существовало. «Когда он говорил», – с простодушным удивлением вспоминал хозяин дома в Шандернагоре, где жил Шри Ауробиндо, – «было такое ощущение, что кто-то другой говорил через него. Я поставил перед ним еду – он взглянул на нее и немного поел, механически. Казалось, он был внутренне погружен даже во время еды и медитировал с широко открытыми глазами!»¹⁷⁸ И лишь позже, через его работы и фрагменты бесед мы вновь находим нить его опыта. Первое, что нам известно в этом отношении – одна ремарка, которую Шри Ауробиндо мимоходом сделал в разговоре с одним из своих учеников. Она показывает, что после Алипора Шри Ауробиндо постоянно был в поиске: *В течение пятнадцати дней я был ментально подвержен всевозможным пыткам. Я должен был смотреть на картины всевозможных страданий.*¹⁷⁹ А в этих мирах «смотреть» означает «переживать». Таким образом, по мере того, как Шри Ауробиндо восходил к Надразуму, его сознание одновременно опускалось в то, что принято называть адом.

Это одно из первых явлений, с которым, в той или иной степени, сталкивается каждый искатель. *Эта йога не для слабых*, – говорила Мать, и это действительно так. Ведь если первым ощутимым результатом йоги Шри Ауробиндо является пробуждение новых поэтических и художественных способностей, то вторым результатом, или даже непосредственным следствием первого, является безжалостное освещение всех подвалов сознания – сначала индивидуального, а затем и вселенского. Эта тесная – и странная – связь между сверхсознательным и подсознательным стала, несомненно, отправной точкой открытия Шри Ауробиндо.

Уровни подсознательного

«Подсознательное», о котором говорит современная психология, является лишь внешней пограничной полосой мира, почти столь же обширного, как и Сверхсознательное – со своими уровнями, силами и существами (или существами-силами, если угодно). Это наше эволюционное прошлое, недавнее и отдаленное, со всеми отпечатками из нашей сегодняшней и всех прошлых жизней – точно также, как Сверхсознательное – это наше эволюционное будущее. Все пережитки и все силы, возглавлявшие наше восхождение от Материи к животному и от животного к человеку, не только отпечатались там, но и продолжают жить и влиять на нас. Если мы более божественны, чем мы думаем, благодаря сверхсознательному будущему, притягивающему нас, то в нас гораздо больше животного, чем мы себе представляем, из-за подсознательного прошлого, тянущегося за нами следом. Эта двойная мистерия таит в себе ключ ко всей Тайне. *Достичь небес не может никто, кто не прошел через ад.*¹⁸⁰

Конечно, можно достичь духовных небес, не касаясь этих адских мест (или касаясь их только случайно). Но есть небеса и небеса, как есть ад и ад. (Каждый план нашего существа имеет свое «небо» и свой «ад».) Религиозные люди обычно оставляют свою индивидуальность, оставляя тем самым и подсознательное. Им надо преодолеть только один проход, охраняемый весьма неприятными «стражами» (откуда, кстати, и возникают все рассказы о «кошмарах» и «искушениях» из жизнеописаний святых). Но этот проход ведет к выходу из внешнего существования и погружению в экстаз. А целью этой йоги, как мы уже говорили, не является потеря сознания будь-то внизу или наверху. И уж, конечно, в наши намерения не входит закрывать глаза на то, что есть внизу. Искатель интегральной йоги рожден не для темной ночи и не для слепящего света. Куда бы он ни шел, он должен видеть – таково первое условие достижения полного господства. Он стремится не «перейти» в лучшее существование, а трансформировать нынешнее существование.

Как есть несколько уровней сверхсознательного, точно также есть и несколько слоев или миров подсознательного – «темных пещер», как называет их Ригведа. На самом деле на каждом уровне нашего существа есть свое подсознательное – существует ментальное подсознательное, витальное подсознательное и физическое подсознательное, переходящее в материальное Несознательное.* Там мы найдем, соответственно, все зачаточные и грубые ментальные формы и силы, первыми появившиеся в мире Материи и Жизни; все агрессивные импульсы первых шагов Жизни, все ее рефлексy страха и страдания; и, наконец, силы болезни и разложения, а также саму Смерть, которая подсознательно заведует нашей физической жизнью. Поэтому понятно, что на земле не может быть истинной жизни до тех пор, пока все эти миры распоряжаются нашим материальным уделом. Мы сами являемся тем местом, где разворачивается все сражение – в нас встречаются все миры, сверху-донизу. Поэтому нам нельзя бежать, зажимая носы или крестясь; мы должны войти внутрь всего этого и победить:

*Он тоже должен нести ярмо, сбросить которое он пришел,
Он тоже должен терпеть муки, от которых он найдет избавление.¹⁸¹*

Пределы психоанализа

Современная психология также поняла важность подсознательного и необходимость его очищения. Однако психологи увидели лишь половину картины – подсознательное без Сверхсознательного – и решили, что с помощью своих маленьких проблесков они могут осветить этот воровской притон – с тем же успехом можно пытаться пробиться через самые густые и темные джунгли, вооружившись лишь карманным фонариком. На самом деле, чаще всего их видение подсознательного

* Шри Ауробиндо делает психологическое деление, исходя из эволюционного восхождения, что представляется логичным, поскольку именно в Материи и начиная с нее проявляются все более высокие уровни сознания. Так что Несознательное представляет нашу телесную материальную базу (Шри Ауробиндо предпочитал называть его «Незнанием», поскольку Несознательное на самом деле не лишено сознания), тогда как Подсознательное содержит наше земное прошлое, а Сверхсознательное – наше будущее. Между этими зонами располагаются различные планы вселенского сознания (которые Шри Ауробиндо иногда группирует под названием «сублиминальное» сознание, которое также «подсознательно» по отношению к нашему личному сознанию, но, в отличие от настоящего подсознательного, сублиминальное наполнено очень сознательными силами. Наше личное сознание образует лишь тонкую ниточку, проходящую через все эти слои, и охватывает наше тело и все то, что мы индивидуализировали или колонизировали в этой и всех прошлых жизнях.

ограничивается видением лишь изнанки внешней личности, ведь согласно фундаментальному закону психологии способность нисхождения соразмерна способности восхождения: нельзя спуститься на большее удаление, чем можешь подняться. Ведь сила, требуемая для нисхождения – это та же сила, которая нужна для восхождения. И если каким-то образом мы опустили бы ниже границы, соответствующей нашей способности восходить, то это сразу бы привело к несчастью – одержимости или сумасшествию – ведь у нас не было бы соответствующей поддерживающей нас силы. Чем ближе мы подходим к истоку Истины внизу, тем больше нам раскрывается бездонная Мудрость. «Загадочные комплексы» И.И.Иванова находятся, если можно так выразиться, лишь на пару сантиметров ниже поверхности его внешней личности, а его сознательная жизнь – на ту же пару сантиметров выше нее. Так что, пока наша психология не является особо просветленной, она не может по-настоящему спускаться в подсознательное и, значит, не может по-настоящему лечь – за исключением некоторых поверхностных отклонений, но даже в этом случае остается опасность, что эти расстройства пустят свои ростки где-нибудь в другом месте, приняв другую форму. Невозможно ничего вылечить, пока все не вылечено до самого основания, и невозможно спуститься на самое дно, если никогда не достигал самого верха сознания. Чем ниже спускаешься, тем более мощный свет требуется – иначе будешь съеден живо.

Если психоанализ оставался бы в своих поверхностных границах, тут не о чем было бы говорить – он закончился бы на осознании собственных пределов, выполнив попутно ряд полезных функций. К сожалению, для многих психоанализ стал чем-то вроде нового евангелия. Психоанализ наставил многие умы на ложный путь, обратив их взгляд на грязь подсознательного, а не на божественные возможности сверхсознательного. Несомненно, в ходе эволюции наши «ошибки» в конце концов занимают подобающее им место и до известной степени полезны; хорошо, что были поколеблены наши моральные устои и мещанское самодовольство, но метод психоанализа опасен, поскольку он вскрывает болезнь, не в силах ее лечить. Он склонен, - говорит Шри Ауробиндо, - сделать ум и витальное еще более нечистым, чем прежде... Современная психология находится в зародышевом состоянии, она поспешна в своих выводах, неумела и груба. Как и во всех зарождающихся науках, универсальная привычка человеческого ума – брать частную или локальную истину, незаконно ее обобщать и пытаться объяснить все поле Природы в своих узких терминах – буйно разрослась и здесь... Психоанализ Фрейда берет определенную, самую темную, самую опасную и самую нездоровую часть нашей природы, подсознательный слой низшего витального*, выделяет некоторые из его самых болезненных явлений и приписывает им действие, несоразмерное с их настоящей ролью в природе... Преждевременно или неправильно поднимая эту подсознательную часть, мы рискуем затопить сознательные части нашего существа ее темным и грязным веществом и таким образом отравить всю витальную и даже ментальную природу. Поэтому всегда надо начинать не с негативного, а с позитивного опыта, сначала призывая в наши сознательные части что-то из божественной природы – свет, покой, ровность, чистоту, божественную силу; и только после того, как все это сделано и установлено прочное позитивное основание, можно безопасно подни-

* Как мы уже говорили, в подсознательном есть свои уровни и подуровни. Мы умышленно не описываем эти низшие миры; искатель сам будет иметь соответствующее переживание в свое время. Придать точную ментальную форму низшим силам – значит, не изгнать их, как кто-то может подумать, а, наоборот, дать им большую опору в нашем сознании. Умом это не исправить.

*мать скрытые подсознательные враждебные элементы, чтобы разрушить и ликвидировать их силой божественного покоя, света, силы и знания.*¹⁸²

Но у психоанализа есть и более серьезный изъян. Даже если психоаналитики обладали бы силой спускаться в подсознательное, то они не только бы ничего не вылечили, не только бы рисковали, как начинающие маги, привести в действие силы, неподвластные их контролю, но, даже обладая они способностью укрощать и разрушать эти силы, они бы уничтожили и добро вместе со злом, нанеся непоправимый ущерб нашей природе. У них нет знания, и с ментальных высот они не могут достаточно далеко заглядывать в будущее, чтобы оценить добро, подготавливаемое этим злом, и увидеть динамическую Силу, стоящую за игрой противоположностей. Чтобы разобраться в этом невообразимом сплетении, требуется другая сила и, прежде всего, другое видение: *Надо знать целое, прежде чем вы сможете понять его часть, и надо знать высочайшее, чтобы по-настоящему понять самый низ. Таковы предпосылки высшей психологии, ожидающей своего часа, перед которой исчезнут и обратятся в ничто эти бедные блуждания наощупь.*¹⁸³

Здесь мы прикоснулись к фундаментальному заблуждению нашей психологии: она неспособна понять что-либо из-за того, что ищет внизу, в нашем эволюционном прошлом. Конечно, половина Тайны находится там, но только сила свыше откроет дверь внизу. Мы рождены не для того, чтобы вечно оглядываться, а чтобы смотреть вперед и вверх в сверхсознательный свет, поскольку это наше будущее, и только будущее объясняет и исправляет прошлое: *Мне трудно принять всерьез этот психоанализ, - писал Шри Ауробиндо ученику, - и все же я должен серьезно к нему относиться, поскольку полузнание – достаточно мощная штука, которая может стать большим препятствием к приходу настоящей Истины... Психоаналитики смотрят снизу и объясняют высший свет низшей тьмой, тогда как фундамент всего этого находится сверху, а не внизу. Сверхсознательное, а не подсознательное, является подлинным фундаментом вещей. Значение лотоса не может быть найдено анализом тайн грязи, из которой он произрастает; тайну лотоса следует искать в его божественном прототипе, который вечно цветет в высшем Свете.*¹⁸⁴

Нам кажется, что мы развиваемся снизу-вверх, из прошлого к будущему, из ночи к сверхсознательному свету, но это лишь наше сиюминутное малое видение, вырезающее кусочек из целостной картинки и не дающее возможности нам увидеть, что это не прошлое толкает нас вперед, а будущее притягивает нас, и свет свыше мало-помалу входит в нашу ночь – и как ночь смогла бы когда-либо сотворить этот свет? Если бы мы были рождены тьмой, то могли бы придти только к тьме. «Вечное дерево, уходящее корнями вверх, а ветвями – вниз», - говорит Катха Упанишада (VI.I). Возникает впечатление, что мы делаем большие усилия, продвигаясь к пониманию и знанию; нам кажется, что мы напряженно стремимся к будущему. Но такая лишь наша маленькая точка зрения; возможно, есть другая точка зрения, с которой мы увидим сверхсознательное Будущее, пускающее свои ростки в нашем настоящем. И, может быть, мы увидим, что наши большие усилия были лишь *сопротивлением* нашего неведения и нашей темноты. Будущее движется не только снизу-вверх, иначе у земли не было бы никакой надежды, и она закончила бы свой путь, разорвавшись в небесах в высшем психическом напряжении или снова упав в тьму. Будущее движется и сверху-вниз, все глубже нисходя в наш ментальный туман, в нашу витальную путаницу, в ночь подсознательного и несознательного, пока оно не осветит все, не раскроет все, не исправит все и, в конечном счете, не исполнит все. И чем глубже оно спускается, тем сильнее становится сопротивление – это Желез-

ный Век, время великого Мятежа и Опасности. Но и время Надежды. В той всевышней точке, где Будущее коснется дна прошлого, где Свет прорвет основание Ночи, мы найдем, если Бог пожелает, тайну Смерти и бессмертной Жизни. Но если мы будем смотреть вниз и только вниз, мы найдем грязь и только грязь.

Темная половина Истины

Мы начали свое путешествие с позитивного опыта, а теперь мы идем вниз. Мы отправились в путь, потому что испытывали потребность в нечто ином. Мы имели опыт ментального молчания и увидели, что само наше стремление вызывает Ответ. Мы чувствовали нисходящую Силу, новую вибрацию, делающую жизнь более ясной, более живой. Возможно даже, мы переживали внезапный прорыв собственных пределов и выходили на иной уровень. Тысячью способами к нам могли приходить знаки того, что в нас устанавливается новый ритм. Затем вдруг, после блистательного начала, все затуманивается, словно это все был сон или нас уносил какой-то детский энтузиазм. А теперь нечто в нас жаждет реванша, поднимая волны скептицизма, отвращения и протеста. И это будет вторым знаком, возможно, *настоящим знаком*, что мы действительно движемся вперед и столкнулись теперь с реалиями нашей природы или, вернее, нисходящая Сила стала работать в нашей природе. В конечном счете, прогресс состоит не столько в восхождении, сколько в просветлении препятствий – ведь когда все прозрачно, все есть прямо здесь. И тогда мы начинаем обнаруживать множество препятствий внутри себя. На пути интегральной йоги часто возникает ощущение, что, разыскивая самое лучшее, мы вскрываем наихудшее, и вступаем в войну, устремившись к миру и свету. И, действительно, это есть сражение – надо признать и не скрывать это. Плывая по течению, мы кажемся себе очень милыми, правильными и добропорядочными, но стоит только повернуть, как все начинает сопротивляться. И тогда начинаешь ощущать, сколь громадны силы, давящие на человека и препятствующие ему подняться с животного уровня – действительно, только попытавшись вырваться из их хватки, можно оценить их силу. И как только в нас происходит первое решающее открытие наверху, как только мы начинаем видеть Свет, то почти одновременно мы начинаем переживать болезненные явления внизу, как будто чему-то внутри нас становится больно. И тогда мы понимаем, что подразумевал Шри Ауробиндо под *раненым сумраком, жалующемся на свет*.¹⁸⁵ И мы усваиваем первый урок: за каждым шагом вверх неизбежно следует шаг вниз.

Вместо того, чтобы принимать эти болезненные явления и искажения внизу как некую роковую неизбежность, искатель сделает их основой своей работы. Это двойное движение восхождения и нисхождения составляет фундаментальный процесс фундаментальной йоги: *С каждой покоренной вершины мы должны спускаться вниз, чтобы привносить в низшее смертное движение ее силу и озарение*.¹⁸⁶ Такова плата за трансформацию жизни, ведь иначе мы не переставали бы наслаждаться поэзией и одухотворенностью на вершинах духа, тогда как жизнь внизу продолжала бы свой ухабистый путь. При этом не ум принимает решение начать нисхождение – чем меньше он вмешивается, тем лучше. (Впрочем, как Ум смог бы нисходить, сидя в своем «кабинете»?.) Это сознание-сила, пробужденная и индивидуализированная в нас, спокойно делает всю работу. Как только мы прикоснулись к сознанию или свету определенной интенсивности, он автоматически начинает оказывать давление на остальную часть нашей природы и вызывает проявление темноты внизу и

соответствующее сопротивление. Все происходит так, словно в подводный мир вдруг ввели избыток кислорода: обитатели морских глубин стали бы отчаянно биться и даже бы взорвались. Это обращение сознания кажется странным: словно мы переходим из освещенной комнаты в *ту же самую* затемненную комнату или из радостной комнаты в *ту же самую* болезненную комнату – все то же самое, и все меняется. Словно это одна и та же сила, одна и та же вибрационная интенсивность – возможно, даже *та же самая* вибрация – но теперь вдруг со знаком минус. Тогда становится видно, как любовь превращается в ненависть, а чистое становится нечистым – все остается тем же, но с противоположным знаком. И пока наши психологические состояния являются противоположными сторонами друг друга, а наше добро остается обратной стороной зла (или, лучше сказать, *лицевой* стороной зла?), не будет никакой надежды на трансформацию жизни. Необходимо нечто радикально иное – другое сознание. Все наши поэты и творческие умы знакомы с этими диапазонами сознания. Как раз в то время, когда Рембо писал свои «Озарения», он побывал в странных областях, поразивших его своими «ужасами» - и он не избежал закона «темного обращения». Но искатель интегральной йоги вместо того, чтобы несознательно раскачиваться между двумя крайностями и восходить неизвестно как и нисходить не по своей воле, будет методически, сознательно работать, не теряя своего равновесия, и, самое главное, с растущим доверием к этой Сознательной Силе, которая *никогда* не вызывает большего сопротивления, чем может преодолеть искатель, и никогда не раскрывает больше света, чем он может выдержать. Пережив несколько раз «кризис падения», мы замечаем, что всякий раз нам кажется, что мы сходим с линии восхождения или даже теряем достигнутую реализацию, но в конечном счете мы обретаем ту же реализацию, но ступенькой выше, расширенную и обогащенную той частью, которую добавило наше «падение» - не будь этого «падения», наш низ никогда бы не соединился с нашим верхом. Возможно, на коллективном уровне тот же процесс привел к падению Афин, чтобы и варвары когда-нибудь смогли бы понять Платона. Интегральная йога следует не прямой линии, теряющейся в высотах, а идет по спирали, как говорит Шри Ауробиндо - медленно и методически присоединяя одну за другой все части нашего существа, объединяя их во все более широкое раскрытие и на *все более и более* глубоком основании. За работой этой Сознательной Силы мы увидим не только метод, но и регулярные циклы и ритм, столь же определенный, как циклы приливов и отливов и смена фаз луны. Чем дальше мы продвигаемся, тем шире становятся циклы, тем больше они связаны с космическим движением, пока однажды мы не увидим в собственных «падениях» периодические нисхождения сознания земли, а в наших собственных трудностях – все волнения сопротивляющейся и бунтующей земли. Все станет столь сокровенно связанным, что, в конце концов, мы сможем читать в самых малейших вещах, в самых незначительных событиях повседневной жизни знаки более широких движений, которые будут охватывать людей и заставлять их сначала нисходить, а затем восходить на одном и том же гребне эволюционной волны. Тогда мы увидим, что нас безошибочно ведут к Цели, что все имеет свой смысл, даже самые малейшие вещи – ничто не выпадает из общего движения – и мы находимся на пути к гораздо более великому будущему, чем мы можем себе представить.

Вскоре мы сталкиваемся с другим противоречием – быть может, тем же самым. Помимо закона «восхождение-нисхождение», существует, по-видимому, и центральное противоречие. У всех нас есть своя цель, которой мы должны достичь через все наши жизни; каждый из нас должен выразить нечто уникальное, ведь каждый человек уникален – это наша центральная истина, наша особая эволюционная

направленность. Эта цель медленно вырисовывается после многочисленных переживаний и последовательных пробуждений, по мере нашего внутреннего развития. Тогда мы обнаруживаем, что через всю нашу жизнь (и все прошлые жизни, если мы осознаем их) тянется нить в особом направлении, словно все всегда придает нашей жизни определенную ориентацию. И это направление становится все более точно и явно выраженным по мере нашего продвижения. Все лучше осознавая свою цель, мы одновременно обнаруживаем особую трудность, являющуюся словно изнанкой или противоречием нашей цели. Странное явление: как будто мы несем в себе тень своего же света – особую тень, особую трудность, особую проблему, которая все предстает и предстает перед нами с озадачивающей настоятельностью. Это одна и та же трудность, носящая разные маски и появляющаяся в самых различных обстоятельствах, причем после каждого выигранного сражения она возвращается с новой силой, увеличившись в точной пропорции с нашей новой интенсивностью сознания, словно мы снова и снова должны вести все то же сражение на каждом вновь покоренном плане сознания. И чем яснее становится цель, тем мощнее тень. Так мы знакомимся со своим Врагом:

*Этого скрытого врага, приютившегося в человеческой груди
Человек должен побороть, а иначе он упустит свое высшее предназначенье.
Это внутренняя работа, от которой невозможно увильнуть.¹⁸⁷*

Шри Ауробиндо называл его также Evil Person. Иногда даже, прежде чем понять свою цель позитивно, мы начинаем догадываться о ней негативным образом – через повторение одних и тех же неблагоприятных обстоятельств или одних и тех же поражений, которые словно пальцем указывают в одном направлении и словно мы вращаемся и вращаемся по орбите, все сужающейся вокруг центральной точки, являющейся одновременно нашей целью и ее противоположностью. У человека, наделенного большими способностями для работы, – писал Шри Ауробиндо, – всегда или почти всегда (возможно, не стоит создавать слишком жесткого общего правила на сей счет) есть существо, приставленное к нему и порою кажущееся его частью; это существо представляет как раз противоположность того, что он должен сделать. Либо, если такого существа нет поначалу, или оно не привязано к этому человеку, тогда сила такого рода входит в окружение этого человека, как только он вплотную приступает к своей работе. Задача такого существа или силы – создавать помехи и неблагоприятные условия, словом, ставить перед человеком всю проблему, которую он должен решить. С оккультной точки зрения видится, что любую проблему невозможно решить никак иначе, кроме как с помощью предопределенного инструмента, который принял бы трудность решения этой проблемы как свою собственную. Это объясняет многое, что приводит в замешательство поверхностный взгляд.¹⁸⁸ В беседах с учениками Мать подчеркивала то же явление: Если вы представляете собой инструмент победы, тогда в вас есть и противоположность этой победы, доставляющая вам постоянные мучения. Если где-то внутри себя вы видите совсем черную тень, нечто действительно болезненное, вы можете быть уверенными, что несете в себе соответствующий свет, способный победить эту тень. И Мать добавляет: У вас есть особая задача, особая миссия, ваша собственная особая реализация, и вы несете в себе все препятствия, требующиеся для того, чтобы сделать эту реализацию совершенной. Вы всегда будете обнаруживать, что тень и свет соседствуют в вас: в вас есть как способность, так и ее отрицание. И если вы откроете в себе очень плотную глубоко укоренившуюся

тень, будьте уверены, что где-то в вас есть и великий свет. Вам предоставляется возможность использовать первое, чтобы реализовать второе.

Возможно, тайна жизни ускользает от нас просто из-за нашего несовершенного понимания этого дуального закона света и тени и загадки нашей двойной природы – животной и божественной. Воспитанные в духе манихейской концепции существования и глядя на жизнь сквозь очки моральных норм и религиозных заповедей, мы видим лишь непрестанную борьбу Добра и Зла, Истины и Лжи, в которой важно встать на сторону добра, по правую руку Господа. И мы все расчленили на двое: на царство Бога и царство Дьявола, на низшую жизнь в этом мире и истинную жизнь на небесах. Мы хотим покончить с противоположностью цели, но вместе с ней мы упраздняем саму цель. Ведь цель невозможно обрезать – ни снизу, ни сверху. И пока мы отбрасываем одно ради другого, мы всегда будем терпеть неудачу, упуская цель существования. Ведь все едино: невозможно что-либо убрать, не развалив все. И как, в самом деле, смогли бы мы избавиться от «зла», не разрушив весь мир? Если хотя бы один человек избавился бы ото него, то рухнул бы весь мир, ведь все *едино*: мир состоит из одной субстанции, а не из двух – хорошей и плохой. Невозможно ничто убрать и ничто добавить. Как раз поэтому никакое чудо не может спасти мир: чудо уже находится в мире, и любые воображимые небеса уже находятся в нем. Ничто иное не может войти в мир, не нарушив его целостности – все уже в нем, и мы живем прямо посреди чуда, только у нас нет к нему ключа. Нам не нужно ничего убирать или добавлять, не нужно даже открывать «нечто иное», а надо заново открыть *то же самое*, но видимое иначе.

Значит, чтобы достичь Цели, нам надо покончить с нашим манихейством и прийти к реалистическому пониманию того, что Шри Ауробиндо назвал «темной полусферой Истины».¹⁸⁹ *Человеческое знание, - писал он, - отбрасывает тень, скрывающую половину сферы истины от ее собственного солнечного света... Отвержение лжи разумом, ищущим высшей истины, является одной из главных причин того, почему разум не может достичь прочной, цельной и совершенной истины.*¹⁹⁰ Если мы устраним все, что идет наперекос – а Бог знает, что этот мир полон ошибок и нечистоты – мы, возможно, достигнем истины, но это будет пустая истина. Практический подход к Тайне состоит в том, чтобы сначала понять, а затем увидеть, что в этом мире все, *даже самая абсурдная ошибка или крайнее заблуждение*¹⁹¹ содержит искру истины под своей вуалью, поскольку все здесь есть Бог, движущийся к Самому Себе; нет ничего вне Его. *Ведь на самом деле ошибка является полустинной, спотыкающейся из-за собственных ограничений; зачастую это сама Истина, надевающая маску, чтобы незаметно приблизиться к своей цели.*¹⁹² Если хотя бы что-то в этом мире было бы полностью ложным, весь мир был бы полностью ложен. Следовательно, если искатель отправляется в свой путь с такой предпосылкой – позитивной предпосылкой – и поднимается шаг за шагом, всякий раз делая соответствующий шаг вниз, не отрезая ничего, чтобы высвободить *все тот же свет*¹⁹³, скрытый за каждой маской, в каждом элементе, даже в самой темной грязи, в самой абсурдной ошибке, в самом мерзком зле, тогда постепенно все проясняется перед его глазами, и не теоретически, а ощутимо, и он откроет не только вершины, но и пропасти Истины.¹⁹⁴ Искатель увидит, что Враг его был самым старательным его помощником, внимательно следившим за основательностью его реализации – во-первых, потому что с каждым сражением увеличивалась его сила и, во-вторых, каждое падение вынуждало его освобождать истину внизу вместо того, чтобы в одиночестве уноситься на бездеятельные вершины. Искатель также увидит, что его Ноша была самой ношей нашей Матери земли, также стремящейся к своей доле света.

Князья Тьмы уже спасены! Они уже за Работой и не дадут ничего упустить в обретении всеохватывающей Истины, не позволяя придти к всеисключающей Истине.

*Надежда есть не только чистым божествам;
Неистовые темные боги
В порыве ярости прыгнувшие с единой груди, чтобы отыскать
Упущенное белыми богами – тоже спасены.¹⁹⁵*

И искатель увидит, что каждая вещь имеет свое присущее ей место, и *не только невозможно что-либо отбросить, но и, может быть, нет чего-то более важного и чего-то менее важного*, так что вся проблема содержится в малейшем происшествии, мельчайшем повседневном жесте в той же мере, как и в событии космического масштаба. Возможно также, вся полнота Света и Радости присутствует в мельчайшем атоме не в меньшей степени, чем в сверхсознательных бесконечностях. И тогда озаряется темная половина истины. Каждая запинка зажигает пламя страдания и словно делает просвет внизу; любая слабость призывает силу, как если бы сила падения была бы самой силой восхождения; каждое несовершенство является шагом к большей полноте – нет грехов, нет ошибок, есть только несчетные невзгоды, заставляющие нас склониться надо всем нашим царством и охватить все, чтобы исправить все и завершить. Благодаря этому дефекту нашей брони в нас вошли любовь и сострадание к этому миру – их никогда не поймет лучезарная чистота, ведь чистота неприступна, забаррикадирована и запечатана как крепость; требуется дыра, чтобы Истина смогла войти!

Он ошибался дверью, через которую могла войти Истина.¹⁹⁶

Есть истина Любви позади зла. Чем дальше спускаешься кругами Ада, тем большая *потребность* вскрывается в глубинах Зла. И тогда открываешь, что ничто невозможно исправить без соответствующей интенсивности: внутри разгорается все более мощное и жаркое пламя под давлением удушья – есть только Любовь и больше ничего – как если бы только Она могла встретить Ночь и победить ее своей светлой половиной. Словно была необходима Тьма, чтобы могла родиться Любовь. Поистине, в сердце всех теней, в центре всех наших бед скрыта обратная мистерия. И если каждый из нас имеет особенную трудность, являющуюся одновременно противоречием и знаком нашей судьбы, то, возможно даже, что огромные изъяны и тысячи бед земли, столь уязвимой, грешной и горестной, являются знаком ее судьбы, и когда-нибудь она воплотит совершенную Любовь и Радость, ибо она все страдает и все поймет.

По мере нашего продвижения граница сверхсознательного отодвигается все выше, а подсознательного – все ниже. Все расширяется и озаряется, но и замыкается, сходится на единственной темной точке, все более острой, решающей и сжатой, словно долгие годы и жизни мы вращались вокруг одной и той же Проблемы, никогда не прикасаясь к ней по-настоящему. И вот теперь она прямо здесь, на дне дыры, и бьется на Свету – все зло мира в одной точке. Час Тайны близок. Ведь закон нисхождения – это не закон подавления, греха или падения, и это не закон раскаяния и бегства на небеса. Это поистине золотой Закон, непостижимый Замысел. Предназначение тянет нас одновременно вверх и вниз в глубины подсознательного и Несознательного, к *центральной точке*¹⁹⁷, этому узлу жизни и смерти, тени и света, где ждет нас Тайна. Чем ближе подходим мы к Вершине, тем больше касаемся Дна.

Великий проход

Последние ступени нисхождения находятся в глубине нашего эволюционного прошлого, ниже Подсознательного, которое когда-то в нашей предыстории было нашим сознанием – на том уровне, откуда впервые в мире вышла жизнь из того, что казалось Смертью, то есть, на границе материального Несознательного и физического сознания, на уровне свидетеля и остатка в нашем теле этого первого рождения в мире. У органов и клеток есть собственное сознание, очень хорошо организованное и динамичное. Это сознание умеет выбирать, воспринимать, отвергать, и им можно манипулировать, если мы достигли достаточного уровня йогического развития. Если бы дело было только в улучшении нынешних условий жизни, то было бы достаточно обычного йогического сознания: в ходе йогической дисциплины зачастую обретается способность продления жизни по желанию, стойкость к заболеваниям и даже «вечная молодость». Но мы стремимся изменить жизнь, а не только подправить ее фасад. Под физическим сознанием лежит физическое подсознательное, являющееся продуктом эволюции жизни в Материи, и в нем отпечатались все старые привычки жизни, наихудшей из которых является привычка умирать – там все рефлекс, все страхи, все бессознательные механизмы защиты и, самое главное, привычка заостенелости, словно подсознательное хранит память о бесчисленных панцирях, под которыми жизнь должна была защищаться, чтобы расти. И на самом дне физического подсознательного – там, где, как кажется, исчезают все формы сознания или памяти – прикасаешься к фундаментальной скале, к первозданному Панцирю, являющемуся самой Смертью, из которой вырвалась жизнь. Это нечто очень жесткое и очень обширное, столь обширное и столь жесткое, что риши Вед называли это «бесконечной скалой». Это Несознательное. Это стена – или, возможно, дверь. Это дно – или, возможно, **скорлупа**. И это, возможно, не полностью смерть и не полностью несознательное, поскольку наталкиваешься не на абсолютно неподвижное, а на «позитивное отрицание», если можно так сказать. Это нечто, что отказывается и говорит «Нет» жизни:

*Упрямое немое отрицание в глубинах Жизни,
Невежественное «Нет» в истоке вещей.¹⁹⁸*

Если бы на самом дне было полное Ничто существования, тогда не было бы никакой надежды (и, впрочем, из ничто не может что-либо вырасти), но на этом дне есть *нечто*. Если там есть «Нет», то должно быть и «Да»; если есть Смерть, то должна быть и Жизнь. И, наконец, если там есть конец, то должно быть и начало на другой стороне. Негативы и позитивы идут как половинки одного целого. Любое дно является поверхностью чего-то иного. Сам смысл йоги Шри Ауробиндо – найти позитив всех негативов во всех элементах и на всех уровнях сознания и, если Бог того пожелает, всевышний Позитив (который, впрочем, не является ни позитивом, ни негативом, он просто *есть*), в котором разрешаются все наши дуальности, включая дуальности низа и дуальности жизни, которая умирает, или Смерти, которая живет.

В Шандернагоре Шри Ауробиндо достиг последних ступеней физического подсознательного и оказался перед стеной: *Нет, не Эмпиреи [Небеса] теперь меня занимают, а, скорее, противоположный конец вещей.¹⁹⁹* Можно представить себе

трудность этого нисхождения, если уже знаком с сопротивлением и ответными реакциями, которые возникают при достижении даже только ментального и витального подсознательного, подобного яме с гадюками. И чем ниже спускаешься, тем более высокое требуется сознание и более мощный свет, поскольку степень нисхождения не может быть больше степени восхождения. И если понимаешь, что сознание есть сила столь же конкретная, как электрический ток, тогда можешь себе представить, какие пертурбации вызывает, например, надментальная сила и свет, низвергающиеся водопадом в болото физического подсознательного – это *вторжение эфира и огня*.²⁰⁰ Там есть большая трудность и даже опасность, к чему мы еще вернемся, когда будем говорить о Трансформации. Пока имеешь дело с ментальным и витальным сопротивлением, с самообманом нашей морали, достаточно лишь культивировать свою волю и терпение, но когда опускаешься ниже, сталкиваешься с *ложью тела*, как говорила Мать, то есть, с болезнями и Смертью. Вот почему Шри Ауробиндо и Мать настаивали на том, чтобы их ученики имели прочную физическую базу: *Работайте с двух сторон, не пренебрегайте одним ради другого*.

Достигнув крайней черты Надразума, где «великие цветные волны» теряются за белой границей, Шри Ауробиндо одновременно коснулся черной скалы внизу:

Я долго и глубоко копал

Средь ужасов топи и грязи...

Голос вскричал: «Иди туда, куда никто еще не ходил!

Копай все глубже и глубже

Пока не достигнешь зловещего камня в самом основании

И постучишь в ворота, к которым нет ключа»²⁰¹

Затем, в 1910 г. в Шандернагоре произошло нечто неожиданное... Но прежде чем идти дальше и описывать переживание, меняющее лицо и ход нашей эволюции, мы сделаем небольшую остановку, чтобы вкратце обрисовать картину состояния, в котором сейчас находится человечество. Все очень просто: мы заключены в Материю, в Черное Яйцо, запирающее нас со всех сторон и каждую секунду. И есть лишь два способа выбраться из этого состояния: уснуть (спать, войти в экстаз, медитировать – все это лишь различные степени сна, более или менее возвышенные, сознательные или божественные), либо умереть. Опыт Шри Ауробиндо дает нам третью возможность, позволяющую нам выбраться из этого состояния, не впадая в экстаз и не умирая, а оставаясь в этом мире. Тем самым меняется ход духовной эволюции человека, поскольку ее исход находится теперь не вверху или вовне, а внутри мира. Кроме того, этот опыт Шри Ауробиндо открывает дверь для пробуждения всех наших грез, всех экстазов и, самое главное, тех сил, которые позволят воплотить наши грезы и трансформировать это Черное Яйцо в открытое, ясное и живое пространство... В тот день в 1910 г. в Шандернагоре Шри Ауробиндо достиг самого дна, пересек все слои грязи, на которых необъяснимым цветком выросла Жизнь. Был лишь Свет свыше, все ярче сиявший по мере спуска Шри Ауробиндо и вскрывавший своим точным лучом все нечистоты одну за другой, словно ночь призывала все больший Свет, в линия подсознательного отодвигалась все ниже, все более концентрируясь по мере роста концентрации свыше и превращаясь в единую стену Тьмы под этим единым Светом. Затем, вдруг, в глубине этой «несознательной» Материи и в темных клетках тела Шри Ауробиндо оказался низвергнутым во всевышний Свет, не впадая при этом в транс и не теряя индивидуальности:

Он прорвался в другое Пространство и Время²⁰²

Ночь, Зло и Смерть являются маской. Всевышнее Противостояние пробуждает предельную Интенсивность, и подобное превращается в Него самого – есть только Одно, *tad eket*. Солнечный мир, всевышнее Супраментальное божественное сознание, по отношению к которому все прочие формы сознания являются отдельным лучом, находится там, в центре Материи. Ступень, следующая за надразумом, находится не «над» ним; она здесь, внизу, и во всех вещах – дверь внизу открывает дверь наверху и вообще все двери повсюду:

Изумление от Света, запечатанного в бездонных глубинах²⁰³

...

*Великое обращение Ночи и Дня;
Все ценности мира изменены...²⁰⁴*

...

Верх встречается с низом, все – единый план²⁰⁵

Самое далекое Прошлое прикасается к сути Будущего, задумавшего его, и Бог-Дух встречается с Богом-Материей – это и есть жизнь божественная в теле. Сат-Чит-Ананда в самом верху есть Сат-Чит-Ананда в самом низу – Существование-Сознание-Сила-Радость. Эволюция не проваливается в белый или черный сон, ничто не поглощается в Ночи, ничто не растворяется в ясном небе, а все воссоединяется в совершенном круге. Радость в самом верху является Радостью в самом низу:

*Ликование в глубинах сна,
Сердце блаженства в мире боли²⁰⁶*

Действенная радость, могучее озарение в наших венах вместо стерильного блаженства над нашими головами:

Всемогущая сила заперта в клетках Природы²⁰⁷

Сверхразум – это не более разреженное, а более плотное сознание; это сама Вибрация, без конца организующая и реорганизующая Материю и миры, и именно она может преобразить землю:

В самой глубине самого жесткого, самого упрямого, самого узкого и самого удушающего Несознания, - говорит Мать, - я прикоснулась ко всемогущей пружине, которая резко выбросила меня в бесформенное бескрайнее пространство, в котором вибрируют семена нового мира.

Таков ключ к Трансформации, ключ к победе над законами Материи с помощью Сознания в Материи – Сознание в самом верху есть Сознание в самом низу. Это дверь в мир будущего к новой земле, о которой возвещало Писание две тысячи лет тому назад: «Новая земля, где будет пребывать Истина» (2-е Петра, 3.13). Ведь, поистине, земля – наше спасение, место Победы и совершенного свершения. Не надо убегать на небеса: все полностью находится здесь, в теле – Радость, Сознание, всевышние Силы – надо только иметь смелость открыть глаза и нисходить, чтобы придать жизнь мечте вместо того, чтобы грезить во сне:

*Надо войти в последнее конечное, чтобы достичь последнего бесконечного*²⁰⁸

Тем самым Шри Ауробиндо снова открыл утерянную Тайну – тайну Вед, в искаженном виде лежащую также в основании многих традиций от Персии до Центральной Америки и долины Рейна, от **Элевсина** до катаров и от Круглого Стола до алхимиков – Тайну всех искателей совершенства. Это поиск Сокровища в глубине пещеры, борьба с подсознательными силами – великанами-людоедами, гномами и змеями; это история Аполлона и **Пифона**, Индры и змея Вритри, Тора и великанов, **Сигурда** и Фафнира; это солнечный мир Майя, легенда о схождении Орфея в царство Аида; это Трансмутация и змея, кусающая свой хвост. Но, прежде всего, это тайна ведических **риши**, которые, несомненно, первыми открыли то, что они называли «великим проходом», *mahas pathah* (II.24.6), миром «целостного Света», *Swar*, в глубине скалы Несознательного: «Своими мантрами наши отцы разрушили не-преступные крепости; своими криками провидцы Ангирасы^{*} раздробили горную скалу; они проделали в нас путь к Великому Небу, они открыли День и мир солнца» (Ригведа, I.71.2), они открыли «Солнце, пребывающее во тьме» (III.39.5). Они нашли «сокровище небес, сокрытое, подобно птенцу, в тайной пещере внутри бесконечной скалы» (I.130.3).

Тень и Свет, Добро и Зло готовили божественное рождение в Материи: «День и Ночь вместе вскармливают божественное Дитя»²⁰⁹. Ничто не проклято, ничто не напрасно, Ночь и День – «две бессмертные сестры, имеющие одного Возлюбленного (Солнце)... у них одна общность, хотя и разные формы.» (I.113.2.3). В конце своего «паломничества», после восхождения и нисхождения, искатель оказывается «сыном двух Матерей» (III.55.7): сыном Адити, белой Матери^{**} сверхсознательного бесконечного, и сыном Дити, земной Матери «темного бесконечного». Искатель обладает «двумя рождениями» (божественным и человеческим), «вечными в одном гнезде... как Наслаждающийся двумя женами» (I.62.7): «Гора^{***} освободилась от бремени, дав место всевышнему рождению... бог открыл человеческие двери.» (V.45). «Тогда они поистине пробудились и увидели все за собой и вокруг себя; и тогда они подхватили экстаз, которым наслаждаются на небесах. Во всех запертых домах^{****} были все боги.» (Ригведа, IV.1.18).

Свершается надежда человечества и молитва **риши**: «Пусть будут равными и едиными Небеса и Земля.»²¹⁰ Снова найдено великое Равновесие.

*Небеса в своих исступленных грезах о совершенной земле,
Земля в своих печальных грезах о совершенном небе...
Они разлучены колдовскими страхами.*²¹¹

И это есть радость – Ананда. Она находится в начале и конце всех вещей, а также повсюду, если мы копнем поглубже. Это «кладезь меда, закрытый скалой» (Ригведа, II.24.4).

* Первые риши

** Эта древняя традиция, известная также иудеям, была, по-видимому, почти буквально передана в истории о непорочном зачатии Христа Девой Марией.

*** Материальное несознательное.

**** На всех планах существа или во всех центрах сознания.

XV. СУПРАМЕНТАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

Чрезвычайно трудно определить в ментальных терминах Супраментальное сознание, ведь оно не ментально по определению и избегает всех наших законов и трехмерных представлений. Нас может ввести в заблуждение само слово «супраментальное», поскольку речь идет не о вершине человеческого сознания, а о другом типе сознания. Мы можем попытаться описать супраментальное сознание, выделив два аспекта: аспект сознания или видения и аспект силы. Но здесь недалеко до ментальной ловушки, поскольку на самом деле эти два аспекта неразделимы: сознание есть сила, это действенное видение. Когда Мать и Шри Ауробиндо пытались передать свои переживания, слова их часто перекликались на английском и французском языках: необходим иной язык, *une autre langue, another language*.

Супраментальное видение

Супраментальное видение – это глобальное видение. Ум вырезает маленькие фрагменты и противопоставляет их друг другу. Надразум связывает все в едином луче, но его луч исходит только из одной точки, так что он видит все, но со своей точки зрения. Видение Надразума является унитарным и универсальным за счет исключения или присоединения иных точек зрения. Супраментал или Сверхразум не только охватывает весь мир, все вещи и все существа в едином видении, связывающем все лучи и не противопоставляющем ничего, но он видит и точку зрения каждой вещи, каждого существа, каждой силы – это кругозор, исходящий не из какой-то центральной точки, а из **мириадов** точек:

*Единый и бесконечно множественный взгляд...*²¹²

*Супраментальное существо смотрит на вещи не сквозь дебри текущих фактов и явлений, а свыше, и не извне, судя по поверхности вещей, а изнутри, из истины сердца каждой вещи.*²¹³ Поэтому невозможно понять что-либо из Супраментального, если постоянно не соотносится с другим измерением. Но можно понять, что это есть видение самой Мудрости, поскольку каждая вещь, каждое существо, каждая сила здесь стремится к некоему абсолюту, выражая его более или менее приближенно (а зачастую и совсем извращенно), но и через все свои ошибки и искажения каждая вещь подчиняется сокровенному закону, побуждающему ее двигаться к *уникальной* истине ее существа – даже каждый лист одного дерева по-своему уникален. Если не было бы этого абсолюта в центре каждого из нас, мы бы рухнули. И в этом также кроется причина того, почему мы так привязаны к своей малости и своим ошибкам, ведь мы действительно чувствуем истину, стоящую и растущую за нами, словно *защищенную*, как говорит Шри Ауробиндо²¹⁴, самой этой малостью и всеми ее запинками. Если мы сразу же ухватили бы всю истину, мы сделали бы из нее гнома по нашему сегодняшнему образу и подобию! Истина не имеет ничего общего с мыслями или благими делами – хотя они и могут быть этапами на пути – она связана с широтой существа. А мы растем медленно и трудно. *Ошибки, заблуждения, преткновения!* – кричат они. *Сколь прекрасны и великолепны Твои ошибки, о Господь! Твоими заблуждениями живет Истина; Твоими преткновениями совершен-*

ствуется мир.²¹⁵ Но ум, видящий лишь текущую поверхность вещей, хотел бы под-
ровнять все, что выступает, очистить все методом исключения и свести свой мир к
однообразной истине, благонамеренной и порядочной. Ум заключает: «Это хорошо,
а то плохо; это друг, а это враг». Возможно, он хотел бы убрать из мира всех нацис-
тов или, к примеру, всех китайцев, считая их несущими ненужную угрозу. И ум прав
по определению, ведь он создан быть таким благоразумным, и он тоже стремится к
своему абсолюту – ментальному или моральному – имеющему свое место и играю-
щему свою роль. Но это не вся истина, а только *одна* точка зрения.^{*} И как раз по-
этому у нас нет силы, ведь будь у нас сила, то мы бы с самыми лучшими намере-
ниями учинили бы ужасную путаницу из-за своего неведения и близорукости. На-
ша немощность необходима. Супраментальное сознание охватывает не только все
точки зрения, но и глубинные силы, находящиеся за каждой вещью, а также истину
каждой вещи – ведь это Сознание Истины. И поскольку Супраментальное сознание
видит все, оно обладает силой – из одного автоматически следует другое. Мы бес-
сильны из-за того, что не обладаем таким видением. Видеть все и целиком и полно-
стью означает иметь силу. Но супраментальная сила не подчиняется нашей логике
и морали, она видит далеко в пространстве и времени. Она не стремится отсечь зло,
чтобы спасти добро и не работает через чудеса; она высвобождает то добро, кото-
рое есть в зле, и прикладывает свою силу и свет к темной половине, пока она не со-
гласится со светлой половиной. Первым же делом сила вызывает кризис, ставя тень
перед лицом ее собственного света. Это грандиозный эволюционный фермент.

Труды, написанные Шри Ауробиндо, дают нам практический пример этого
глобального видения – хотя они и являются ментальным переводом супраменталь-
ного действия. Эти труды приводят многих в замешательство, поскольку в них нет
жесткой структуры, за которую могла бы легко зацепиться мысль – но ведь так лег-
ко быть доктринером. Шри Ауробиндо обходит буквально все точки зрения, чтобы
извлечь из каждой ее глубокую истину, и при этом он никогда не навязывает своей
точки зрения (возможно, просто потому, что у него ее нет или он имеет их все!). Он
только указывает, в чем неполна каждая истина, и в каком направлении ее можно
расширить. *Сверхразум не противопоставляет одну истину другой, чтобы увидеть,
какая из них выстоит, а дополняет одну истину другой в свете единой Истины,
асpekтами которой все они являются...*²¹⁶ Шри Ауробиндо также говорил о *свете
Мысли, несущей в себе собственные противоположности*.²¹⁷ Это то, что Мать назы-
вает *мыслить сферически*. Когда начинаешь говорить о Шри Ауробиндо, всегда
возникает ощущение, что впадаешь в ужасный догматизм и схематизм. Несомненно,
это происходит из-за неадекватности нашего языка, направляющего свой фонарь
преимущественно на какую-то одну точку и тем самым создающего тени, тогда как
Шри Ауробиндо охватывает все, но не из-за какой-то «терпимости», являющейся
ментальным суррогатом Единства, а благодаря нераздельному видению, которое
действительно *едино* с каждой вещью и находится в сердце каждой вещи. Может
быть, это само видение Любви?

Это нераздельное видение столь реально, что для супраментального сознания
меняется сама видимость физического мира; или, лучше сказать, меняется не види-
мость, а физический мир предстает таким, каким он есть на самом деле. Исчезает

^{1*} Кто-то скажет, что наша частичность, на ум и наши морали – это совершенно необходимые инструменты
для жизни в мире, каким он сейчас является. И это действительно так – наша частичность вынуждена. Но
как раз поэтому мир не является одним целым. Однако нам не следует забывать, что эти инструменты *пере-
ходные*, и мы должны нацеливаться на замену этих *временных приспособлений*, как называет их Шри Ауро-
биндо [Letters I] на сознание, являющееся одновременно видением и силой.

оптическая иллюзия разделенности, в которой мы живем, и все становится связанным друг с другом. Мир не таков, как мы его видим: Для супраментального чувства в действительности ничто не является конечным: оно основывается на ощущении всего в каждом и каждого во всем; его определенность... не создает никаких ограничительных стен; это океаническое и эфирное чувство, в котором всякое чувственное знание и ощущение являются волной, движением, брызгами или каплей, которые все же неотделимы от океана, являясь его концентрацией... Словно туманное или обычное банальное видение сменилось по-особенному одухотворенным и возвышенным взглядом поэта и художника – словно это действительно взгляд всевышнего божественного Поэта и Художника, который мы стали разделять и который дал нам полное видение его истины и его намерения в его устройстве вселенной и в каждой вещи вселенной. Неограниченная интенсивность делает все виденное откровением великолепия качества и идеи, формы и цвета. Тогда кажется, что физический взгляд несет в себе дух и сознание, которое видит не только физический аспект объекта, но и саму его суть, вибрацию энергии, свет, силу и духовную субстанцию, из которой он сделан... В то же время происходит тонкое изменение, позволяющее видеть как бы в четвертом измерении и характеризующееся проникновением в определенную суть вещей; начинаешь видеть не только поверхностную и внешнюю форму, но и то, что наполняет и тонким образом простирается вокруг нее. Материальный объект видится уже иначе, чем мы видим его сейчас – не отдельным объектом на фоне или в окружении других объектов остальной Природы, а неотделимой частью и даже выражением единства всего, что мы видим. И это единство... является единством тождества Вечного, единством Духа. Для супраментального видения материальный мир, материальное пространство и материальные объекты перестают быть материальными в том смысле, в котором мы сейчас воспринимаем их, опираясь на показания наших ограниченных физических органов... они уже являются и видятся нами как сам Дух в форме Самого Себя и его сознательное расширение.²¹⁸

Это глобальное видение, нераздельное видение, а также вечное видение. Время покорено. Если надментальное сознание видит «большие протяженности пространства и времени», то Супраментальное сознание объемлет все время: оно связывает прошлое, настоящее и будущее в их неделимой взаимосвязи, в едином непрерывном знании.^{219*}

*Все Время – единое тело, Пространство – единая книга.*²²⁰

Сознание – больше не ограничивающий затвор камеры, предохраняющий ее от взрыва. Теперь сознание – это великий спокойный Взгляд: «Как глаз, простирающийся в небесах», – говорит Ригведа (I.17.21). Обычное индивидуальное сознание подобно оси, вокруг которой все вращается, – говорит Мать. Если ось смещается, мы чувствуем себя потерянными. Это такая большая ось (относительно большая; может быть и совсем маленькая), фиксированная во времени, и все вращается вокруг нее. Сознание может простираться более или менее далеко, быть более или менее высоким, более или менее сильным, но оно все же вращается вокруг оси. А те-

* Здесь можно привести параллель с теорией относительности Эйнштейна. Согласно этой теории, чем ближе к скорости света, тем медленнее течет время и тем короче становятся расстояния. При достижении скорости света наши часы останавливаются, а наша метрика исчезает. Супраментальное сознание, являющееся самим Светом, также знаменует победу над пространством и временем. Возможно, между светом физиков и светом проводцев меньше разницы, чем мы думаем.

перь для меня больше нет оси – она ушла, исчезла! И сознание может отправиться на север, юг, запад или восток; оно может перемещаться вперед, назад или куда угодно. Больше нет оси.

Нам трудно себе представить, каким может быть видение вселенского существа. Со своей ментальной точки зрения мы склонны думать, что полное знание прошлого, настоящего и будущего сразу же лишит нас всякой неожиданности существования. Но тем самым мы относим к супраментальному сознанию нормы и реакции, принадлежащие уму. У супраментального сознания иной способ видения мира и жизни в нем. Супраментальное сознание не тревожится о будущем, как мы; все находится перед его глазами, и оно божественным образом живет во времени: в каждой секунде времени для него есть абсолют, полнота столь же тотальная, как во всех тысячелетиях. Это самое совершенное совершенство времени: в своей обычной жизни мы никогда не присутствуем в настоящем моменте, лелея надежды на будущее или сожалея о прошлом, ведь настоящий момент для нас не таков, каким он является на самом деле, и для нас он ужасно пуст; тогда как для супраментального сознания каждая вещь в каждое мгновение является полностью тем, чем она должна быть, и такой, какой она должна быть. Это неизменное постоянное блаженство. Каждый эпизод, каждый кадр великого космического Фильма наполнен всеми предшествующими и всеми последующими картинами, так что ничто не исчезает в прошлом или скрывается в будущем: «Это самое большое и самое полное блаженство без пробелов», - говорит Ригведа (V.62.9); это *безущербный Восторг*²²¹, - говорит Шри Ауробиндо. И это также самое совершенное совершенство пространства. Мы вечно ищем новых вещей, новых объектов, поскольку каждой вещи не хватает всех прочих вещей – наши объекты пусты, как и наши минуты, тогда как для супраментального сознания каждый объект и каждая вещь, к которой оно прикасается, столь же наполнены тотальностью и бесконечностью, как видение безмерностей или совокупность всех возможных объектов. *Абсолют везде... любое конечное бесконечно.*²²² Это вечно возобновляющееся изумление, исходящее не из неожиданности, а из открытия вечной бесконечности, вневременного Абсолюта в каждой вещи в пространстве и в любой момент времени. И это совершенная полнота жизни, ведь наша ограниченная жизнь неполна, ужасно недостаточна: мы вынуждены отказываться либо от временного ради открытия вневременного, либо от своей потребности в бесконечном ради переживания конечного; тогда как супраментальная полнота открывает бесконечное в конечном и вневременное во временном. Из минуты в минуту она спонтанно переживает каждую секунду, каждый объект, а также безмерность, содержащую все секунды и все объекты; это два *одновременных* способа видеть и переживать одно и то же.

Супраментальное сознание имеет не только космический, но и трансцендентный аспект, и эти аспекты не только не противоречат друг другу, но их одновременность является ключом к подлинной жизни. Ведь жизнь недостаточна не только из-за того, что ее объекты пусты, а время раздроблено, но и из-за того, что ей не хватает покоя и непоколебимости. Все религии, все духовные учения возникли из этой фундаментальной потребности человека найти неизменную Основу, оплот мира и покоя вне всего этого хаоса мира, его непостоянства и его страдания – найти нечто, никогда не затрагиваемое миром и защищенное от него. И вот, в ходе нашего поиска, мы выходим в безмерное Молчание, в Безбрежность вне этого мира, которое мы называем Богом, Абсолютом или Нирваной – слова не имеют значения – мы достигли великого Освобождения. Таково фундаментальное переживание. Даже если мы лишь чуть прикоснулись к этому великому Молчанию, для нас меняется все –

это сама Уверенность, Мир и Покой; мы уподобляемся потерпевшему кораблекрушение, наконец-то прибывшему к скале. В жизни все утекает от нас как вода сквозь пальцы, а эта Скала не подведет нас никогда. Вот почему говорится, что царство Бога – не от мира сего. Переживание Шри Ауробиндо также началось с Нирваны, а закончилось полнотой мира. Нам следует постичь это центральное противоречие, если мы хотим узнать практическую тайну истинной жизни.

Ум, даже надразум наших пророков, бесповоротно связан дуальностями (дуальностями внутри Единства): если Бог находится сверху, то он не может быть внизу, а если нечто является белым, то оно не может быть черным. Для супраментального сознания все замкнуто в едином круге, это *всегда да и нет одновременно*, - говорит Мать, - два полюса каждой вещи неизменно переходят друг в друга в ином «измерении» («тайное внутреннее пространство» по выражению **риши** Вед, II.4.9). Таким образом, Трансцендентное не находится где-то вне этого мира; оно здесь повсюду, полностью внутри мира и полностью вне его одновременно. Точно также, супраментальное сознание находится полностью внутри мира и полностью вне его; оно и в вечном Молчании, и во всей нашей сутолоке; оно покоится на незыблемой Скале и присутствует в бурлящем потоке. И именно поэтому оно может наслаждаться жизнью и господствовать над ней, ведь находись мы исключительно в потоке жизни, для нас не было бы ни покоя, ни господства, нас уносило бы потоком как соломинку. Можно немного приблизиться к пониманию того, что представляет собой супраментальное переживание, если мы обратимся просто к самым первым переживаниям начала нашей йоги. Мы, действительно, очень быстро постигаем, что достаточно сделать лишь шаг назад в своем сознании, просто маленькое движение отхода, и тогда входишь в пространство молчания позади – как если бы был уголок нашего существа, вечно содержащий великую белизну. Снаружи сутолока, страдания, проблемы, но стоит лишь сделать легкое движение отхода внутрь, словно пересекая порог, как сразу же оказываешься вне (или внутри?) всего, за тысячи миль, и ничто нас больше не беспокоит – мы в бархатистых снегах. В конце концов, это переживание становится столь естественным, что мы можем погружаться вовнутрь (или вовне?) в гуще самой активной деятельности – на улице, во время обсуждения, за работой; всего доля секунды – и ничто больше не существует, только улыбка. Тогда начинаешь познавать Мир и Покой, и в любых обстоятельствах обретаешь неприступное убежище. И мы все более ощутимо воспринимаем, что Молчание находится не только внутри нас – оно повсюду; это словно глубочайшая субстанция вселенной, как если бы все покоилось на этом основании, из которого все исходит и к которому все возвращается. Это словно источник сладости в глубине вещей, словно бархатный покров, окутывающий все. И это Молчание не пусто, это абсолютная Полнота, но Полнота, не имеющая ничего внутри себя или, лучше сказать, содержащая суть всего, что может быть, за мгновение перед тем, как вещи входят в существование – они не там, и все же они уже там, как неспетая еще песня. В этом Молчании чувствуешь себя в полнейшей безопасности. Таково первое отражение Трансцендентного. В своей крайности это переживание приводит к Нирване. Тогда больше ничего не существует, только это Молчание. А для Сверхразума больше нет ни «порога», ни «перехода»; в нем *не переходишь* из одного состояния в другое: из Молчания в сутолоку, из Внутреннего вовне, из Божественного в небожественное. Противостоявшие друг другу дуальности сливаются в едином переживании: Молчание, находящееся вне всего, и Становление, протекающее повсюду. Одно не отрицает другое, одно даже *не может существовать без другого*. Ибо если всевышнее Молчание не могло бы содержать противоположность Молчания, то оно не было

бы Бесконечным. А если Молчание не могло бы полностью быть вне того, что кажется его противоположностью, оно было бы пленником своей противоположности. Царство Бога – и от мира сего, и не то мира сего. Вся тайна заключается в объединении двух переживаний в одном: бесконечного в конечном, безвременного во временном и трансцендентного в имманентном. Тогда мы имеем Мир и Покой в действии, и Радость при любых обстоятельствах.

*Являясь спокойным глубоким морем, он смеется в бегущих волнах,
Как вселенское он есть все, как трансцендентное – ничто.*²²³

Супраментальное сознание воспроизводит мистерию великого спокойного Света, который «однажды» вне времени решил увидеть себя во временном, последовательно, с мириад точек зрения, и который все же не перестает быть единым и целым, полностью само-содержащимся в вечном мгновении. Эволюция не имеет другой цели, кроме как вновь найти в самом низу полноту свыше и открыть на земле, среди всех дуальностей и самых острых противоречий всевышнее Единство, всевышнее Бесконечное, всевышнюю Радость – Ананду. И чтобы открыть эту тайну, нас всякий раз тянет вниз, как только мы делаем шаг вверх.

Супраментальная сила

Последователи духовных учений зачастую отвергают силу как оружие, недостойное искателя истины; у Шри Ауробиндо иная позиция. Напротив, понятие о Силе – *Шакти* – является одним из ключей его йоги, ведь без силы невозможно ничто трансформировать. *Я лелею Бога Огня, а не Бога Грезы!* – восклицает Савитри²²⁴.

*Огонь, чтоб призвать вечность во Время,
Чтобы радость тела сравнялась с радостью души.*²²⁵

Этический или религиозный ум ошибочно осуждает Силу саму по себе как нечто неприемлемое или недостойное искателя, утверждая, что она порочна по своей сущности и является злом. И несмотря на то, что в большинстве случаев, как кажется, это утверждение подтверждается, по своей сути оно является слепым иррациональным предубеждением. Как бы ее ни извращали и как бы ею ни злоупотребляли – как это делают и с Любовью с Знанием – Сила сама по себе божественна и предназначена для божественных целей. *Шакти*, воля, Сила – это движитель миров, и будь то в ипостаси Силы Знания, Силы Любви, Силы Жизни, Силы Действия или Силы Тела, она всегда духовна по своему происхождению и божественна по своему характеру. Как раз использование ее в Неведении животным, человеком или Титаном должно быть отброшено и заменено на великое естественное – пусть даже и сверхъестественное для нас – действие, проводимое внутренним сознанием, настроенным на Бесконечное и Вечное. Интегральная Йога не может отвергать работы Жизни и довольствоваться лишь внутренним переживанием; она должна идти внутрь, чтобы изменить внешнее.²²⁶ Этот аспект «силы» или «мощи» сознания представляется в Индии в облике великой Матери. Без Сознания нет Силы, а без Силы нет творения – Он и Она, двое в одном, неразделимо. *Весь этот необъятный мир – только он и она.*²²⁷ Вся эволюция – это история о том, как Она вновь находит Его повсюду. Нельзя отвергнуть одно ради другого – без Него мы пленники

слепой Силы, а без Нее пленники слепящей Пустоты – надо объединить одно с другим в мире, нашедшем свое исполнение. «В слепящую тьму попадают те, кто следуют Неведению, но еще в большую тьму попадают те, кто посвящают себя только Знанию, - говорит Иша Упанишада (9).

Сверхразум – это, прежде всего, сила, и грандиозная сила. Это прямая сила Духа в Материи. Всякое сознание – это сила, а чем выше мы поднимаемся, тем мощнее сила, но и тем больше мы отдаляемся от земли. Значит, если, к примеру, мы хотим применить свою надментальную силу к делам этого мира, ей придется нисходить через все промежуточные уровни, преодолевая детерминизм каждого из них, пока она не достигнет самого низа, Материи. К концу этого нисхождения остается лишь ослабленный и потускневший отблеск Надразума, который еще должен бороться со все более непокорными и грубыми детерминизмами. Поэтому духовные учения никогда не могли трансформировать жизнь. Сверхразум же является всевышним Сознанием-Силой в самом сердце Материи, без посредников. Это «солнце во тьме», о котором говорят Веды, это место непосредственной встречи Верха и Низа. Поэтому Сверхразум может изменить все. Как сказала Мать, «Подлинное изменение сознания – это то, которое изменит физические условия мира и превратит его в совершенно новое творение.»

Сразу же скажем, что супраментальная сила не работает ни через чудо, ни через насилие. Само понятие чуда абсурдно, как об этом часто говорил Шри Ауробиндо: *чудес не бывает*²²⁸, бывают лишь непонятые нами явления. То, что кажется нам чудом, является просто вмешательством детерминизма более высокого плана в детерминизм более низкого плана. Для детерминизма гусеницы Ум может казаться чудом, тогда как нам прекрасно известно, что наши ментальные чудеса подчиняются своим законам и следуют своему процессу. То же самое относится и к Сверхразуму: он не нарушает законов, а просто восходит (или углубляется) на тот уровень, где этих законов нет – подобно тому, как закон гусеницы не существует для человека. Поясним: привычное повторение определенного ряда вибраций, которые как бы концентрируются вокруг индивида, придает видимость устойчивой структуры. Поэтому говорится, что индивид подчиняется «закону» своей природы, но этот так называемый закон не более неизбежен, чем выбор маршрута при возвращении к себе домой; это просто вопрос привычки. То же самое верно в масштабе всего космоса: все наши физические законы, считающиеся незыблемыми, являются лишь концентрацией привычек, в которых нет ничего неизбежного и которые могут перестать существовать для того, кто захочет сменить свой круг, то есть, изменить сознание. *Обычный закон, - говорит Шри Ауробиндо, - означает просто равновесие, установленное Природой, - некий баланс сил. Это просто колея, по которой Природа привыкла работать для достижения определенных результатов. Но если вы измените сознание, то и колея необходимо сменится.*²²⁹ Такими «сменами колеи» отмечена вся наша эволюционная история, начиная с появления Жизни в Материи, что изменило материальную колею; затем появление Ума в Жизни изменило витальную и материальную колею. Сверхразум знаменует тройное изменение колеи, которое преобразит Ум, Жизнь и Материю. Это изменение уже началось. По сути, Супраментальное изменение состоит в высвобождении сознания, содержащегося в каждом элементе. Сверхразум не потрясает устройства вселенной, не учиняет никакого насилия, а лишь прикладывает свою силу к элементам тьмы, пока они не вернут собственный свет – «Он широко рассек тьму, как распарывают шкуру животного, чтобы подставить нашу землю под свое озаряющее солнце», - говорит Ригведа (V.85.1). Ведь солнечное божественное сознание находится повсюду, божественен

весь мир и каждый его атом – Господь всех вселенных является также «Одним, сознательным в Несознательных вещах» по выражению Ригведы. Материя не является грубой субстанцией, способной лишь насильно меняться под воздействием наших рук и голов, которые произвели из нее лишь монстров. Материя – это божественная субстанция, которая может «отвечать» вместо того, чтобы сопротивляться, и трансформироваться вместо того, чтобы втягивать нас в свою старую привычку тяготения вниз и дезинтеграции. Но Материя – это затемненная или спящая божественность, «сомнамбула», как говорит Шри Ауробиндо, «потерянное, погребенное солнце», как говорят Веды. *Несознательное – это сон Сверхсознательного...*²³⁰ *Кажущееся Несознание материальной вселенной скрыто содержит в себе все, что вечно самораскрыто в светлом Сверхсознательном.*²³¹ Так что Сверхразум будет использовать собственный свет, чтобы пробудить соответствующий – *тот же самый* – свет в Материи:

*Истина свыше пробудит истину внизу.*²³²

ибо закон вечен: только подобное может воздействовать на подобное; только сила, находящаяся на самом верху, может высвободить силу, находящуюся в самом низу.

А что же это за Сила? Любая концентрация высвобождает тонкое тепло, что хорошо известно тем, кто практиковал йогические дисциплины (*тапасья* или йогическая дисциплина означает буквально «то, что выделяет тепло»). Супраментальная сила – это тепло того же рода, но бесконечно более интенсивное и заключенное в клетках тела. Это тепло, высвобождающееся при пробуждении сознания-силы в Материи: *Все происходит так, – поясняет Мать, – будто бы наша духовная жизнь сделана из серебра, тогда как супраментальная жизнь сделана из золота; словно вся наша духовная жизнь здесь является серебряной вибрацией, но не холодной, а просто светлой – светом, уходящим на самую вершину, светом, совершенно чистым, чистым и интенсивным – тогда как супраментальная вибрация представляет полноту и мощь, тепло; в этом вся разница.* Это тепло является основой всех супраментальных трансмутаций. В действительности, тепло, выделяющееся при горении и в других химических реакциях, не говоря уж о несравненно большей энергии, высвобождающейся при ядерном синтезе или расщеплении, является лишь физическим выражением духовного по сути феномена, хорошо известного ришам Вед и названного ими *Агни*, духовным Огнем в Материи: «Другие огни – только ветви твоего ствола, о Огонь. О *Агни*, о вселенское Божество, ты – сердцевина земель и всех обитателей; всеми рожденными людьми ты командуешь и поддерживаешь их как столп... Ты – голова небес и пуп земли... Ты – сила, работающая в двух мирах.» (Ригведа, I.59). «Твое величие, о Огонь, на небесах и на земле, в деревьях и в водах, и которым ты распростер срединный мир – это живой океан света, видимый божественным видением».²³³

«Агни вошел в землю и в небеса, как если бы они были едины.» (Ригведа, III.7.4)

Именно этот всевышний *Агни* Шри Ауробиндо и Мать открыли в Материи и клетках тела – именно он является рычагом трансформации тела и физического изменения мира. Сама Материя, пробужденная к сознанию своей силы, вместо того, чтобы подвергаться воздействию через все искажающие и отягощающие промежуточные слои, ментальные и витальные, напрямую осуществляет собственную

трансмутацию. Теперь вместо эволюции, разрывающейся между двумя полюсами – сознания без силы, заканчивающимся в блаженном экстазе, и силы без сознания, заканчивающимся в грубой радости атома – Сверхразум восстанавливает Равновесие в целостном бытии: высочайшее сознание в самой могущественной силе, огонь Духа в Материи – «О, Пламя с множеством сокровищ», – восклицает Ригведа (I.59).

Стоит подчеркнуть, что Шри Ауробиндо сделал свое духовное открытие в 1910 г., еще до чтения Вед, и в то время, когда ядерная физика еще только разрабатывалась теоретически. Наша наука опережает наше сознание – отсюда и рискованный ход нашей судьбы.

Аналогия с ядерной энергией станет еще более поразительной, если привести описание супраментальной силы, как она видится видящим. Мы уже говорили, что чем выше уровень сознания, тем свет его все более стабилен и непрерывен: от вспышек интуиции до «стабильного озарения» Надразума свет становится все более однородным. Поэтому можно было бы подумать, что супраментальный свет является некоей светлой тотальностью, совершенно неподвижной и непрерывной, без промежутков. Однако, примечательно, что свет Сверхразума обладает качеством, полностью отличающим его от света других уровней сознания: он сочетает в себе полную неподвижность и самое быстрое движение – так что и в этом два полюса сходятся. Мы можем только констатировать этот факт, не в силах объяснить его. Мать так описывает первое переживание супраментального света: *Было полное ощущение силы, тепла, золота: это не было текущим, это было как пудра. И каждый из этих элементов (их нельзя назвать ни частицами, ни фрагментами, ни даже точками, только если не иметь в виду точку в математическом смысле – как не занимающую пространства) был подобен живому золоту, теплой золотой пудре. Ее нельзя назвать сверкающей, но и нельзя назвать темной. Это не было больше светом, как мы его понимаем: только множество мельчайших золотых точек. Было так, словно они касались моих глаз, моего лица. И с грандиозной мощью! И в то же время было ощущение полноты, мира и всемогущества. Это было обильным и полным. Это было движение в своем пределе, бесконечно более быстрое, чем все, что можно вообразить и, в то же время, это был абсолютный мир, совершенное спокойствие.*^{*} Спустя несколько лет, когда это переживание стало для Матери привычным, она так описала его: *Это Движение – особого рода Вибрация, не имеющая ни начала, ни конца. Нечто, всегда существующее в вечности и не имеющее делений во времени; лишь при проекции на экран это начинает принимать деления во времени; но нельзя говорить об одной секунде или о мгновении... это очень трудно объяснить. Не успеваешь ощутить это, как оно уже ушло – нечто беспредельное, не имеющее ни начала, ни конца. Это столь тотальное Движение – тотальное и постоянное, постоянное – что оно воспринимается как совершенная неподвижность. Это совершенно невозможно описать, но именно это является Истоком и Опорой земной эволюции... И я заметила, что в этом состоянии сознания Движение превосходит силу или мощь, удерживающую клетки для придания индивидуальной формы. В тот день, когда мы узнаем, как применять эту Вибрацию или это «Движение» к нашей материи, мы овладеем практической тайной перехода от грубой Материи к более тонкой Материи и будем обладать первым супраментальным или блаженным телом на земле.*

Эта неподвижность в движении является базой всей деятельности супраментального существа. Это практически предпосылка любой дисциплины, стремящейся

^{*} При скорости света также получается полная неподвижность в предельном движении – неподвижность при взгляде изнутри и движение при взгляде извне.

ся к Сверхразуму и, может быть, даже всякого по-настоящему эффективного действия в этом мире. Мы уже говорили, что неподвижность – внутренняя неподвижность – имеет силу растворять вибрации; и если мы умеем оставаться полностью неподвижными внутри, без малейшей реакции, тогда мы можем остановить любое нападение, будь то со стороны животного или человека. Эта сила неподвижности по-настоящему обретается лишь тогда, когда мы начинаем овладевать сознанием великого Молчания позади и способны в любой момент сделать шаг назад и отойти очень далеко от окружающих обстоятельств. Надо уметь быть полностью вне жизни, чтобы стать хозяином в жизни. И странно и все же естественно то, что этой супраментальной силой можно овладеть, лишь находясь полностью вовне, полностью на вечной Базе, вне времени и пространства – словно всевышний Динамизм может выйти лишь из всевышней Неподвижности. Сколь бы парадоксальным ни казался этот факт, но практически он вполне понятен: если бы обычное сознание, содрогающееся при малейшем дуновении, соприкоснулось бы с этой «пудрой теплого золота», оно было бы сразу же сметено и дезинтегрировано. Только полная Неподвижность может выдержать это Движение. Именно это поражало тех, кто видел Шри Ауробиндо: не столько свет его в глазах (как у Матери), сколько эта неподвижная безмерность, ощущаемая такой компактной, такой плотной, будто входяшь в неподвижную бесконечность. Тогда уже не кажется совершенно загадочным, что циклон не мог ворваться в его комнату. И становится понятен смысл короткой фразы Шри Ауробиндо: *могущественная неподвижность бессмертного духа.*²³⁴ Именно этой силой неподвижности он работал в течение сорока лет, будучи в состоянии писать по двенадцать часов ночью и ходить по восемь часов в день (чтобы «низвести свет в Материю», как он говорил), а также вести самые изнурительные сражения в Несознательном, никогда не уставая. *Если свершая великие деяния и достигая грандиозных результатов, ты можешь осознать, что на самом деле ты сам не делаешь ничего, тогда знай, что Бог снял печать с глаз твоих... Если сидя в уединении и безмолвии на вершине горы, ты можешь воспринять революции, которые ты производишь, тогда ты обладаешь божественным видением и свободен от внешней видимости.*²³⁵

Неподвижность – база супраментальной силы, а молчание – условие ее совершенной работы. Действие супраментального сознания не подчиняется ментальным или моральным критериям; для супраментального сознания нет «проблем» – оно действует естественно и спонтанно. Эта спонтанность – спонтанность жизни, спонтанность сознания и спонтанность силы – является характерной чертой Сверхразума. В обычной жизни мы стремимся постичь, что хорошо и что правильно, а когда думаем, что разобрались в этом, мы пытаемся воплотить в жизнь наше знание. Супраментальное же сознание не стремится к такому знанию и не пытается разобраться, что надо, а что не надо делать – оно совершенно безмолвно и неподвижно, и спонтанно живет каждую секунду без забот о будущем. Но каждую секунду нужное знание приходит само – словно капелька света падает в безмолвное сознание: вот что надо сделать, вот что сказать, вот что увидеть, вот что понять. *Супраментальная Мысль – это стрела из Света, а не мост для его достижения.*²³⁶ «В великой Шири они встречаются, и знание их совершенно», – говорит Ригведа (VII.76.5). И всякий раз, когда мысль или видение проходит через это сознание, это не домысел, касающийся будущего, а непосредственное действие:

*Там каждая мысль и чувство является действием*²³⁷

Это знание автоматически наделено силой, поскольку это истинное знание, видящее все, а истинное знание – могущественное знание. У нас нет силы, поскольку мы не видим все в целом. Тотальное видение целого, полностью ускользающее от наших сиюминутных соображений, охватывает течение каждой вещи во времени; это не произвольное волевое решение, меняющее ход вещей, а просто как бы светлое давление, ускоряющее движение и ставящее каждую вещь, каждую силу, каждое событие, каждое существо в прямую связь с собственной светлой сутью, собственной божественной возможностью и самой Целью, которая привела все в движение. Как мы уже говорили, это грандиозный эволюционный фермент. Возможно, следовало бы здесь сказать, как на практике эта сила выражается в жизни и действиях тех, кто ее воплощает – пока это только Шри Ауробиндо и Мать. Но мы воздержимся от таких примеров, поскольку никакое разъяснение не будет удовлетворительным, пока не переживешь что-то сам, а опыт становится убедительным лишь тогда, когда становится коллективным достоянием. Как факт, действия Шри Ауробиндо и Матери часто ускользали от понимания даже тех, кому они приносили непосредственную пользу – по той простой причине, что невозможно что-то понять, если не находишься на том же уровне. Кроме того, мы видим лишь данный момент, а не чудо, подготавливаемое этим простым взглядом, этой секундой света, который двадцать лет или три века будет созревать под нашей затемненностью, пока не станет «естественным». *Ни вы, ни кто другой совершенно ничего не знаете о моей жизни, - писал Шри Ауробиндо одному из своих биографов, - она не проходила на поверхности, доступной для видения людей.*²³⁸ Нам трудно говорить об этой силе, поскольку у нас ложное представление о силе. Когда мы говорим о «силах», мы сразу же воображаем нечто фантастическое, но не такова истинная сила и не таково истинное чудо вселенной. Действие Сверхразума не вызывает невероятных потрясений, не имеет ничего общего с сенсационными трюками и не «пускает пыль в глаза»; это спокойное, словно вечное действие, продвигающее весь мир и каждую ее вещь к их собственному совершенству через все маски несовершенств. Настоящее чудо – не учинять насилие, а незаметно и как бы тайком увлекать вещи к их собственному центру, пока в своих глубинах они сами не распознают Лик, являющийся их собственным лицом. Есть только одно «чудо» - эта минута узнавания, когда больше нет ничего «другого».

И индивидуальное является ключом супраментальной силы. Супраментальное существо обладает не только трансцендентным и космическим статусом, но и индивидуальным статусом – в силу этого исчезает тройной разрыв, разделявший мистический, пантеистический и индивидуалистический опыт. Трансцендентный статус супраментального существа не упраздняет мир и индивидуальность – как и его космический статус не лишает его ни Трансцендентного, ни индивидуального, а его индивидуальный статус не отделяет его ни от Трансцендентного, ни от вселенной. Супраментальное существо не отбросило лестницы, чтобы достичь цели – оно прошло все эволюционные ступени, снизу-доверху, так что нигде не осталось ни одного пробела. И поскольку Супраментальное существо сохранило свою индивидуальность, а не растворилось в светлой *ничейной земле*, то оно может не только подниматься, но и *спускаться* по великой Лестнице существования и использовать свою индивидуальность как мост или связующее звено в Материи между самым верхом и самым низом. Его работа на земле состоит в том, чтобы привести в прямой контакт всевышнюю Силу и индивидуальность, всевышнее Сознание и Материю – *соединить два Конца*, как говорит Мать. Супраментальное существо привносит Реальное на землю. И благодаря этому у нас есть надежда на то, что слепые де-

терминизмы, управляющие сейчас миром – Смерть, Страдание, Война – могут смениться всевышним Детерминизмом и дать дорогу новой эволюции, эволюции в Свете: *Мы предвидим духовную революцию, а материальная революция является лишь ее отражением и тенью.*²³⁹

Через два месяца своего пребывания в Шандернагоре Шри Ауробиндо снова услышал Голос: *отправляйся в Пондишери.* Несколько дней спустя, сбив со следа английскую полицию, Шри Ауробиндо сел на «Дюплекс» и навсегда покинул северную Индию. *Я взял себе за правило... двигаться лишь тогда, когда мною двигало Божественное.*²⁴⁰ Последние сорок лет его жизни – вместе с Матерью – будут посвящены тому, чтобы превратить эти индивидуальную реализацию в земную реализацию: *Мы хотим привнести Сверхразум как новый дар. Подобно тому, как разум сейчас является перманентным состоянием сознания человечества, мы хотим создать расу, в которой сверхразум будет перманентным состоянием сознания.*²⁴¹ И чтобы его намерения не были неправильно поняты, Шри Ауробиндо несколько раз подчеркивал: *Проповедовать какую-либо религию, новую или старую, вовсе не является моей целью. Мой замысел – открыть путь, который все еще блокирован, а не основать новую религию.* Мы еще не знаем, будет ли успешным это супраментальное предприятие. Риши Вед не смогли освободить путь и открыть «великий проход» для всего мира, чтобы превратить личную реализацию в перманентную коллективную реализацию. На то была своя причина. Остается ли она в силе сегодня?

XVI. ЧЕЛОВЕК – ПЕРЕХОДНОЕ СУЩЕСТВО

Первые годы пребывания в Пондишери Шри Ауробиндо жил в крайней бедности. Он был далеко от тех, кто мог бы помочь ему, а его имя было занесено в черный список. Его почта просматривалась цензурой, и за каждым его шагом следили английские агенты, добивавшие его экстрадиции любыми средствами – вплоть до того, что однажды подбросили в дом Шри Ауробиндо компрометирующие бумаги, а затем донесли на него французской полиции.^{*} Они даже пытались похитить его. Шри Ауробиндо оставили в покое лишь после того, как в его дом пришел с обыском комиссар французской полиции и обнаружил в ящике стола тексты Гомера. Убедившись, что это «действительно на греческом языке», комиссар преисполнился таким почтением к этому джентельмену-йогину, читавшему ученые книги и говорившему по-французски, что сразу же удалился и больше никогда не приходил. Отныне изгнанник мог принимать кого угодно и перемещаться по своему усмотрению. За ним в Пондишери последовали несколько соратников, ожидая часа, когда их «лидер» возобновит политическую борьбу; но поскольку «Голос» молчал, Шри Ауробиндо не предпринимал никаких шагов. Впрочем, Шри Ауробиндо видел, что политическая машина уже запущена и набирает обороты: в его соотечественниках пробудился дух независимости, и события идут своим неизбежным ходом к дню полного освобождения Индии, как он и предвидел. Ему предстояло нечто иное.

Труды

Первые годы изгнания Шри Ауробиндо были отмечены открытием Вед после прочтения их в оригинале. До этого Шри Ауробиндо читал Веды только в английском и индийском переводах, и вслед за учеными-интерпретаторами считал Веды довольно смутными ритуальными текстами *не представляющими большой ценности для истории мышления или живого духовного опыта.*²⁴² И тут вдруг в оригинале он открыл *неиссякаемую золотоносную жилу мысли и духовного опыта...*²⁴³ Я обнаружил, что мантры Вед озарили ясным и точным светом мои собственные психологические переживания, которым я не находил достаточного объяснения ни в европейской психологии, ни в учениях йоги или Веданты.²⁴⁴ Можно представить, сколь был озадачен Шри Ауробиндо собственными переживаниями, поскольку лишь спустя несколько лет он понял, что с ним происходило. Мы описали супраментальные переживания в Шандернагоре так, как будто бы все его этапы были выстроены в какой-то логической последовательности и каждому давалось бы свое пояснение, но объяснения пришли гораздо позже – в то время у Шри Ауробиндо не было никаких указателей, отмечавших его путь. И вот самая древняя из четырех Вед^{*}, Ригведа, внезапно дала ему знак, что он не совсем одинок на этой планете и не блуждает неведь где. То, что западные и даже индийские ученые не поняли необычайного видения в этих текстах, не столь уж удивительно, если учесть, что санскритские корни имеют по два-три значения, каждое из которых можно трактовать в эзотерическом или экзотерическом смысле. Гимны Вед можно интерпретировать в

^{*} В то время Пондишери находился на территории, принадлежавшей Франции.

^{*} Ригведа, Самаведа, Яджурведа и Атхарваведа.

двух-трех смыслах, но даже когда найден верный смысл, все еще остается непонятным символизм таких выражений, как «Огонь в воде», «гора, беременная всевышним рождением» или поисков «потерянного Солнца», за которыми следует открытие «Солнца во тьме», если сам не имел опыта духовного Огня в Материи, крушения скалы Несознательного или озарения в клетках тела. Риши сами говорили о «тайных словах, несущих мудрость видящих и раскрывающих свой смысл тем, кто видит.» (IV.3.16). Благодаря собственному опыту Шри Ауробиндо быстро раскрыл тайный смысл Вед и приступил к переводу значительной части Ригведы, в частности, чудесных «Гимнов мистическому Огню». Поразительно, как риши пять-шесть тысяч лет тому назад передавали не только собственный опыт, но и опыт своих «предков» или «отцов людей» (как они их называли), живших еще тысячелетиями ранее – без малейшей ошибки или пропуска повторяя из поколения в поколение эти гимны, ведь сила мантры держится на точности ее произношения. Здесь перед нами древнейшая традиция мира в своем первоизданном виде. Имеет свой смысл и то, что Шри Ауробиндо вновь открыл Тайну начала нашего человеческого цикла (может быть, до него были и другие циклы?) в век, который индийцы называют «черным», в *кали-юге*. Если верно, что под Дном лежит новый уровень, тогда мы к нему приближаемся.^{**}

Однако было бы неверным полностью привязывать опыт Шри Ауробиндо к откровению Вед. Сколь бы поразительным это откровение ни было бы для нас, для Шри Ауробиндо оно было лишь путевой вехой, подтверждением достигнутого. Было бы нелепо воскрешать Веды в двадцатом веке как верх Истины, достигнутый раз и навсегда – ведь Истина никогда не повторяет себя дважды. Шри Ауробиндо сам писал об этом в юмористическом ключе: *Воистину, это благоговение перед прошлым изумляет и устрасает! В конце концов, Божественное бесконечно, и развёртывание Истины может быть бесконечным процессом... это не содержимое ореха, полностью извлеченное провидцем или мудрецом, первым расколовшим его скорлупу, тогда как остальным остается лишь дотошно долбить по все той же скорлупе.*²⁴⁵ Шри Ауробиндо собирался работать не только над индивидуальной реализацией, как риши, но и над коллективной реализацией, причем совсем не в тех условиях, в каких жили доисторические пастухи. Прежде всего, он должен был много времени посвящать писательской работе, что в то время было самым видимым знаком его деятельности на коллективном уровне. В 1910 г. в Пондишери приехал французский писатель Поль Ришар; он встретился с Шри Ауробиндо и был так поражен широтой его взглядов, что в 1914 г. снова вернулся туда специально для того, чтобы еще раз встретиться с Шри Ауробиндо и на сей раз уговорить его изложить свое видение на бумаге. Так был основан журнал «Арья» или «Обзор Великого Синтеза». Издание велось на двух языках, и французским выпуском заведовал Ришар. Но тут началась первая мировая война, так что Ришар был отозван во Францию, и Шри Ауробиндо пришлось в одиночку публиковать каждый месяц по шестьдесят четыре страницы философского текста, хотя он никогда и не был философом: *Ох уж эта философия! Скажу вам по секрету, что никогда я не был философом, хотя и писал на философские темы. Но это совсем другая история. Я очень мало знал о философии до того, как начал практиковать йогу и приехал в Пондишери – я был поэтом и политиком,*

^{**} Согласно индийской традиции каждый цикл делится на четыре этапа: *сатья-юга*, век истины (или золотой век), затем *трета-юга*, когда остается «три четверти истины», затем *двапара-юга* с «половиной истины» и, наконец, *кали-юга*, когда исчезает вся истина и забывается Слово. После *кали-юги* наступает новая *сатья-юга*, но между ними происходит полное разрушение, *праляйя*, когда вселенная «вновь поглощается». Согласно Шри Ауробиндо открытие Сверхразума открывает новые возможности смены эпох – без *праляйи*.

а не философом. Как и почему я до этого дошел? Во-первых, Поль Ришар предложил мне сотрудничество в философском журнале – и поскольку я считал, что йогин должен быть способным выполнять любую работу, то я не слишком сопротивлялся. А затем он должен был уйти на войну, так что мне пришлось в полном одиночестве писать каждый месяц по шестьдесят четыре страницы философского текста. Во-вторых, мне оставалось лишь в терминах интеллекта записать то, что я наблюдал и познавал во время ежедневной практики йоги, и философия присутствовала там автоматически. Но это не означает быть философом.²⁴⁶ Так Шри Ауробиндо стал писателем. Ему было сорок два года. Характерно, что сам он ничего не решал: «внешние» обстоятельства подвели его к этому.

В течение шести лет, до 1920 года, Шри Ауробиндо опубликовал почти все свои труды, содержащие около пяти тысяч страниц. Но писал он их необычным образом – не книга за книгой, а по четыре-шесть книг одновременно и на самые разные темы: «Жизнь Божественная» – фундаментальный «философский» труд и духовное видение эволюции; «Синтез Йоги» – описание этапов и переживаний интегральной йоги и обзор всех прошлых и настоящих йогических дисциплин; «Очерки о Гите» – изложение философии действия; «Тайна Вед» с изучением истоков языка; «Идеал Человеческого Единства» и «Человеческий Цикл» – обзор человеческой эволюции с социологической и психологической точки зрения и исследование будущих возможностей человеческого общества. Он нашел

*Единый знак, толкующий все знаки*²⁴⁷

День за днем Шри Ауробиндо спокойно заполнял страницы своих работ. Любой другой был бы изнурен таким трудом, но Шри Ауробиндо не «думал» о том, что писал: *Я не принуждал себя писать, – разъяснял он ученику, – я просто позволял работать высшей Силе, а когда это не выходило, я вообще не делал усилий. Это в прежнее «интеллектуальное» время я иногда пытался форсировать события, но не после того, как я начал развивать с помощи йоги свои способности в прозе и поэзии. Позвольте также напомнить вам, что я никогда не думал – ни когда писал «Арию», ни когда я пишу эти письма и ответы... Из безмолвного ума я пишу все, что приходит в уже готовой форме свыше.*²⁴⁸ Довольно часто его ученики, занимавшиеся писательством или поэзией, просили разъяснить им йогический метод творчества. И Шри Ауробиндо не упускал случая объяснить им это, считая творческую деятельность могучим средством отодвинуть дальше вверх границу сверхсознательного и низвести вниз, в Материю, светлые возможности будущего. Его ответы конкретны и поучительны: *Наилучший отдых для мозга – это когда мышление происходит вне тела и над головой (или на других уровнях, но все же вне тела). Во всяком случае, для меня это было так. Как только это происходило, наступало громадное облегчение; тогда я мог чувствовать утомление тела, но усталости мозга не было никогда.*²⁴⁹ Подчеркнем, что «мышление вне тела» – это вовсе не супраментальное явление, а весьма простое переживание, достижимое с началом установления ментального молчания. Согласно Шри Ауробиндо, истинный метод творчества состоит в том, чтобы не делать никаких усилий, а просто отойти в сторону и дать потоку Силы течь через себя: *Есть два способа выйти на Великий Столбовой Путь. Один способ – карабкаться, бороться и прикладывать усилия (как пилигрим, идущий по Индии, простираясь по земле и измеряя путь своим телом – это путь усилия). И однажды, когда вы меньше всего это ждете, вы окажетесь на В.С.П. Другой способ – успокоить свой ум до такой степени, что через него сможет говорить более ве-*

ликий Ум (я не говорю здесь о Сверхразуме).²⁵⁰ Но тогда, - спрашивает дальше ученик, - если думает не наш ум, и мысли приходят извне, то откуда возникает такая большая разница между мыслями разных людей? Прежде всего, - отвечает Шри Ауробиндо, - эти мысле-волны, мысле-семена, мысле-формы или что там еще, имеют различную значимость и приходят с различных планов сознания. И одна и та же субстанция мысли может воспринимать более высокие или более низкие вибрации в соответствии с планом сознания, через который приходит мысль (например, через думающий ум, витальный ум, физический ум, подсознательный ум) или в соответствии с силой сознания, которая схватывает мысли и вкладывает их в того или иного человека. Более того, в каждом человеке своя субстанция ума, и входящая мысль использует ее для своего оформления или выражения (обычно мы называем это транскрибированием), но эта субстанция бывает более тонкой или более грубой, более сильной или более слабой и т.д. и т.п. в уме одного человека, чем в уме другого. Также в каждом человеке есть своя действующая или потенциальная энергия ума, которая в своей восприимчивости мысли может быть светлой или темной, сатвичной (спокойной), раджасичной (страстной) или тамасичной (инертной) – и отсюда тоже берутся свои различия.²⁵¹ И Шри Ауробиндо добавляет: Интеллект – это абсурдно гипертрофированная часть нашей природы; он всегда думает, что ничто не может быть достойно сделано, если он не сует туда свой нос, и поэтому он инстинктивно вмешивается во вдохновение, блокируя его наполовину, а то и более, и силится заменить своей низшей и утомительной продукцией истинную речь и ритм, которые еще должны придти. Поэт мучительно ищет верное слово, подлинный ритм, настоящую божественную субстанцию того, что он должен сказать, тогда как все это уже готово и ждет его на заднем плане.²⁵² Но ведь усилие помогает, - продолжает возражать ученик, - и вдохновение приходит в результате подхлестывания мозга. Вот именно! Когда вы действительно добиваетесь какого-то результата, это происходит не благодаря подхлестыванию мозга, а благодаря тому, что вдохновение проскальзывает в момент поднятия и опускания этого «молота» и входит на фоне ужасного шума.²⁵³ Написав столько книг для своих учеников, Шри Ауробиндо сказал, что единственная польза книг и философий состоит на самом деле не в том, чтобы озарить ум, а успокоить его до такой степени, чтобы он мог передавать переживания и получать прямое вдохновение. Шри Ауробиндо так определил место Ума в эволюционном процессе: Ум – это неуклюжая интерлюдия между обширным и точным подсознательным действием Природы и еще более обширным безошибочным сверхсознательным действием Божества. Нет ничего из того, что может сделать ум, что нельзя сделать лучше при полной неподвижности ума и в свободном от мысли безмолвии.²⁵⁴

По прошествии шести лет, в 1920 г, Шри Ауробиндо посчитал, что сказал уже вполне достаточно, и перестал выпускать «Арию». Остальная часть его писательской деятельности будет почти полностью посвящена гигантской переписке – тысячи и тысячи писем, содержащих всевозможные практические указания, касающиеся йогических переживаний, трудностей и прогресса. Но, самое главное, в течение тридцати лет Шри Ауробиндо будет писать и переписывать свой грандиозный эпос «Савитри» (23813 строк), словно это пятая «Веда». Это его живое послание, в котором он говорит о переживании высших и низших миров, о своих сражениях в Подсознательном и Несознательном, о всей оккультной истории эволюции Земли и вселенной и о своем видении будущего.

Толкуя вселенную по знакам души

Мать

Шри Ауробиндо приходил на землю не только для того, чтобы писать – ему предстояли дела и поважнее. Он перестал выпускать «Арью» как раз в тот год, когда в Пондишери насовсем приехала Мать: *Когда я прибыл в Пондишери, - однажды сказал Шри Ауробиндо своим первым ученикам, - программа моей садханы диктовалась мне изнутри. Я следовал ей и продвигался сам, но немногого мог сделать в помощь другим. Затем приехала Мать, и с ее помощью я нашел необходимый метод.*²⁵⁶

Практически невозможно рассказать, кто такая Мать – несомненно, из-за того, что ее личность не вписывается ни в какие обычные рамки – это сама Сила в движении. Все, что происходило с ней только вчера, все, что говорилось, делалось и переживалось буквально накануне вечером, было уже старо для нее и неинтересно. Она всегда шла все дальше, всегда была впереди. Она была рождена, чтобы *разбить пределы*, как Савитри. Поэтому бесполезно судить о Матери по каким-либо биографическим описаниям.

Скажем только, что родилась она в Париже 21 февраля 1878 г и тоже имела Супраментальное видение. Поэтому неудивительно, что с таким сознанием она узнала о существовании Шри Ауробиндо задолго до того, как встретила с ним физически, а затем прибыла в Пондишери, чтобы присоединиться к нему. *В возрасте между одиннадцатью и тринадцатью годами, - рассказывала Мать, - ряд психических и духовных переживаний открыли мне не только существование Бога, но и то, что для человека возможно найти Его и раскрыть Его интегральной в своем сознании и своих действиях, а также проявить его на земле в божественной жизни. Это откровение наряду с практической дисциплиной для достижения этой цели было дано мне во время сна моего тела несколькими учителями, некоторых из которых я затем встретила на физическом плане. Затем, по мере внутреннего и внешнего развития духовная и психическая связь с одним из этих существ становилась все более ясной и содержательной... Как только я увидела Шри Ауробиндо, я сразу же признала, что это он пришел делать эту работу на земле, и что именно с ним я должна работать.* «Трансформация» началась. Мать примет управление Ашрамом, когда в 1926 г Шри Ауробиндо уйдет в полное уединение, и она продолжит Работу после его ухода в 1950 г. *Сознание Матери и мое сознание – это одно и то же сознание.*²⁵⁷ Символично, что живой синтез между Востоком и Западом, который Шри Ауробиндо уже представлял, обрел свою полноту в этой новой встрече Востока и Запада, словно мир может найти свое свершение лишь через сопряжение двух полюсов существования – Сознания и Силы, Духа и земли, Его и Ее.

Контурсы эволюции

Все мы рано или поздно были или будем привлечены к работе трансформации, которую проводят Шри Ауробиндо и Мать – ведь это наше эволюционное будущее. Если мы хотим в точности понять этот процесс, его трудности, возможности успеха или провала, нам следует сначала понять смысл нашей собственной эволюции, дабы принять в ней активное участие, а не дожидаться, пока века и тысячелетия после

бесчисленных зигзагов не сделают эту работу для нас. Шри Ауробиндо не занимался теориями, его видение будущего опирается исключительно на опыт. А если он и пытался сформулировать свое видение в терминах, которые могут казаться нам теоретическими (ведь у нас пока мало опыта или нет его совсем), то это не для того, чтобы мы разделили еще одну идею среди миллионов циркулирующих идей-сил, а чтобы мы смогли ухватить рычаг нашего собственного динамизма и ускорить ход эволюции. Несомненно, нынешнее состояние человечества лишь задерживает этот ход.

Этим рычагом является *Агни*, сознательная сила, и всю эволюцию можно описать как путешествие Агни в четырех движениях – инволюция, деволуция, инволюция, эволюция – исходящих из вечного Центра и пребывающих в Нем. В действительности, это четверичное движение – Он сам. Все есть Он. Он сам – игра, Он сам – игрок, Он сам – игровая площадка.²⁵⁸ Он вне времени, вне пространства, это чистое Бытие, великое белое Молчание, где все находится в состоянии *инволюции* – все там содержится, но еще без форм. И вот Он разворачивает свое Становление: Сила отделяется от Сознания, Она от Него, и начинается путешествие Агни:

*...рассеянная на запечатанных глубинах, ее светлая улыбка
Зажгла огнем молчание миров²⁵⁹*

Во вспышке радости Она бросается от Него, чтобы, играя, вновь обрести Его во Времени – Он и Она, единая пара. *Что же было в начале всего? Существование, размножившее себя ради сущего восторга бытия и погрузившее себя в бесчисленные триллионы форм, чтобы нескончаемо находить себя.*²⁶⁰ Но это вечное начало, не начинающееся во времени; когда мы говорим «сначала» Вечное, а «затем» Становление, мы попадаем в иллюзию пространственно-временного языка, точно также, когда мы говорим о «верхе» и «ниже» – наш язык ложен, как и наше видение мира. На самом деле Бытие и Становление, Он и Она – два одновременных лика одного и того же вечного ФАКТА. Вселенная – вечное явление, столь же вечное, как и Молчание вне времени: *Говорится, что в начале было Вечное, Бесконечное, Единое. В середине есть конечное, преходящее, Множество. В конце будет Единое, Бесконечное, Вечное. Когда же было начало? Ни в какой момент времени, ибо начало есть в любой момент; начало было всегда, всегда есть и всегда будет. Божественное начало – прежде Времени, во Времени и навечно за пределами Времени. Вечное, Бесконечное, Единое – это начало без конца. А где же середина? Нет середины, ибо есть лишь слияние вечного конца с извечным началом; это знак творения, являющегося новым в каждый момент времени. Творение всегда было, всегда есть и всегда будет. Вечное, Бесконечное, Единое – это магические связующие звенья его собственного существования; именно он сам является творением, не имеющим ни начала, ни конца. А где же конец? Нет конца. Ни в какой момент творение не может прерваться. Ведь всякий конец вещей – это начало новых вещей, которые являются все тем же Единым в развивающемся и вечно возвращающемся облике. Ничто не может быть разрушено, ибо все есть Он, кто пребывает вечно. Вечное, Бесконечное, Единое – это невообразимый конец, никогда не заканчивающийся на новых нескончаемых перспективах его триумфа.*²⁶¹ И Шри Ауробиндо добавляет: *Опыт человеческой жизни на земле разворачивается не в первый раз. Он проходил миллион раз прежде, и эта длительная драма будет повторяться еще миллион раз. Во всем, что мы сейчас делаем, в своих грезах, в своих открытиях, в своих быстрых или трудных достижениях мы подсознательно пользуемся опытом бесчисленных предшественников, и наша*

работа даст свои плоды на неизвестных нам планетах и в не созданных еще мирах. План, перипетии и развязка постоянно варьируются, и все же они всегда диктуются условностями вечного Искусства. Бог, Человек и Природа – три вечных символа. Идея вечного возвращения приводит в смятение ум, окопавшийся в минутах, часах, годах, столетиях и во всех нереальных оборонительных укреплениях конечного. Но сильная душа, сознающая свой бессмертный материал и неисчерпаемый океан своих вечно текущих энергий, захватывается этой идеей с трепетом непостижимого восторга. Позади мысли она слышит детский смех и экстаз Бесконечного.²⁶²

Это постоянное движение от Бытия к Становлению Шри Ауробиндо называет *деволюцией*. Переход проходит постепенно: всевышнее Сознание не сразу же становится Материей. Материя – это окончательный «сгусток», конечный продукт непрестанной фрагментации или «уплотнения» сознания от плана к плану. На «вершине» этой деволюционной линии (но это не «верх», а вездесущая всевышняя Точка) находится супраментальное Сознание-Сила, в едином Взгляде охватывающее все бесчисленные возможности Становления, подобно солнечному Огню, содержащему в своем центре все свои лучи: «Они распрягли коней Солнца», – говорит Ригведа, – «десять тысяч их стояли вместе, и было то Единое, *tad ekam*.» (V.62.1). Затем идет Надразум, с которого начинается «великое расщепление» сознания: разделяются лучи Солнца, и единое Сознание-Сила отныне разбивается на триллионы сил, каждая из которых ищет своей абсолютной реализации. Один раз начавшись, Игра не прекратится до тех пор, пока не будут исчерпаны все возможности, включая те, что кажутся противоречащими вечному Игроку. Сила устремляется со все большим пылом, как если бы Она хотела разделиться до самой крайней степени, чтобы уйти как можно дальше и заменить Единое на невозможную сумму. И сознание расплывается. Оно все больше дробится, становится все более плотным и темным, образуя последовательные ступени или миры со своими существами и силами, со своей особой жизнью. Все традиции свидетельствуют об этом; мы тоже можем увидеть это в своем сне или с широко открытыми глазами, если глаз видения откроется в нас. От богов до символических гномов сознание сокращается, дробится, расплывается – надразум, интуитивный ум, озаренный ум, высший ум, затем витальный ум и тонкий физический ум – все больше и большее оно погружается в силу, рассеивается ею и запутывается в мелких сиюминутных инстинктах, крошечных жизненных тропизмах вплоть до своей окончательной раздробленности в Материи, где все уже разделено. «В начале», – говорит Веда, – «тьма была сокрыта тьмою, и все это было одним океаном несознания. Вселенское бытие было скрыто этим разделением.» (X.129.1-5). Деволюция завершилась: это *погружение Света в собственную тень*²⁶³, то есть, в Материю.

И вот перед нами два полюса. На вершине – всевышний Негатив (или Позитив – кто к чему склонен), где Сила словно поглощена в Небытии Света: это пучина мира и покоя без малейшей ряби, где все содержится в себе и нет никакой необходимости в каком-либо движении, чтобы быть – ЭТО ЕСТЬ. На другом полюсе – всевышний Позитив (или Негатив – кто к чему склонен), где Сознание словно поглощено в Небытии Тени: это пучина слепой Силы, навеки заключенной в свой темный круговорот – это неистощимое и непрерывное становление. Это первая дуальность, из которой следуют все остальные: Единое и Множественное, Бесконечное и Конечное, Сознание и Сила, Дух и Материя, не имеющее Формы и исступление форм – Он и Она. И все наше существование течет и перетекает от одного полюса к другому: одни склонны видеть лишь Трансцендентное, называя его всевышним Позитивом и отвергая Материю как какую-то временную ложь в ожидании часа Вели-

кого Возвращения (но где произойдет это Возвращение? во всех точках! вверху и внизу, справа и слева), а другие присягают Материи, называя ее всевышним Позитивом и отвергая Дух как явную никчемную ложь, не несущую позитива, поскольку, согласно человеческой логике, плюс не может быть минусом, а минус – плюсом. Но это иллюзия. Сознание не исключает Силу, Материя не исключает Дух, а Бесконечное не исключает конечное, как «верх» не отрицает «низ» – есть «низ», являющийся таковым лишь для нас, и каждая крайность таит в себе своего вечного Спутника: *В мире, как мы его видим со своим ментальным сознанием, сколь высоким оно бы ни было, мы находим, что для любого позитива есть свой негатив. Но негатив не есть ничто – на самом деле то, что кажется нам ничем, начинено силой, изобилует мощью существования... Точно также, существование негатива не делает несуществующим или нереальным соответствующий позитив; оно лишь делает позитив неполным утверждением истины вещей и даже, можно сказать, собственной истины позитива. Ибо позитив и негатив существуют не только бок о бок, но и в связи друг с другом и благодаря друг другу; они завершают друг друга и объясняют друг друга для все-видения, которого ограниченный ум не может достичь. Сам по себе каждый из них по-настоящему не известен; мы начинаем познавать их более глубокую истину лишь тогда, когда становимся способными прочесть в каждом из них знаки его кажущейся противоположности.*²⁶⁴ Наверху Она словно спит в Нем, а внизу Он словно спит в Ней; Сила растворяется в Сознании или Сознание в Силе, Бесконечное содержится в конечном как дерево и все его ветви содержатся в семени. Это то, что Шри Ауробиндо называет «инволюцией»: *Неведение Материи – это завуалированное, вовлеченное или сомнамбулическое сознание, содержащее все скрытые силы Духа. В каждой частице, атоме, молекуле, клетке Материи скрыто живет и тайно работает всеведение Вечного и всемогущество Бесконечного.*²⁶⁵ Инволюция вверху завершается инволюцией внизу, где все скрыто содержится в Ночи, как все скрыто содержится в Свете наверху. Агни там «подобен теплой золотой пыли»; «Агни вошел в землю и небеса, как если бы они были едины», – говорит Ригведа (III.7.4). Можно сказать, что в определенном смысле все творение является движением между двумя инволюциями: инволюцией Духа, в которую все вовлечено и из которой все развивается (или разворачивается) к полюсу Материи, и инволюцией Материи, в которую также все вовлечено и из которой все развивается к полюсу Духа.²⁶⁶

Без этой инволюции была бы невозможна эволюция, ибо как что-то может возникнуть из ничего? Чтобы шла эволюция, нечто должно расти изнутри! *Ничто не может развиваться из Материи, что уже не содержится в ней.*²⁶⁷ Но в глубине пробуждающегося немного оцепенения, позади эволюционного взрыва форм стоит Агни, «разжигающий» и побуждающий к движению. Это сама Сила в поисках Сознания; Она, стремящаяся к Нему и ищущая все более подходящие формы для Его проявления. Это Она вышла из несознательной Ночи и через миллионы своих работ и миллионы видов ошупью стремится вновь найти красоту Одной утерянной Формы и вновь открывать и открывать Радость, бывшую единой – *блаженство миллионов тел*²⁶⁸ вместо белого экстаза. И если у нас есть «ухо ушей», о котором говорит Веда, тогда, возможно, мы услышим повсюду этот крик Ночи, вызывающий к Свету, этот крик замурованного Сознания, вызывающий к Радости, *глубинный духовный крик во всем сущем.*²⁶⁹ Это то, что прорывается из глубин, это Огонь внутри, пламя Жизни, пламя в нашем Уме, пламя в нашей душе. Именно этот Огонь следует уловить, это он служит нитью и рычагом, это он тайно оказывает эволюционное давление и является душой и пламенем мира. Если этот мир был бы лишь из без-

жизненного инертного камня, он навсегда бы остался миром безжизненного и инертного камня; если душа уже не была бы в Материи, она никогда не смогла бы появиться в человеке. Но, в конце концов, что же стоит за внешним явлением? В чем состоит эта кажущаяся мистерия? Можно увидеть, что потерявшее себя Сознание теперь снова возвращается к себе, медленно и болезненно всплывая из своего гигантского самозабвения, появляясь в форме Жизни, сначала едва ощущающей, затем полуощущающей, смутно ощущающей, полностью ощущающей и, наконец, борющейся к тому, чтобы стать более чем ощущающей, снова стать божественно самосознающей, свободной, бесконечной, бессмертной.²⁷⁰

И вот приходит время, когда Она доходит до человека, до своего сознательно-го инструмента, с помощью которого и посредством которого Она собирается вновь найти Его: *Наше человечество – сознательное место встречи конечного и бесконечного, и наша привилегия – все дальше расти к Бесконечному даже в этом физическом рождении.*²⁷¹ Но на человеческом уровне путешествия Агни начинается нечто особенное. На всех предыдущих стадиях пламя эволюции ниспадало, как только новый тип жизни укоренялся на земле. Так, бурное творение растительных форм жизни сошло на нет, как только животная форма прочно установилась в Жизни; в свою очередь, как только человек занял свое место в эволюции, так перестали появляться новые животные виды. Похоже, Природа не создала ни одного нового растительного или животного вида, как только человек встал на гребне эволюционной волны. Растительная и животная формы жизни достигли совершенства на своем уровне и перестали эволюционировать. Однако в человеке эволюционное напряжение не спало, хотя человеческий вид прочно укоренился в эволюции: человек не нашел своего свершения и не удовлетворен как все остальные виды; в нем нет гармонии, нет радости достигнутого равновесия: *Человек является ненормальным, не нашедшим своей «нормальности» - он может думать, что он нормален и казаться нормальным в своем роде, но эта нормальность условна; поэтому, хотя человек несоизмеримо превосходит растительные и животные виды, он не совершенен в собственной природе, как растения или животные.*²⁷²

Но не стоит сожалеть об этом несовершенстве, как говорит Шри Ауробиндо: напротив, это несовершенство предстает *привилегией и обещанием*²⁷³. Если бы мы были совершенными и гармоничными в своем роде, были бы безгрешными и безупречными, мы уже стали бы застойным неизменным видом, как земноводные или моллюски. Но в нас, воспроизводящих великую космическую Игру, сила не завершила поиск сознания, и наша природа не нашла своего духа, а Она не обрела Его. Был ли когда-либо удовлетворен Платон, и обрел ли покой Микеланджело? «Однажды я усадил Красоту на свои колени, и мне стало горько!», - воскликнул Рембо. И это также знак того, что вершина ментального интеллекта или эстетической утонченности не является целью путешествия, не является совершенной полнотой, тем великим Равновесием, в котором Она вновь находит Его. Внутренний дух, который пробуждается и растет – Он в Ней – это маленькое пламя в центре сначала цепляется за самые мелкие частицы, молекулы, гены, протоплазму; он психологически организуется вокруг отдельного фрагментарного эго; он плохо видит и движется наощупь. Он тоже «в инволюции» с двух сторон – со стороны бездонного подсознательного и грандиозного сверхсознательного – и видит лишь сквозь узкую ментальную щель между ними. Именно эта детская фрагментация (ибо она относится к детству человечества) является причиной всех наших ошибок и страданий – нет иного «греха». Все наши беды проистекают из этой узости видения, являющегося ложным видением нас самих и мира вокруг нас. Ведь поистине весь мир и каждая

клетка нашего тела – это *Сатчитананда*, Существование-Сознание-Блаженство; мы сами – свет и радость. Из-за своей неспособности наши чувства изобрели тьму. На самом деле нет ничего, кроме Света, но сила Света пребывает ниже и выше ограниченного диапазона нашего бедного человеческого видения.²⁷⁴ Все есть радость: «Ибо кто смог бы жить или дышать, если бы не было этого восторга существования в качестве эфира, в котором мы пребываем?», – говорит Тайттирия Упанишада (II.7). Это слабость нашего видения скрывает от нас абсолютное счастье в сердце вещей²⁷⁵; это наши бледные чувства²⁷⁶, слишком юные, не могут еще охватить всю эту безмерность – Дух в нас еще не полностью открыл себя, и путешествие Агни не завершено. Человек, – говорит Шри Ауробиндо, – является не последним звеном эволюции, а «переходным существом»...²⁷⁷ Мы говорим об эволюции Жизни в Материи, об эволюции Ума в Материи, но эволюция – это слово, которое просто констатирует явление, не объясняя его. Ведь не видится никакой причины, по которой Жизнь должна эволюционировать из материальных элементов, а Ум – из живых форм, пока мы не примем... что Жизнь уже вовлечена в Материю, а Ум – в Жизнь, поскольку, в сущности, Материя является формой завуалированной Жизни, а Жизнь – формой завуалированного Сознания. Но тогда почему бы не сделать дальнейший шаг в этом ряду и не допустить, что само ментальное сознание может быть лишь формой или вуалью более высоких состояний за пределами Ума. В таком случае неодолимое стремление человека к Богу, Свету, Блаженству, Свободе, Бессмертию занимает свое законное место в этой цепочке как императивный импульс, с помощью которого Природа стремится эволюционировать за пределы Ума; тогда это стремление видится столь же естественным, истинным и правомерным, как и стремление к Жизни, которым Она наделила формы Материи, или стремление к Уму, которым Она наделила некоторые формы жизни... Животное – это живая лаборатория, в которой Природа, можно сказать, выработала человека. Сам человек тоже может быть мыслящей живой лабораторией, в которой с помощью его сознательного сотрудничества Она хочет выработать сверхчеловека, бога – или, лучше сказать, проявить Бога?²⁷⁸ Если эволюция подойдет к цели этого трудного перехода, и будет достигнуто великое Равновесие, тогда мы войдем в «бескрайнее жилище» (Ригведа, V.65.5); Сила вновь найдет свое Сознание и прекратит свое слепое кружение, а Сознание вновь обретет свою Силу и перестанет бессильно любить и понимать.

Но и риши знали, что путешествие еще не завершено: они говорили, что Агни «без головы и без ног» и «скрывает две свои крайности» (Ригведа IV.I.7, 11). Мы сами – это маленькое пламя, зажатое между сверхсознательным Агни небес и подсознательным Агни земли, так что мы страдаем и не знаем покоя в нашей жалкой юдоли – кто в поисках своих небес, кто в поисках своей земли – не умея объединить то и другое. Другая раса должна родиться среди нас, должен появиться полный Человек, если только мы дадим свое согласие: «Тки целостное полотно, становись человеческим существом, создавай божественную расу. Провидцы Истины, точите сияющие копья, которыми вы пробьете путь к тому, что Бессмертно; знающие тайные планы, стройте ступени лестницы, по которой боги достигли бессмертия.» (X.53). Тогда мы вновь обретем нашу солнечную полноту, две наши скрытые крайности, двух наших Матерей в одном: «О Пламя, о Агни, ты идешь к океану Небес, к богам; ты делаешь так, чтобы встретились божества всех планов, чтобы воды царства света над солнцем слились с водами, пребывающими внизу.» (III.22.3). Тогда мы познаем радость двух миров и всех миров, Ананду земли и небес, как если бы ни были едины: «О Пламя, ты основываешь смертное во всевышнем бессмертии... для провидца, жаждущего двойного рождения, ты создаешь божественное блаженство и

человеческую радость.» (I.31.7). Ибо радость – окончательная цель нашей эволюции. Люди говорят о «любви», но есть ли слово более затасканное и извращенное нашими чувствами, нашими условностями, нашими церквями? А эту радость никто не сможет подделать, ибо это ребенок, смеющийся на солнце; эта радость любит и хочет вовлечь все в свой хоровод. Да, это настоящая радость, надо только решиться захотеть ее: *Лавр, а не крест должен быть целью стремящейся к победе человеческой души*²⁷⁹ – но люди все еще любят печаль... Поэтому Христос до сих пор распят на кресте в Иерусалиме.²⁸⁰ Радость бытия – полного бытия во всем сущем – была и будет здесь и везде, как если бы мед мог пробовать самого себя и все свои капельки, а все капельки могли бы пробовать друг друга и все медовые соты в целом.²⁸¹ Тогда эволюция выйдет из Ночи и войдет в Солнечный цикл, и мы заживем под Знаком Единого. Распятый бог сойдет со своего креста, и человек наконец-то станет Им самим и самым собой – станет нормальным. Ибо быть нормальным означает быть божественным. Только два движения спонтанны и гармоничны – это движение духа и несознательное или значительно подсознательное движение жизни, гармония, которую мы находим у животных и в низшей Природе. Человеческое состояние – это стадия перехода, усилия и несовершенства между тем и другим – между естественной природной жизнью и жизнью идеальной или духовной.^{282*}

* Согласно Матери, змей земного рая является символом эволюционной силы, побудившей людей выйти из состояния животного благоденствия, чтобы вновь обрести божественное счастье. Человек съел плод с дерева Познания, чтобы развить свою ментальную способность вплоть до поворотной точки. И в Древней Греции крылатые змеи несут колесницу Деметры. Змей – это символ не только космической эволюции, но и индивидуальной эволюции: когда восходящая сила (*Кундалини*) пробуждается у основания позвоночного столба и выходит из физического сознания, где она спала, свернувшись спиралью (*кундалини* означает «свернувшийся») и когда она поднимется от центра к центру, развившийся человек выходит из обычного несознания и входит в космическое сознание; затем, когда раскрывается центр на макушке головы, человек входит в солнечное божественное сознание. Для Шри Ауробиндо и для риши, а также, вероятно, для некоторых ушедших древних мудростей, открытие этого солнечного сознания наверху является лишь первой эволюционной стадией, за которой должно последовать открытие того же солнечного сознания внизу, в Материи. Это змея, кусающая свой хвост, или то, что Шри Ауробиндо называет трансформацией.

XVII. ТРАНСФОРМАЦИЯ

Проявление Духа в супраментальном сознании и в новом теле, в новой расе – столь же неизбежное явление, как и появление homo sapiens после приматов. Единственный по-настоящему значимый вопрос – будет ли происходить новая эволюция с нами или без нас. Вот как Шри Ауробиндо сказал об этой дилемме: *Если духовное раскрытие на земле – скрытая истина нашего рождения в Материи, если в Природе идет эволюция сознания, тогда человек, как он есть, не может быть последним звеном этой эволюции: он является слишком несовершенным выражением духа, а сам ум – слишком ограниченной формой и инструментом; ум – это только промежуточное звено сознания, и ментальное существо может быть только переходным существом. Значит, если человек не способен выйти за пределы ментальности, тогда он сам должен быть превзойден, и должен появиться сверхразум и сверхчеловек, который и возглавит творение. Но если ум способен открыться тому, что превосходит его, тогда нет причины, препятствующей самому человеку достичь сверхразума и сверхчеловечества или, по крайней мере, предоставить свою ментальность, жизнь и тело для эволюции следующего звена Духа, проявляющегося в Природе.*²⁸³ Мы подошли, – говорит Шри Ауробиндо – к новому кризису трансформации²⁸⁴, столь же критическому, как и те, что отметили появление Жизни в Материи и Ума в Жизни. И наш выбор тоже критичен, потому что на этот раз вместо того, чтобы позволить Природе совершать свои трансмутации, не заботясь о сопутствующих обстоятельствах, мы можем стать сознательными сотрудниками собственной эволюции. Мы можем принять вызов или, как говорит Шри Ауробиндо, позволить превзойти нас.

Перспективы будущего

Какой будет эта новая раса? Понимание цели – это уже большой шаг на пути к трансформации, ибо понимание и стремление к Будущему открывает нам невидимую дверь, через которую могут войти силы, превосходящие наши, и это будет означать начало нашего сотрудничества. Ведь переход к сверхчеловеку осуществляют не наши человеческие силы, а все более и более сознательная сдача Силе свыше.

Мы уже говорили, каким будет сознание супраментального существа, но стоит еще раз повторить вслед за Шри Ауробиндо, что *сверхчеловечество – это не человечество, карабкающееся к собственной природной вершине, не высшая степень человеческого величия, знания, мощи, интеллекта, воли, характера, гения, динамической силы, святости, любви, чистоты или совершенства. Сверхразум – это нечто, находящееся за пределами ментального человека и его ограничений.*²⁸⁵ Доведенный до высшей степени, Ум может лишь сделать жестким человека, а не обожествить его или просто принести ему радость. Ведь ум – инструмент деления, и все его иерархии неизбежно основываются на грубом доминировании, будь то религиозном, моральном, политическом, экономическом или чувственном, поскольку в силу своего устройства ум просто неспособен допустить тотальность человеческих истин. Но даже когда он может ее допустить, он не способен воплотить ее в жизни. И если бы коллективная эволюция действительно не могла бы предложить нам ничего лучшего, чем приятную смесь человеческого и социального «величия» в духе Св. **Венсана**

де Поля и Махатмы Ганди с примесью идей марксизма-ленинизма, то такой финал был бы еще менее привлекательным, чем «миллионы золотых птиц» или струнные квартеты на вершинах индивидуальной ментальной эволюции. Тогда *пралая* или космические катастрофы, предрекаемые древними традициями, показались бы, возможно, не таким уж плохим концом, если столько тысячелетий страданий и усилий вели бы только к такому «земному раю».

И если наши ментальные способности оказываются недостаточными даже в самом своем расцвете, то что уж говорить о наших витальных и физических возможностях. Вряд ли Дух, проявляясь в супраментальном сознании, удовлетворится телом, подчиненным нашим физическим законам тяготения и распада, и вряд ли он примет в качестве единственных средств своего выражения наш ментальный язык, перо, резец или кисть с их весьма ограниченными возможностями. Значит, сама Материя должна измениться – и прежде всего это относится к нашему телу: *В духовной традиции тело считалось препятствием, не способным на одухотворение или трансмутацию и тяжким бременем, удерживающим душу в земной природе и мешающим ее восхождению либо к духовному свершению во Всевышнем, либо к растворению ее индивидуального существа во Всевышнем. И хотя такое представление о роли тела в нашей судьбе и подходит для садханы, смотрящей на землю как лишь на поле неведения, а на земную жизнь – как на подготовку к спасительному уходу... но оно никак не вписывается в садхану, предвидящую божественную жизнь на земле и считающую освобождение самой земной природы частью общей цели воплощения духа. Если нашей целью является полная трансформация нашего существа, тогда трансформация тела должна быть обязательной ее частью; иначе невозможна божественная жизнь на земле во всей ее полноте.*²⁸⁶

Согласно Шри Ауробиндо, существенной чертой супраментальной Материи является восприимчивость: она станет способной отвечать сознательной воле и меняться в соответствии с ее замыслом, как глина подчиняется пальцам скульптора. Материя, высвободившая содержащуюся в ней духовную силу и ставшая открыто сознательной, станет способной отвечать на соответствующие вибрации супраментального сознания, подобно тому, как мы отвечаем гневом на вибрации гнева или теплотой сердца на вибрацию любви. Сознательная пластичность станет фундаментальным качеством супраментальной Материи. Все прочие качества вытекают из этого основного свойства: бессмертие (или, во всяком случае, способность модифицировать форму или даже сменять ее), легкость, красота, озаренность. Такими будут естественные атрибуты **Материи**. *Тело может стать сосудом, открывающим всевышнюю красоту и блаженство, отражая красоту света наполняющего его духа и излучая ее подобно лампе, отражающей и рассеивающей свечение своего пламени, и неся в себе блаженство духа, его радость видящего ума, его радость жизни и духовное счастье, радость Материи, выпущенной в духовное сознание и трепещущей в постоянном экстазе.*²⁸⁷ Уже Веды говорили об этом: «Тогда твое человеческое станет домом богов, словно в тебя войдут зримые небеса.» (Ригведа, V.66.2).

Но перед этими видимыми изменениями, которые, вероятно, проявятся самыми последними, произойдет, как предвидит Шри Ауробиндо, существенное изменение в нашей физиологии. Мы еще вернемся к этому вопросу, когда будем говорить о практической работе трансформации, а пока лишь отметим некоторые функциональные изменения, которые Шри Ауробиндо наблюдал в собственном теле: *Должно произойти изменение в функционировании самих материальных органов и, возможно, в самом их строении и в их роли; им не будет позволено императивно накладывать свои ограничения на новую физическую жизнь... Мозг станет*

каналом связи мысле-форм и базой для их воздействия на тело и внешний мир, где они станут действовать напрямую, без физических средств передаваясь от ума к уму и также напрямую воздействуя на мысли, действия и жизни других существ или даже на материальные объекты. Равным образом, сердце станет прямым каналом сообщения и средой для взаимного обмена чувствами и эмоциями, испущенными во внешний мир силами психического центра. Сердце сможет напрямую отвечать сердцу, жизненная сила сможет приходить на помощь другим жизням и отвечать на их зов, несмотря на расстояния; многие существа без какой-либо внешней связи смогут обмениваться посланиями чувств и встречаться в тайном свете единого божественного центра. Воля сможет контролировать органы пищеварения, автоматически заботясь о здоровье, устраняя жадность и желание, заменяя материальный процесс на более тонкие процессы или черпая силу и субстанцию из универсальной жизненной силы, так что тело сможет долгое время сохранять собственную силу и субстанцию, не испытывая потребности в материальном подкреплении и продолжая тем не менее активную деятельность без усталости или перерыва на сон или отдых... По-видимому, на вершине эволюции жизни можно будет вновь открыть или вновь установить феномен, видимый в ее основании – способность извлекать из всего окружающего средства к существованию и самовосстановлению.²⁸⁸ По ту сторону Ума полный человек сознательно вновь открывает то, что уже несознательно представляет Материя – Энергию и Покой; ведь Материя – это только сон Духа.

На следующей стадии трансформации Шри Ауробиндо предвидит замещение работы наших физических органов динамическим функционированием наших центров сознания (чакр). Это будет настоящим переходом от животного человека, возникшего в низшей эволюции, к человеческому человеку новой эволюции. И это одна из работ, предпринятых Шри Ауробиндо и Матерью. С самых ранних этапов йоги мы открываем, что любая наша деятельность, от самой высокой до самой материальной, подпитывается или вызывается потоком сознательной силы, устремляющимся на тот или иной уровень, в тот или иной центр, неся в себе вибрации, отвечающие роду деятельности. И если мы хоть немного пытались манипулировать этим потоком, мы отметили, что это грандиозный источник энергии, ограниченный лишь нашими малыми способностями. Поэтому нет ничего невероятного в том, что наши органы, являющиеся лишь физическим переводом или материальной концентрацией этого стоящего позади них потока, могут быть в ходе эволюции замещены прямым действием центров сознания, которые будут испускать свои энергии по всему новому телу – подобно тому, как сегодня сердце осуществляет циркуляцию крови по всему телу, а нервы пронизывают все тело. Вот как однажды Мать объясняла детям Ашрама, каким будет новое тело: Трансформация подразумевает, что вся эта чисто физическая организация будет заменена на концентрации силы, каждая из которых будет обладать своим особым типом вибраций; вместо органов будут центры сознательной энергии, движимой сознательной волей. Не будет ни желудка, ни сердца, ни циркуляции крови, ни легких – все это уйдет и заменится игрой вибраций, представляющих то, что символически отражали эти органы. Ведь органы – это только материальные символы центров энергии; они не являются сущностной реальностью: они просто придают ей форму или материальную поддержку в определенных обстоятельствах. Трансформированное тело станет функционировать через свои подлинные центры энергии, а не через их символических представителей, которые были развиты в животном теле. Поэтому для начала вы должны знать, что представляет ваше сердце в выражении космической

энергии, что представляет ваше кровообращение, ваш мозг и ваши легкие в выражении космической энергии, а затем вы должны научиться собирать изначальные вибрации, символизированные этими органами, и постепенно сконцентрировать все эти энергии в своем теле, превратив каждый орган в центр сознательной энергии, что заменит символическое функционирование на подлинное. Например, за символическим движением легких стоит истинное движение, придающее легкость, так что вы можете избежать воздействия гравитации.* И то же самое относится к каждому органу. За каждым символическим движением стоит подлинное движение. Но это не означает, что больше не будет узнаваемых форм; форма будет образовываться скорее качествами, чем твердыми частицами. Это будет, так сказать, практическая или прагматическая форма: она будет податливой, мобильной и сколь угодно легкой формой в противоположность жесткой фиксированной нынешней грубой материальной форме. И Материя станет божественным выражением; супраментальная воля сможет передавать всю гамму своей внутренней жизни посредством соответствующих модификаций собственной субстанции – подобно тому, как сегодня наше лицо меняется (хотя и так незначительно и так несовершенно) в зависимости от наших эмоций – тело будет сконцентрированной энергией, подчиняющейся воле. Вместо того, чтобы по выражению Эпиктета быть «жалкой душой, волочащей труп»**, мы станем живой душой в живом теле.

С появлением супраментального сознания должны измениться не только тело и ум, но и сама субстанция жизни. Если ментальную цивилизацию можно охарактеризовать одним знаком, то знак этот – искусственность. Ничто не происходит естественно, мы – пленники грандиозной подмены и трюкачества: все эти самолеты, телефоны, телевидение и целое скопище приспособлений и устройств лишь маскируют наше бессилие. И мы дошли уже до того, что забросили наши естественные способности, которые вырождаются из поколения в поколение, будь-то из-за лени или по неведению. Мы забыли одну очень простую фундаментальную истину: все наши чудесные изобретения – это только материальная проекция сил, существующих в нас; ведь не будь их в нас, мы никогда не смогли бы их изобрести. Мы – тот чародей, скептически относящийся к чудесам, о котором говорит Шри Ауробиндо.²⁸⁹ Предоставив машинам видеть за нас, слышать за нас и перемещаться за нас, мы уже не можем ничего без них сделать. Наша человеческая цивилизация, созданная для радости жизни, стала рабом средств, требующихся для наслаждения жизнью – две трети своего времени мы проводим в поиске и обретении этих средств, а оставшуюся треть спим. Что здесь абсурдно, – говорит Мать, – так это все искусственные приспособления, которыми нам приходится пользоваться. Любой идиот имеет больше силы, если у него есть средства для приобретения необходимых приспособлений. А в истинном мире, супраментальном мире чем более вы сознательны и чем в большей связи с истиной вещей вы находитесь, тем большей властью над субстанцией обладает ваша воля, и субстанция подчиняется воле. Эта власть – истинная власть. Если вам нужна одежда, надо иметь силу создать ее, настоящую силу. И если у вас нет этой силы, что же, придется ходить голым! И никакие искусственные ухищрения не восполнят там нехватку силы. А здесь даже в одном случае из миллиона власть не является выражением чего-то истинного. Все здесь

* Это подлинное движение, стоящее за дыханием, стоит также, согласно Шри Ауробиндо, за электромагнитными полями; это то, что древние йоги называли *вайю*, Энергией Жизни. Хорошо известные дыхательные упражнения (*пранаяма*) – это просто одна из систем (среди прочих) для достижения господства над *вайю*, что, в частности, позволяет избегать воздействия гравитации.

** Цитируется по Шри Ауробиндо

невероятно глупо. Эта супраментальная власть – совсем не какие-то там супер-фокусы, а крайне точный процесс, столь же точный и детальный, как и химическая реакция. Только вместо того, чтобы манипулировать внешними объектами, супраментальное существо будет управлять истинной вибрацией, находящейся в сердце каждой вещи, и связывать ее с другими вибрациями для достижения конкретного результата – подобно тому, как художник смешивает цвета, рисуя картину, а поэт связывает звуки, сочиняя поэму. Супраментальное существо – настоящий поэт, ибо оно создает то, чему дает имя. Настоящим именем объекта является вибрация, составляющая этот объект. Дать вещи имя означает обладать силой вызывать или разрушать ее.

Спонтанность, естественность супраментальной жизни – ибо, в конечном счете, естественна только Истина – выразится также в супраментальном искусстве, которое станет прямым и точным выражением свойственной нам духовной тональности. В этом искусстве невозможен обман, поскольку только наш внутренний свет сможет играть на том же свете, вовлеченном в Материю, и извлекать из нее соответствующие формы. Если наша вибрация серая, то и наш мир будет серым, и все то, чего мы касаемся, будет тоже серым. Наша внешняя физическая среда будет подобна нашей внутренней среде, так что мы сможем проявлять лишь то, чем сами являемся. И сама жизнь станет произведением искусства; наши внешние сферы станут меняющимся обрамлением наших внутренних состояний. И слово будет обладать силой лишь за счет истинной духовной силы в нас; оно станет живой *мантрой*, и наш язык станет видимым подобно игре эмоций на нашем лице. Это будет означать конец любому подлогу и лицемерию, будь то политическому, религиозному, литературному, художественному или эмоциональному. Однажды, когда один ученик-скептик заявил, что Сверхразум – это нереальное измышление прежде всего потому, что его никогда не видели и никогда не реализовали раньше, Шри Ауробиндо ответил со своим характерным юмором: *Какой замечательный аргумент! Раз это не было реализовано, то и не может быть реализовано! В таком случае вся история земли должна была остановиться еще задолго до появления протоплазмы. Когда земля была лишь скопищем газов, не было жизни, значит, жизнь и не может возникнуть. Когда была только жизнь, но еще не было ума, значит, ум и не может возникнуть. А поскольку есть ум, но нет ничего за его пределами, потому что еще ни в ком не проявился Сверхразум, значит, Сверхразум никогда и не появится. Собханаллах! Слава, Слава, Слава человеческому разуму! К счастью, Божественное или Космический Дух или Природа или что бы там ни было меньше всего советуются с человеческим разумом. Он, Она или Оно делает то, что Он, Она или Оно должно делать, не считаясь с тем, можно ли это сделать или нет.*²⁹⁰ Еще тысячи лет тому назад риши говорили о скудности скептиков: «В них нет ни Чуда, ни Мощи.» (Ригведа VII.61.5).

Работа (первый этап)

Насколько поразительными предвидятся результаты этой работы, настолько сама она кропотлива, неприметна и требует большого терпения – как работа ученого с его экспериментальными установками. Это *микроскопическая работа*, – говорит Мать. Ведь речь идет не о том, чтобы произвести ряд скоротечных чудес, а о том, чтобы установить новую физическую базу, высвободив из каждого атома и каждой клетки содержащуюся в них сознательную силу. Можно также подумать, что

эта работа над телом подразумевает использование психофизических методов, напоминающих методы хатхи-йоги, но это совсем не так. Сознание было и остается главным рычагом: *Изменение сознания будет главным фактором, отправным движением, а физическая трансформация станет подчиненным ему фактором, его следствием.*²⁹¹ Со своей обычной ясностью Шри Ауробиндо ставит нас перед простой истиной: *На предыдущих стадиях эволюции Природа должна была прежде всего заботиться об изменении физической организации, ибо только таким путем могло произойти изменение сознания; это было обусловлено недостаточностью силы сознания, вовлеченного в форму, вызвать изменение тела. Но в человеке возможен и обратный процесс, более того, он неизбежен; ибо именно через его сознание, через трансмутацию его сознания и более не через новый телесный организм в качестве главного инструмента может и должна происходить эволюция. Во внутренней реальности вещей изменение сознания всегда было главным фактом, эволюция всегда имела духовное значение, а физическое изменение было только инструментальным; но эта связь была сокрыта первоначальным нарушением баланса этих двух факторов, так что тело внешнего Незнания перевешивало и затмевало значение духовного элемента, сознательного существа. Но как только баланс восстановлен, изменение тела уже не должно предшествовать изменению сознания; само сознание с помощью своего изменения будет влечь за собой и осуществлять все изменения, необходимые для тела.*²⁹²

В этой работе можно выделить три этапа, соответствующих ходу открытий Шри Ауробиндо и Матери. Эти этапы, как кажется, переходят от сверкающего к темному, от чудесного к неприметным, но серьезным банальностям и от индивидуальной клетки ко всей Земле. На первом этапе происходило испытание и проверка сил сознания. Этот период, названный некоторыми учениками «ярким периодом», длился с 1920 по 1926 г., когда Шри Ауробиндо ушел в полное уединение на двадцать четыре года, чтобы сконцентрироваться исключительно на Работе. Открыв новую, супраментальную силу, Шри Ауробиндо и Мать с самого начала провели ряд опытов на своих телах. «Испытание» и «проверка» - одни из важнейших слов словаря Шри Ауробиндо: *Я проводил свои испытания день и ночь и год за годом тщательнее, чем любой ученый проверяет свою теорию или опробует свой метод на физическом плане.*²⁹³ Из всей этой грандиозной массы опытов, следы которых можно найти повсюду в корреспонденции и трудах Шри Ауробиндо, мы выбрали четыре показательных события, иллюстрирующих силу сознания и тщательность «испытаний» Шри Ауробиндо. Подчеркнем при этом, что речь здесь идет о частностях среди многих других, каким ни Шри Ауробиндо, ни Мать не придавали особого значения. О них стало известно лишь благодаря случайным разговорам или письмам. Прежде всего, как только Шри Ауробиндо прибыл в Пондишери, он предпринял длительный пост просто для того чтобы «посмотреть». Несколько лет спустя, когда один ученик спросил его, можно ли обходиться без пищи, Шри Ауробиндо ответил так: *Да, это вполне возможно. Однажды я постился около 23 дней или более... и тогда я почти решил эту проблему. Я мог, как обычно, ходить по восемь часов в день. Я, как обычно, продолжал свою ментальную работу и садхану и обнаружил, что ничуть не ослаб к концу этих 23 дней. Но сама плоть стала уже истощаться, а я не нашел способа возмещать сам материал, уменьшавшийся в теле. Когда я прервал пост, я не стал соблюдать обычного правила людей, постящихся долгое время – начинать принимать пищу в малых количествах. Я начал с того же количества, которое принимал прежде... Однажды я пробовал поститься в тюрьме, но это длилось в течение десяти дней, тогда же я спал один раз в три ночи. Я по-*

терял десять фунтов веса, но к концу этих десяти дней я почувствовал себя сильнее, чем был до того, как начал свой пост... Я мог поднять ведро воды над головой – обычно я был не силах сделать это.²⁹⁴ Другой опыт относится ко времени пребывания в алипорской тюрьме: Я сконцентрировался. Мой ум задался вопросом: возможны ли такие сиддхи [силы], дающие способность левитации, когда вдруг я обнаружил, что поднимаюсь... В обычных условиях я не смог бы так поддерживать свое тело, даже если бы захотел, и я обнаружил, что тело оставалось подвешенным в таком положении безо всякого усилия с моей стороны.²⁹⁵ В другой раз Шри Ауробиндо, купив на базаре в Пондишери большую порцию опиума, достаточную, чтобы свалить несколько человек, принял ее, не испытав никаких неприятных последствий – он сделал это просто для того, чтобы проверить контроль сознания. Четвертым примером мы обязаны нетерпению одного ученика, который сетовал на то, что не получил достаточно быстрого ответа на свои письма: *Вы не представляете, - ответил Шри Ауробиндо, - что мне приходится тратить по 12 часов на обычную корреспонденцию. Я работаю над ней по 4 часа после обеда и всю ночь до 6 утра... даже каменное сердце ученика должно быть тронуте этим.*²⁹⁶ Сон, питание, гравитация, причины и следствия – Шри Ауробиндо проверял один за другим эти так называемые законы природы, убеждаясь, что они имеют силу лишь в той мере, в какой мы верим в них; если мы изменим сознание, то и «колея» изменится. Все наши законы – всего лишь «привычки».

*Ее принятые неизменные привычки подражают Закону*²⁹⁷

- говорит Савитри о Природе. Ведь на самом деле есть только один истинный Закон – закон Духа, который может изменить низшие привычки Природы: *Дух сделал это, и Дух же может это превзойти, но для начала мы должны открыть двери нашей тюрьмы и научиться жить больше в Духе, чем в Природе.*²⁹⁸ У Шри Ауробиндо нет ни чудодейственных рецептов, ни фантастических трюков; вся его йога основывается на очень простой истине присутствия Духа в нас и Его земного проявления. В этом единственный ключ, настоящий рычаг его работы: *В каждом человеке есть Бог, и проявить его – цель божественной жизни. Все мы можем делать это.*²⁹⁹ Когда один ученик запротестовал, сказав, что только таким исключительным существам, как Шри Ауробиндо и Мать, легко бросать вызов земной природе, тогда как «простые смертные» располагают лишь обычными средствами, Шри Ауробиндо категорически заявил: *Моя садхана – это не чудачество, чудовищность или чудо, совершаемое вне законов Природы, условий жизни и сознания на земле. Если я мог делать эти вещи или если они могли происходить в моей йоге, значит, их можно сделать, так что такое развитие и трансформация возможны в земном сознании... Во мне не было побуждения к духовности – я развил ее. Я не был склонен к метафизике – я развился в философа. У меня не было глаза художника – я развил его в ходе йоги. Я трансформировал свою природу из того, чем она была, в то, чем она не была. Я делал это особым образом, не с помощью чуда, и я делал это, чтобы показать, что можно сделать и как это может быть сделано. Я делал этот не из-за какой-то личной необходимости и не с помощью какого-то внешнего чуда. Я утверждаю, что если бы это было не так, тогда моя йога бесполезна, а жизнь моя была бы ошибкой – просто нелепым капризом Природы, не имеющим значения или последствий.*³⁰⁰ Согласно Шри Ауробиндо, истинный ключ состоит в том, чтобы понять, что Дух является не противоположностью жизни, а ее полнотой, и внутренняя реализация является ключом к внешней реализации:

Прикосновение Небес исполняет, а не перечеркивает нашу Землю³⁰¹

Когда человечество ухватит этот простой рычаг, освободившись от своей тысячелетней привычки отсылать Дух на небеса и верить в смерть, верить в свои законы, верить в свою малость, тогда мы будем спасены и готовы для божественной жизни. Шри Ауробиндо приходил прежде всего для того, чтобы показать нам, что нет никакой необходимости убегать на небеса, чтобы найти Дух, и мы свободны, мы сильнее всех законов, потому что в нас – Бог. Нам надо только поверить в это, ибо вера приближает феерию мира. *То, что спасало меня все время – это совершенный баланс. Прежде всего, я верил, что нет ничего невозможного, и в то же время я мог подвергать сомнению все.*³⁰² Однажды, когда Шри Ауробиндо стали умолять возобновить политическую борьбу, он немедленно ответил, что необходимо *не восстание против Британского правительства, что может организовать кто угодно... а восстание против всей вселенской Природы.*³⁰³

Первые ученики – их было около пятнадцати – помнят ту совсем особую, сконцентрированную на высшем атмосферу, царившую на первом этапе работы. Словно играючи, к ним приходили чудесные переживания, происходили божественные манифестации, и казалось, что законы природы понемногу начали отступать. Иными словами, завеса между физическим миром и другими планами сознания стала очень тонкой, так что существа, называемые нами богами, или силы надразума могли проявляться, воздействовать на законы и вызывать то, что мы называем чудесами. Если бы все так и продолжалось, Шри Ауробиндо и Мать оказались бы на пути основания новой религии, и Ашрам стал бы одним из «святых мест», где «духовное благоухание» скрывает более прозаические запахи. Однажды, когда Мать рассказала Шри Ауробиндо об одном из последних необычных случаев, он с юмором заметил: *Да, это очень интересно, твои чудеса прославят нас по всему миру, ты потрясешь всю землю; действительно [Шри Ауробиндо улыбнулся] это будет великий успех.* Затем он добавил: *Но это творение Надразума, а не высочайшая истина. Не к этому мы стремимся; мы хотим установить на земле сверхразум, создать новый мир.* Через полчаса, – рассказывает Мать, – все было кончено. *Я никому ничего не сказала, ни слова, но за полчаса я снесла все, оборвала связь между богами и людьми, разрушила все это. Ведь я знала, что пока все будет по-старому, все это будет оставаться таким притягательным (все время видеть поразительные вещи), что всегда будет искушение продолжать это... Я уничтожила все. И с того времени мы начали снова и на новом основании.*

Так закончился первый этап. Шри Ауробиндо и Мать испытали силу сознания и увидели, что «управляемые чудеса» могут лишь подсластить пилюлю, но не затронуть суть вещей. Эти «чудеса» бесполезны с точки зрения трансформации мира. Настоящая проблема, *истинная вещь*, как говорит Мать, состоит не в том, чтобы изменять Материю снаружи посредством мимолетных «сверхъестественных» вмешательств, а изменить ее основательно изнутри, создать новый физический базис. История знает немало «святых мест», но ни одно из них не оправдало наших ожиданий. Мы достаточно прожили под знаком богов и религий: *Я не собираюсь давать свою санкцию на новое повторение старого фиаско, санкцию на частичное и преходящее духовное открытие без настоящего радикального изменения законов внешней природы.*³⁰⁴ Левитация, победа над сном, голодом и даже над болезнями затрагивают лишь поверхность проблемы. Все это негативная работа, направленная *против* существующего порядка и подразумевающая принятие (пусть даже негативное)

старого устройства, тогда как должен измениться сам порядок, хорош он или плох, ведь хорошее в нем неизбежно соседствует с плохим. Все эти «чудеса» - лишь обратная сторона нашего бессилия. Нам нужен не улучшенный мир, а новый мир, не «сконцентрированная вверху», а «сконцентрированная внизу» атмосфера, если можно так сказать. И все здесь, внизу, должно стать Святым Местом. 24 ноября 1926 г. Шри Ауробиндо неожиданно заявил, что уходит в полное уединение, и Ашрам был «официально» передан под управление Матери. Не было необходимости говорить ученикам, что отныне йога будет проходить в «подсознательном и несознательном»: все они упали с высоты своих великолепных переживаний, чтобы столкнуться с гораздо более трудными и жесткими реальностями. Начался второй этап работы по трансформации.

Фундаментальный Агни

Незадолго до своего уединения в 1926 г. Шри Ауробиндо беседовал с одним французским физиком. Замечания Шри Ауробиндо, которые в то время могли показаться загадочными, проливают особый свет на направленность его собственных опытов. Разговор шел о «современной» науке:

В современной науке есть два положения, представляющие особый интерес с оккультной точки зрения:

- 1) Атомы – вращающиеся системы, как и солнечная система*
- 2) Атомы всех элементов состоят из одних и тех же частиц. Различные комбинации этих частиц – единственная причина различных свойств элементов.*

Если эти положения рассмотреть в их истинном аспекте, то они могли бы привести науку к новым открытиям, о которых она сейчас не имеет никакого представления и по сравнению с которыми нынешнее знание ничтожно. (Напомним, что разговор происходил в 1926 г.!)

И Шри Ауробиндо продолжил: *В соответствии с опытом древних йогов... Агни тройственен:*

- 1) обычный огонь, джада Агни*
- 2) электрический огонь, вайдьюта Агни*
- 3) солнечный огонь, саура Агни*

Науке известны лишь первые два вида огня. Тот факт, что атом подобен солнечной системе, может привести ее к познанию третьего вида огня.³⁰⁵

На что указывал Шри Ауробиндо? И как это он мог знать (не говоря уже о риши, **живших** шесть тысяч лет тому назад) еще до того, как это открыла наука, что солнечное тепло – Саура Агни – имеет другое происхождение, чем то, что мы называем просто огнем или электричеством; что это солнечное тепло является продуктом ядерного синтеза, и солнечная энергия – это та же самая энергия, которая заключена в атомах? Нашу науку, берущую в расчет только «конкретную реальность», возможно, обескуражит тот факт, что все наши физические реальности, каким бы они ни были, являются отражением внутренней реальности, предстающей их причиной и их основанием; нет ни одного материального элемента, который не являлся бы представителем соответствующей внутренней реальности – начиная с наших собственных органов, являющихся материальными представителями или материальной «опорой» центров сознания. Все здесь является отброшенной тенью или символическим выражением света или силы, стоящей позади, на другом плане. Весь мир – это обширный Символ. Наука анализирует явления, вводит в уравнения гра-

витацію, вес, расщепление атомов и т.д., но она затрагивает лишь следствия, не касаясь истинной причины. Йогин видит причину раньше следствия. Ученый улавливает причину по следствию, а йогин выводит следствие из причины; он может предвидеть несчастный случай, который произойдет завтра, судя по соответствующей силе, которая уже стоит за ним на каком-либо плане. Ученый манипулирует следствиями, что порой приводит к катастрофам; йогин видит причину или, скорее, отождествляется с Причиной и может изменять следствия или, как говорит Шри Ауробиндо, «привычки», которые мы называем законами. В конечном счете, все наши физические эффекты – следствия, систематизированные нами в виде законов – являются лишь привычным средством для проявления стоящих за ними сил. В этом смысле все наши уравнения ничем не отличаются от ритуальных диаграмм, определенных ингредиентов, определенных формул, требующихся магу для вызова соответствующих сил. Весь мир – это грандиозное магическое действо, постоянная магия. Но земные диаграммы и все ингредиенты, которые мы тщательно и неизменно систематизировали, все наши точные формулы – это просто условность. Земной ритуал может измениться, если, перестав быть загипнотизированными следствиями, мы обратимся к стоящей за ними причине, находящейся в мире Мага. Рассказывают историю об одном индусском брамине, который каждый день во время совершения обряда привязывал своего кота, чтобы тот не мешал ходу ритуала. Но вот брамин умер, умер и его кот. И теперь сын брамина, тоже ставший богослужителем, купил нового кота, чтобы привязывать его на время церемонии! Сын унаследовал от отца привычку привязывать кота, считая ее необходимым инструментом эффективного проведения ритуала. Возможно, что в наших бесспорных законах хватает таких маленьких котиков. Если подняться к силе, скрытой за физической подоплекой, к «истинному движению», как говорит Мать, тогда становишься свидетелем Великой Игры, далекой от той жесткости, которую мы ей приписываем. За явлением гравитации, если взять один из наших ритуалов, стоит то, что древние йоги называли *Вайю*, – причина гравитации и электромагнитных полей (как это отметил Шри Ауробиндо еще во время беседы в 1926 г.); именно это позволяет йогинам в известных случаях не поддаваться закону гравитации. За солнечным или ядерным огнем стоит фундаментальный Агни; этот духовный Агни есть везде, он «дитя вод, дитя лесов, дитя вещей неподвижных и дитя вещей, которые движутся. Даже в камне он есть», – говорит Ригведа (I.70.2). Это та «золотая горячая пудра», о которой говорила Мать, это истинная причина позади следствия, изначальная сила за материальной, атомной подоплекой: «другие огни – лишь ветки твоего ствола» (I.59). И поскольку Шри Ауробиндо и риши видели этот духовный Агни в Материи, это «солнце во тьме», то они могли знать о его материальном, атомном проявлении и ядерных реакциях на Солнце задолго до наших научных открытий. И именно потому, что они знали причину, они имели основание говорить о трансформации.*

В конце концов, вся вселенная сверху-донижу состоит из одной субстанции божественного Сознания-Силы, и аспектом силы или энергии сознания является Агни: «О, Сын Энергии», – говорит Ригведа (VIII.84.4). Это Сила Сознания, это тепло, пламя, на каком бы уровне мы ее не чувствовали. Когда мы концентрируемся в уме, мы ощущаем тонкое тепло ментальной энергии, ментального Агни; когда мы кон-

* Физический свет, в котором сочетается предельная скорость и полная неподвижность, является ярким символом всевышнего Сознания. Точно также, физическое солнце – это символ всевышнего Могуущества, как это виделось в древних традициях, не таких уж наивных, как мы полагали. «Но индусские йоги, реализовавшие эти переживания», – отмечает Шри Ауробиндо, – «не стремились обратить их в научное знание. Перед ними были открыты другие поля деятельности и иные источники познания, и они пренебрегли тем, что для них было лишь самым внешним аспектом проявления.»

центрируемся в своем сердце или в своих эмоциях, мы ощущаем тонкое тепло энергии жизни, витального Агни; когда мы погружаемся в свою душу, мы испытываем тонкое тепло души, психического Агни. Но на самом деле есть только один Агни, единый поток Сознания-Силы или сознания-энергии или сознания-тепла, принимающий различную интенсивность в зависимости от уровня. Наконец, есть фундаментальный Агни или материальный Агни, представляющий конечную стадию энергии сознания перед его обращением в Материю. Это место перехода одного в другое (вспомним переживание Матери: «Это Движение, превосходящее силу или мощь, удерживающую клетки в индивидуальной форме»). Современная наука, в конце концов, тоже установила, что Материя и Энергии переходят друг в друга: $E = mc^2$ - это великое открытие; однако наука еще не увидела, что Энергия есть сознание, Материя есть сознание, так что управляя сознанием, можно управлять Энергией или Материей. Для преобразования Материи в Энергию науки известны лишь физические процессы, выделяющие громадное тепло, тогда как знание фундаментального Агни, являющегося сутью Энергии или Сознания-Силы, позволяет, в принципе, управлять Материей и осуществлять ту же трансмутацию, не доводя свое тело до состояния живого факела.

Таким образом, беседа 1926 года преподносит нам два материальных факта (и их духовное основание), чрезвычайно важных с точки зрения трансформации. Первый – все без исключения земные формы состоят из одних и тех же элементов, и только разница на уровне атомного строения порождает различные формы (это материальное отражение духовного факта Единства мира; мир сделан из одной субстанции – божественной субстанции: «Ты – мужчина и женщина, мальчик и девочка, старый и потрепанный, ты ходишь, согнувшись над клюкой; ты – голубая птица и зеленая и красноглазая», - говорит Шветашватара Упанишада (IV.3.4)). Без этого единства субстанции трансформация была бы невозможна, поскольку всякий раз нужно было бы менять что-то еще. Второй факт: солнечный огонь в Материи – это материальное отражение фундаментального Агни, являющегося, как подчеркнул Шри Ауробиндо в той же беседе, *строителем форм*. Овладеть Агни – значит, быть в состоянии изменять формы, трансформировать Материю: «Не вкушает восторга (дважды рожденных) тот, кто незрел и чье тело не прошло через жар огня», - говорит Ригведа (IX.83.1), - «только те могут вынести тот восторг и наслаждаться им, кто был подготовлен пламенем.» Именно эта горячая золотая пыль преобразит свое материальное отражение – ядерную пыль в нашем теле: *Тонкий процесс будет мощнее грубого, так что тонкое действие Агни сможет осуществить то, на что сейчас требуются такие физические изменения, как повышение температуры.*³⁰⁶ Наши атомы тоже не более чем удобная привычная диаграмма вечного ритуала, ибо ничто не фиксировано раз и навсегда, ничто не неизбежно, и нет конца всевозможным комбинациям, как и нет предела новому Человеку.

Второй этап (тело)

Второй этап работы начался в 1926 году и растянулся до 1940 года. Это был этап индивидуальной работы над телом и в подсознательном. У нас уже есть все ключи и нити, чтобы достичь супраментального сознания, и нам также известен фундаментальный принцип трансформации. Это Агни «делает всю работу», - говорит Ригведа (I.1.5). Но как на практике Агни осуществит изменение Материи? Мы еще не можем этого сказать, наше знание еще слишком отрывочно: *Если бы мы зна-*

ли процесс, - говорит Мать, - он был бы уже осуществлен. Все прошлые реализации досконально описаны в индийской традиции; мы знаем, что надо делать, чтобы достичь Нирваны, реализовать космический Дух, найти душу, победить гравитацию, голод, холод, сон, болезни, выходить по желанию из своего тела и продлевать свою жизнь – каждый может достичь этого, пути известны, этапы описаны провидцами и индусскими шастрами еще тысячи лет тому назад. Это лишь вопрос дисциплины и терпения – и «подходящего момента» тоже. Но трансформации никто никогда не осуществлял; это совершенно неизведанный путь, как путешествие в несуществующую еще страну. Возможно, что-то подобное происходило в то время, когда первые ментальные формы начали появляться в мире Материи и Жизни – как первые организмы, воспринявшие ментальные вибрации, могли понять это странное явление и, самое главное, как они могли сказать, что надо делать, чтобы овладеть мыслью? Прочитируем еще раз Мать: *Вы не знаете, является ли то или иное переживание частью пути; вы даже не знаете, прогрессируете ли вы или нет, ибо если бы вы знали, что прогрессируете, это означало бы, что вы знаете путь – но нет пути! Никто не ходил туда! Мы не сможем сказать, что это за путь, пока не пройдем его.* Это путешествие в неизвестное, - говорил Шри Ауробиндо. Перед этим новым творением мы уподобляемся первым приматам. Поэтому дальше мы можем указать лишь на некоторые общие линии развития или, скорее, на трудности, не будучи уверенными, что они действительно составляют часть процесса. Опыт идет. Когда он удастся раз, всего лишь раз, в одном-единственном человеческом существе, тогда изменятся сами условия трансформации, ведь путь будет проложен, и главные препятствия будут устранены. В тот день, когда Платон сотворил *Федра*, он поднял все человечество до возможностей Федра, а в тот день, когда одно-единственное человеческое существо преодолеет трудности трансформации, оно поднимет все человечество до возможностей светлой, истинной и бессмертной жизни.

Но, во всяком случае, можно представить первую проблему, с которой сталкивается искатель. Нам прекрасно известно, что когда Агни загорается в нашем разуме в моменты вдохновения, он порождает значительное напряжение, почти физический жар; когда он загорается в сердце в минуты воодушевления, наша грудь уподобляется горячей топке, столь раскаленной, что может измениться цвет кожи, и тогда даже неискушенный глаз может заметить нечто вроде ореола, почти свечения вокруг йогина. Когда Агни загорается в нашем витальном в момент призыва силы или космической открытости, возникает словно сконцентрированная пульсация на уровне пупка, и почти лихорадочная дрожь распространяется по всему телу, поскольку слишком много силы входит через такой узкий канал. Но что же тогда будет с этой горячей золотой пудрой, этим вином молний³⁰⁷ в клетках тела? *Все тело начинает вскипать*, - говорит Мать на своем простом языке, - как котел, готовый взорваться. Риши тоже говорили, что можно разбиться, как «полуобожженный горшок», если идти слишком быстро. Кроме того, было бы чуть проще, если предстояло бы сотворить нечто совершенно новое, но надо исходить из того, что у нас есть, надо *перейти* из нынешнего состояния в другое состояние, от старой организации к новой: остается старое сердце и старые легкие – так в какой же момент остановится сердце, чтобы позволить Силе работать вместо себя? Труден сам переход. Поэтому требуется повторение и повторение крошечных дозированных переживаний, чтобы приучить клетки тела не паниковать во время перехода. Стало быть, первая проблема – адаптировать тело, а на это потребуется годы и годы и, возможно даже, века. Шри Ауробиндо работал над этим сорок лет, Мать – пятьдесят. На практике все сводится к тому, чтобы выдержать и прогрессировать, опережая

смерть. По сути, - говорит Мать, - вопрос состоит в том, чтобы знать, кто придет первым в этой гонке трансформации: тот, кто хочет трансформировать свое тело по образу Божественной Истины, или старая привычка тела к распаду.

Ведь, конечно, работа должна быть проделана за одну жизнь. Из жизни в жизнь можно восстанавливать прежние достижения нашей души и разума, даже витального; эти достижения проявятся в текущей жизни в виде спонтанных расцветов, врожденных способностей или изначально высокого уровня сознания. Достаточно лишь поупражняться лет десять-двадцать, чтобы вновь ухватить нить прежних жизней; причем даже бывают поразительные переживания, когда ясно видится точка, на которой закончились достижения прошлых жизней и с которой начинается новый прогресс. Мы вновь подхватываем нить наших прежних достижений души, разума и витального. Но, что касается тела, очевидно, что прогресс клеток, прогресс физического сознания не может перейти в следующую жизнь: все рассеивается на погребальном костре или в земле. Так что если мы хотим непрерывности человеческой эволюции, если мы хотим, чтобы Супраментальное существо появилось в нашей плоти, а не в каком-нибудь новом организме, который вытеснит наше ментальное человечество, нужно, чтобы какое-нибудь человеческое существо завершило работу за одну жизнь. Осуществленное хотя бы раз, это достижение может быть передано другим (мы к этому еще вернемся). Шри Ауробиндо говорил – а у него было ясное видение – что потребуется триста лет на то, чтобы смогло появиться первое Супраментальное существо – светлое, пластичное и т.д., каким мы и пытались его описать. Стало быть, за неимением полного супраментального существа (Платон тоже родился не за один день), требуется, по крайней мере, сотворить в нашей плоти переходное существо, связующее человеческое и сверхчеловеческое. Иными словами, требуется существо, которое не только реализует Супраментальное сознание, но и чье тело будет достаточно бессмертным (если можно так выразиться), чтобы выдержать переходной период и, в то же время, будет достаточно сильным и пластичным, чтобы провести собственную трансмутацию, либо породить Супраментальное существо собственной энергией, не прибегая к обычному земному способу рождения. Ведь тяжелая животная и человеческая наследственность, отягощающая наше подсознательное и автоматически передающаяся при физическом зачатии, является одним из основных препятствий трансформации, столь же трудным, если не более, чем «кипение» Агни. В этом состоит вторая проблема и, возможно, настоящая трудность, которая будет посерьезнее прочих трудностей, связанных с телом. Таковы две фундаментальные задачи, с которыми столкнется искатель: придать клеткам тела сознание бессмертия, которое уже есть у нашей души и даже у нашего разума, и полностью очистить подсознательное. Прогресс Агни в теле, зависит, по-видимому, от этих двух условий. И, как всегда, вся работа сводится к работе сознания.

Прежде всего требуется, чтобы тело выдержало долгий переходной период. В связи с этим выясняется, что проблема бессмертия всегда связана с проблемой истины. Бессмертно то, что истинно. Если бы мы были полностью истинными, мы были бы полностью бессмертными, сверху-донизу. До сих пор по-настоящему бессмертна лишь наша душа, представляющая истину Духа в нас; это она переходит из жизни в жизнь, растет, прогрессирует, становится все более сознательной. Разум тоже может быть бессмертным – в той степени, в какой он организован вокруг центральной Истины, думает об Истине и хочет Истины – и тогда легко отыскиваются и возвращаются его старые формации, так что некоторые истины кажутся невероятно близкими, а потребность в истине – необъяснимо настоящей. Витальное

тоже может стать бессмертным, если оно объединилось с центральной Истиной психического, и тогда мы выходим в иное измерение, родное нам, как тысячелетия; но такое происходит нечасто, поскольку наша жизненная сила гораздо более занята «важными» повседневными делами, чем стремлением к созиданию истинной жизни. Чем ниже спускаешься по шкале сознания, тем гуще становится ложь и реальнее смерть, ведь сутью лжи является разложение. И если в витальном уже недостает света, то тем более в теле – оно наполнено ложью. Старость и болезни – самая очевидная ложь тела, ибо как Истинное может стать старым, уродливым, изношенным, больным? Истина лучезарна, красива, светла и вечна. Это очевидно. Истина непобедима. Смерть и старость одолевают нас за недостатком Истины в нас.

Однако признаем, что Смерть мудра: бессмертный И.И.Иванов был бы настоящей профанацией бессмертия. В конечном счете, Смерть – верный страж Истины. Примечательно, что и здесь все имеет два лика: с одной стороны, надо сражаться, бороться, говорить «Нет»; с другой стороны, надо воздать должное и благодарить, говорить «Да» и еще раз «Да». Надо уметь и то, и другое. Так, сражение с «ложью тела» – болезнями, несознанием, старением – следует начинать лишь в последнюю очередь, после трансформации более высоких уровней – витального и ментального – когда вся остальная часть существа уже живет в Истине, укоренилась в Истине. Было бы ошибкой думать, что можно предпринять супраментальную йогу еще до того, как пройдены все предыдущие этапы – надо подняться до самого верха, чтобы быть в состоянии спуститься до самого низа, мы знаем это. Так же, как молчание является условием ментальной трансформации, а мир и покой – основным условием витальной трансформации, так и неподвижность является фундаментом физической трансформации – но не внешняя неподвижность, а внутренняя, в сознании клеток тела. Благодаря ментальному молчанию и витальному покою мы научились различать бесчисленные вибрации мира, скрытые побуждения, заставляющие нас действовать, чувствовать, мыслить. Точно также, благодаря неподвижности физического сознания мы начинаем распутывать причудливое сплетение вибраций физического уровня и видеть, из какого теста мы сделаны. На клеточном уровне мы живем в полном хаосе: это настоящий вихрь ощущений, то сильных, приятных, то болезненных, острых, резких взлетов и таких же стремительных падений, и если вдруг хоть на секунду останавливается эта коловерт, сразу же возникает тревожная пустота, которую требуется любой ценой заполнить любыми ощущениями, лишь бы они были. Человек чувствует себя живым лишь когда не прекращается эта свистопляска. Поэтому основанная задача и здесь – ввести полный покой в весь этот хаос (имеется в виду не ровность души, а ровность на уровне клеток). Тогда истина сможет начать работать и там. В состоянии ровности клеток наше тело уподобляется прозрачному водоему, в котором малейшая вибрация станет ощутимой и, значит, контролируемой. На фоне этой прозрачности выявится сплетение всех сил болезни, разложения и лжи, всех искажений подсознательного, всей их ужасной пресмыкающейся фауны – и тогда у нас появится возможность распутать весь этот клубок и выловить всех «зверюшек». В конечном счете, «кипение» Агни возникает не столько из-за неспособности наших клеток к адаптации, сколько из-за *сопротивления* «нашей» тьмы. Только эта очистительная неподвижность может «расчистить почву» и высвободить молниеносное Движение Агни без разрушительных последствий для тела.

Когда более-менее установится эта неподвижность на уровне клеток, мы сделаем первое открытие. Мы столкнемся с основным препятствием, которое может превратиться в основного помощника в работе по трансформации, поскольку всегда

и на любом плане встречное сопротивление в точности соответствует силе, необходимой для того, чтобы сделать шаг вперед; это одновременно и мертвый груз, и рычаг. Мы уже распознали под нашим мыслящим умом «витальный ум», который находит чудесное оправдание всем нашим желаниям и побуждениям; за ним идет «физический ум», который тысячи раз повторяет одно и то же, как заезженная пластинка. Но есть еще и более глубокий слой, как бы «ментальная первооснова», которую Шри Ауробиндо назвал *клеточным умом*. Это действительно ум клеток или групп клеток, очень похожий на физический ум по своей неистощимой способности повторять старую песню, но охватывающий не только область мозга и не ограниченный только механическим перемолом обрывков мыслей. Ум клеток – повсюду в теле, как миллионы маленьких голосов, которые легко услышать, как только очищены все прочие ментальные слои. Этот ум неустанно ворошит даже не остатки нашей сознательной деятельности, а любые сенсорные впечатления: стоит лишь какой-то группе клеток оказаться затронутой каким-либо впечатлением, будь то страх, шок или заболевание, как они начинают до бесконечности воспроизводить свой страх, свою напряженность, свою склонность к дезорганизации или воспоминание о своей болезни. Это «стадный», абсурдный ум, охватывающий соседние клетки и все вибрирующий и вибрирующий, без конца; он всегда настроен на прежние «частоты», подхватывая одни и те же разлагающие внушения и неизменно отвечая на одни и те же раздражители, как собака Павлова на звон колокольчика. Это страх жизни, въевшийся в Материю. И, конечно же, та маленькая инициатива, которая отпущена уму клеток, всегда идет на притяжение (через страх) всевозможных расстройств и, в конечном счете, на притяжение несознания смерти как средства избавления от всего этого кошмара. За счет «сложения голосов» этот ум обладает грандиозной силой (как полчища муравьев могут одолеть слона), но его тупая механистичность может служить истине так же, как и лжи. Если хотя бы раз настроить его на вибрацию света, то он будет повторять ее с упорством мула и, что примечательно, день и ночь, без перерыва.^{*} Что бы мы ни делали на внешнем плане – работали бы, разговаривали или спали – клеточный ум будет все повторять и повторять свои вибрации, не зависимо ни от чего. Отсюда и огромное значение этого ума для трансформации: он может стать исключительным средством закрепления супраментальной вибрации в теле. Вот что в этой связи говорит Шри Ауробиндо: *Существует также темный ум тела, самих клеток, молекул, частиц. Геккель, немецкий материалист, где-то говорил о воле в атоме, и современная наука, столкнувшись с неопределенностью индивидуального поведения электронов, близка к тому, чтобы принять это выражение Геккеля не просто как метафору, а как отражение скрытой реальности. Ум тела ощутимо реален; из-за своей темноты и механической привязанности к прежним движениям, а также из-за быстрого забвения и отвержения всего нового, он предстает основным препятствием для проникновения супраментальной Силы и трансформации функционирования тела. С другой стороны, однажды обращенный, этот ум станет одним из самых драгоценных инструментов закрепления супраментального Света и Силы в материальной Природе.*³⁰⁸

Что же можно сказать об этой работе? Она кропотливая и микроскопическая в деталях. Делать ее – это не входить в глубокие медитации, касающиеся лишь верхушки нашего существа, не добиваться необыкновенных концентраций или экстазов, а, напротив, быть прямо в гуще вещей, работать на уровне тела, в самом низу,

^{*} Отсюда и польза мантры, которая может направить вибрацию определенной силы в какую угодно точку тела или сразу во все точки, если ее подхватит ум клеток.

ежеминутно день и ночь. Вот почему Шри Ауробиндо так настаивал на необходимости внешней работы и самых обычных физических упражнений – ведь это единственный способ соразмериться с Материей и привнести в нее немного истинного сознания или, вернее, дать возможность Агни проявиться свободно. Именно с этой целью Шри Ауробиндо ходил днем по много часов и работал все ночи напролет. В ходе этой внешней работы и *благодаря* ей искатель выявит все ложные вибрации, все «*ложные складки*» тела, как говорит Мать. И каждую ложную вибрацию нужно будет выправить. Но это все еще негативный подход к делу. Ведь на самом деле во всем мире и в каждой вещи есть только одна великая Вибрация божественной радости – ибо Бог есть Радость; но как только вносится ложь, *сама эта* вибрация тускнеет, становится жесткой и напряженной – и все начинает «скрипеть». Страдание – самый верный признак лжи. Боль – это Ложь мира. Значит, вся задача искателя состоит не столько в том, чтобы бороться с так называемыми плохими вибрациями, сколько хранить истинную вибрацию, ибо она в силах восстановить порядок, снять напряжение, гармонизировать, выправить все мельчайшие ложные вибрации, суживающие и изматывающие, в которых постоянно живут наши клетки. Было бы нудно – как нудна сама работа – описывать всю мельчайшую ложь тела, через которую входит страдание, болезни и смерть. *Делать все истинным способом*, – говорит Мать, а ведь не счесть числа ложных способов делать малейшие повседневные жесты. Приведем пример, указав лишь на один маленький участок работы среди множества других: мы всегда напрягаемся, торопимся, делаем все по несознательной привычке; отвечая на тысячи побуждений внешней жизни (не говоря уж о кризисах), мы физически ведем себя как пациент в кресле стоматолога. Сжавшись и скрючившись, мы делаем все в спешке, через страх, в беспокойстве, из-за жадности – таково наследие миллионов лет животной жизни; наша субстанция помнит о борьбе за выживание, отсюда и постоянное напряжение. Это напряжение является одной из причин смерти и большим препятствием для установления истинной вибрации. Когда мы напрягаемся от удара, мы для защиты собираем всю свою витальную силу в одной точке, и тогда огромный поток разом проходит через узкое отверстие, вызывая покраснение кожи и ощущение боли. Если бы мы научились расширять свое физическое сознание и поглощать удар вместо того, чтобы отражать его, мы бы не страдали, ибо всякое страдание – это ограниченность сознания, на всех уровнях. Точно также, если бы горячая супраментальная пудра внезапно заполнила бы клетки тела, а тело отреагировало бы на это привычным напряжением, то все бы взорвалось. Значит, наше клеточное сознание, как и наше витальное и ментальное сознание, должно научиться расширяться и универсализироваться. В него надо ввести и космическое сознание. В молчании ума становится универсальным ментальное сознание; в витальном покое становится универсальным витальное сознание; в неподвижности тела становится универсальным физическое сознание. Неподвижность, восприимчивость и расширение на клеточном уровне являются, по-видимому, одним из основных условий для того, чтобы сама субстанция тела смогла выдержать Агни, не разрушаясь при этом.

Но тогда сразу же возникает грандиозная проблема. Универсализация физического сознания? Это означает, что индивидуальное тело становится *одним общим* телом, включая в себя все прочие тела со всей их ложью!... Сражение перестает быть индивидуальным – оно охватывает уже весь мир. Это настоящая проблема. В этой физической просветленности, которой добился искатель, он делает еще одно, довольно жесткое открытие: от него уходят все обретенные им ранее йогические силы. Искатель уже обуздал болезни, овладел функциями своего тела и, может быть, даже

поборол гравитацию и может принять любой яд безо всякого вреда; короче говоря, он стал хозяином в своем доме, поскольку хозяином стало его сознание. Но в тот день, когда он приступает к трансформации своего тела, все его чудесные силы вдруг уходят, как вода в песок. Болезни наваливаются на него как на новичка, его органы начинают сдавать, и все идет не так. Кажется, что тело должно забыть свое старое ложное функционирование, чтобы научиться делать все по-новому. И тут в игру вступает сама Смерть. При переходе от старого способа функционирования к новому способу, в котором символические органы заменяются на истинную Вибрацию, грань между жизнью и смертью порой бывает очень тонка – может быть, чтобы по-настоящему победить, надо быть в состоянии пересечь эту грань и вернуться назад? Это то, что Мать назвала *умереть в смерти* после одного из своих опытов, из которого она едва вернулась. Иными словами, надо встретить все лицом к лицу, а все сопротивляется. Но нам уже знакомо подобное явление на более высоких уровнях сознания. Как только искатель встает на путь, все начинает идти наперекосяк: он уже думает, что его ум прочно укоренился в истине, и тут его начинают посещать самые агрессивные внушения и сомнения; он полагал, что уже чист и полностью искренен, и тут к нему цепляется целая вереница витальных ужасов, способных отпугнуть и самых отъявленных негодяев мира сего, да и не только сего. Как говорил Шри Ауробиндо, невозможно разрешить проблему ни на одном плане, не встретившись лицом к лицу со всем, что препятствует Цели. Иначе это будет не победа, а подавление. Нигде, ни на одном плане, не нужно отсекал зло – требуется только убедить его в его собственном свете. Йогин, устранивший болезни своей силой, не решил проблемы: он лишь обуздал силы болезни, вот и все. Ведь вполне понятно, что трансформация не сможет произойти, если эти силы будут просто обузданы и останутся рыскать по углам в ожидании своего часа. И поскольку ничто не может быть убрано из вселенной, их надо обратить. Но как же их обратить? Смерть и болезни повсюду – они в подсознательном всех тел мира. Йогин, победивший болезни и отодвинувший смерть (но ненадолго – и это справедливо) одержал лишь личную победу, и поэтому он и не мог по-настоящему победить – о, как мудр Закон! Йогин лишь создал свою защитную скорлупу и укрылся в ней словно эмбрион света, тогда как все остальное вокруг него продолжает сновать как обычно. И если скорлупа расколется, все вновь вернется! Есть только одно тело! Рамакришна вскрикивает от острой боли, когда недалеко от него хлещут буйвола, а Мать борется с кровоизлиянием, поразившим одного ученика в сотнях километров от нее (даже не зная об этом) – подобные факты ставят нас перед лицом всей проблемы: *тело находится повсюду!* – воскликнула Мать. Вот почему надо одержать победу для всех тел и всей земли. Невозможно ничто трансформировать, если не трансформировать все. В противном случае окажешься совсем один в своем убежище света. И что это даст? Какой прок от того, что один человек трансформирован, тогда как остальные все продолжают умирать? Поэтому тело пионера трансформации – это поле боя всего мира, на котором сходится все, и все противостоит. В самом низу есть одна центральная *точка* – узел жизни и смерти – где разыгрывается судьба мира. В этой точке собрано все.

*Я глубоко и долго копаю
Средь ужаса грязи и топи
Русло для песни золотой реки,
Дом для бессмертного огня...
У меня тысяча зияющих ран...*³⁰⁹

Пионер должен встретиться со всеми трудностями, даже со Смертью, но не для того, чтобы истребить их, а чтобы изменить. Ничто невозможно трансформировать, не взяв на себя: *Ты вынесешь все, чтобы все могло измениться*,³¹⁰ - говорит Савитри. Вот почему Шри Ауробиндо оставил свое тело 5 декабря 1950 года, по официальному заключению из-за обострения уремии – это тот, кто мог за считанные секунды вылечить других! Конечно, трогательно умереть на кресте, но распятия, особенно когда им поклоняются, лишь увековечивают закон смерти. *Не распятое тело спасет мир*, - говорит Мать, - *а тело превознесенное*.

Нет, в этой работе нет ничего зрелищного и показного, это поистине «микроскопическая работа», и копать надо в Грязи мира.

Второй этап (подсознательное)

Таким образом, есть еще один вид трудностей (хотя это все те же трудности в другом облики), которые возникают не из-за сопротивления индивидуальной телесной материи, а из-за сопротивления подсознательного всей земли. Именно там Шри Ауробиндо встретил Смерть, и именно там Мать приняла и продолжила его работу. Чтобы понять суть этой работы, обратимся еще раз к эволюционному процессу в целом. Переход на новую стадию эволюции, будь то появление Жизни в Материи или появление Ума в Жизни, всегда проходил под двойным давлением: давлением снизу или изнутри инволюционного принципа, который стремится появиться, и давлением «сверху» или «извне» того же самого принципа, который уже существует на собственном плане. Например, совместное давление ума, вовлеченного в определенные формы жизни, и Ума, сформированного на собственном плане в ходе нисходящей эволюции или деволуции, привело, в конце концов, к прорыву витальных границ, и тогда Ум внезапно появился в Жизни. Все уже есть в Материи в инволюционном виде, но чтобы «распечатать» инволюционное состояние, требуется давление свыше, отвечающее на зов снизу – оно и ломает печать, как солнце прорывает оболочку семени. Так и Сверхразум, вовлеченный в Материю, оказывает свое давление изнутри в виде духовной жажды, земных стремлений к Бессмертию, Истине, Красоте и т.д.; и, в то же время, он давит сверху, с собственного вечного плана, в форме интуиций, откровений, озарений. Именно об этом на свой лад говорит Писание, неразрывно связывая появление «новой земли» с появлением «новых небес» («новые небеса и новая земля, где будет пребывать Истина»), ведь без новых небес или, точнее, нового супраментального уровня сознания, не может появиться новая земля. Новая земля явится порождением новых «небес» супраментального сознания – точно также, как нынешняя земля является порождением старых ментальных или надментальных «небес» богов и религий. И так на всех стадиях эволюции: верх и низ действуют сообща. Но появление нового «верха» или нового уровня сознания, на каком бы этапе эволюции это ни происходило, не подобно мановению волшебной палочки, внезапно преобразующей все. Между появлением первых амёб под небом Жизни и появлением млекопитающих, прошли, как мы знаем, миллионы лет, потребовавшиеся на то, чтобы преодолеть материальную инерцию и «витализировать» Материю. А Платона и неандертальцев разделяют целые тысячелетия, ушедшие на преодоление сопротивления двух предыдущих стадий эволюции и «ментализацию» Жизни до становления полностью ментального человека. Но даже сейчас много ли людей живет действительно «под знаком ума», а не под знаком

вита́льных страстей? Вся работа пионера эволюции, на какой бы стадии она ни происходила, состоит как раз в том, чтобы соединить новый верх с прежним низом; и когда верх встречается с низом, завершается очередной эволюционный цикл. Таким образом, когда пионер ментальной эволюции вдруг выходит в Супраментальное, его прорыв не оказывает эффекта магического жеста, внезапно переворачивающего все прежние законы. Он не сразу становится полностью супраментальным существом, как и неандерталец не сразу стал Платоном; он должен «супраментализировать» все предыдущие уровни. Конечно, в его сознании встречаются всевышний Верх и предельный Низ, Дух и Материя, Позитив и Негатив, и его способности, естественно, существенно возрастают, но они возрастают лишь соразмерно с тем новым препятствием, которое ему предстоит преодолеть. Ведь чем дальше идет эволюция, тем более глубокие слои она затрагивает: принцип Жизни колонизировал лишь материальную корку мира; принцип Ума более или менее колонизировал свое недавнее прошлое, ментальное подсознательное и старые разлады Жизни; а принцип Сверхума сталкивается не только с ментальным и витальным подсознательным, но и с еще более далеким прошлым, с физическим подсознательным и самим Несознательным – чем выше поднимаешься, тем к большим глубинам притягиваешься. Эволюция движется не только все выше и выше, все дальше в небо, но и все глубже и глубже, и каждый цикл или каждый эволюционный круг замыкается все ниже, чуть ближе к тому Центру, где окончательно соединяются всевышний Верх и предельный Низ, небо и земля. Поэтому пионер должен вычистить все промежуточные уровни – ментальный, витальный и материальный – чтобы два полюса смогли наконец сойтись. И когда они сойдутся не только ментально и витально, но и материально, тогда Дух и проявится в Материи в полном супраментальном существе и в супраментальном теле.

Вся земля станет проявленным домом Духа³¹¹

Шри Ауробиндо и Мать постоянно занимались очищением этих промежуточных уровней. Возможно, трудности адаптации тела к супраментальному Агни, в конечном счете, обоснованы и необходимы. Возможно, на самом деле, эти трудности носят не материальный, а стратегический характер, если можно так сказать. В действительности, Шри Ауробиндо и Мать обнаружили, что трансформация – это не только индивидуальная проблема, а проблема всей земли, так что индивидуальная трансформация невозможна (или, по крайней мере, она не будет полной), пока не достигнут определенный уровень коллективной трансформации. И как только коллективная эволюция продвинется достаточно далеко, может статься, что трудности материального плана, кажу́щиеся сейчас непреодолимыми, рухнут в одночасье как картонный домик. Нет ничего, невозможного, просто всему свое время. Все препятствия, какого порядка они бы ни были, на деле оборачиваются ценными помощниками Истины, чьи намерения мы пока не разгадали. Нашему внешнему поверхностному видению кажется, что трансформация вызывает проблемы чисто материального порядка (ведь мы всегда ставим телегу впереди лошади), но на самом деле все трудности носят внутренний и психологический характер. Очевидная трудность адаптации тела к «кипящему» Агни связана с общим состоянием сознания всей земли, как мы увидим это. Но мы все говорим загадками; лучше процитируем замечание Шри Ауробиндо одному из учеников: *Я вычерпываю, вычерпываю, вычерпываю трясину подсознательного... Супраментальный свет начал нисходить перед ноябрем [1934 года], но затем поднялась вся грязь, и нисхождение прекратилось.*³¹²

Еще раз Шри Ауробиндо убедился в том (но теперь уже не на индивидуальном, а на коллективном уровне), что если слишком сильно притягивать свет, то вся темнота внизу принимается стонать и бунтовать. Стоит отметить, что всякий раз, когда Шри Ауробиндо и Мать имели переживания, отмечавшие новый прогресс в трансформации, у их учеников, даже не знавших ничего об этом, начинался период острых трудностей, порой с протестами или заболеваниями, словно все принималось «скрипеть». Теперь мы начинаем понимать весь этот механизм. Если бы на пигмея внезапно низошел просто ментальный свет современного образованного человека, то, вероятно, бедный малый претерпел бы преждевременный внутренний переворот, который нанес бы ему непоправимый урон и свел бы его с ума. Внизу еще слишком много джунглей. Мир еще полон джунглей – вот, в двух словах, в чем дело; наша ментальная колонизация – это тоненькая корка на едва ли осевшем болоте четвертичного периода.

Риши Вед, говоря о силах и существах подсознательного, называли их «те, кто скрывают», «те, кто поглощают» или «те, что украли Солнце» – лучше и не скажешь, это безжалостные воры. Стоит нам сделать какой-то прогресс, притянув новый свет или более-менее интенсивную вибрацию, как нас вдруг словно накрывает удушающим колпаком и затягивает вниз, где все разлагается в ужасной духоте. И тогда вибрация, бывшая прежде такой гармоничной, такой ясной, такой светлой, такой пластичной, сразу покрывается плотным липким слоем – как будто теперь надо пробиваться сквозь километры саргассовых водорослей, чтобы глотнуть хоть немного света. На что ни посмотришь, к чему ни притронешься, что ни начнешь делать – все словно разлагается и загнивает из-за этого вторжения снизу. Все теряет свой смысл. А внешние условия остаются прежними, ничто не изменилось. *Это как борьба без победителей*, – писал Шри Ауробиндо в 1915 году, – *в которой ни одна из сторон не может добиться явного преимущества (в чем-то это напоминает «окопную войну» в Европе): духовная сила теснит сопротивление физического мира, а оно цепляется за каждый дюйм и предпринимает более или менее серьезные контратаки... Не будь силы и Ананды внутри, эта работа стала бы изнурительной и отвратительной.*³¹³ Эта битва кажется нескончаемой. «Копаешь и копаешь», – говорит Ригведа, и чем глубже копаешь, тем дальше кажется дно. «Я копаю и копаю... осень за осенью я тружусь день и ночь, и с каждой зарей я старею. Возраст скрадывает великолепие наших тел», – так тысячи лет тому назад сокрушалась Лопамудра, жена риши Агастья, тоже стремившаяся к трансформации: «Даже люди былых времен, умудренные в Истине и разговаривавшие с богами... даже они не достигли цели.» Но Агастью не так-то легко обескуражить; его ответ великолепно отражает дух **риши**-покорителей: «Ничто не тщетно в работе, которой покровительствуют боги. Вкусим противодействия всех сил, победим даже здесь, выиграем эту битву-гонку у стоглавого противника.» (I.179). И это действительно гидра. Из ночи в ночь, во сне или с широко открытыми глазами, искатель открывает довольно странные миры. Одно за другим он вскрывает все места, где зарождаются все человеческие извращения, войны, концентрационные лагеря – это тот самый низ, который подготавливает все отвратительное, что мы переживаем здесь. Искатель застает в их норах все мерзкие силы, порождающие в людях низость и жестокость:

*Одиноким исследователем в этих зловещих царствах,
Охраняемых как термитники от солнца.*³¹⁴

Чем большим светом обладает искатель, тем с большей темнотой он сталкивается. Ночь за ночью, идя по следу, он вскрывает скрытое гниение, подтачивающее корни Жизни – как можно что-либо трансформировать, пока есть эта гангрена? Поскольку разум и витальное искателя уже достаточно прочно укрепились в истине и достаточно чисты, чтобы не подвергаться нападению со стороны этих скрытых сил, то их объектом атаки становится тело, поскольку тело – последнее убежище Лжи. Тогда очень хорошо видны те лазейки, через которые болезни и смерть входят в тело – каждое поражение там означает поражение здесь – и ощутимо, конкретно и в деталях становится понятна вся тщетность усилий тех, кто хотел исправить мир внешними средствами и новыми институтами: не успеешь исправить зло в одном месте, ликвидировать его в другом, как оно тут же возрождается где-то в других местах, в другом уголке, в другой форме. Зло находится не вовне, а внутри, внизу, и пока не вылечена эта Болезнь, невозможно исправить мир. Как сказал Шри Ауробиндо: *Старые боги... умеют переселяться.*³¹⁵

В самой глубине, за всеми беспорядками, за страхом, великим Страхом, охватившим все в своих глубинах, обнаруживается безмерная Усталость, нечто, что не хочет, говорит «Нет» как всей горести жизни, так и вторжению света. А если идти еще дальше, то в конце этого великого отрицания наступает избавление в мертвой неподвижности камня в самом низу, подобно тому, как в самом верху приходит избавление в экстазе света: Смерть – не противоположность Жизни! Это обратная сторона или дверь к светлому Сверхсознательному – в самом конце этого «Нет» есть «Да» и еще раз «Да», заставляющее нас всякий раз возрождаться в новом теле, с целью радости манифестации. Смерть – лишь сожаление о недостигнутом «Да», а великая Усталость в самом низу – теневой образ Блаженства. Смерть не противоположна Жизни! Это темное избавление тела, еще не нашедшего светлого избавления в вечной радости. Когда тело обретет этот экстаз, эту безмерность света и радости в собственной плоти, тогда и не будет нужна смерть.

Где здесь «мое», где «я» во всем этом? Где «моя» трудность, «моя» смерть, «моя» трансформация? Искатель прорвал тонкую корку личного подсознательного и оказался во всем мире, так что теперь сопротивляется весь мир: *Это не мы развязываем войну, это все идет войной на нас!* Мы думаем, что все мы разделены – каждый в своей шкуре, со своим «внутренним» и «внешним», с индивидуальными и коллективными границами – но на самом деле все связано между собой! В мире нет ни одного извращения, ни одного позора, который не имел бы корней в нас; нет ни одной смерти, к которой мы не были бы причастны. Мы все в одинаковом положении и равным образом «виноваты» во всем – никто не спасен, пока не спасено все! Это не трудность какого-то одного из тел, а трудность *всего этого* Тела, как говорила Мать (причем она даже не ставила заглавной буквы «Т»). Шри Ауробиндо и Мать открыли, на опыте, *материально*, субстанциональное единство мира: невозможно прикоснуться ни к одной точке, не затронув всех точек, невозможно сделать и шага вперед или вверх без того, чтобы и весь мир не сделал такой же шаг. Мы назвали эту трудность «стратегической», и вполне возможно, что божественная стратегия не хочет, чтобы какая-то точка могла прогрессировать в одиночку, без всех остальных точек. Вот почему риши Вед не достигли успеха шесть тысяч лет тому назад. Полная и устойчивая индивидуальная трансформация невозможна без определенного, пусть даже минимального, уровня трансформации всего мира.

Так подошел к концу второй этап работы по трансформации. После четырнадцати лет (с 1926 по 1940 г.) работы, сконцентрированной на индивидуальном и

проведенной с горсткой преданных учеников, Шри Ауробиндо и Мать уперлись в глухую стену. Как только супраментальный свет приближался к земле, чтобы воссоединиться с тем же светом, заключенным в Материи, так из коллективного подсознательного поднимались тонны грязи и покрывали все. *Чтобы выручить человечество, - отметил Шри Ауробиндо, - недостаточно, чтобы индивид, сколь бы высоким он ни был, индивидуально достиг окончательного решения, ведь даже когда Свет уже готов низойти, он не сможет закрепиться до тех пор, пока низший план тоже не станет готов перенести давление Нисхождения.*³¹⁶ Знаменательно (возможно, больше, чем мы думаем), что кульминация второго этапа работы по трансформации совпала с началом второй мировой войны. Когда нисходящий Свет давит на одно человеческое тело, тогда и тело всего мира начинает накаляться. Знаем ли мы в самом деле, в чем благо этого мира, а в чем зло?

Столкнувшись с коллективным сопротивлением, Шри Ауробиндо и Мать оказались перед старым вопросом: не лучше ли отделиться от остального мира и быстро прогрессировать с несколькими учениками, вызвать трансформацию, а затем вернуться к коллективной работе, чтобы распространить завершенную (или частично завершенную) в себе трансформацию на всю землю? (Та же идея побуждала многие духовные, оккультные, рыцарские и прочие группы уединяться в каком-нибудь тайном месте, поодаль от мира, чтобы делать свою работу, не заражаясь коллективными вибрациями.) Но вскоре стало ясно, что это иллюзия, что впоследствии разрыв или *атмосферная пропасть*³¹⁷, по выражению Шри Ауробиндо, между новой реализацией и старым миром будет столь значительным, что он никогда не будет преодолен. И к чему индивидуальный успех, если его невозможно передать остальным? Если супраментальное существо внезапно появится на земле, никто не увидит его! Наши глаза должны сначала открыться к иному способу жизни. *Если вы пойдете по открытому для вас пути (ведь бывают как готовые идти существа, так и открытые для кого-то пути), не дожидаясь терпеливо остальных, то есть, если вы реализуете нечто очень близкое к Истине по сравнению с нынешним состоянием мира, то к чему это приведет? К распаду определенной целостности, нарушению не только гармонии, но и равновесия, поскольку целая часть творения не сможет последовать за вами. И вместо полной и тотальной реализации Божественного будет маленькая локальная реализация, и не будет достигнуто ничего из того, что в конечном счете должно быть сделано. Более того, - подчеркивала Мать, - в одиночку невозможно сделать работу во всей ее полноте, поскольку любое физическое существо, сколь совершенным оно бы ни было и сколь превосходными качествами оно бы ни обладало, даже если ему уготована совершенно особенная работа, оно всегда частично и ограничено. Оно представляет лишь какую-то одну истину, один закон в мире – этот закон может быть очень сложным, но все равно это только один закон – так что полнота трансформации не может быть достигнута через него одного, через единственное тело... В одиночку можно достичь собственного совершенства, стать бесконечным и совершенным в своем сознании. Внутренняя реализация не знает границ. Но внешняя реализация, напротив, неизбежно ограничена, так что для полной работы требуется какой-то минимум физических личностей.*

В 1940 г., после четырнадцати лет индивидуальной концентрации, Шри Ауробиндо и Мать открыли двери своего Ашрама. Так начался третий этап трансформации – работа на масштабе своей Земли, продолжающаяся до сих пор.

Третий этап (Ашрам)

«Ашрамом» в Индии традиционно считается духовное или религиозное сообщество, члены которого, собираясь вокруг Учителя, отрекаются от мира ради того, чтобы полностью посвятить себя медитациям, концентрациям, йогическим упражнениям и достичь «освобождения». Ашрам Шри Ауробиндо не подпадает под это определение – общим будет разве только тот факт, что вокруг Шри Ауробиндо и Матери собрались их ученики. Ашрам Шри Ауробиндо нельзя назвать каким-то экзотическим монастырем, и, уж тем более, пристанищем для тех, кто ищет мира и покоя. Скорее он похож на кузницу: *Ашрам был создан не для ухода от мира, а как практический центр и поле для эволюции иного способа и формы жизни.*³¹⁸ Еще до своего ареста в Бенгалии, в то время, когда Шри Ауробиндо даже не помышлял о создании ашрама, он уже сказал: *Духовная жизнь находит самое мощное свое выражение в человеке, который живет обычной человеческой жизнью, вливая в нее силу Йоги... Именно благодаря такому единению внутренней и внешней жизни человечество в конце концов возвысится и станет могущественным и божественным.*³¹⁹ Значит, Шри Ауробиндо хотел, чтобы его Ашрам был вовлечен в обычную повседневную жизнь, в коллективную человеческую массу, ведь трансформация должна произойти именно здесь, а не на каких-то гималайских вершинах. Поэтому не удивительно, что более 1200 учеников всех национальностей и всех социальных слоев, мужчины и женщины, а также 400-500 детей, были рассеяны по всему городку Пондишери, занимая более 300 домов. Там нет никаких стен или ограждений (защищает внутренний свет), так что мир с его базаром начинается прямо с порога каждого дома.*

Любой западный человек, приезжавший в Ашрам с целью обрести покой и научиться «йоге» был сразу же разочарован. Прежде всего, никто и не помышлял учить его чему бы там ни было (скорее наоборот, следовало бы разучиться много чему); не проходили никакие «занятия», не было никакого обучения – были только книги Матери и Шри Ауробиндо, доступные всем (как, впрочем, и книги, относящиеся к другим учениям, будь то традиционным или нетрадиционным). Не было никаких правил. Ученик должен был открыть все сам, в себе самом, посреди активной внешней жизни. Он был предоставлен самому себе. Да и как ввести какие-то правила для работы, охватывающей все уровни эволюции (ментальный, витальный и физический), все человеческие типы и любые традиции (кто-то был воспитан в христианстве, кто-то в даосизме, исламе, буддизме, а кто-то был вообще атеистом)? Каждый должен открыть свою истину, не обязательно совпадающую с истиной его соседа. Некоторые верили в добродетель аскетизма (несмотря на то, что Шри Ауробиндо говорил об этом), и они старались вести уединенную жизнь, как аскеты; другие предпочитали дзюдо или футбол, третьи привыкли «черпать знания» из книг, четвертые занялись производством, будь то выплавка нержавеющей стали, изготовление ароматических препаратов или производство сахара на современном сахарном заводе. Словом, были все занятия на любой вкус. Те, кто любили рисовать – рисовали; те, кто любили музыку, имели в своем распоряжении любые музыкальные инструменты, будь то индийские или западные; те, кому нравилась педагогическая деятельность, становились учителями Международного Центра Образования, охватывавшего все образовательные уровни, начиная с детского и заканчивая

* Далее рассказ об Ашраме пойдет в прошедшем времени, поскольку в нем отражена ситуация на момент написания книги (1963 г.). С тех пор, особенно после ухода Матери в 1973 г., многое изменилось, что отметил сам Сатпрем в английском издании книги. – *примечание переводчика*

университетским. Также была типография, научные лаборатории, сады, рисовые поля, технические мастерские по обслуживанию легковых автомобилей, грузовиков и тракторов, рентгеновский кабинет и операционная. Были представлены все виды человеческой деятельности. Это был микрокосм. Тот, кто верил в добродетель простой работы, мог стать пекарем, посудомойкой или плотником. Никакой вид деятельности не считался более престижным или предпочтительным и не оплачивался. Обо всех жизненных потребностях Ашрама заботилась Мать, и каждый получал то, что ему было нужно. Единственно настоящая работа – открыть истину своего существования, а внешняя работа – всего лишь средство для достижения этой цели. Зачастую по мере пробуждения сознания происходила и смена деятельности, поскольку довольно быстро рушилась старая система ценности занятий, и деньги больше не имели никакого значения. Так что тот, кто, например, считал себя врачом по призванию, вдруг обнаруживал, что ему больше подходит труд простого ремесленника, а у казалось бы заурядного человека вдруг открывался поэтический или художественный талант. Происходил полный пересмотр внешних ценностей, так как теперь значил только внутренний критерий. Однажды один ученик спросил Мать, как лучше всего сотрудничать в деле супраментальной трансформации, и получил следующий ответ: *Путь всегда один: реализовать свое существо – неважно, какими средствами и каким способом – это единственный путь. Каждый индивид несет в себе свою истину, и именно с этой истиной он должен объединиться и ею жить. И путь, которым он следует, чтобы соединиться с этой истиной и реализовать ее, является также путем, который ближе всего подводит его к Трансформации. Иными словами, личная реализация и трансформация неразрывно связаны друг с другом. Может быть, это многообразие подходов даже раскроет нам Тайну и откроет двери, кто знает?*

В Ашраме не было и общинной жизни как таковой – была только внутренняя связь. Некоторые ученики сохранили привычку (с тех дней, когда Мать проводила беседы с детьми Ашрама) собираться дважды в неделю для коллективных медитаций. Но, главным образом, ученики собирались вместе для занятий спортом (была и общая столовая, но многие предпочитали питаться у себя дома, со своими семьями или одни; был также театр и кинотеатр). Можно было заниматься любым видом спорта, от традиционной хатха-йоги до тенниса и бокса, и почти каждый ученик посвящал один-два часа в день спортивным занятиям. Море было рядом, но был и вместительный плавательный бассейн. Были также баскетбольные и волейбольные площадки, гаревая дорожка, гимнастический зал, боксерский ринг, зал дзюдо и т.д. Занимались всеми видами спорта и в любом возрасте – от пяти до восьмидесяти лет. Но спорт не был каким-то культом и, вообще, не было никаких догматов веры – была только вера в божественные возможности человека и в более истинную жизнь на земле. *Все вы здесь, дети мои, живете в обстановке исключительной свободы, - говорила Мать самым юным ученикам, - ... Никаких социальных принуждений, никаких моральных принуждений, никаких интеллектуальных принуждений, никаких правил или устоев; есть только Свет, присутствующий здесь.* Но этот Свет очень требовательный, и именно там началась работа на масштабе всей земли.

Но как можно говорить о работе на масштабе всей земли, если она охватывает только 1200 человек или пусть даже сто тысяч? Дело в том, что Ашрам в Пондишери являлся только точкой концентрации работы – собственно говоря, Ашрам находится везде в мире, где есть люди, стремящиеся к более истинной жизни, и не важно, знают ли они что-либо о Шри Ауробиндо или нет – ведь их внутренняя ориентировка или их внутренняя воля автоматически подводит их к «плавильному тиглю»

трансформации. Трансформация не является чьей-либо прерогативой – напротив, ей требуется множество людей и самых разных. Таким образом, Ашрам был лишь *символическим* центром – наподобие того, как лаборатория является символическим местом создания вакцины, которая принесет пользу миллионам людей; сам Шри Ауробиндо часто называл свой Ашрам лабораторией. Масштабы работы будет легче понять, если мы примем во внимание, что каждый человек представляет определенную совокупность вибраций, и каждый входит в контакт с определенной зоной Подсознательного. Каждый из этих миров, на вид таких разнообразных, состоит на самом деле из нескольких типичных вибраций, так что за многообразием форм (или, скорее, деформаций), существ, мест и событий какой-то одной зоны скрывается одна и та же вибрация. Когда мы становимся немного сознательными и начинаем спускаться в подсознательное, чтобы работать там, мы с удивлением, даже с изумлением, замечаем, что порой люди, такие разные при встрече их на ментальном или витальном плане, почти сливаются и неразличимы в Подсознательном! Так что люди, разнящиеся по вероисповеданию, живущие в разной культурной среде, принадлежащие разным социальным слоям и придерживающиеся разных моральных принципов, могут относиться к одному и тому же *типу* и не отличаться друг от друга в Подсознательном, *как будто можно увидеть одного через другого*, как говорила Мать. Правда, из-за того, что наше видение ограничено, мы обычно видим только двух-трех человек одного за другим, но если бы мы обладали тотальным видением, мы увидели бы тысячи и тысячи людей, стоящих за ними и словно слипшихся друг с другом. Некоторых людей никогда не встретишь вместе в Подсознательном, хотя во внешней жизни они могут быть очень близки друг к другу – и наоборот. Тем самым проясняется механизм работы на масштабе всей земли: *Каждый, - говорит Мать, - является инструментом для овладения определенной совокупностью вибраций, представляющих его особое поле работы.* Каждый из нас в силу своих качеств и *изъянов* соприкасается с определенной зоной земного сознания, представляющей его часть коллективной трансформации. Как раз в этом кроется причина того, почему трансформация не может произойти через одного единственного индивида, ведь сколь бы великим он ни был, сколь бы сложной ни была его внутренняя организация и сколь бы обширными ни были освоенные им области ментального, витального и подсознательного, все равно он представляет только одну совокупность вибраций. Самое большее, он может трансформировать лишь тот тип вибраций, который он представляет, да и то не наверняка, ибо в конечном счете все связано друг с другом. Также понятно, почему святые не могли достичь трансформации, ведь вакцина готовится не святостью, а той долей человеческой болезни, которую отваживаешься принять на себя. В любом случае болезнь никуда не девается, только в одном случае человек закрывает на это глаза и уносится в экстазе, а в другом – засучивает рукава и приступает к работе со своими лабораторными пробирками. Когда один давний ученик горько посетовал на то, какая человеческая мешанина собралась в Ашраме и какие «невозможные» люди в нем живут, Шри Ауробиндо ответил: *Необходимо или даже неизбежно, чтобы в Ашраме, являющемся лабораторией... для духовной и супраментальной йоги, человечество было представлено самыми разными типами. Ведь трансформация должна происходить как с благоприятными, так и с неблагоприятными элементами. И, на самом деле, любой человек несет в себе смесь этих двух типов элементов. Если бы в эту йогу пришли только сатвичные и развитые люди без особых витальных трудностей, тогда все это начинание может не удастся по той причине, что витальный элемент земной природы не достаточно широко представлен и преодолен.*³²⁰ Дру-

гой ученик, вероятно, в минуту раскаяния, написал Шри Ауробиндо: «Что же мы за ученики!... Лучше бы вы выбрали или позвали кого-то из лучшего «материала» - возможно, таких как Z.» На что Шри Ауробиндо ответил: *В отношении учеников я согласен! Все так, но будет ли этот лучший материал, если он и существует, типичным для человечества? Занятия с исключительными типами вряд ли решили бы всю проблему. Да и согласятся ли они следовать за мной? – это еще вопрос. И если их как следует проверить, то не вскроется ли вдруг обычная человеческая природа – это другой вопрос.*³²¹ Мне не нужны сотни тысяч учеников. Достаточно будет и сотни людей, лишенных эгоизма, которые станут инструментами Бога.³²²

Практически эта работа делается через преодоление каждой нашей трудности, являющейся символическим представлением той же общей трудности в мире – если какая-то вибрация затрагивается в одном индивидуе, то она же затрагивается во всем мире. *Каждый из вас, - говорила Мать, - представляет одну из трудностей, которую надо преодолеть ради трансформации – значит, трудностей немало! Это даже больше, чем трудности; кажется, как я уже говорила вам, что каждый из вас представляет невозможность, которую надо разрешить; и когда все эти невозможности будут разрешены, Работа будет сделана.* Каждый индивид, как мы знаем, имеет свою тень, которая никогда не оставляет его и, как кажется, противоречит самой цели его жизни. Это та особая вибрация, которую он должен трансформировать, это его поле работы, его Гордиев узел. В этом одновременно вызов его жизни и ее возможная победа. Это его вклад в коллективную эволюцию на земле. Но эта земная лаборатория предъявляет особые требования к работе каждого: если в обычной жизни или индивидуальной йоге тень не такая уж настоящая и в конце концов исчезает или, точнее, отходит в забвение, то в йоге на масштабе всей земли мы вдруг обнаруживаем, что эта тень никуда не делась и продолжает неотступно преследовать нас, как если бы мы не одержали над ней личную победу – ведь теперь мы стали бороться с той же вибрационным узлом на масштабе всей земли. Такое впечатление, что искатель становится особым полем боя, символизирующим острое сражение все с тем же сплетением тьмы, но теперь во всем человечестве. *Вы больше не делаете йогу только для себя, вы теперь делаете йогу для всего мира, неумышленно, автоматически, - говорит Мать.* И искатель на самом себе убеждается в единстве субстанции всего мира: занимаясь исправлением одной-единственной вибрации в себе самом, он сталкивается с сопротивлением мириад родственных вибраций во всем мире. Это то, что Шри Ауробиндо называет «йогой для земного сознания».³²³ Принимая жизнь, искатель интегральной йоги должен нести не только свою ношу, но и значительную часть мирового бремени, неразрывно связанную с его собственной и без того тяжелой нагрузкой. Поэтому его йога больше, чем другие йоги, похожа на сражение; и это не индивидуальное сражение, а коллективная война на громадной территории. Искатель должен победить силы эгоистической лжи и беспорядка не только в себе самом, но и победить их как представителей тех же самых враждебных неутомимых сил всего мира. Этот представительный характер придает им гораздо больше упорства в сопротивлении, дает им право возвращаться и нападать снова и снова. Зачастую оказывается, что даже выиграв личное сражение, искатель должен выигрывать его вновь и вновь в кажущейся нескончаемой войне, поскольку его внутреннее существование уже настолько расширилось, что не только содержит в себе его собственное существо с его определенными потребностями и переживаниями, но и солидарно с другими существами, ведь в себе он несет всю вселенную.³²⁴

Придет ли когда-нибудь конец этой работе? Можно подумать, что Подсознательное – это нескончаемая клоака (недаром риши называли его «бездомной ямой»), и что если для осуществления супраментальной трансформации надо ждать его полного очищения, то не исключено, что ждать придется очень долго. Но так только кажется. Новорожденный человек не вносит ничего нового в общее подсознательное и несознательное: он черпает из того же источника и повторяет все те же вибрации, бесконечно кружащиеся в земной атмосфере. Человек не может породить новую тьму, как не может он и создать новый свет. Человек – лишь инструмент (сознательный или несознательный) того или другого, но чаще всего и того, и другого. В мир не привносятся никакие новые вибрации кроме вибраций сверхсознательного Будущего, которые постепенно нисходят и растворяют или преобразуют вибрации нашего эволюционного прошлого. Сегодня Подсознательное и Несознательное уже не такое темное и жесткое, как две тысячи лет тому назад, и все мы причастны к этому. Внедрение Будущего в настоящее является ключом к трансформации мира. Йога приближает Будущее, а пионеры эволюции служат инструментами, притягивающими вниз все более мощные вибрации. Так что работа искателя – это не столько негативная работа по очищению Подсознательного, сколько позитивная работа, призывающая свет; искатель способствует нисхождению вибраций Будущего, которые ускоряют ход этого очищения. Слово «нисхождение» характерно для йоги Шри Ауробиндо, как мы уже говорили: *Если и бывает нисхождение в других йогах, то оно случается лишь как эпизод на пути или вытекает из восхождения – главной целью остается восхождение. Здесь же восхождение служит первым шагом, средством для нисхождения. Именно нисхождение нового сознания, достигающееся посредством восхождения, является отличительным признаком этой садханы... целью в ней является божественное исполнение жизни.*³²⁵ И под «нисхождением» здесь не понимается резкое быстрое движение вверх, за которым следует столь же скоротечное движение вниз. Речь не идет о том, чтобы ненадолго заныривать вниз и понемногу чистить там, словно отбывать какую-то провинность: все дело в том, чтобы низ перестал быть низом. Приведем простой прозаический пример (а процесс трансформации весьма прозаичен): можно ходить по базару среди темного люда или путешествовать ночью по пагубным местам Подсознательного – но и то, и другое можно делать с той же интенсивностью сознания, с тем же светом и покоем, как когда сидишь у себя дома в глубокой медитации. Это и есть «нисхождение». Нет больше разницы: высокое и низкое одинаково наполняются светом и покоем. Субстанциональное единство мира работает в обоих направлениях: если невозможно прикоснуться ни к одной тени, не затронув всех теней в мире, то верно и обратное: прикоснувшись к свету, мы неизбежно воздействуем на все тени вокруг. Заразительны все вибрации – хорошие тоже. Каждая одержанная победа – победа для всех. Было бы удивительно, если бы это было не так! *Это же все одно Бытие!* – восклицала Мать. Есть только одно сознание, одна субстанция, одна сила, одно тело мира. Вот почему Шри Ауробиндо мог сказать о Матери и о себе: *Если Сверхразум низойдет в наше физическое, это будет означать, что он низошел в Материю, так что нет никакой причины, почему бы ему не проявиться в садхаках.*³²⁶

Чем выше поднимается искатель, тем более доступны для него зоны внизу – Прошлого, к которому он может прикоснуться, в точности соответствует открытому им Будущему – и тем больше его сила для коллективной трансформации. До сих пор вниз была низведена только ментальная или, в лучшем случае, надментальная сила, которая не в состоянии затронуть самые низкие слои, но теперь, когда благодаря реализации Шри Ауробиндо и Матери супраментальная или духовная сила

низошла в земное сознание, можно ожидать, что всевышнее Будущее соприкоснется с самым Дном и ускорит очищение и, значит, и эволюцию всего человечества. Йога – это процесс сконцентрированной эволюции, и ускорение идет в геометрической прогрессии: *Первое темное движение эволюционной Силы в Материи отмечено эонической постепенностью; Жизнь продвигается медленно, и все же ее этапы укрупняются, укладываясь в тысячелетия; Ум может подогнать неторопливую поступь Времени и добиваться своих свершений за столетия; но когда вмешивается сознательный дух, эволюция может начать идти семимильными шагами.*³²⁷ Мы достигли этой точки. Содрогания современного мира являются, несомненно, знаком того, что нисходящее Давление все нарастает, и мы приближаемся к истинному решению. *Может статься, что однажды начавшись, супраментальное предприятие не будет быстро продвигаться даже к своей первой решающей стадии; может случиться так, что потребуются долгие столетия усилий, чтобы зародилось нечто постоянное. Но это вовсе не неизбежно, ведь принципом таких изменений в Природе видится долгая смутная подготовка, за которой следует стремительный сбор и низвержение элементов в новое рождение, быстрое обращение, трансформация, кажущаяся чудом в своей светоносной спонтанности. Даже когда произойдет это первое решительное изменение, наверняка не все человечество сможет сразу же подняться на этот уровень. Произойдет деление на тех, кто сможет жить на духовном уровне, и тех, кто сможет жить только в свете, нисходящим оттуда на ментальный уровень. А еще ниже может появиться огромная масса тех, кто подвержен влиянию этого света, но еще не готов для него. Но даже это будет трансформацией и начинанием, далеко превосходящим все, достигнутое до сих пор. Эта иерархия не будет означать, как в нашей сегодняшней витальной жизни, эгоистического господства более развитых над менее развитыми, а просто старшие братья поведут за собой младших и будут помогать им подняться на более великий духовный уровень и к более широким горизонтам. Но и для лидеров эволюции это восхождение на первые духовные уровни не явится концом божественного марша, кульминацией, за которой уже нечего достигать на земле. Ведь на супраментальном плане будут еще более высокие уровни^{*}, о чем знали древние поэты эпохи Вед, говорившие о духовной жизни как о постоянном восхождении.*³²⁸

«Жрецы слова взбираются по тебе как по лестнице, О стосильный. По мере подъема с вершины на вершину становится ясным многое из того, что еще предстоит сделать.»^{**}

По сути дела, все века мы подготавливали это Основание – основание для не-что иного. Мы заложили немало основ: основу самосохранения и благосостояния посредством нашей науки, основу милосердия посредством наших религий и моральных канонов, основу красоты и гармонии посредством наших искусств, ментальную основу скрупулезной точности – но все это еще не то. Поглощенные своим усилием к совершенствованию, мы смотрим на великую Работу лишь под одним углом, будь то под углом земного бессмертия, как риши Вед, углом вечного Постоянства, как Будда, углом милосердия, углом благосостояния – под каким угодно углом, уподобляясь детям, играющим в свои кубики. Но ничто из этого не является целью, ничто еще не начиналось! А что же, собственно, началось?... Возможно, ожидается,

^{*} Шри Ауробиндо распознавал три уровня или плана внутри Супраментального. Мы не будем останавливаться здесь на этом.

^{**} Ригведа, I.10.1

чтобы мы только стали сознать Игру – и тогда она начнется. Со времен Жюль Верна не осталось новых приключений, а старые **приключения** не принесли нам ничего. Какая война, какая революция еще стоит того, чтобы проливать за нее кровь? Все наши Эвересты покорены, а глубины морей больше не таят загадок – все просматривается, просчитывается, даже стратосфера. Может быть, все это подводит нас к единственно подлинному открытию в этом мире, все более душащем нас? Посчитав себя слепыми кротами на этой земле, мы решили «исправить» великий внутренний Глаз и наши вселенские крылья, заменив их железными машинами, которые все больше подавляют нас. Возможно, эта безысходность заставит нас поверить в самих себя и в то, что мы можем лучше обходиться без машин. «Они все ходят и ходят кругами, спотыкаясь и падая, как слепцы, ведомы слепцом», – как давно уже сказали Упанишады (Мундака Упанишада, I.2.8). Не пришло ли время оторвать свой взгляд от своих жалких кубиков и начать Игру? Вместо того, чтобы орудовать лопатами, кирками, евангелиями и нейтронами, давайте лучше поднимем целину сознания и бросим в нее семя новой жизни.

*О, принуждаемая Силой и Судьбой рожденная на земле раса,
О, недалекие путешественники в бесконечном мире
И узники карликового человечества,
Доколь вы будете ходить кругами разума
Вокруг своего маленького я и мелочных вещей?
Не для неизменной малости вы были предназначены,
Не для тщетного повторения вы были созданы...
Всемогущие силы заперты в клетках Природы.
Более великая судьба ждет вас впереди...
Жизнь, которую вы ведете, скрывает свет, коим вы являетесь.³²⁹*

Бросая взгляд через старую стену, мы видим, что все уже здесь и только ждет, чтобы мы этого захотели:

*Я видел, как они пересекали сумерки веков,
Солнцеглазые дети чудесной зари...
Потрясающие сокрушители мировых преград...
Архитекторы бессмертия...
Тела, озаренные светом Духа,
Несущие магическое слово, мистический огонь,
Несущие чашу радости **Диониса**...³³⁰*

...

Железный Век пришел к концу.³³¹

Условия прихода века Истины могут показаться суровыми – рискованное нисхождение в Подсознательное, битва с Мраком, угроза Смерти. Но разве мы не рисковали своими жизнями в более мелких предприятиях? *Величие человека – не в том, чем он является, а в том, что он делает возможным*, – говорит Шри Ауробиндо.³³² Надо победить всего лишь раз, в одном теле. Когда один-единственный человек одержит эту Победу, это будет означать победу для всех людей и во всех мирах. Ибо эта маленькая земля, кажущаяся такой незначительной, является символическим

полем боя, охватывающим все космические иерархии – точно также, как сознательное человеческое существо является символическим полем битвы для всего человечества – если мы победим здесь, мы победим везде. Мы освободим мертвых и откроем жизнь. Становясь сознательным, каждый из нас становится строителем небес и спасителем земли. Именно поэтому жизнь на земле принимает такое исключительное значение среди прочих способов жизни, и именно поэтому хранители Лжи так настойчиво проповедуют нам о потусторонней жизни. *Нам не следует понапрасну тратить время, надо делать свою работу здесь, - говорит Мать, - ибо именно здесь мы действительно можем делать ее. Не ждите ничего от смерти, жизнь – ваше спасение. Именно в жизни надо осуществить трансформацию; именно на земле идет прогресс, происходит реализация. Именно в теле одерживается победа.* Тогда закон эволюции перестанет быть законом противоположностей, побуждающих нас оставить наше человеческое детство. Законом эволюции станет закон света и бесконечного прогресса – это будет новая эволюция в радости Истины. Победу надо одержать только раз. Одно озаренное Духом тело разрушит железный закон для всех тел. Но требуется сотрудничество всех людей, чтобы одержать эту единственную Победу – в этом вся трудность трансформации. *Если земля взывает ко Всевышнему, а Он отвечает, то час может пробить даже сейчас.*³³³

КОНЕЦ, КОТОРЫЙ ВЕЧНО НАЧИНАЕТСЯ ВНОВЬ*

Реализация риши Вед стала коллективной: Сверхразум вошел в земное сознание, спустившись в физическое подсознательное, к самой границе с Материей. Осталось навести один лишь мост, чтобы произошло соединение Верха и Низа. *Родился новый мир*, - сказала Мать. *Сейчас мы находимся в переходном периоде, когда переплетено то и другое: старый мир, все еще могущественный, продолжает настаивать и преобладать в обычном сознании, но уже просачивается новый мир, еще такой скромный и незаметный, что внешне пока почти ничто не изменилось... Но он работает, растет, пока однажды не станет достаточно сильным, чтобы утвердить себя видимо.* Однако трудности есть не только в подсознательном.

В поверхностном сознании тоже есть немалая трудность, ставшая бронзовой дверью на пути нового мира. И это не наш материализм, как можно было бы подумать – ведь ученые, если они искренни, могут первыми пробиться к Истине – а чудовищный духовный панцирь, под которым мы похоронили Дух. Настоящая уловка дьявола состоит не в том, чтобы подхватывать ложь или ненависть и сеять их по всему миру, как это делали Аттила и нацисты (а дьявол гораздо хитрее и коварнее), а захватывать крупницы истины и придавать им ложный поворот. Нет ничего более неподатливого, чем извращенная истина, ибо ложь наследует всю мощь захваченной ею истины. Нам все время твердили, что спасение – на небесах, и это верно: пока человек погребен в Материи, для него нет спасения; его спасение – на небесах сверхсознательного. Вероятно, для начала надо было проповедовать о небесах, чтобы вытянуть нас из нашей первой эволюционной оболочки, животной и экономической. Но это было лишь первой целью и первой стадией эволюции. А теперь эта цель, затвердевшая как камень, оборачивается против нас. Мы отрицали Божественность в Материи, и теперь Материя мстит нам: мы называли ее грубой, и она стала грубой. Пока мы допускаем этот Дисбаланс, у земли не будет надежды: мы так и будем раскачиваться между двумя полюсами, одинаково ложными – материальным наслаждением и духовной строгостью – и никогда не найдем полноты. *Древняя интеллектуальная культура Европы кончила разрушительным сомнением и немощным скептицизмом, а набожность Азии привела к застою и упадку.*^{сссxxxiv*} Нам нужна как основательность Материи, так и свежие воды Духа, но наш материализм груб до невозможности, а наши верования – только обратная сторона неверия. *Атеист – это Бог, играющий в прятки с Самим Собой; но отличается ли от него Теист? Что же, возможно, и да; ибо он видел тень Бога и хватался за нее.*^{сссxxxv}

Если мы хотим исправить этот Дисбаланс – а вместе с ним и дисбаланс в нашем теле, наших обществах и наших космических циклах – нам надо научиться видеть. Мы потеряли Слово из прошлого – вот итог нашей эпохи. Мы заменили подлинную силу машинами, а истинную мудрость – догмами. Это царство гномов, на всех планах. И царство гномов никуда не денется, пока мы не покончим с этими умерщвляющими полуистинами, сверху-донизу, и не погрузимся в истинный источник, Вовнутрь, чтобы вновь обрести практическую тайну Духа в Материи. «То, что бессмертно в смертных... есть бог, водворившийся внутри и дарующий нам божественные силы.» (Ригведа, IV.2.1). Зная Тайну, ни риши Вед, ни мудрецы древних

* Sri Aurobindo. "Savitri".

* Эти строчки были написаны в 1914 г. Возможно, с тех пор что-то изменилось, но наверняка это не скажешь.

Мистерий не делали чудовищного деления, которое теперь подрывает нас – «наш Отец – небо, наша Мать – земля» – и они не рубили с плеча, отправляя в потустороннее наше человеческое свершение и полноту: «Победим даже здесь, выиграем эту битву-гонку у стоглавого противника.» Достигнув вершин сознания, они не растворились в бесцветном экстазе: «Я – сын Земли, почва – моя мать...» (Атхарваведа, XII.1). Путешествуя до границ Бесконечного, они не считали малостью происходящее здесь: «О Божество, храни для нас Бесконечное и одаряй конечным.» (Ригведа, IV.2.11). «О Земля, позволь воспеть красоту твою в твоих деревьях и лесах, в твоих войнах и битвах.» (Атхарваведа, XII.44.56). Они боролись и были неуязвимыми, ибо знали, что Бог внутри нас: «О Сын тела... полный счастья и света, победоносный, кому невозможно нанести урон.» (III. 4.2, 9.1). Это победоносная истина прямых людей, для которых смерть – ложь и поражение. Это истина божественной радости на земле. Конечно, их истина была преждевременной для орд Европы, которым надо было услышать сначала о небесах, а затем о земле; но, может быть, наконец-то пришло время раскрыть Мистерию – будь-то мистику риши Вед, орфиков, алхимиков или катаров – и открыть полную истину двух полюсов в *третьей позиции*, не являющейся ни позицией материалистов, ни позицией традиционных духовных учений. *Ключом является не вознесение человека на небеса, а его восхождение здесь в дух и нисхождение духа в обычное человечество, трансформация земной природы. Ибо именно это, а не какое-то загробное спасение является настоящим первым рождением, которого человечество ждет как вершащего движения своего долгого, темного и болезненного пути.*^{cccxv}

Шри Ауробиндо несет нам послание надежды. Наше царство гномов является, в конечном счете, лишь знаком появления нового; за нашим мраком и нашими закатами всегда вынашивается более великий свет, который должен низойти, чтобы разрушить пределы. И есть только два способа разрушить пределы: через избыток света или избыток тьмы. В одном случае наша тьма ввергается в свет и растворяется в нем, а в другом – свет вторгается в нашу тьму и преобразует ее. В первом случае освобождается несколько индивидов, во втором – вся земля. Десять тысяч лет тому назад несколько гигантов среди людей вырвали Тайну мира, но она осталась привилегией горстки посвященных, тогда как теперь все должны стать посвященными. Десять тысяч лет тому назад мы жили в Золотом веке, а теперь все кажется поглощенным тьмой, но на самом деле это не ночь накрыла мир, как говорят пророчицы Конца Света, а свет был погребен в мире. Нам суждено было позабыть Тайну, человечество должно было спуститься и пройти через ночь века разума и религий, чтобы все смогли вновь обрести всю Тайну и найти свет повсюду, подо всем мраком, под всеми невзгодами и под всей малостью, а не только у священного очага какого-нибудь ведического или персидского святилища. Мы – в начале Времен. Эволюция не уносится стрелой, теряющейся в небесах, а идет по спирали: *Это не извилистый путь возвращения к исходной точке; напротив, он ведет все творение к радости бытия, красоте бытия, величю бытия и вечно прогрессирующему развитию этой радости, этой красоты, этого величия. Тогда все обретает смысл. Это вечная спираль, не заканчивающаяся в какой-то высочайшей точке, ведь Высочайшее находится повсюду в мире, в каждом существе, каждом теле, каждом атоме. Это постоянное восхождение от уровня к уровню, все выше и выше, чтобы обретать силы нисходить все ниже и ниже, охватывая все больше и больше, и все больше раскрывать. Мы в начале «Шири», которая будет становиться все обширнее. Пионеры эволюции уже открыли несколько уровней Супраментального на новом ветке вечного Становления. С каждой покоренной высотой меняется все, происходит поворот сознания –*

новые небеса и новая земля; недалек тот час, когда и сам физический мир изменится перед нашим недоверчивым взглядом. И, наверное, это не первый решительный поворот в истории – сколько их было до нас? И сколько еще было с нашим участием, если бы мы только согласились быть сознательными. *От одной стадии к другой будут происходить последовательные повороты сознания, приносящие всегда новое богатство творения.* Всякий раз Чародей в нас поворачивает свой калейдоскоп, и все вдруг меняется, становясь все более широким, более истинным, более красивым. Нам надо лишь открыть глаза, ибо радость мира – у наших дверей, если только мы хотим ее:

*Мучения Земли были платой за сокрытый в ней восторг...
Ибо для радости, а не для печали сотворена была Земля.*^{cccxxxvii}

Такова Тайна. Она повсюду, в сердце мира; это «кладезь меда, сокрытый скалой», «детский смех Бесконечного», коим мы являемся, это светлое Будущее, давящее на наше прошлое. Эволюция не закончилась, это не нелепый круговорот, не падение, не ярмарка тщеславия, а

Путешествие сознания и радости.^{cccxxxviii}

Пондишери,
14 апреля 1963 г.

-
- ¹ Sri Aurobindo. "Thoughts and Glimpses".
 - ² Sri Aurobindo. "The Hour of God".
 - ³ Sri Aurobindo. "The Human Cycle".
 - ⁴ Sri Aurobindo. "On Himself".
 - ⁵ Sri Aurobindo. "On Himself".
 - ⁶ Purani. "Life of Sri Aurobindo".
 - ⁷ Sri Aurobindo. "The Human Cycle".
 - ⁸ Sri Aurobindo. "Letters II".
 - ⁹ Purani. "Life of Sri Aurobindo".
 - ¹⁰ New Lamps for old.
 - ¹¹ Sri Aurobindo. "Thoughts and Aphorisms".
 - ¹² Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
 - ¹³ Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
 - ¹⁴ Sri Aurobindo. "The Problem of Rebirth".
 - ¹⁵ Sri Aurobindo. "Savitri".
 - ¹⁶ Sri Aurobindo. "Thoughts and Aphorisms".
 - ¹⁷ Monod-Herzen
 - ¹⁸ New Lamps for Old
 - ¹⁹ Purani. "Evening Talks with Sri Aurobindo".
 - ²⁰ Purani. "Life of Sri Aurobindo."
 - ²¹ Sri Aurobindo. "On Himself".
 - ²² Speeches.
 - ²³ Life, Literature and Yoga.
 - ²⁴ Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
 - ²⁵ Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
 - ²⁶ Sri Aurobindo. "On Himself".
 - ²⁷ D.K.Roy
 - ²⁸ Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
 - ²⁹ Sri Aurobindo. "Letters II".

-
- ³⁰ Sri Aurobindo. "Letters I".
³¹ Sri Aurobindo. "Letters II".
³² Sri Aurobindo. "Letters II".
³³ Sri Aurobindo. "The Hour of God".
³⁴ Sri Aurobindo. "On Himself".
³⁵ Sri Aurobindo. "Letters I".
³⁶ Sri Aurobindo. "Letters I".
³⁷ Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
³⁸ Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
³⁹ Sri Aurobindo. "Letters I".
⁴⁰ Sri Aurobindo. "Letters I".
⁴¹ Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
⁴² Nirodbaran, II
⁴³ Sri Aurobindo. "Savitri".
⁴⁴ Sri Aurobindo. "Letters II".
⁴⁵ Nirodbaran, II
⁴⁶ D.K.Roy
⁴⁷ Sri Aurobindo. "The Life Divine".
⁴⁸ Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
⁴⁹ Sri Aurobindo. "Letters II".
⁵⁰ Sri Aurobindo. "Letters II".
⁵¹ Sri Aurobindo. "Letters II".
⁵² Sri Aurobindo. "The Life Divine".
⁵³ Sri Aurobindo. "Letters I".
⁵⁴ Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
⁵⁵ Nirodbaran, II
⁵⁶ Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
⁵⁷ Sri Aurobindo. "The Riddle of this World".
⁵⁸ Sri Aurobindo. "Thoughts and Aphorisms".
⁵⁹ Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
⁶⁰ Sri Aurobindo. "Letters I".
⁶¹ Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
⁶² Nirodbaran, II
⁶³ Sri Aurobindo. "On Himself".
⁶⁴ Sri Aurobindo. "Letters II".
⁶⁵ Sri Aurobindo. "Letters I".
⁶⁶ Sri Aurobindo. "Letters II".
⁶⁷ Sri Aurobindo. "Essays on the Gita".
⁶⁸ Sri Aurobindo. "Thoughts and Aphorisms".
⁶⁹ Sri Aurobindo. "Savitri".
⁷⁰ Sri Aurobindo. "Thoughts and Aphorisms".
⁷¹ Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
⁷² Sri Aurobindo. "The Problem of Rebirth".
⁷³ Sri Aurobindo. "The Problem of Rebirth".
⁷⁴ Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
⁷⁵ Sri Aurobindo. "The Life Divine".
⁷⁶ Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
⁷⁷ Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
⁷⁸ Sri Aurobindo. "The Life Divine".
⁷⁹ Sri Aurobindo. "Letters II".
⁸⁰ Sri Aurobindo. "Savitri".
⁸¹ Sri Aurobindo. "Thoughts and Aphorisms".
⁸² Sri Aurobindo. "Savitri".
⁸³ Sri Aurobindo. "Savitri".
⁸⁴ Sri Aurobindo. "The Hyman Cycle".
⁸⁵ Sri Aurobindo. "On Himself".
⁸⁶ Sri Aurobindo. "On Himself".
⁸⁷ Sri Aurobindo. "Essays on Gita".
⁸⁸ Sri Aurobindo. "The Ideal of Human Unity".
⁸⁹ Sri Aurobindo. "Letters I".
⁹⁰ Sri Aurobindo. "Letters I".
⁹¹ Sri Aurobindo. "Savitri".

-
- ⁹² Sri Aurobindo. "On Himself".
⁹³ Sri Aurobindo. "On Himself".
⁹⁴ Sri Aurobindo. "On Himself".
⁹⁵ Sri Aurobindo. "Savitri".
⁹⁶ Sri Aurobindo. "On Himself".
⁹⁷ Sri Aurobindo. "Letters I".
⁹⁸ Sri Aurobindo. "Letters I".
⁹⁹ Sri Aurobindo. "On Himself".
¹⁰⁰ Purani. "Life of Sri Aurobindo".
¹⁰¹ Sri Aurobindo. "On Himself".
¹⁰² Sri Aurobindo. "Speeches".
¹⁰³ Sri Aurobindo. "Speeches".
¹⁰⁴ Sri Aurobindo. "Speeches".
¹⁰⁵ Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
¹⁰⁶ Sri Aurobindo. "Speeches".
¹⁰⁷ Sri Aurobindo. "Speeches".
¹⁰⁸ Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
¹⁰⁹ Sri Aurobindo. "Essays on the Gita".
¹¹⁰ Sri Aurobindo. "The Life Divine".
¹¹¹ Sri Aurobindo. "Savitri".
¹¹² Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
¹¹³ Sri Aurobindo. "Savitri".
¹¹⁴ Sri Aurobindo. "Savitri".
¹¹⁵ Sri Aurobindo. "Collected Poems I".
¹¹⁶ Sri Aurobindo. "The Life Divine".
¹¹⁷ Sri Aurobindo. "The Problem of Rebirth".
¹¹⁸ Sri Aurobindo. "The Life Divine".
¹¹⁹ Sri Aurobindo. "Savitri".
¹²⁰ Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
¹²¹ Sri Aurobindo. "Superman".
¹²² Sri Aurobindo. "Letters I".
¹²³ Sri Aurobindo. "Evening Talks".
¹²⁴ Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
¹²⁵ Sri Aurobindo. "Savitri".
¹²⁶ Sri Aurobindo. "The Hour of God".
¹²⁷ Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
¹²⁸ Sri Aurobindo. "Savitri".
¹²⁹ Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
¹³⁰ Sri Aurobindo. "Savitri".
¹³¹ Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
¹³² Sri Aurobindo. "The Life Divine".
¹³³ Sri Aurobindo. "Essays on Gita".
¹³⁴ Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
¹³⁵ Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
¹³⁶ Sri Aurobindo. "Letters II".
¹³⁷ Sri Aurobindo. "Thoughts and Aphorisms".
¹³⁸ Sri Aurobindo. "Savitri".
¹³⁹ Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
¹⁴⁰ Sri Aurobindo. "Savitri".
¹⁴¹ Sri Aurobindo. "Letters II".
¹⁴² Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
¹⁴³ Sri Aurobindo. "Letters I".
¹⁴⁴ Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
¹⁴⁵ Nirodbaran, II.
¹⁴⁶ Sri Aurobindo. "Letters I".
¹⁴⁷ Sri Aurobindo. "Letters II".
¹⁴⁸ Sri Aurobindo. "Savitri".
¹⁴⁹ Sri Aurobindo. "Savitri".
¹⁵⁰ Sri Aurobindo. "The Human Cycle".
¹⁵¹ Sri Aurobindo. "The Hour of God".
¹⁵² Sri Aurobindo. "Letters on Poetry".
¹⁵³ Sri Aurobindo. "Letters on Poetry".

-
- 154 D.K.Roy "Sri Aurobindo Came to Me"
155 Sri Aurobindo. "Savitri".
156 Sri Aurobindo. "The Life Divine".
157 Sri Aurobindo. "Letters I".
158 Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
159 Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
160 Sri Aurobindo. "Letters II".
161 Sri Aurobindo. "Letters II".
162 Sri Aurobindo. "Poems Past and Present".
163 Sri Aurobindo. "The Human Cycle".
164 Sri Aurobindo. "The Future Poetry".
165 Sri Aurobindo. "The Future Poetry".
166 Sri Aurobindo. "Letters on Poetry".
167 Sri Aurobindo. "Savitri".
168 Sri Aurobindo. "Speeches".
169 Purani. "Evening Talks".
170 Sri Aurobindo. "The Human Cycle".
171 Sri Aurobindo. "The Human Cycle".
172 Sri Aurobindo. "The Life Divine".
173 Sri Aurobindo. "Letters II".
174 Sri Aurobindo. "Letters on Poetry".
175 Sri Aurobindo. "The Life Divine".
176 Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
177 Sri Aurobindo. "The Life Divine".
178 Purani. "Life of Sri Aurobindo".
179 Purani. "Life of Sri Aurobindo".
180 Sri Aurobindo. "Savitri".
181 Sri Aurobindo. "Savitri".
182 Sri Aurobindo. "Letters II".
183 Sri Aurobindo. "Letters II".
184 Sri Aurobindo. "Letters II".
185 Sri Aurobindo. "Savitri".
186 Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
187 Sri Aurobindo. "Savitri".
188 Sri Aurobindo. "Letters II".
189 Sri Aurobindo. "Letters II".
190 Sri Aurobindo. "Thoughts and Aphorisms".
191 Sri Aurobindo. "The Life Divine".
192 Sri Aurobindo. "The Life Divine".
193 Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
194 Sri Aurobindo. "The Human Cycle".
195 Sri Aurobindo. "Savitri".
196 Sri Aurobindo. "Savitri".
197 Mother India, March 1962
198 Sri Aurobindo. "Savitri".
199 Sri Aurobindo. "On Himself".
200 Sri Aurobindo. "Savitri".
201 Sri Aurobindo. "Poems Past & Present".
202 Sri Aurobindo. "Savitri".
203 Sri Aurobindo. "Last Poems".
204 Sri Aurobindo. "Savitri".
205 Sri Aurobindo. "Savitri".
206 Sri Aurobindo. "Savitri".
207 Sri Aurobindo. "Savitri".
208 Sri Aurobindo. "Letters I".
209 Sri Aurobindo. "Letters II".
210 Sri Aurobindo. "On Himself".
211 Sri Aurobindo. "Savitri".
212 Sri Aurobindo. "Savitri".
213 Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
214 Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
215 Sri Aurobindo. "Thoughts and Aphorisms".

-
- 216 Sri Aurobindo. "The Life Divine".
217 Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
218 Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
219 Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
220 Sri Aurobindo. "Savitri".
221 Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
222 Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
223 Sri Aurobindo. "Savitri".
224 Sri Aurobindo. "Savitri".
225 Sri Aurobindo. "Savitri".
226 Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
227 Sri Aurobindo. "Savitri".
228 Sri Aurobindo. "Life, Literature and Yoga".
229 Purani. "Evening Talks".
230 Sri Aurobindo. "Savitri".
231 Sri Aurobindo. "The Life Divine".
232 Sri Aurobindo. "Savitri".
233 Sri Aurobindo. "Letters on Poetry".
234 Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
235 Sri Aurobindo. "Thoughts and Aphorisms".
236 Sri Aurobindo. "The Hour of God".
237 Sri Aurobindo. "Savitri".
238 Sri Aurobindo. "On Himself".
239 Sri Aurobindo. "The Ideal of Karmayogin".
240 Sri Aurobindo. "On Himself".
241 Sri Aurobindo. "Letters I".
242 Sri Aurobindo. "On the Veda".
243 Sri Aurobindo. "On the Veda".
244 Sri Aurobindo. "On the Veda".
245 Sri Aurobindo. "Letters I".
246 Sri Aurobindo. "On Himself".
247 Sri Aurobindo. "Savitri".
248 D.K.Roy
249 Sri Aurobindo. "On Himself".
250 Nirodbaran II.
251 Nirodbaran I.
252 Sri Aurobindo. "Letters on Poetry".
253 Nirodbaran I.
254 Sri Aurobindo. "The Hour of God".
255 Sri Aurobindo. "Savitri".
256 Anilbarn's Diary (не издано).
257 Sri Aurobindo. "On Himself".
258 Sri Aurobindo. "The Life Divine".
259 Sri Aurobindo. "Savitri".
260 Sri Aurobindo. "Thoughts and Glimpses".
261 Sri Aurobindo. "The Hour of God".
262 Sri Aurobindo. "The Hour of God".
263 Sri Aurobindo. "The Life Divine".
264 Sri Aurobindo. "The Life Divine".
265 Sri Aurobindo. "The Hour of God".
266 Sri Aurobindo. "The Life Divine".
267 Sri Aurobindo. "The Life Divine".
268 Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
269 Sri Aurobindo. "Savitri".
270 Sri Aurobindo. "The Life Divine".
271 Sri Aurobindo. "The Problem of Rebirth".
272 Sri Aurobindo. "The Hyman Cycle".
273 Sri Aurobindo. "The Hyman Cycle".
274 Sri Aurobindo. "The Hour of God".
275 Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
276 Sri Aurobindo. "Savitri".
277 Sri Aurobindo. "The Hour of God".

-
- 278 Sri Aurobindo. "The Life Divine".
279 Sri Aurobindo. "Thoughts and Glimpses".
280 Sri Aurobindo. "Thoughts and Aphorisms".
281 Sri Aurobindo. "Thoughts and Glimpses".
282 Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
283 Sri Aurobindo. "The Life Divine".
284 Sri Aurobindo. "The Human Cycle".
285 Sri Aurobindo. "The Hour of God".
286 Sri Aurobindo. "The Supramental Manifestation".
287 Sri Aurobindo. "The Supramental Manifestation".
288 Sri Aurobindo. "The Supramental Manifestation".
289 Sri Aurobindo. "Savitri".
290 Nirodbaran "Correspondence with Sri Aurobindo", I
291 Sri Aurobindo. "The Life Divine".
292 Aurobindo. "The Life Divine".
293 Sri Aurobindo. "On Himself".
294 Purani. "Life of Sri Aurobindo."
295 Purani. "Life of Sri Aurobindo."
296 Sri Aurobindo. "On Himself".
297 Sri Aurobindo. "Savitri".
298 Sri Aurobindo. "Thoughts and Aphorisms".
299 Purani. "Life of Sri Aurobindo."
300 Nirodbaran "Correspondence with Sri Aurobindo", I
301 Sri Aurobindo. "Savitri".
302 Purani. "Evening Talks with Sri Aurobindo."
303 Purani. "Evening Talks with Sri Aurobindo."
304 Sri Aurobindo. "Letters II".
305 France-Asie, avril 1953
306 Sri Aurobindo. "Letters II".
307 Sri Aurobindo. "Savitri".
308 Sri Aurobindo. "Letters I".
309 Sri Aurobindo. "Poems Past and Present".
310 Sri Aurobindo. "Savitri".
311 Sri Aurobindo. "Savitri".
312 D.K.Roy "Sri Aurobindo Came to Me".
313 Sri Aurobindo. "On Himself".
314 Sri Aurobindo. "Savitri".
315 Sri Aurobindo. "The Ideal of Human Unity".
316 D.K.Roy "Sri Aurobindo Came to Me".
317 Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
318 Sri Aurobindo. "Letters I".
319 Sri Aurobindo. "The Ideal of Human Unity".
320 Sri Aurobindo. "Letters I".
321 Nirodbaran "Correspondence with Sri Aurobindo", I
322 Purani. "Life of Sri Aurobindo".
323 Sri Aurobindo. "On Himself".
324 Sri Aurobindo. "The Synthesis of Yoga".
325 Sri Aurobindo. "On Himself".
326 Sri Aurobindo. "On Himself".
327 Sri Aurobindo. "The Life Divine".
328 Sri Aurobindo. "The Human Cycle".
329 Sri Aurobindo. "Savitri".
330 Sri Aurobindo. "Savitri".
331 Sri Aurobindo. "Collected Poems I".
332 Sri Aurobindo. "The Hour of God".
333 Sri Aurobindo. "The Hour of God".
cccxxxiv Sri Aurobindo. "The Human Cycle".
cccxxxv Sri Aurobindo. "Thoughts and Aphorisms".
cccxxxvi Sri Aurobindo. "The Human Cycle".
cccxxxvii Sri Aurobindo. "Savitri".
cccxxxviii Sri Aurobindo. "Savitri".